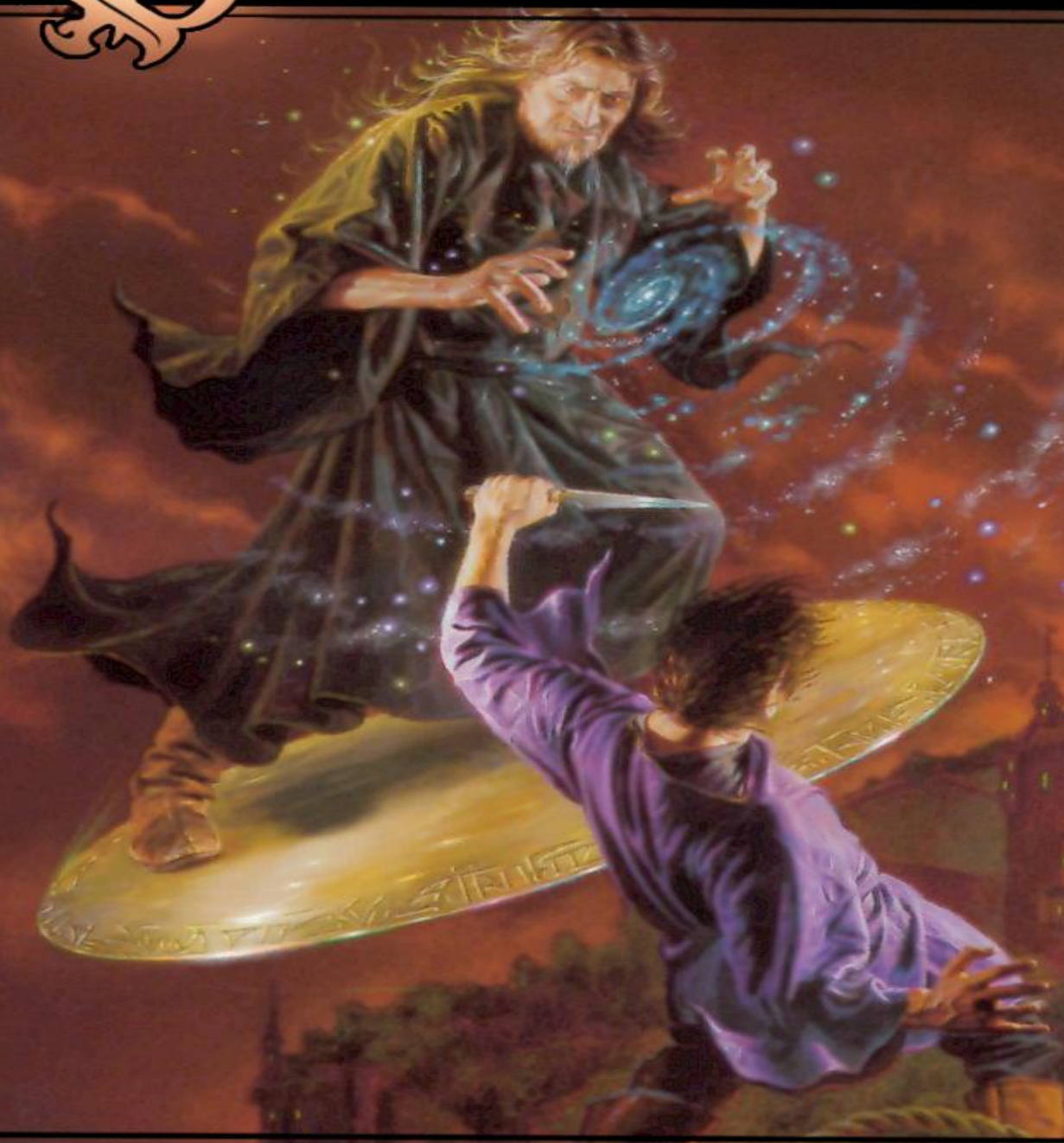

FORGOTTEN REALMS

ЫЗОВ

Возвращение Архимагов • Книга 1

ТРОЙ ДЕННИНГ

Соавтор романа «Смерть дракона»

Table of Contents

[ТРОЙ ДЕННИНГ «ВЫЗОВ»](#)

[ГЛАВА 1](#)

[ГЛАВА 2](#)

[ГЛАВА 3](#)

[ГЛАВА 4](#)

[ГЛАВА 5](#)

[ГЛАВА 6](#)

[ГЛАВА 7](#)

[ГЛАВА 8](#)

[ГЛАВА 9](#)

[ГЛАВА 10](#)

[ГЛАВА 11](#)

[ГЛАВА 12](#)

[ГЛАВА 13](#)

[ГЛАВА 14](#)

[ГЛАВА 15](#)

[ГЛАВА 16](#)

[ГЛАВА 17](#)

[ГЛАВА 18](#)

[ГЛАВА 19](#)

[ГЛАВА 20](#)

[ГЛАВА 21](#)

[ГЛАВА 22](#)

[ГЛАВА 23](#)

[О ПЕРЕВОДЕ](#)

Annotation

Летающий город шейдов пережил крах могучей Нетерезской Империи. Город и правящие им архимаг веками скрывались на Плате Тени. Но они решили вернуться на Фазрун, начав вторжение, грозящее навсегда изменить Забытые Королевства.

- [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)
 - [О ПЕРЕВОДЕ](#)
-

ТРОЙ ДЕННИНГ «ВЫЗОВ»

ГЛАВА 1

20-е Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Как и любой погребальный склеп, в котором приходилось бывать Галаэруну Нихмеду, этот насквозь провонял запахами тех, кто его вскрыл. Воздух пропитался вонью сёдел и костров, едким запахом пота и кислым человеческим дыханием. А вот крови Галаэрон не учуял, и это характеризовало вскрывших гробницу, как грабителей куда более умелых, чем многие другие. Обычно при раскопках прохода из-за ловушек и охранных чар умирали по меньшей мере трое.

Когда Галаэрон вместе со своим отрядом двинулся вглубь гробницы, его темнотрение раскрасило стены тоннеля холодными оттенками синего. На плоских

камнях были вырезаны древнеэльфийские символы, подробно описывающие жизнь и подвиги тех, кто был погребён внутри. Подобно любому другому тоннелю в гробницу, этот был низким и узким – его высоты едва хватало, чтобы стоять в полный рост, а пространство между стенами было тесным даже для узких эльфийских плеч. Галаэрон не мог и представить, как куда более крупные люди в этой тесноте смогли расчистить коридор – и, тем не менее, они ловко накрыли опасные ямы грубыми досками, а смертоносные капканы в потолке подпёрли дубовыми шестами.

Галаэрон прошёл по тоннелю в гробницу. К его удивлению, в помещении оказалось темно и пусто, несмотря на тот факт, что снаружи пара эльфов сторожила двадцать косматых лошадей и троих караульных с красными от выпивки лицами. Но сомнений в том, что люди проникли в склеп, быть не могло. Бронзовый щит, когда-то служивший дверью, был почти полностью расплавлен – грубый, но эффективный способ пройти, указывающий на использование магии.

Он осторожно вошёл в гробницу. Семь покойных эльфов лежали в своих древних гробах потревоженные, их плоть и волосы прекрасно сохранились благодаря магическим заговорам гробницы – теперь уничтоженным из-за вторжения. Под толстым слоем пыли нетронутыми лежали их украшенные драгоценностями доспехи и оружие, отделанные золотом. По янтарно-жёлтому оттенку кожи и замысловатым узорам на бронзовых доспехах Галаэрон понял, что покоящиеся здесь принадлежали к аривандаарской аристократии, верховным лордам воинственного клана Вишаан, который начал первую Войну Короны, ввергнув всю расу эльфов в трёх тысячелетнюю кровавую бойню. И хотя Нихмеду не желал им ни капли покоя в их вечном сне, он всё-таки должен был предать суду мародёров, вломившихся в склеп. Будучи хранителем гробниц, он принёс клятву защищать все эльфийские захоронения.

В дальнем углу гробницы Галаэрон обнаружил верёвку, спускавшуюся в недавно проделанную дыру. Шахту вырыли при помощи той же магии, что уничтожила бронзовую дверь – вокруг не осталось ни камней, ни земли. Гадая, что же могло быть для жадных людей дороже, чем бесценные доспехи и зачарованное оружие правителей Вишаана, Нихмеду приказал отряду спускаться по верёвке.

Через тридцать футов шахта вывела в лабиринт широких прямоугольных тоннелей дварфской работы. Судя по виду, эти коридоры были древними ещё тогда, когда Эвереска была молода. Повсюду лежала пыль: на стенах её слой был в два пальца толщиной, а на полу достигал фута. Человеческие следы в пыли, напоминавшие отпечатки на снегу, вели на восток.

Галаэрон послал вперёд двух разведчиков, а затем, когда исчез последний лучик света снаружи, вытащил из кармана щепотку звёздной пыли и бросил её в коридор перед собой. И хотя фосфоресцирующий порошок сиял слишком тускло, чтобы его заметили люди, для чувствительных эльфийских глаз света было вполне достаточно. Вспомнив, как аккуратно преследуемые расправились с ловушками в гробнице, Галаэрон приказал троим эльфам, сторожившим тыл, идти следом. Сгибаясь почти вдвое под низкими сводами дварфских тоннелей, патруль двинулся в темноту. Нихмеду оставил свой меч в ножнах и занял привычное четвёртое место от идущего во главе. Несмотря на то, что все хранители гробниц умели сражаться и

мечом, и магией, обычно в отряде главным заклинателем был он. Во многом потому, что чаще всего расхитители гробниц сперва нападали на чародеев, и Галаэрон предпочитал брать такую опасность на себя.

Они прошли около тысячи футов на восток по огибавшему древние провалы следу людей. На сводах стали появляться узкие прослойки песка, подсказывая опытному взору Галаэрона, что они идут под самым Анорохом. Вскоре по тоннелям эхом пронёсся отдалённый грохот падающих камней, и с докладом вернулась лучшая разведчица отряда.

- Стоит остерегаться этих пауков. Похоже, они ядовитые, - доложила на языке жестов Такари Лунноснежная, стройная лесная эльфийка с детской улыбкой и карими глазами, рассекая почти непроглядную тьму своими тонкими руками. – Да и у их зверька есть коготки.

- Зверька? - пальцы Галаэрона сплели перед ней целый узор из взмахов. – Какого зверька?

Такари застенчиво улыбнулась.

- Тебе лучше взглянуть самому.

Она развернулась и двинулась по проходу, оставив Галаэрона почти в том же неведении, что и раньше. Он пошёл следом, лишь покачав головой – если он хочет иметь среди своих разведчиков лесного эльфа, придётся терпеть выходки Такари.

Второй разведчик, лунный эльф Арагат, лежал у внутренней стены плавно изгибающегося коридора. Силуэт его головы выделялся на фоне мерцающего голубого сияния, заполнявшего простирающийся впереди тоннель. Грохот камней стал громче, послышалась ругань людей. Галаэрон опустился на живот и подполз к Арагату. После ходьбы в полусогнутом положении вытянуться на земле было приятно, даже если для этого приходилось дышать сквозь пальцы, чтобы не чихнуть от пыли.

Галаэрон осторожно выглянул за угол и едва сдержал удивлённый возглас. Менее чем в десяти шагах от него парил кожистый шар серо-зелёной плоти диаметром почти три фута, напоминавший голову. Из центра лицевой стороны шара выступал огромный глаз, а под ним зиял большой рот с острыми зубами. Сверху росли десять щупалец, каждое из которых оканчивалось напоминающим луковицу глазом. Девять из них сковывал небольшой кусок дерева так, что глаза могли видеть только макушку устрашающей головы. Десятое щупальце извивалось взад-вперёд, испуская яркий голубой луч на участок стены в четыре фута шириной. Там, куда падал свет, слой камня в шесть дюймов толщиной выгорал, превращаясь в жёлтый дым.

Галаэрон сглотнул, не в силах поверить увиденному. Это был глаз-тиран, одна из самых редких и устрашающих тварей Подземья. Нихмеду ни разу не сражался с таким чудовищем, но он видел трофейную особь в Академии Магии Эверески. Согласно рассказам, тот монстр захватил склеп короля Сайлерона в холмах Серого Покрова, а потом сожрал два отряда охранников гробницы, пока его, наконец, не убил великий Киньон Колбатин.

Галаэрон был так поражён, что почти не обращал внимания на спутников монстра – до тех пор, пока участок пещеры не обвалился и несколько человек, согнувшись, не начали разбирать завал. Они все были коренастыми и

широкоплечими, их ноги по толщине могли сравниться с талией эльфа, а чёрные космы волос достигали плеч. Высокие ботинки и чешуйчатые доспехи были отделаны чёрным соболиным мехом, а массивные талии людей опоясывали ремни, сработанные из чешуи белого дракона.

Пока мародёры работали, голубой луч глаз-тирана опустился, прорезав полосу дымящейся пустоты всего в нескольких дюймах над ними. Люди бросились наземь, что-то выкрикнув на грубом и резком языке, затем сбоку от монстра возник чей-то небольшой кулак, сжавший скованный деревом стебельчатый глаз чудовища. И хотя рука была безволосой и гладкой, силы ей, похоже, было не занимать – потянула она так, что Галаэруну показалось, будто щупальце сейчас оторвётся.

- Шатевар! – раздался голос.

В проёме между бехолдером и сводами пещеры показалось женское лицо. Черты лица по эльфийским меркам были грубоваты, и всё же женщина была удивительно красива со своими медовыми волосами и голубыми, как турмалин, глазами.

Появилась и вторая рука, прижавшая кинжал к схваченному главному щупальцу, а потом женщина произнесла на общем языке:

- Выкинешь подобное ещё раз, и я из тебя циклопа сделаю.

- Пускай твои уроды не мельтешат передо мной, - ответил глаз-тиран низким булькающим голосом. - Я устал их лицезреть.

- Усталость или смерть, выбирай.

Пока они спорили, Галаэрон попытался сосчитать людей. Двое мужчин стояли за глаз-тираном и держали блестящие чёрные мечи. Их оружие казалось сделанным из обсидиана, если не обращать внимания на тот факт, что оно было безупречной формы, с очень гладким тёмным лезвием без ожидаемых зазубрин. Ещё четверо, положив ножны себе на колени, расположились вдоль ближайшей стены. Судя по блестящим рукояткам, эти мечи тоже были из чёрного стекла. Сколько людей находилось перед глаз-тираном, было невозможно оценить из-за свечения его разрушительного луча, ослеплявшего Галаэрона. И всё же эльф решил, что банда мародёров не намного больше его отряда - снаружи они оставили всего двадцать лошадей.

Галаэрон отполз дальше за угол и стал отдавать приказы на языке жестов. Пытаться захватить человека, способного подчинить себе глаз-тиран – то ещё удовольствие, но особого выбора не было. Слухи о столь необычном столкновении наверняка разойдутся по Эвереске, а любая отсрочка, предоставленная людям, плохо отразится на репутации отряда. Лично Галаэрона это не особенно волновало, ведь он и так получил свой пост на границе с Пустыней в первую очередь из-за репутации оппозиционера, но среди его эльфов были и те, кто всё ещё надеялся сделать себе имя в Страже Гробниц.

Когда его воины были готовы, Галаэрон с помощью заклятия сделал себя и четверых товарищей невидимыми. Зная, что остальной отряд следует за ним, Нихмеду шагнул за угол. Зачарованные сапоги гасили все звуки, пока он крался вдоль противоположной от скрючившихся людей стены.

К сожалению, даже магия и эльфийская обувь не могли спасти от вздымавшейся на каждом шагу пыли. Стоявший в двух футах от глаз-тирана человек указал на облако у ног Галаэрона и что-то произнёс на своём грубом языке. Когда воин стал

вставать, в тоннеле раздался звук спускаемой тетивы. Из ниоткуда вылетели четыре белых стрелы и вонзились в незащищённые бедра людей, войдя в плоть всего лишь на толщину мизинца. Захваченные врасплох грабители могил вскочили, врезавшись в нависший свод, и в тот же миг их веки сомкнулись, а сами они свалились лицом в пыль.

Такари с тремя эльфами, снова ставшими видимыми из-за своих выстрелов, бросилась вперёд, сменив луки на мечи, задержавшись только чтобы повернуть головы спящим воинам – иначе те могли задохнуться от толстого слоя пыли. За ними в тоннеле появились ещё полдюжины эльфов-лучников, трое из которых опустили на колено, а ещё трое остались стоять, сгорбившись позади товарищей.

- Эльфы! – прошипела женщина, до сих пор единственная представительница женского пола, замеченная Галаэроном в банде.

По обе стороны её широких плеч из темноты возникли три нацеленные стрелы. Женщина бросила взгляд на Такари поверх глаз-тирана.

- Надеюсь, мои люди живы.

- Они всего лишь спят, как и караульные, оставленные вами снаружи, - сказал Галаэрон.

Пытаясь не позволить очевидному спокойствию женщины вызвать у него чувство тревоги, он развеял заклятие невидимости и знаком приказал Такари и трём эльфам возле неё ждать у противоположной стены. Потом Нихмеду указал на спящих людей:

- Теперь они наши пленники, как, впрочем, и вы, так что сложите оружие и соизвольте объяснить...

- Нет.

То, что она его перебила, удивило Галаэрона.

- Что?

- Я сказала, нет, - женщина развернула к нему глаз-тиран. - Мы не станем сдаваться, и мы не обязаны ничего вам объяснять.

- Вы вломились в гробницу, - сказал эльф. - В этих краях такой поступок обязывает вас объяснять многое. Сдавайтесь, или умрёшь первой.

Женщина просто посмотрела мимо лучников Галаэрона и позвала:

- Стерад?

- Здесь.

В тоннеле позади эльфийского отряда раздались три глухих удара. Галаэрон оглянулся и с облегчением увидел, что его лучники на месте. Несколько противоположные эмоции вызывало то, что за ними стояли два крепких воина, нависающих над бессознательными телами стражников, которым Галаэрон велел прикрывать тыл.

- Ваши из арьергарда проснутся с парой шишек, - сказала женщина. - Но от головной боли они будут страдать не больше, чем мои люди от ран на ногах.

Пока она говорила, передний ряд эльфов-лучников развернулся, целясь в новоприбывших. Эльфы во втором ряду не обращали внимания на угрозу за спиной и продолжали целиться в женщину. Даже если та и обратила внимание, её, похоже, это не взволновало. Женщина сказала что-то на своём языке тем двум, что притажили оглушённых стражей из отряда Галаэрона, и мужчины подняли свои

чёрные мечи к груди. И хотя этот жест не выглядел угрожающим, эльф заметил, что из такого положения им будет удобно рубануть его лучникам по шеем.

Женщина снова посмотрела на Галаэрона.

- Эльф, ты даже не представляешь, с чем столкнулся, но знай – я не хочу причинять вреда ни тебе, ни твоим сподвижникам. Поэтому уходите, пока я не передумала.

- Не слушайте её, господин, - сказал Луэнгрис, один из лучников в заднем ряду, единственный в отряде золотой эльф. - Пускай перережут мне глотку, с прицела я всё равно не сойбьюсь.

- Спасибо, Луэнгрис, но до этого не дойдет, - сказал Галаэрон, скрывая собственное раздражение. Луэнгрису было всего сто десять лет, он был самым молодым эльфом в отряде, и пока он всё ещё был достаточно неразумен, чтобы делать подобные заявления, из-за которых противники всегда оставались начеку. Позволив угольку из рукава скользнуть в ладонь, Нихмеду посмотрел на женщину.

- Возможно, ненамеренно, но вы причинили вред,ломав печать гробницы. А теперь пойдёте, а не то *эрлах анэхвай гтфрумр*.

Плавнo перейдя к словам заклинания, эльф раздавил уголёк и выставил руку перед собой. Из огромного ока глаз-тирана веером выстрелило розовое сияние, ослепляя Галаэрона бледным светом. Даже сквозь красные пятна, застилающие взор, эльф видел, что в тоннеле было так же светло, как и раньше.

Женщина поднесла кинжал к центральному глазу монстра.

- А с бехолдерами вы, видимо, раньше не встречались, а? Когда Шатевар рядом, магия практически бесполезна.

- Я знаю, какими силами обладает глаз-тиран, - Галаэрон опустил взор, чтобы обратиться к существу напрямую. - Но я никогда не слышал, что они могут быть верными рабами. Тебе, Шатевар, мы не враги.

Зубастая челюсть Шатевара скривилась в намёке на ухмылку.

- К несчастью, чёрные мечи у моей спины сжимают не твои воины. Если это изменится, будь уверен, я стану служить тебе столь же верно, как служу Вале.

- Вале? – повторил Галаэрон, гадая, зачем глаз-тиран произнёс её имя. Приворотные заклятья использовать намного проще, если знаешь имя цели, к тому же для их использования не требовалось применять столь неудобных действий, как бросание в кого-нибудь угольного порошка.

- Что это за имя – «Вала»? *Мешим дэри...*

- Довольно! – крикнула женщина и уколола глаз-тиран кинжалом, выдавив каплю коричневатой крови.

Центральный глаз Шатевара распахнулся, и розовая вспышка снова осветила коридор, не позволив заклятию Галаэрона слететь с губ.

- Если ты ещё раз выкинешь нечто подобное, эльф, прольётся кровь, - удерживая чудовище так, чтобы его глаз смотрел на Галаэрона, Вала освободила ещё один глазной отросток от оков и направила его в сторону дыры в стене размером с кулак, которую создание прожгло случайно. - У тебя целых одиннадцать глаз, так что принимайся за работу.

- Как прикажешь, госпожа.

И глаз-тиран снова стал водить синим лучом по стене, открывая взору необычную мерцающую завесу в глубине проделанной им дыры. Довольный полученной передышкой, Галаэрон опустил руку и отдал два приказа на языке жестов, главным из которых был приказ ждать. Немного терпения – и, возможно, ему удастся понять, что здесь делают эти люди, и, что важнее, не допустить убийства.

Глаз-тиран продолжал плавить каменную преграду, прожигая нечто, всё больше и больше напоминающее тоннель. Сияющая завеса расширялась вместе с этим тоннелем, и хотя казалось, что она представляет собой нечто большее, чем просто пелену серебристого света, луч Шатевара прошёл сквозь неё без всякого сопротивления, продолжая прожигать тоннель по другую сторону. Несмотря на это, периодически сыпавшиеся со свода камешки от мерцающей преграды отскакивали, попадая к ним в пещеру. Учитывая их местоположение, Галаэрон задумался, уж не легендарная ли это Стена Шарнов, древний магический барьер, который, по слухам, был погребён где-то под Анорохом. И если это в самом деле было так, то Нихмеду и представить себе не мог, что именно нужно было людям по ту сторону барьера. Несколько бывалых стражей гробниц, которые рассказывали о Стене, утверждали, что за ней – настоящий ад, сравниться с которым могут разве что рабские ямы Карцери.

Вала настороженно посматривала на Галаэрона, пока Шатевар работал, а отряд стражей гробниц всё ещё ждал сигнала, когда в месте попадания луча осталась лишь чёрная пустота.

- Мы пробились, - доложил человек.

Вала отвела взгляд, и Галаэрон понял, что лучшей возможности у него не будет. Он согнул указательный палец, давая сигнал к атаке, и в тот же миг три белых стрелы пронзили воздух. Эльф уже прыгнул, когда они достигли цели: две попали в Шатевара, чуть выше его центрального глаза, а одна – Вале в щёку. И хотя стрелы вонзились всего на сустав пальца, жертвы всё равно закричали.

Галаэрон, к своему удивлению, не услышал, как стрелы ударяются о стену позади него, и ни один эльф не закричал от боли. Перекатившись, он увидел, как Луэнгрис упал от удара блестящей рукояти человеческого меча, и заметил ещё двоих лучников, лежавших в пыли без сознания, но и без кровоточащих ран. Затем Такари с товарищами пробежала мимо Нихмеду, вздымая клубы пыли и читая заклятие сна.

Вскочив на ноги, Галаэрон оказался лицом к лицу с Шатеваром. Хотя веко его центрального глаза смыкалось, глаз-тиран ещё не окончательно поддался действию усыпляющих стрел и размахивал двумя свободными глазными отростками, готовый атаковать. Мимо Галаэрона сверкнул синий луч и проделал в груди Арагата шестидюймовое отверстие. Разведчик не закричал, он просто раскрыл рот и уставился на кровавое месиво, струившееся по его животу, а потом свалился в пыль.

Галаэрон уже поднимал руку, чтобы бросить в Шатевара заклятие, когда на чудовище сзади обрушился чёрный меч. Тёмное лезвие прошло сквозь кожистую голову, как нож сквозь масло, рубя напополам череп, жуткое содержимое которого выплеснулось на пол. Глаза Шатевара остекленели, затуманились, а потом разрушительный синий луч исчез, и тоннель погрузился во тьму.

- Ты глупец, - зарычал низкий голос.

Галаэрон поднял взгляд, пытаясь что-нибудь разглядеть. Серебристое свечение всё ещё сияло в проделанном Шатеваром проходе, но оно скорее *было* светом, чем *светило*. Когда вернулось его темнозрение, эльф увидел, что на него смотрит усатый человек, стоящий над сдувшимся телом глаз-тирана. Лицо человека выражало презрение, и было ясно, что в темноте он видит не хуже любого эльфа.

- Вы не...

Такари прервала мужчину, ударив его обухом клинка в челюсть. Тот отступил на несколько шагов, споткнулся о торчавшие из-под разрубленного черепа Шатевара ноги Валы и упал на спину. Такари поставила сапог ему на шею и оттолкнула меч второй ногой. Предосторожность была излишней, человек спал так же крепко, как и его командир.

- Не сломай ему шею, - Галаэрон поднялся. - Они не убивают, и мы не должны.

Такари бросила взгляд на тело Арагата, а потом сказала:

- Бехолдер принадлежал им.

Несмотря на горечь в голосе, она поспешила присоединиться к кипевшей в начале тоннеля схватке. Это был странный бой – сгорбившиеся силуэты с обеих сторон наносили удары рукоятями и обухами, от стен эхом отражались яростные крики сражавшихся, но никто не вопил от страха или горя. Галаэрону было не слишком приятно видеть, что его воины побеждают лишь благодаря магии и превосходству в численности, и, пожелай люди их убить, даже с таким преимуществом эльфы не смогли бы достичь победы. Полный решимости прекратить сражение прежде, чем кто-нибудь совершит ошибку и превратит бой в схватку на смерть, Нихмеду вызвал в памяти сонное заклинание.

- Эй, вы там, снаружи! Нельзя ли потише, болваны? – раздался неуловимый, зловещий и глубокий, как сам тоннель, голос. Галаэрон замер и посмотрел в проделанную Шатеваром дыру, но голос, казалось, раздавался со всех сторон.

- Вы привели дьяволов прямо ко мне!

Оставшиеся люди затихли и опустили мечи. Такари отправила одного в нокаут, а двое лунных эльфов скользнули вперёд, чтобы взять под контроль пленников и не позволить им возобновить драку. Галаэрон с помощью языка жестов разделил свой отряд на тех, кто будет помогать лежащим без сознания товарищам, и тех, кто будет связывать людей, но Такари он оставил при себе. Он не хотел, чтобы непредсказуемая лесная эльфийка вымещала скорбь об Арагате на пленниках.

Повернувшись к ближайшему из троих оставшихся на ногах людей, эльф спросил:

- Чей это был голос?

Пленники слепо переглядывались, не зная, кого из них спросил Галаэрон, и эльф понял, что в темноте они видят только когда держат в руках свои чёрные мечи. Он дотронулся до груди одного из них.

- Кому принадлежал этот голос? Что вы здесь делаете?

- Ничего, что могло бы навредить Эвереске, это...

Последние слова заглушил грохот магического взрыва, и пещера погрузилась во мрак. По тоннелю пронёсся рокот падающих камней; оглушённый Галаэрон едва слышал его, и к эльфу медленно стало возвращаться зрение, наполненное

паутиной тьмы и пятнами света. Он знаком велел стражам продолжать следить за пленными и повернулся к источнику взрыва.

В дыре размером с седло в дальней части проделанного Шатеваром прохода показались голова и плечи крепкого человека. За ширмой серебристого свечения он выглядел бледным и призрачным, несмотря на то, что, как догадывался Галаэрон, обладал смуглым лицом и чёрными как смоль волосами.

- Мелегонт? – позвал один из пленников. - Мелегонт Тантул?

Мужчина кивнул, просунул в проём мускулистую руку и приказал:

- Помогите мне!

Люди тут же шагнули вперёд, невзирая на связанные руки. Большая ошибка. Такари уложила одного ударом локтя в нос, а других рукоятями мечей вырубили охранники. К счастью для Мелегонта Тантула, вместо людей вперёд устремилось полдюжины эльфов. Они помедлили, проходя через серебристый барьер, затем схватили человека за руки и потянули. Тот подался вперёд ненамного, потом внезапно застрял и крикнул, чтобы они остановились.

Ошарашенные эльфы подчинились, и человек снова исчез в проёме. Раздался глухой удар, но крика не было.

Такари оглянулась на Галаэрона, ожидая приказа, как и эльфы за серебристым барьером.

Галаэрон нерешительно покачал головой и направился к проходу.

- Думаю, следует взглянуть, что...

Из дыры выскочило нечто искажённое, похожее на окружённую четырьмя руками пасть, и бешено закрутилось. Эльфы оказались пойманы между чешуйчатой головой и каменными стенами тоннеля. Один из них хотел закричать, но вместо крика у него изо рта вырвался поток пенящейся крови. Другая упала с раздавленным прямо на голове шлемом. Выжившие попытались выхватить оружие и отступить. Существо хлестнуло своими конечностями, схватив двоих за руки и горло, и выскользнуло из отверстия целиком.

Это было самое странное создание, которое когда-либо видел Галаэрон. Тело, формой напоминающее слизняка и сужавшееся от огромного рта к тонкому хвосту, покрывали шипы. Глаз и ушей не было, но о действиях своих противников существо знало достаточно, чтобы оттащить пойманных эльфов от тех, кто избежал его хватки. Когда же они бросились на помощь товарищам, в воздухе материализовался чёрный снаряд и ударил в одного из них. Вторая воительница упала, когда тварь швырнула в неё одного из пленных. Оба эльфа рухнули с переломанными шеями.

- Что за ад открыли эти человеческие ублюдки? – закричала Такари, потянувшись за вторым мечом. Когда её ладонь сомкнулась на обмотанной кожей рукояти обсидианового оружия, эльфийка зашипела и уронила чёрный клинок, а затем показала рубец от обморожения.

- Во имя Ночного Охотника, у них даже оружие нечестивое!

С другой стороны стены раздался приглушённый голос Мелегонта, неровный и полный боли, читающий последовательность магических формул. Вдоль отверстия пронеслось что-то длинное и покрытое шипами, а затем бородатый волшебник закончил своё заклинание. Единственным результатом, который заметил Галаэрон, стало появление нескольких мерцающих теней.

- Луки - сменить стрелы!

- А как же Эамонд? – спросила Такари, имея в виду эльфа, всё ещё бывшего в лапах чудовища.

Галаэрон шагнул вперёд, не удосужившись ответить. Такари была в его отряде дольше всех, и они понимали друг друга с полуслова. Галаэрон подтолкнул её к Эамонду, показывая, что сам нападёт, а она займётся спасением.

- Как волки на дикобраза! – проворчала эльфийка.

Отстранив Галаэрона, Такари подхватила человеческий меч и швырнула его в странного монстра, а затем прыгнула за летящим клинком. Нихмеду не отставал, и его заклятие готовилось слететь с языка.

Меч пролетел через серебристый барьер и по рукоятку погрузился в извивающееся тело существа, а следом и Такари, проскочив через завесу, бросилась на него, нанося рубящие и режущие удары. Галаэрон проскользнул следом – барьер окутал его, как покрывало из холодного паучьего шёлка, – и пробрался к Эамонду. Эльф был весь в крови, кричал и бешено рвался из пасти существа.

- Спокойно, хранитель! – крикнул Галаэрон, увернувшись от лапы, и схватил эльфа за свободную лодыжку. – Так делу не поможешь.

Такари отбила удар когтей, увернулась от кладающей пасти чудовища, а затем обрушила свой клинок на руку, сжимавшую Эамонда. Острый эльфийский меч вошёл глубоко, едва не отрубив руку по локоть, и Галаэрону удалось частично освободить подчинённого. Вскрикнув от радости, тот выхватил собственный клинок и рубанул по лапе, всё ещё державшей его. Галаэрон отшатнулся, отступая через серебристый барьер, потащив за собой Эамонда, и увидел, как колючий хвост монстра метнулся к Такари.

- Сза...

Шип ударил эльфийку прямо между лопаток, разрывая кожаную броню, как лист бумаги. Руки Такари упали, тело наклонилось вперёд. Хвост начал пульсировать, впрыскивая своё содержимое в тело эльфийки. Галаэрон отпустил ногу Эамонда, указал руками на хвост и выкрикнул заклинание. Четыре золотистые магические стрелы слетели с его пальцев и ударили в чудовище, оторвав шип с хвоста, освобождая Такари, которая тут же упала через серебристый барьер.

Она ещё не успела коснуться земли, когда мимо Галаэрона пронеслись чёрные стрелы и попали в чудовище. Первые три отскочили от шипастой шкуры, но последняя вонзилась глубоко в туловище. Лучник, выпустивший её, произнёс волшебный приказ, активируя смертельную магию, которой была заряжена стрела.

Вокруг раны появился морщинистый белый нарыв, но странное существо не упало. Даже не пошатнулось.

Оставив Эамонда выкарабкиваться самостоятельно, Галаэрон схватил Такари и потащил прочь. Её глаза были открыты, но взгляд остекленел – скорее от потрясения, чем от страха. Мимо свистнули ещё четыре стрелы, но шкура существа стала серой и каменистой, и все четыре отскочили, не причинив вреда. Галаэрон впал в отчаяние; стрел было слишком мало, Эамонд и Такари ранены, ещё трое эльфов лежат без сознания после стычки с людьми. У него оставалось только четыре воина.

К его большому облегчению, тварь осталась в тесном пространстве между серебристым барьером и дырой в конце прохода. Существо вырвало единственную ранившую его стрелу и швырнуло обломки обратно в стрелка.

Галаэрон перевернул Такари на бок и выдернул шип из её спины. Повреждённое место распухло, рана гноилась. Глубоко в ране виднелось что-то маленькое и круглое, казавшееся ярко-красным в ночном зрении Галаэрона. Зная, что от попытки извлечь это сейчас будет больше вреда, чем пользы, он подозвал Замонда и отдал Такари в руки потрёпанного эльфа.

- Возьми её и уходи. Если мы не вернёмся, доложишь, кому следует.

- Вам лучше выбирать следом, - ответил Замонд, бросив взгляд на странное существо. – Иначе – кто мне поверит?

С этими словами он взвалил Такари на плечи и исчез в тоннеле. Галаэрон хотел отбросить шип в сторону, но вдруг подумал о том, как поступила бы Такари на его месте, и с презрением швырнул его через серебристый барьер. Существо схватило шип, поднялось в воздух на несколько дюймов и направилось в его сторону. И хотя отсутствие лица не позволяло различать эмоции чудовища, эльф понял, что если бы оно могло преодолеть завесу, он был бы уже мёртв.

Существо всё ещё парило перед Галаэроном, когда из проёма сзади сверкнул фиолетовый луч, ударив тварь в спину, и отбросил её на барьер. Чудовище скорчилось от боли, испустив душераздирающий вопль, который, казалось, мог обрушить своды пещеры.

- Сейчас! - Это был голос, прозвучавший в тоннеле ранее. - Хватайте мои мечи и прикончите его!

Оставшиеся эльфы потянулись за оружием и двинулись вперёд, но Галаэрон не хотел, чтобы они приближались к твари.

- Не мечами! Магические стрелы, - Нихмеду поднял руку. - По моей команде... давай!

Снаряды золотистой магии устремились к монстру. Одни исчезли в его каменистой шкуре без видимого эффекта, но другие с силой ударили в чудовище, отбросив его обратно на фиолетовый луч, вырывая шипы и клочья шкуры. С ладони Галаэрона едва слетело первое заклятие, а он уже повторял его, выпуская ещё один шквал обжигающей магии в пошатнувшегося под ударом первого заклинания противника. Его разряды пронеслись сквозь серебряный занавес и встретились с фиолетовым магическим лучом, исходившим с другой стороны.

То, что произошло в результате этого столкновения, нельзя было назвать взрывом. Вспышка тысячи цветов и оглушающая тишина пустоты, потом противный зуд и ошеломляющее осознание того, что сейчас эльф лежит, припечатавшись к стене. В воздухе стоял резкий запах обожжённого железа, а всё тело ныло от боли. На поверхности серебристой завесы появилось расширяющееся мерцающее малиновое кольцо, тускневшее по мере увеличения. С другой стороны завесы лежала тварь, чью тушу усеяли оставшиеся от взрыва отметины, а под клочьями оторванной шкуры виднелась зелёная плоть. Пока Галаэрон пытался осознать увиденное, тварь поднялась с земли и пролевитировала к барьеру, а потом просунула голову в мерцающее отверстие.

У Галаэрона свело желудок. В тоннеле раздались тихие стоны лежавших без сознания эльфов. Широкая пасть, казалось, улыбнулась, и существо целиком пролезло через дыру. Оно схватило валявшегося на полу в беспамятстве человека и аккуратно стащило с него шлем.

Галаэрон заставил себя подняться.

- Если вы очнулись – вставайте! – закричал он, потянувшись за мечом. - Защищайтесь!

Лишь несколько фигур зашевелились, но и этого хватило, чтобы заставить существо бросить человека. Тварь повернулась к Галаэрону и выдохнула сквозь зубы струю чёрного дыма.

Выкрикнуть предупреждение, у Нихмеду не было времени. Галаэрон едва успел закрыть рот, прежде чем облако поглотило его, обжигая глаза и ноздри, заставляя лёгкие неистово требовать воздуха. Тоннель наполнился болезненными звуками кашля и рвоты. Они были слишком недолгими. Когда эльф вспомнил заклинание ветра, половина стихла. Когда он произнёс заклятие, сдув смертельный туман в пустой боковой проход, стихли и остальные.

Зная, что следующим падёт он сам, Галаэрон не стал бороться с поднимающимся изнутри ужасающим гневом. Ярость ведёт к глупости, но придаёт отчаянную смелость и безумную силу. Он достаточно насмотрелся на это дьявольское отродье, чтобы понять, что ему понадобятся все доступные силы. Нихмеду бросился вслед за уплывающим краем чёрного облака, всё ещё сдерживая дыхание, и вслепую ударил мечом. Он почувствовал, как лезвие задело что-то, переменил хватку и изо всех сил рванулся вперёд.

Клинок погрузился где-то на фут, а затем остановился. Галаэрон присел и услышал, как над головой просвистели две конечности монстра. Тогда эльф отпрыгнул назад и увидел, как из бурлящего облака появились ещё две. Он выхватил из рукава стеклянный жезл.

Туман улетучился, обнажив парящее в воздухе тело твари. Она зависла менее чем в пяти шагах, над пастью чудовища торчал меч. Надеясь, что разряд молнии окажется более эффективным, чем другие заклятия, Нихмеду указал жезлом на туловище монстра и стал читать магическую формулу.

- Не магией, - воскликнул низкий голос. - Я же сказал, мечами!

Галаэрон оглянулся и увидел, как смуглый маг шагнул через занавес. На нем, будто тень, развевалась чёрная роба. Чудовище метнулось к человеку, на кончиках пальцев жуткого существа уже горели двадцать крошечных язычков пламени. Мелегонт описал рукой круг, сотворив перед собой кольцо холодной черноты, и уверенно шагнул вперёд. Огонь сорвался с рук монстра, попал прямо в тёмное кольцо и там исчез.

Галаэрон уже двигался, выхватив меч из рук поверженного человека и бросившись в атаку. Несмотря на то, что рукоять оружия была обмотана кожей, она была так холодна, что обжигала плоть, и пальцы эльфа тут же онемели и потеряли гибкость. Он всё равно атаковал, обрушив клинок на туловище твари в двух футах от хвоста.

Чёрное лезвие прошло сквозь плоть монстра без всякого сопротивления и начисто отрубило хвост.

Существо содрогнулось от боли и кинулось на Галаэрона, но тут же остановилось, едва не налетев на чёрный клинок. Нихмеду сделал выпад, целясь в глотку, и едва не уронил оружие, когда тварь отпрянула, а отмороженные пальцы эльфа не смогли удержать меч.

Галаэрон сменил руку. В этот момент его броня так раскалилась, что стала сиять, наполняя тоннель мрачными розовыми тенями и ослепляя его ночное зрение. От боли в глазах эльф закричал, но всё-таки бросился вперёд, неистово размахивая мечом. У чудовища не было другого выхода, кроме как отступить – прямо на Мелегонта Тантула.

Маг шагнул вперёд, загоняя тварь на клинок Галаэрона. От боли та разразилась таким же воплем, что и раньше, но эльф едва расслышал его за собственным криком. Падая, он нашёл в себе силы повернуть клинок и потащить тварь за собой.

На пыль перед ним плюхнулась куча кишок, а существо медленно опустилось на пол около эльфа. Галаэрон завопил, откатился в сторону, нащупывая свой кинжал.

Мелегонт Тантул поставил ногу на его живот, чтобы придержать.

- Оно мертво. Неплохо, юноша. Теперь не двигайся, - маг провёл рукой перед Галаэроном, произнеся странное заклятие, и доспехи тут же остыли. - Так лучше?

Нихмеду кивнул.

- Что...

- Нет времени на разговоры, сюда спешит ещё дюжина таких тварей, - человек помог Галаэрому подняться на ноги, а потом жестом указал на дыру в серебристом занавесе. - И теперь они смогут до нас добраться.

Поддавив стон боли, эльф спросил:

- Они?

- Позже, иначе мы погибнем. Как и остальные.

Маг стал прокладывать себе путь через тела. На лицах людей и эльфов застыли маски боли, а на подбородках выросли бороды из кровавой пены.

Мелегонт остановился у разрушенного тела Шатевара и указал на видневшиеся из-под него ноги Валы.

- Эта ещё жива. Вытащи её.

И хотя маг и сам выглядел вполне способным нести раненых, Галаэрон вытащил женщину из-под туши глаз-тирана. К своему огромному удивлению, он обнаружил, что её грудь вздымается и опускается, как и сказал маг. Нихмеду взгромоздил Валу на плечо и направился вслед за магом, не обратив внимания на её чёрный меч, упавший с негромким звоном в пыль.

Мелегонт развернулся на пятке и указал на оружие.

- Тёмный меч, дурак.

- Я не могу держать его, - сказал Галаэрон, показывая обмороженные ладони.

Маг подступил ближе, вглядываясь в лицо эльфа.

- Что ты здесь делаешь? – спросил он, казалось, только сейчас заметив заострённые уши Галаэрона. - Ты не из Гранитной Башни...

ГЛАВА 2

20-е Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

В месяц Найтал песчаные бури, вырывающиеся из Анороха и наполненные жалящим песком и пронзительным холодом, становятся куда сильнее и опаснее обычных. Ночью ни один эльф в доспехах не способен вынести их ледяные порывы, не завернувшись в плащ, и всё же измученное тело Галаэрона стонало под весом его накидки из шерсти ткаерфа. Его руки, всё ещё немеющие и белые от прикосновения к чёрному мечу, вместо прежней боли чувствовали настоящую агонию, но даже это казалось ему недостаточным наказанием. Такари, сгорбившись, сидела на большой лошади, принадлежавшей людям. Разведчица была очень слаба и все время бредила, поэтому Замонду приходилось сидеть с ней в одном седле, несмотря на то, что он и сам был изранен. Нимий и Дайнод остались целы, поскольку охраняли пленников за пределами пещеры, но им придётся разведывать путь, и каждый из них имеет все шансы погибнуть от когтей дракона или грифона, привлечённых запахом пролитой крови.

Остальные погибли. Из семнадцати эльфов, отдавших свои жизни под командование Галаэрона, тринадцать были убиты. Он подвёл их всех и заслуживал более сурового наказания, чем какие-то там ожоги. Куда более сурового.

Нихмеду возился с последней верёвкой на ногах Валы, потуже затянув петлю и привязав её сапог к стремени. Затем эльф произнёс волшебное слово, и верёвка стянулась на лодыжке женщины, приковывая её к седлу. Он не замечал, насколько туго затянул узел, пока кожа сапога не смялась под кольцами верёвки.

- Чем больше дёргаешься, тем туже становится петля, - обычно Галаэрон предоставлял пленникам возможность выяснить это самостоятельно, но сейчас он боялся, что верёвка попросту раздавит лодыжку Валы, если стянется ещё сильнее. - Снять её может только тот, кто надел.

- В самом деле? - хотя оковы наверняка причиняли боль, в глазах Валы не было и намёка на это, лишь холодная ярость. - Тогда, наверное, не стоит пытаться сбежать.

Резкость в её голосе давала понять, что женщина даже не собиралась бежать – во всяком случае, до тех пор, пока Галаэрон не ответит за смерть её людей. Хотя отомстить эльфу Вала никогда не сможет, утешением ей будет служить цена, которую Галаэрону придётся заплатить своим повелителям. Ни один отряд хранителей гробниц со времён Киньона Колбатина не терпел таких потерь, - а на

южной границе пустыни, в спокойнейшем месте из всех, где патрулировали стражи, вообще не случилось ничего подобного.

Галаэрон собирался отойти, но передумал. Не оборачиваясь, он сказал:

- Мы сожалеем о смерти твоих людей. Знай, мы спасли бы их, будь это в наших силах.

- Но это оказалось не в ваших силах, эльф, - голос Вала остался таким же суровым. - Как я уже сказала, ты не представляешь, с чем имеешь дело.

Галаэрон подавил желание едко парировать её слова.

- Так почему бы тебе не просветить меня?

Вала отвернулась.

- Я не имею права.

- Хорошо, - согласился Нихмеду. - Тогда расскажи о себе. Где находится Гранитная Башня?

В глазах женщины вспыхнула то ли тревога, то ли ярость – понять было невозможно.

- Этого тебе знать не положено, эльф. Едва ли нас можно назвать друзьями.

- Да, думаю, едва ли.

Галаэрон отвернулся и отошёл. Вряд ли имеет значение, откуда явились женщина и трое охранников. По всей видимости, они скоро составят компанию своим павшим спутникам. Старейшины Холмов, как правило, не принимали поспешных решений, но когда страж гробниц приводил пленников, им редко приходилось что-то решать. Приговор за проникновение в гробницу был настолько же неизменен, насколько жесток.

Галаэрон сначала услышал Мелегонта Тантула и лишь потом увидел его. Глубокий голос человека доносился из тени, отбрасываемой купавшимся в лунном свете курганом. Мелегонт выкрикивал слова странного арканного заклятия. Формула отличалась от всего, с чем приходилось сталкиваться Нихмеду прежде. Даже богомерзкие дроу, время от времени творившие зло в одиноких гробницах на границах пустыни, читали заклятия иначе. Слова мага были громкими, резкими, в них слышалась мощь и угроза, но вместе с тем – сложность и загадочность, хитрость и обман. И, несмотря на то, что с тех пор, как они покинули место сражения, маг читал заточающее заклятие уже в третий раз, Галаэрон, инстинктивно чувствовавший всё магическое, никак не мог осознать суть волшебства этого человека.

Обогнув курган, Галаэрон увидел, что Мелегонт сплетает из теней непроходимый лабиринт темноты и лунного света, закручивает их в тупиковые спирали, творит извилистые коридоры, изгибавшиеся сотней поворотов и возвращавшиеся в начало. Самого мага заметить было практически невозможно, его чёрная роба и смуглое лицо растворялись в ночи подобно тому, как лесные эльфы сливаются с лесом.

И хотя Галаэрону свои шаги показались бесшумными, Мелегонт взглянул в его сторону и кивнул. Маг закончил сплестать лабиринт, окутал его единственный выход облаком клубящейся темноты, а затем просто растворился в тени под ногами.

Нихмеду застыл перед лабиринтом, чувствуя себя сбитым с толку глупцом. До того, как из-за своего равнодушия к ритуальной тишине Академии Магии он

оказался в Академии Оружия, эльф провёл два десятилетия, изучая основы каждой известной системы чтения заклинаний, но при этом даже не догадывался, как исчез Мелегонт. Не было ни жестов, ни слов, запускавших заклятия, не было резких движений или острого выдоха, активирующих магическое кольцо или кулон. Как будто маг растворился в тенях одним лишь усилием воли.

- Теневой лабиринт продержится до рассвета.

Голос раздался у ног Галаэрона. Не совладав с собой, эльф отпрыгнул и взглянул вниз. Плоское тело мага восставало из тени, поднимая само себя, как переворачивающаяся страница.

- А дневной свет придётся им не по вкусу.

Мелегонт вытянулся на земле и привычным движением встал на ноги. Его тело приобрело объём, как надутая рукавица.

- Времени у нас до завтрашних сумерек, не больше.

- У нас? - Галаэрону пришлось догонять мага, который уже обходил курган. - Времени для чего?

- Чтобы всё исправить, конечно же. Мне понадобится как минимум одна команда хороших волшебников и трое высших магов, - человек развернулся на каблуках к Галаэрону, беспокожно нахмутив густые брови. - Ведь в Эвереске найдутся трое?

- Н-не могу поручиться, - Галаэрон полагал, что по меньшей мере три высших мага в городе найдутся, но жители Эверески обычно не говорили о высших магах открыто, тем более – с людьми. - Сначала мы должны обсудить...

- Поговорим по дороге, - маг отвернулся и скрылся за поворотом. Наткнувшись на Нимиай и Дайнода, стороживших Валу и ещё троих пленников, он остановился. - Это ещё что такое?

- Твои друзья – осквернители гробниц, - Хотя Галаэрон боялся этого момента с тех пор, как стал осознавать, насколько этот маг силен, его обязанности были ясны. - Они предстанут перед Старейшинами Холмов. Но тебя с ними не было, и ты волен поступать, как пожелаешь.

- Конечно, волен, - чёрная борода человека дёрнулась, как будто он собирался засмеяться. - Но так не пойдёт, эльф. Я приказал им вскрыть гробницу. Хочешь и меня связать?

Галаэрон сглотнул и потянулся за волшебной верёвкой.

- Я поклялся...

- Твои клятвы значения не имеют.

Мелегонт указал на землю, и холодные ленты теней начали оплетать ноги Галаэрона, сжимая кости и парализуя плоть. Маг посмотрел вниз и недовольно покачал головой, затем направился к лошадям. Нихмеду попытался последовать за ним и обнаружил, что прикован к месту. Он жестом приказал Нимиай и Дайноду не нападать на человека – атака, несомненно, оказалась бы тщетной.

Мелегонт остановился у лошади, нагруженной изъятим у людей оружием.

- Мы выпустили на твой народ страшного врага, - сказал он, вытаскивая чёрный меч из ножен. - Тебе остаётся либо помочь мне заточить его обратно, либо ждать здесь, пока он тебя убьёт.

Маг подошёл к первому из пленных караульных Валы и коснулся мечом его плеча. Галаэрон не слишком удивился тому, как легко тёмное лезвие разрезало волшебную верёвку. Мелегонт отдал освобождённому человеку оружие и знаком приказал освободить остальных, а сам снова повернулся к Галаэрону.

- Твоё решение?

- Сражаться или умереть? Что тут выбирать? – спросил Нихмеду. - Но ты должен пообещать, не причинять вреда моему народу. Иначе я выбираю смерть.

- Не причинять вреда, который я смогу предотвратить. Учитывая обстоятельства, большего пообещать не могу, - маг взмахнул рукой, и опутавшие Галаэрона тени исчезли. - Ты сделал правильный выбор, эльф. Эти дьяволы уже уничтожили одну империю, и мне не хочется видеть, как то же самое произойдёт с Эвереской.

- Ты всё зовёшь их дьяволами, - Галаэрон подошёл к Вале, чтобы развязать её. Он дотронулся до каждой верёвки и прошептал ключевое слово. - Неужели они и вправду - дьяволы?

- Почти, - ответил маг. - Ты знаешь, что это был за серебряный занавес, там, внизу?

- Стена Шарнов?

- Эльфы так её прозвали? Подходящее название, но тогда вы должны знать, что находится по ту сторону.

Галаэрон попробовал угадать.

- Шарны?

- Ваши высшие маги, видимо, хранят свои знания только для себя, - Мелегонт фыркнул, почти весело. - Возможно, мне следует уважать их мудрость, пока я не узнаю причин.

- Не думаю, что это такой уж секрет, - отозвался Галаэрон, освобождая Валу от последней верёвки. - Большинство хранителей гробниц знают легенду о Стене Шарнов.

Маг поднял бровь.

- А ты не из робких – для эльфа, - он вытащил меч Валы и передал его ей. - Хорошо. Шарны - не те, кто заперт за стеной, а те, кто построил её.

- Тогда кто же был...

- Фаэриммы, - сказала Вала, забирая меч. - Ты знаешь, что они такое?

- Знаю.

Как и Стена Шарнов, фаэриммы были легендой для хранителей гробниц - загадочные убийцы, уничтожавшие целые отряды дозорных. Увиденное Галаэроном подходило под такое описание. Он оглянулся на Мелегонта.

- Ты заблудился в их тоннелях?

- Не заблудился, - маг повернулся к Вале. – Это твой отряд?

- То, что от него осталось, - женщина бросила гневный взгляд на Галаэрона, потом спешила и встала перед магом на колени. - Вала Торсдоттер, дочь внука Бодвара, к вашим услугам.

- У нас нет времени для этих глупостей, - сказал Мелегонт, жестом разрешая ей встать. - Но правнучка Бодвара! То, что его род до сих пор не угас, наполняет моё сердце радостью.

Вала опустила руку на ножны.

- Ваш дар - благословение, о, Великий.

- Несомненно. И зови меня просто Мелегонтом. На это имя я отзываюсь гораздо чаще, - взмахом маг предложил ей вернуться в седло, затем обвёл взглядом крупных человеческих лошадей и нахмурился. - Я не вижу Сэйбл.

У Вала отвисла челюсть.

- Милорд, Сэйбл мертва уже восемьдесят лет, - она указала на крепкого чёрного жеребца в конце ряда. - Но Рэйвен – её потомок.

В чёрных глазах Мелегонта вспыхнула грусть.

- Да, конечно. Я должен был догадаться, - он приказал человеку подвести к себе жеребца по кличке Рэйвен, повернулся к Галаэруну и указал на запад – туда, где виднелась изломанная стена теней, отмечающая непроходимые пики Шараэдима. - Надеюсь, вы, эльфы, знаете короткий путь через них?

- Есть один проход, - ответил Галаэрон, - но за ним следят и охраняют. Вам придётся надеть путы и повязки на глаза, иначе никто из нас не доберётся до Эверески живым.

- Будь осторожен, Вели... Мелегонт, - сказала Вала. - Как только он нас свяжет и наденет на глаза повязки, мы окажемся в его власти, а этот эльф коварен.

- Ты знаешь другой путь?

- Я слышала истории о хождении по теням.

- Для этого я должен знать путь. У нас нет времени искать его.

- К тому же это не сработает, - добавил Галаэрон. - Эвереска хорошо защищена от подобной магии.

Мелегонт и Вала обменялись быстрыми, понимающими взглядами, но Нихмеду притворился, что не заметил этого. Что бы они ни думали, и какой бы ни была правда про этих фаэриммов – люди будут под его контролем, когда войдут в город.

- Единственный другой путь – обойти горы и войти со стороны постоянного двора «На полпути». На лошадях у нас уйдёт дней десять, - эльф посмотрел на Мелегонта и продолжил. – Всего лишь три дня, если ты сможешь перенести нас по воздуху.

- Всё равно слишком много, - улыбка на лице мага могла быть и понимающей, и самоуверенной. - Мы позволим себя связать.

ГЛАВА 3

Приятный запах смолы наполнил темноту, и Галаэрон понял, что Переход завершён. Ночное зрение снова заработало, лошади людей зафыркали, почувствовав радость эльфийских собратьев, вернувшихся в Эвереску. Даже Такари приободрилась, приподнявшись в руках Эамонда, чтобы глотнуть свежего воздуха.

И хотя Галаэрон знал, что около сотни эльфов-лучников сейчас наблюдают за ними из тайных проходов наверху, он не взглянул туда. Любой неосторожный жест вызовет поток заклятий и стрел на его пленников – предосторожность, придуманная для того, чтобы оборона Тайных Врат оставалась секретом.

Дорога делала дугообразный поворот, переходя в мраморный мост через дымящуюся пропасть. Галаэрон произнёс слово перехода и провёл своих спутников по мосту. Они остановились в тесном вестибюле – дальше путь преграждала тонкая слюдяная плита. К ним вышел угрюмый лунный эльф в отделанных серебром пластинчатых доспехах, выдававших в нём канката Стражи Долины. Он дотронулся кончиками пальцев до сердца.

- Добро пожаловать домой, Нихмеду, - хотя канкат стоял по другую сторону слюдяной преграды, его голос и лицо были легко различимы. Это был Орэм Арвайен, одноклассник Галаэрона в Военной Академии. Канкат, как, впрочем, и многие другие, продвигался по службе гораздо быстрее Нихмеду. Орэм с презрением взглянул на людей, стоявших за эльфом. - Я смотрю, ты поймал осквернителей гробниц. Когда вернутся остальные члены твоего отряда?

- Они не вернутся, канкат... - слова застряли у Галаэрона в горле, но он заставил себя посмотреть Орэму прямо в глаза. - Я не смог забрать с собой их тела.

Канкат побледнел.

- Понятно.

Он внимательно осмотрел пленников, очевидно, пытаясь понять, каким образом из-за этих жалких людей Галаэрон потерял столько эльфов. Потом Орэм спросил:

- Это произошло на южной границе пустыни?

Галаэрон кивнул, уверенный, что любая попытка оправдаться только ухудшит и без того нелестное мнение о нём.

- Если ты не возражаешь, одному из моих разведчиков нужна помощь целителей.

- Конечно, - канкат отвернулся и кивнул, а затем отошёл в сторону. Слюдяной барьер поднялся и исчез из виду. Когда скаун Галаэрона проходил мимо Орэма, тот тихо произнес:

- Не стоит держать всё в себе. Я всегда считал, что ты достоин лучшей должности, хотя вряд ли теперь ты её получишь...

Неожиданная чуткость канката удивила Нихмеду, он отъехал в сторону, оставив Эамонду вести остальных.

- Благодарю, Орэм. Боюсь, кроме тебя никто не скажет мне сегодня тёплых слов.

- Галаэрон, в Академии ты был лучшим из нас, - покачал головой Арвайен. - Но ты слишком самоуверен. В нашем деле оружие и заклятия – ещё не всё.

- Самоуверен? По правде говоря, я не... - Галаэрон вовремя остановился и кивнул в знак согласия. - Спасибо, добрый совет, но, к сожалению, запоздалый.

- Придерживайся его сегодня, и возможно, он тебе ещё послужит, - сказал Орэм. - Это застанет главу Стражи Гробниц врасплох.

- Тут дело касается не только Стражи, - сказал Нихмеду, покосившись на Валу и Мелегонта. - В произошедшем люди сыграли незначительную роль, а к смерти моего отряда они вообще не имеют никакого отношения. Мне срочно нужно поговорить со Старейшинами Холма.

- Срочно? Этим утром?

Галаэрон кивнул.

Орэм внимательно посмотрел на неосёдланных лошадей, которые следовали за Нимиай и Дайнодом, и сказал:

- Я устрою встречу.

Галаэрон поблагодарил канката и занял своё место во главе процессии. Он повёл спутников в леса Высокой Долины по крутому спуску узкого ущелья. Огромные и старые деревья – преимущественно стройные как копья ели, - были настолько высокими, что, казалось, достигали неба. Тропинка вела вниз, проходя через лощины, огибая скалистые выступы, а в тех местах, где кроны деревьев были реже, открывался вид на лежавшие вдаль утёсы.

Галаэрон не стал снимать повязки с глаз людей, хотя и мог бы. Он был уверен, что Мелегонт всё равно видит всё даже с завязанными глазами. Маг легко держался в седле, сидя ровно и спокойно, даже когда его скакун оступался. В отличие от него остальные люди ехали спокойно, но неуверенно, покачиваясь на каждом повороте. Вала сидела в седле, напряжённо сжав челюсти, а на её губах играла саркастическая ухмылка.

Терпения ей хватило на четверть часа. К тому моменту крутые склоны Высокой Долины были уже позади, и тропинка шла через поля Виноградной Долины.

- Так как насчёт того, чтобы снять с глаз повязки и развязать нас? – потребовала она. - Судя по ветру, мы уже миновали Проход.

- Ах да, повязки.

Галаэрон остановился и жестом приказал Нимиай снять повязки с глаз. На самом деле это было чем-то вроде небольших кожаных капюшонов, на которые были наложены чары, сбивавшие у надевшего их чувство направления.

- Развязывать мы вас не станем.

- Что? – несмотря на вопрос, Вала казалась не слишком-то удивлённой. - Я так и знала, что нельзя доверять эльфам.

- А я ничего не обещал.

- Это подразумевалось, - сердито заметила женщина.

- Осторожнее дитя, мы не в том положении, чтобы читать эльфам лекции по этике, - сказал Мелегонт. Он позволил Нимиай снять с него капюшон и посмотрел Галаэрону в глаза. - Много будет зависеть от того, кого он станет винить в смерти своего отряда – нас или несчастный случай.

- Тогда нам конец, - сказала Вала. - Из людей выйдут отличные козлы отпущения. Это удобнее, чем винить какую-то там неприятную случайность.

- Это верно, но я думаю, что наш новый друг выше этого, - сказал Мелегонт, не сводя глаз с Нихмеду. - Ну, так что, эльф? Кем ты нас назовёшь? Осквернителями гробниц и ворами или такими же жертвами обстоятельств, как ты сам?

- Это решат Старейшины Холма, - ответил Галаэрон. - Мой долг – рассказать всё как есть.

Это был уклончивый ответ. Истина лежала где-то между теми крайностями, которые обрисовал маг. Да, люди вскрыли эльфийскую гробницу, но внутри лежали останки правителей ненавистного клана Вишаан, и даже несмотря на это, ничего не было украдено. Да, люди сопротивлялись отряду, пытавшемуся их задержать, но при этом они рисковали жизнью, чтобы не ранить эльфов. Учитывая эти факты, мнение Галаэрона будет иметь для Старейшин большое значение.

А вот насколько можно этим людям доверять, Галаэрон не знал. Мелегонта, вне всяких сомнений, окружала аура тьмы, и Галаэрону приходила в голову мысль, что тот странный бой, в котором люди старались не ранить эльфов – всего лишь хитрая уловка, чтобы провести в Эвереску могущественного злого мага.

В ответ Мелегонт заговорщически улыбнулся и стал смотреть, как Нимиай снимает повязки с людей Валы. Она представила их как Бурлена, Кула и Дексона. Они проморгались и сердито посмотрели на Галаэрона, предвещавшего тот зловещий взгляд, которым его наградила Вала, едва её повязку сняли.

- Думай, когда будешь рассказывать свою версию событий, эльф, - сказала она. - Хелм помнит всех, нарушивших слово.

- Пускай это заботит либо тех, кто нарушает слово, либо людей. - К этой женщине Галаэрон начинал испытывать вполне себе человеческий гнев. - Как бы то ни было, я – хранитель гробниц, который взял под стражу группу осквернителей захоронений, и причин доверять им у меня нет.

Женщина уже открыла рот, намереваясь резко ответить ему, но Галаэрон прервал её, когда повернулся, чтобы посмотреть, в каком состоянии была Такари. Разведчица всё ещё неуверенно сидела впереди Замонда. Она не дремала, но её сознание явно пребывало где-то далеко. Это было нехорошим признаком, потому что эльфы спят только когда они либо больны, либо сильно ранены. Галаэрон продолжил движение по тропе, пустив своего скакуна рысью, полный решимости передать Такари в руки целителей до того, как тень Восточной Вершины покинет холм Мундарк.

Несмотря на все заботы, свалившиеся на него, а, возможно, и из-за них, Галаэрон осознал, что его сильно расстроило безразличие людей, с которых Нимиай к тому моменту сняла повязки. Эта часть их пути в Эвереску была самой впечатляющей: виноградники, местами прикрытые туманной дымкой, широкими ступенями спускались к городу, образуя прекрасный вид. Но никто из людей так и не обратил на эту красоту внимания, потому что все они не сводили с эльфа сердитого взгляда.

На дне долины лежал неровный ковёр из золотисто-чёрных полей. Галаэрон смотрел на это с высоты Виноградной Долины, и отсюда казалось, что пашни образуют широкий полумесяц. Снаружи его окружали подножные склоны Высокого Шараэдима, а внутри лежала Эвереска. Часто говорили, что город окружён стенами, хотя заявляли это напыщенные людишки, которые основывали свои описания - якобы виденные собственными глазами, - на рассказах полупьяных эльфов, напившихся крепкой эльквестрии на постоялом дворе «Попутный». На

самом деле стенами служили гладкие склоны Трёх Сестёр – крупнейших среди дюжины холмов, на которых стояла Эвереска.

За вершинами холмов возвышались сотни башен. Они так нависали над макушками густого леса, что город по виду напоминал корону с множеством выступов. Многие башни были вдвое больше, чем окружающие их деревья, некоторые даже выше вершин Высокого Шараэдима. На улицах города кишели потоки маленьких точек, напоминающих по виду муравьёв – это жители направлялись по своим делам, даже не задумываясь о том, как странно они выглядят сверху.

Эвереска, жемчужина гор, была прекрасна, и Галаэрон считал подозрительным любого, у кого при виде её чудес не перехватывало дыхание. Он вёл своих пленников вдоль клумб Виноградной Долины, по ряду лёгких спусков, потом свернул на узкую тропинку, ведущую к пастбищам, защищённым стенами и окружавшим Эвереску. Когда они подошли к границе, Галаэрон произнёс пароль для прохода. Позолоченные ворота отворились, пропуская колонну на холмистый луг, где то тут, то там располагались камни и густые ели. Назначение ворот, как и большинства других средств защиты Эверески, было отнюдь не очевидным. И хотя они не были магическими, именно по ним проходила граница самого бесценного сокровища и самой охраняемой тайны города – мифала.

Мифал был неосязаем и невидим, его сплели древние высшие маги из волшебной силы. Галаэрон не понимал его природы до конца, а в те редкие моменты, когда о нём упоминали наставники, они говорили, что ни один эльф не может постичь всю сложность мифала. Большинство эльфов считали, что это синтез таинственной энергии, взявшей из жизненных сил древних заклинателей, благосклонности Кореллона Ларетиана и ткани Плетения, окутывавшего Фаэрун. Зато Галаэрон твёрдо знал, что в первую и главную очередь, мифал был самым могущественным средством защиты Эверески. На врагов он обрушивал целый поток смертельных атак, включая знаменитые золотые стрелы, которые часто ассоциировали с покровительством Кореллона. Но мифал давал жителям города и другие блага – например, возможность карабкаться по вертикальным стенам. В обмен эльфам требовалось только заботиться о чистоте и процветании своих земель, которые поддерживали мифал.

Когда остальная часть процессии вошла в область действия мифала, Галаэрон обернулся и посмотрел через плечо на Мелегонта, пытаясь определить, почувствовал ли тот волшебное поле. Но в тёмных глазах мага, как всегда, нельзя было ничего прочесть, тот спокойно рассматривал сочную зелёную траву, росшую на лугу, и порхавших на лёгком ветерке бабочек. Ошарашенный вид Валы и остальных людей резко контрастировал с бесстрастностью Мелегонта. Они таращились по сторонам с отвисшими челюстями и вытягивали шеи, чтобы посмотреть наверх и рассмотреть утёсы Эверески, достигавшие тысячи футов в высоту.

Удовлетворённый тем, что ни Мелегонт, ни кто-либо другой из людей не почувствовал мифал, Галаэрон повёл колонну через луг к конюшне Стражи Гробниц. Это был обыкновенный сарай с тремя стенами, где отряды патрулей держали упряжи и вожжи. Там не было ни загона, ни стойла, не было даже кормушек и

корыта для воды. Галаэрон слез с лошади и отдал все необходимые распоряжения, затем развязал людям ноги и помог им спуститься на землю.

- Нимиай расседлат и почистит ваших лошадей, - сказал он, забрасывая ремни с мечами людей себе на плечо, расположив их так, чтобы стекловидные рукояти не касались его кожи. - Но наших животных мы не загоняем в стойло.

- Не стоит беспокоиться, - сказал Мелегонт. Его руки были связаны, как и руки остальных людей, но, казалось, что в отличие от остальных, его это не беспокоит. - Когда я пошлю за Рэйвеном, он приведёт наших коней, хотя думаю, что на Границу Пустыни мы вернёмся не верхом.

- Можно с уверенностью предположить, что да – ответил Галаэрон.

Вала сурово взглянула на него, вышла из под навеса сарая-конюшни и откинула голову назад, чтобы посмотреть на вертикальный склон.

- Как мы поднимемся туда?

- Дайнод вас проведёт.

Галаэрон кивнул Дайноду, и тот, приняв Такари из рук Эамонда, вошёл в небольшое помещение странной формы, выдолбленное в основании утёса. Он исчез из виду, как и Эамонд, последовавший за ним. Галаэрон жестом приказал Вале и остальным людям следовать туда же, и наконец, сам вошёл внутрь. Сверкнула золотая вспышка, за которой последовало ощущение недолгого падения. Когда его нога вновь коснулась поверхности, он стоял на вымощенной мрамором дорожке, а в воздухе распространялся необычный аромат растений, цветущих в сумрачной темноте.

Вала и её люди молча стояли на краю улицы и ошарашено смотрели на окружающий их удивительный лес. Вымощенные белым дорожки поворачивали во всех направлениях, так огибая переплетающиеся друг с другом башни и деревья, поражающие взгляд, что в полумраке леса даже Галаэрон различал их с трудом. По толщине деревья не уступали замковым башням. Кора их была многоцветной, и на ней пересекались разные полосы бело-серых оттенков. Их ветви выступали так высоко над головой, что нередко под лиственным навесом образовывался туман. Некоторые башни были уже стволов, некоторые шире, но в основном их невозможно было отличить от могучих деревьев, достигавших неба, которые преобладали во внешней части города.

День был в самом разгаре – солнце едва поднялось над скалистым выступом Восточной Вершины. Эльфы были повсюду: они скользили по дорожкам на земле, выскакивали из высоких дверей, бесстрашно спускаясь вниз по внешней стороне башен, иногда они даже перескакивали с одной башни на другую, подобно белкам, умевшим парить. Несмотря на грядущие неприятности, Галаэрон понял, что чувствует умиротворение и удовлетворение. Даже развалившись нагишом в прохладной воде каньонного пруда в самый спокойный день в пустыне, он не чувствовал себя так хорошо. Это была Эвереска – последний райский уголок для эльфов Фаэруна. Это убежище для Галаэрона и всех Тэл'Квессир, которые старались сохранить для своей расы дом в неослабевающем потоке человеческой экспансии.

- Как я понимаю, нам нужно следовать за Дайнодом и Эамондом, - сказал Мелегонт, слегка подталкивая Валу и остальных вернуться на дорожку. - Галаэрон скажет, где нам свернуть.

- Следуйте за ними до конца пути. - Долгая дорога утомила Галаэрона куда больше, чем он полагал. И хотя эльф всегда любил возвращаться в Эвереску, ещё никогда он не был так близок к тому, чтобы свалиться в дремление, едва ступив в город. Он встряхнулся и двинулся по дорожке. - Мы доставим Такари в Зал Благородной Охоты.

Мелегонт остановился – похоже, он, наконец, решил выразить несогласие с распоряжениями эльфа.

- Думаешь, это разумно? Нам не стоит заставлять ждать Старейшин Холма.

- Ты будешь делать то, что я скажу, человек, - Галаэрон подтолкнул Мелегонта за остальными, но тут же раскаялся в собственной резкости. По большей части он злился потому, что из-за него над городом нависла угроза, а Мелегонт не сделал ему ничего плохого. Поэтому он добавил мягким голосом:

- Мелегонт, мы увидим Старейшин раньше, чем ты думаешь. Многие вещи в Эвереске делаются своеобразно.

Дорога уходила вверх, вдоль берега ручейка и мимо нескольких живописных водопадов, которые брали своё начало в небольших изумрудных озёрах. Пока они шли, эльфы всех возрастов останавливались, чтобы с неприкрытым отвращением посмотреть на пленников Галаэрона. Некоторые это делали, потому что никогда раньше не видели представителей человеческой расы. Другие явно догадывались по капюшону Галаэрона, обозначавшему его принадлежность к Страже Гробниц, и связанным рукам людей, что это осквернители упокоений. Вала и её спутники из всех сил старались соответствовать образу: они зловеще ухмылялись и смотрели на эльфов гневными взглядами, но, похоже, их угрозы всерьёз никто не воспринял. Галаэрон подумал, как бы изменилось мнение о людях, если бы эльфы видели то, что произошло под гробницей клана Вишаан.

Когда они уже пересекали холм Мундарк в направлении Зала Благородной Охоты, людей окружила небольшая группа старших эльфов. И хотя самый высокий из них достигал лишь до груди самого низкорослого товарища Валу, они тут же стали смеяться над невольниками и издеваться над их варварским видом, частенько переходя на понятные пленникам языки. Галаэрон не сделал ничего, чтобы прекратить это, хотя и видел, что эти насмешки сильно задели людей. Да что там, такое обращение оскорбило бы и его самого. Но нужно было отдать должное Вале: стоило ей отдать всего один строгий приказ, и все люди моментально стали безучастны к насмешкам, направив свой взгляд прямо перед собой.

Наконец самый высокий из эльфов откинул капюшон и подошёл к Галаэрону.

- Добро пожаловать домой, юный Нихмеду, - сказал он по-эльфийски. - Я вижу, ты привёл сюда осквернителей гробниц.

Галаэрон посмотрел на него и увидел, что перед ним стоит лунный эльф, голову которого покрывала копна серебряных волос, среди которых прослеживалась облагораживающая седина, символизирующая почтенный возраст и долгие годы службы.

Он тут же поклонился и ответил по-эльфийски:

- Лорд Дуирсар.

Лорд-эльф кивнул кому-то позади себя, и рядом с ним встал Киньон Колбатин, мастер стражи гробниц. Выражение его лица было куда красноречивее, чем у

благородного лорда Дуирсара, и, учитывая обстоятельства, это не предвещало Галаэруну ничего хорошего.

- Нам сообщили, что ты хочешь нас видеть. Мало того, что ты потерял свой отряд, так тебе ещё не терпится как можно скорее оправдаться, - сказал мастер на общем языке, усмехнувшись в спину Мелегонту, - Надеюсь, что твоих эльфов перебили не только эти пятеро.

Вала развернулась к эльфу, позволив себе вольность, в которой она ограничила своих людей.

- Если бы я хотела убить эльфов, нам и пятерых бы не понадобилось.

- Не стоит, дитя, - Мелегонт силой потащил Валу по дороге, - пускай дураки повеселятся, мы поговорим со Старейшинами.

Галаэруну пришлось сдерживать улыбку. Знал это Мелегонт или нет, но он и остальные люди как раз говорили с ними. Эльфы, которые издевались над ними, и были Старейшинами Холмов. Они уже проводили свои испытания, чтобы принять решение - сохранить ли жизнь осквернителям гробниц. Киньон Колбатин вытянулся вперёд и сильно толкнул Мелегонту, из-за чего тот споткнулся и натолкнулся на Валу.

Мелегонт просто гордо поднял подбородок и двинулся вперёд, не произнеся ни слова. Вала сделала то же самое. Киньон толкнул мага ещё раз, но тот никак на это не отреагировал, разве что затормозил до того, как снова налететь на Валу. Тогда мастер стражи гробниц обратился своим язвительным тоном к Галаэруну.

- Ну, расскажи нам, как это Галаэрон Нихмеду умудрился потерять свой отряд в стычке с бандой людей – грабителей и убийц.

- Поосторожней с определениями, пожалуйста, - произнесла Вала спиной к ним, - мы ничего не тронули и никого не убили.

Лорд Дуирсар удивлённо поднял бровь, Галаэрон кивнул в ответ.

- Это правда, - сказал он, - мы шли по их следам через вскрытую гробницу, но они не тронули ни сокровища, ни останки покойных.

Галаэрон начал подробно рассказывать о том, как он проследовал за вскрытыми гробницу людьми в тоннели dwarфов под захоронением, где он обнаружил, что они с помощью бехолдера расплавляли часть стены. Киньон Колбатин поднял брови и с новообретённым уважением посмотрел на людей – ведь он лично знал, как трудно уничтожить таких тварей, не говоря о том, чтобы пленить их. Галаэрон продолжил свой рассказ. Он описал, как бехолдер убил Арагата, как люди отказались сдаться, но во время стычки они старались не наносить смертельных ударов. Вала тут же добавила, что если бы она не ограничила своих людей в действиях, всё кончилось бы полным уничтожением отряда Галаэрона, и что подобный исход для всех был бы наиболее выгодным.

Заметив вспышку негодования в глазах Киньона, Галаэрон подумал, что женщина напрашивается на смертный приговор. Он стал объяснять, что услышал Мелегонту, звавшего на помощь, и рассказал, как он проделал брешь в Стене Шарнов, отдав своим эльфам приказ атаковать фаэримма волшебными снарядами.

- Ты? Галаэрон? Проделал брешь в Стене Шарнов? – усмехнулся Киньон, - Ты всегда переоценивал собственные возможности, но это слишком даже для тебя.

Но лорд Дуирсар не собирался так быстро отметить вероятность того, что это случилось.

- Киньон, если он не проделывал бреши в Стене Шарнов, то как объяснить тот факт, что фаэримм пробрался через неё? - Благородный лорд покачал головой от отчаяния. - Галаэрон, как это у тебя получилось?

Мелегонт повернулся к ним.

- Не то, чтобы Галаэрон должен вам это объяснять, но это не его вина. Произошло, неприятное... ээ... смещение магии, которое и проделало брешь в Стене Шарнов. Так что вся ответственность за это лежит не на его плечах, а на моих. Я должен был предвидеть возможность такого развития событий. Теперь, добрейшие господа, покорнейше прошу простить нас, но нам очень нужно идти.

Мелегонт схватил Галаэрона за локоть и подтащил его к тропинке, и только тогда эльф осознал, что они были у цели. Зал Благородной Охоты представлял собой колоннаду парящих в тени деревьев, которые окружали Поющий Ручей Солонора Теландира – журчащий серебряными водами фонтан, чья музыка могла исцелить любую рану. Дайнод и Эамонд уже растворились между двумя стволами и держали Такари на весу, взывая к Благородному Охотнику Трушоту.

- Я знаю, все эльфы имеют особую связь друг с другом, но мы должны предупредить Старейшин Холма, - сказал Мелегонт, всё ещё не подозревающий, кто привязался к ним. - Помни, время есть только до заката.

- До заката? – переспросил Киньон. - А почему до заката?

В своё время узнаете, - сказал Мелегонт, - а сейчас, как я уже говорил...

- Это только догадка, - Галаэрон игнорировал настойчивые толчки мага и продолжал говорить с мастером стражи гробниц. - На самом деле, возможно, они уже на свободе, но этот человек наложил заклятья, которые, как он надеется, удержат их до вечера.

- До сегодняшнего вечера? - лорд Дуирсар тревожно взглянул на Киньона. - Но это же совсем скоро.

Мелегонт задумчиво перевёл взгляд с Галаэрона на лорда Дуирсара, и, похоже, понял, с кем тот разговаривает. Он сделал шаг вперёд и обратился к эльфийскому лорду.

- Милорд, я знаю, что по эльфийским меркам такой срок лишь короткое мгновение, но позвольте вас заверить, что если вы сможете выделить мне небольшой отряд волшебников и трёх высших магов, то к концу этого срока ситуация будет под контролем.

Лорд Дуирсар взглянул на Мелегонта, как на сумасшедшего:

- Тебе, человек? Я бы сказал, что ты уже достаточно натворил. - Он повернулся к Киньону. - Бери с собой всех, кого нужно, мастер, хотя в одном я с осквернителем гробниц согласен – один-два высших мага не помешают, если, конечно, они согласятся прервать свои исследования.

- Если? – переспросил с досадой Мелегонт. - Милорд, возможно, я неясно выразился, необходимы я плюс три высших мага...

- Не смей говорить, что мне нужно, - сказал Дуирсар. - Ещё когда твои предки сидели в пещерах, Эвереске уже было много-много лет. Полагаю, что мы более чем способны справиться с любой проблемой, возникшей из-за вас.

- Странно, что твоя голова не остроконечна как уши! – резко сказала Вала. Она шагнула к эльфу-лорду и тут же оказалась лицом к лицу с кончиками дюжины острейших мечей, среди которых был и меч Галаэрона. Она остановилась, не поведя и бровью. - Вы даже не представляете с кем...

- Не надо, дитя, - Мелегонт поднял руку, чтобы она замолчала, - если эльфам не нужна наша помощь, есть те, кто примет её.

- Возможно, но до них трудно будет добраться из костяной клетки, - сказал Киньон. - Не в правилах Эверески освобождать расхитителей гробниц.

Он пробежался взглядом по толпе, и Галаэрон понял, что мастер уже ждал решения Старейшин.

- На случай, если это что-то значит, гробница, которую они вскрыли, принадлежала клану Вишаан, - сказал Галаэрон. Хотя Мелегонт вёл себя нахально и бесцеремонно, полагая, что древняя магия эльфов уступала его собственной, он всё же только хотел помочь, и честь Галаэрона обязывала его выступить в защиту людей. - Эти люди ничего не украли. Они не наносили преднамеренного вреда, и, по правде говоря, пострадал только проклятый богами клан.

Киньон Колбатин сухо посмотрел на Галаэрона:

- А как же потерянные жизни? Жизни членов твоего отряда?

- Так ими распорядилась судьба, - ответил Галаэрон. - А если и не судьба, то их смерть лежит на моей совести.

После этих слов Вала аж присвистнула, и тихо пробормотала:

- А у червя-то есть хребет...

Галаэрон не обратил на неё никакого внимания и указал на Мелегонта:

- Когда напал фазримм, все люди, кроме него, были у нас в плену, а тем фактом, что кто-то вообще выжил, я обязан именно ему.

- Так ты считаешь, что люди не совершили преступления? – спросил Дуирсар.

- Совет не должен торопиться с выводами. Галаэрон всё же был стражем гробниц и едва ли мог согласиться с тем, что вскрытие оной – не преступление. - Но здесь есть много факторов, которые необходимо учесть.

Лорд Дуирсар посмотрел на членов Совета. И хотя неуверенности на их лицах не заметил бы ни один человек, Галаэрону она была очевидна. Эльфы не принимали скоропалительных решений, они не жестокие создания, и даже людей не станут приговаривать к смерти, не разобравшись во всём.

После некоторого молчания, Дуирсар повернулся к Галаэрону:

- Пока Старейшины Холмов будут принимать решение, забота о наших гостях поручается твоей семье. - Потом он повернулся к Киньону Колбату, - если, конечно, у мастера стражи гробниц нет для него более важных дел.

- Ничего, что может ему помешать. - Мастер повернулся к Галаэрону и указал своим тонким подбородком на Зал Благородной Охоты. - Позаботься о Такари и Эамонде. Мы поговорим о погибших, когда я вернусь.

Киньон отвернулся, и остальные Старейшины Холмов двинулись прочь, оставив озадаченных людей смотреть им вслед. Пленники смутились ещё больше, когда Галаэрон стал развязывать им руки.

- Мы свободны? – спросил Мелегонт.

Галаэрон покачал головой.

- Сейчас вы мои гости.
- Но фэариммы...
- О них позаботится Эвереска, - сказал эльф, - вы предупредили Старейшин Холма, и теперь будете ждать их решения по поводу вскрытия гробницы.
Люди посмотрели на свои свободные руки, казалось, что они озадачены больше, чем когда бы то ни было.
- В моей семье с гостями не обращаются как с пленниками, - объяснил Галаэрон.
- А если мы уйдем?
- Вы не должны, - ответил Галаэрон. - Моя семья поручилась за вас.
- Серьёзно? – спросила Вала. - Когда же это ты успел?
- А я этого и не делал, - Галаэрон вернул ей меч. - Вы сами это сделали, когда с честью и самообладанием выдержали издевательства. А эти добродетели старейшины особенно ценят.
Внезапно в глазах Вала зажглось понимание.
- Но ты выступил в нашу защиту, - она одарила его неумелой улыбкой. - Беру назад половину тех гадостей, что наговорила о тебе.

ГЛАВА 4

21 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Когда Галаэрон вошёл в затенённый листьями Зал Благородной Охоты, Такари нагишом лежала в Поющем Ручье. Лицо её снова приобрело здоровый бронзовый оттенок, а глаза были ясными – впервые после ранения. За ней стоял постаревший лунный эльф. Одежды на нём тоже не было. Целитель сцепил руки в замок вокруг эльфийки, поддерживая над мерцающей поверхностью. В воздухе приятно пахло чистой водой и мхом, а пение серебряного фонтана весёлыми мелодиями разносилось по всему зданию. Замонд сидел под небольшой струёй воды. Он тоже был обнажён, а его раны и синяки уже затягивались. Дайнод стоял у края фонтана, рассказывая двум начинающим жрецам, как погиб отряд.

Когда Галаэрон вошёл в рощу, один из слушателей поприветствовал его кивком. Дайнод повернулся к нему без тени смущения. Эльфы никогда не радовались неудачам собственных товарищей, и поэтому свободно обсуждали их. Ему не раз приходилось ловить направленные на него сочувствующие взгляды и слышать

ободряющие слова, поэтому эта черта входила в число тех немногих, которые Нихмеду желал бы в эльфах изменить.

Взгляд Дайнода скользнул мимо Галаэрона к входу в помещение, где в ожидании стояли люди. Мелегонт смотрел на всё изучающим взглядом, а остальные выглядели несколько более поражёнными, чем обычно. Зная, что роща Солонора Теландира – одна из тех святынь, куда люди не смогли бы вторгнуться, Нихмеду знаком разрешил им пройти внутрь, а затем повернулся к Дайноду.

– Так люди получили прощение?

– Во всяком случае, они к этому ближе, нежели я, – ответил Галаэрон.

Дайнод со жрецами обменялись понимающими взглядами, и один из них произнёс слова сочувствия, к которым Галаэрон испытывал отвращение ещё со времён обучения в Академии Магии:

– Не стоит беспокоиться, мастер стражи гробниц Колбатин – суровый, но справедливый командир.

Дайнод закатил глаза и отвернулся, Галаэрон же ответил:

– Я бы поверил в это, если бы мы провели последние лет двадцать в холмах Серого Покрова, а не на Южной Границе Пустыни, – игнорируя удивление на лицах обоих жрецов, он встал на колени возле воды и обратился к Такари. – Как себя чувствуешь?

– Как мотылёк с дыркой от клыка в спине, – отозвалась она весёлым, хотя и несколько слабым голосом. – Чувствую слабость, но безумно счастлива, что жива.

– Я залечил рану, – сказал Плюфан Трушот – старый охотник поддерживавший её. Он перевернул разведчицу, чтобы продемонстрировать нарыв в том месте, где раньше был прокол. – Но я не могу избавить её от заражения.

– Возможно, это не инфекция, – вмешался Мелегонт, вставая на бортик рядом с Галаэроном. – Можно взглянуть?

Плюфан кивнул.

– В Поющем Ручье вам всегда рады.

К огромному изумлению Нихмеду, маг вошёл в воду, не сняв даже обуви. Дайнод и Эамонд тоже вскинули брови, но благородный охотник и два его помощника не подавали никаких признаков удивления. Во время ежемесячных церемоний в их пастве частенько встречались люди.

Галаэрон перевёл взгляд на Валу, чтобы посмотреть, не кажется ли ей такое поведение странным, но на её лице застыло выражение полного изумления, и понять о чём она думает, было невозможно. А вот её люди смотрели на Такари с таким животным вожделением, что эльф заволновался, правильно ли оценили реакцию людей на издевательства Старейшины Холмов. Это поставило его в тупик куда больше, чем поведение Мелегонта, ведь для людей разведчица была всего лишь случайно пострадавшей в битве эльфийкой. Учитывая обстоятельства, они вряд ли могли влюбиться в неё, так что элфу было трудно понять, почему просто вид её обнажённого тела пробудил в них такую страсть.

Оставляя запачканной в дороге одеждой разводы тёмной грязи, Мелегонт прошёл к центру озера и остановился возле Такари. Он пощупал нарыв и посмотрел на Галаэрона.

– След от хвоста фаэримма, не так ли? – не дождавшись ответа, он продолжил, – Ты не заметил? Он что-нибудь впрыснул ей?

– По хвосту разок пульсация пробежала, – ответил Нихмеду. – А позже я заметил в глубине раны что-то маленькое и горячее.

Плюфан поднял глаза.

– Я испробовал все известные мне противоядия.

Мелегонт покачал головой.

– Фаэриммы впрыскивают не яд, – сказал он. – Они откладывают яйца.

– Яйца? – Такари так быстро развернулась, что выскользнула из рук Плюфана. – Что значит «яйца»?

– Только одно за раз, – ответил маг. Он посмотрел на благородного охотника. – Они так размножаются.

– Как личиночные осы? – лицо Такари приобрело болезненный бледно-жёлтый оттенок. – Тогда прикончите меня, сейчас же! Я не хочу, чтобы какая-то дрянь съела меня изнутри!

– До этого не дойдёт, – успокоил её Мелегонт и повернулся к благородному охотнику. – Извлеките яйцо и назначьте лечение, как при лихорадке. Отдохнёт дней десять и будет в полном порядке.

На лице эльфийки читалось сомнение.

– Тебе легко говорить...

– Да, легко, я из себя выковырнул шесть таких, и рядом не было целителя, чтобы облегчить лихорадку, – маг потрепал разведчицу по щеке, кивнул благородному охотнику и побрёл к берегу.

– Дайнод, проследи, чтобы она отдыхала, как ей велели, – Галаэрон посмотрел на Такари и добавил, – После лечения вернётся к своим на год.

– Спасибо, – отозвалась та с грустью в глазах, – но я подожду до того момента, как Киньон...

– Нет, ты отправишься домой сразу же, как только позволит здоровье, – перебил Нихмеду. – Даже если он его не озвучил, решение Киньон уже принял. И я хочу, чтобы ты побывала дома, пока я могу отдать тебе такой приказ. Ты слишком долго не была в Высоком Лесу.

На глаза Такари навернулись слёзы.

– Я...

Галаэрон прервал её взмахом руки.

– Мы ещё поговорим, прежде чем ты отправишься в путь, – сказал он. – Когда поправишься, навести меня.

Эльфийка кивнула и опустилась в руки Плюфана.

– До скорой встречи.

– До скорой встречи.

Галаэрон попросил жрецов поблагодарить за него благородного охотника, передал им для их богини золотого льва и принялся ждать, пока Мелегонт выберется из воды. Человек потёр пальцы друг о друга, делая пассы простенького заклятия, чтобы высушиться, но ничего не произошло. Он нахмурился и попробовал снова.

Одежда оставалась мокрой.

– Позволь мне, – предложил Галаэрон, весьма удивлённый неудачей мага. Мифал блокировал все заклятия, способные нанести вред Эвереске, если их читали не эльфы. Но едва ли заклятие просушки можно было назвать разрушительным. Да и Мелегонт бы ощутил на себе неприятное воздействие, если бы намеревался нанести какой-либо вред своим колдовством. Вместо этого чары просто не сработали.

– Ты чувствовал магию?

В ответ Мелегонт приподнял густые брови и отрицательно покачал головой.

Галаэрон повторил пальцами жесты мага, и тот почувствовал, как через него потекла магия Плетения. Раздалось шипение, мелькнула вспышка света, и одежда мага тут же высохла, исходя паром.

Мелегонт хлопками затушил небольшой огонёк.

– Ты скопировал моё заклятие?

– Ну, небольшой талант у меня всё же есть, – ответил Нихмеду, опустив длинную историю о том, как он поступил в Академию Магии и как из неё вылетел. – Это заклинание не такое странное как те, что ты использовал раньше.

– Поразительно, – восхитился Мелегонт. – Хоть ты освоил и совсем простенькие чары, это всё равно поразительно.

– Эх, если бы ты был наставником в Академии Магии, – усмехнулся Галаэрон.

Он повернулся и вывел людей из рощи. Когда они снова оказались на мощёных мрамором дорожках, к эльфу подошла Вала.

– Тебе надо было её поцеловать, – сказала она.

Галаэрон так опешил, что чуть не споткнулся.

– Такари? Зачем мне это?

– Разве влюблённые эльфы не делают этого, когда прощаются? – удивилась женщина. – Или целуются только люди?

– Мы целуемся... правда, судя по скорости, с которой размножается ваша раса, не так часто, – ответил Нихмеду. – Но мы с Такари не влюблены друг в друга.

– Беру назад двенадцать добрых слов из тех, что я сказала о тебе, – ответила Вала. – Только клыкастые твари так обращаются с влюблёнными девушками.

– «Клыкастые твари»?..

– Орки, – объяснил Мелегонт. – И, Вала, вряд ли гость имеет право расспрашивать приютившего его о подобных вещах.

Женщина тут же опустила глаза.

– Разумеется. Прошу меня простить, – она отстала на шаг, позволив Галаэрону занять её место подле мага.

Эльф оглянулся, его слегка обеспокоило то, как быстро её индивидуальность исчезала при первом же намёке на недовольство волшебника. Ещё с того момента, как они вышли из гробницы клана Вишаан, он пытался понять, что их связывает, но едва речь заходила о Гранитной Башне, как Мелегонт тут же менял тему, а Вала говорила, что он лезет не в своё дело.

Решив, что лучший способ завоевать доверие Валы – это самому быть откровенным, Галаэрон сказал:

– Не стоит извиняться, но мы никогда не были любовниками.

По взгляду женщины эльф понял, она уверена в том, что между ним и Такари что-то было.

– Мы могли бы стать ими, но такие связи всегда плохо кончаются, даже между лунными и лесными эльфами.

– Серьёзно? – спросил уже Мелегонт. – Я этого не знал.

– Наверное, потому что ты не эльф.

Не обращая внимания на любопытные, а иногда и враждебные взгляды прохожих, Галаэрон провёл людей по солнечной низине, лежавшей у подножия Колокольного Гребня и замер, направив свой взор на Златоутренный Холм. Очевидно, Мелегонт почувствовал, что на эльфа нашла меланхолия, потому что прежде чем снова заговорить, он позволил Галаэрону погрузиться на несколько минут в свои мысли.

– А ведь они все погибли.

Нихмеду не нужно было спрашивать, что имел в виду маг.

– Не стоит судить о наших высших магах по моим навыкам, – тихо ответил он, убедившись, что рядом нет никого из эльфов. – Лорд Дуирсар не преувеличивал, когда говорил о том, что магия эльфов – древняя.

– И могучая, не сомневаюсь, – кивнул Мелегонт. – Но много ли известно вашим высшим магам о фаэриммах? Ты даже не знал, кто они такие, а ваш жрец не понял бы, что с Такари, пока личинка не проела её внутренности.

– А ты откуда столько о них знаешь?

Оставив вопрос без внимания, маг продолжил:

– Последнюю тысячу лет, фаэриммы провели под Анорохом практически без еды. Они еле-еле поддерживали силы, питаясь редкими бединами, которых их рабам удавалось поймать или заманить за Стену Шарнов. А теперь мы – ты и я, – дали им шанс вырваться из плена, и, уж поверь мне, они его не упустят.

– Это всё, конечно, очень интересно, но ты не ответил на мой вопрос. Откуда ты столько о них знаешь?

– Последние сто лет я провёл, изучая их, – ответил Мелегонт. Заметив, что Галаэрон молчит, он добавил:

– Это всё, что тебе нужно знать.

– А всё что нужно знать тебе – это что я не нарушу слово, данное лорду Дуирсару, – ответил эльф. – Ни по твоей указке и вообще ни за что на свете, пока я жив.

– А за твою жизнь я и не беспокоюсь.

– Тогда расскажи мне, почему, по-твоему, они погибли, – потребовал Нихмеду. – Если ты убедишь меня, мы снова поговорим со Старейшинами Холмов...

– Которые скорее позволят Эвереске погибнуть, чем примут помощь человека.

– Которые имели с людьми достаточно дел, и знают, что их помощь никогда не бывает бескорыстной, – возразил Галаэрон. – Я моложе их больше чем в пять раз, и всё равно уже сам усвоил эту истину.

Они повернули за угол и вышли к гранитному берегу пруда Рассветной Славы. Там две дюжины эльфов игрались в лучах утреннего солнца, купаясь в горячей воде, от которой шёл пар. Нихмеду провёл спутников в тихий уголок, где пара обаятельных сестёр – золотых эльфиек, – приводили в порядок намокшие волосы.

Старшая из них, дева поразительной красоты, подняла взгляд, в её глазах виднелись фиолетовые крапинки.

– Добро пожаловать домой, Галаэрон, мы уже слышали про Луэнгриса и твоих серебряных. Нам будет его не хватать.

Эльф вздрогнул, новости распространялись очень быстро. Они доберутся до отца раньше него самого.

– Всех остальных тоже, Жерили, – он указал себе за спину, почти чувствуя жар, исходивший от людей при виде обнажённых сестёр. – Пока Старейшины Холмов определяют их судьбу, люди находятся под моей опекой. Мне непросто просить об этом, но им нужно принять ванну, прежде чем я смогу отвести их в дом моего отца.

Та, что помоложе, наморщила нос.

– Внимательно следи за ними, – она повернулась к людям спиной и направилась к центру озера. – Мне не нравится, как этот курносый смотрит на меня.

Воздух всколыхнул звук сильной затрешины, а потом раздражённый голос Валу:

– Прикрой глаза, Кул, не то выколю.

Галаэрон дал сёстрам возможность отойти, а потом жестом позвал гостей к бассейну.

– Прошу вас, – он бросил взгляд на Мелегонта и добавил, – обычно перед этим одежду снимают.

Желание на лицах мужчин сменилось робостью, и они посмотрели на Валу, ожидая распоряжений.

Та просто пожала плечами и сказала:

– А почему бы и нет?

Она расстегнула пояс с мечом, потом присела и стала расшнуровывать сапоги. С неохотой её подчинённые последовали примеру. Десять минут спустя они уже как щенята резвились в воде. Мужчины своим крупным телосложением и покрытыми густыми волосами спинами напоминали рофов. Вала была крепко сложена, хотя в размерах и уступала сильной половине своего отряда. Её округлости выступали несколько больше, чем у эльфийских женщин, и, к счастью, пучки волос были только там, где положено, но вот в воде она веселилась так же бесцеремонно, как и её люди. Когда те схватили её сапог и, бросая друг другу, решили поиграть с ней в догонялки, женщина, не стесняясь, принялась хватать их за те места, которых, по мнению эльфов, неприлично было касаться даже близким друзьям. Мужчины в долгу не оставались, цепляя её за всё что можно. Они даже попытались втянуть в свои игры Галаэрона и бросили ему сапог, подтолкнув туда же Валу. То, что она смотрит на него с тем же вожделением, которое он заметил раньше у мужчин, сильно озадачило эльфа. Из-за этого он даже забыл защититься, её рука скользнула вперёд и, не встретив сопротивления, ухватила его за такое место, что он удивился ещё больше. Женщина сбила Нихмеду с ног и, погрузив его лицо в свою мягкую грудь, выхватила свой сапог.

Галаэрон, прокашлявшись, поднялся и посмотрел на Валу, держащую в одной руке свою обувь.

– В чём дело, эльф? – она одарила его одной из полных желания человеческих ухмылок и бросила сапог на берег. – Ещё не отмылся?

– Вовсе нет, – внезапно смутившись, Нихмеду повернулся к берегу. – Мой дом совсем близко. Мы быстро до него доберёмся, а вашу одежду и броню почистим позже.

Они выбрались из воды и завернули свою броню в плащи. Без одежды люди уже не выглядели так устрашающе и притягивали куда меньше взглядов, так что до вершины Златоутреннего Холма они добрались быстро. Расположенный в глубине Эверески холм уступал Трём Сёстрам в размерах, но именно на нём располагалась крупная роща кленовых деревьев, которые ушли из Кормира во Времена Бед в поисках убежища в Эвереске. Галаэрон не смог сдержать улыбку, вспомнив это зрелище – бесчисленные ряды деревьев, строемдвигающиеся вдоль Пустынной Границы и исчезающие в Шараэдиме. Он подошёл к основанию Башни Звёздного Луга – до того, как пришли кленовые деревья, она стояла в самом сердце поля, с которого эльфы любили наблюдать за звёздами, – и указал на круглый дверной проём, располагавшийся на высоте семидесяти футов.

– Это мой дом. Если потеряетесь в городе – спросите, где находится Древесная Крона Звёздного Луга, и вас направят сюда.

– Древесная Крона, – повторил Дексон. Коренастый человек запрокинул голову и увидел, как два эльфа ползут мимо двери, головой вниз. – А где лестница?

– В Эвереске лестницы не нужны, – улыбнулся Галаэрон.

Он зажал броню подмышкой, потом прижал ладонь и стопу к стене. Благодаря магии мифала, они крепко приклеились к каменной стене, и эльф начал подъём.

– Только кожей, никогда не пытайтесь взобраться сюда в перчатках или обуви.

Несколько мгновений Вала и остальные с опаской понаблюдали за ним, но потом последовали за эльфом. Веселились они ещё больше, чем в озере, и вскоре уже смущали Галаэрона возгласами и песенками.

Разве что Мелегонт был не в восторге от подобного подъёма. Он, по правде говоря, производил не самое отрадное впечатление, и казалось, что побольше физических упражнений и поменьше магических пойдут ему только на пользу. Маг немного постоял на земле, пытаясь произнести заклинание полёта, которое не сработало, как и чары просушки. В конце концов он сдался и принялся с трудом карабкаться по стене. К тому моменту, как он добрался до Галаэрона и остальных, волшебник громко пыхтел и тяжело дышал, практически потеряв возможность говорить. Галаэрон показал людям, как безопаснее всего забраться и выбраться из дверного проёма – сбоку, а не вскарабкиваясь снизу, – и вошёл в дом.

Древесная Вершина был просторна и хорошо освещена, от мягко изгибающихся стен исходило слабое свечение. С верхних этажей спускалась винтовая лестница, которая исчезала за углом в фойе перед ними, а потом шла дальше, в нижнюю часть дома. Вдоль стен тянулись скамейки из белого мрамора и столы из полупрозрачного алебаstra, тут и там стояли аккуратные вазы с изысканными узорами и неземной красоты статуэтки.

В дверном проёме появилась младшая сестра Галаэрона, восьмидесятилетняя Кейя.

– Галаэрон! – Она пронеслась по комнате вихрем длинных голубых волос и золотистого шёлка платья и заключила его в объятия. – Добро пожаловать домой! Прошедший год тянулся, словно десять зим!

Радуюсь тому, что хоть кто-то для разнообразия не говорит ему о его потерянном отряде или о том, что шансов оправдаться перед мастерами стражи гробниц у него больше, чем кажется, Нихмеду выронил броню и прижал сестру к груди.

– Кейя! С каждой нашей встречей в тебе всё больше и больше от настоящей леди, – он ещё некоторое время не выпускал её из объятий, потом освободился и повернулся, чтобы представить своих спутников. – Старейшины Холмов поручили мне позаботиться о наших гостях.

– Знаю, – эльфийка взглянула на представшие её взору покрытые волосами тела, – Думаю, этой женщине подойдёт одна из твоих туник.

– Вала, – представилась та. Она протянула Кейе руку, пристально разглядывая эльфийку, словно примериваясь к добыче. – Рада встрече.

Кейя, смутившись, чуть отступила, недоумённо глядя на протянутую ладонь.

– Нужно позвать, – объяснил Галаэрон. – Это человеческий жест дружбы.

Эльфийка посмотрела на брата, в её золотистых глазах явно читался вопрос – действительно ли это так необходимо.

Галаэрон взял её руку и поместил в ладонь Валы.

– Вы уж извините мою сестру, – сказал он усмехаясь. – Боюсь, о людях она слышала только как о ворах и убийцах.

– Сестра? – выражение лица Валы тут же стало более дружелюбным, и она тепло пожала руку Кейи. – Не вздумай верить всему, что о нас тут наплетёт Галаэрон. Я уверена, что мы с тобой станем отличными подругами.

– Наверное, это будет, хм, интересно. Друзей среди людей у меня раньше никогда не было.

Эльфийка повернулась к мужчинам и с неохотой пожала каждому из них руку. Её слегка удивило, что они покраснели и изо всех сил старались скрыть это. Даже Мелегонт казался смущённым, хотя он скрывал это намного лучше остальных.

– Возможно, я смогу найти плащ, который подойдёт полненькому, но вот остальные... – Кейя покачала головой. – Сомневаюсь, что у нас есть накидки нужного размера, плечи слишком широкие.

– Думаю, им будет достаточно прикрыться ниже талии, – сказал Галаэрон. – А отец дома?

– В комнате созерцания, – Кейя жестом указала через арку на заднюю часть дома, потом она посмотрела на мага. – Он просил, чтобы вы с Мелегонтом немедленно шли к нему. Только что тут был посланец лорда Дуирсара.

– От Дуирсара? – чародей позволил себе торжествующе улыбнуться, а затем двинулся в сторону арки. – Наверняка он передумал и принял здравое решение.

– Сестрица, будь так любезна... – Галаэрон указал на Валу и её людей, а затем пошёл вслед за Мелегонтом. Он провёл мага через большую круглую комнату, где обедала вся семья в те редкие случаи, когда собравшихся её членов хватало на то, чтобы заполнить помещение. Потом они прошли через широкую арку в комнату созерцания. Его отец стоял в задней части уставленного шкафами с книгами помещения и наблюдал за макушками деревьев через волшебное окно. На его вытянутом пальце сидел снежный вьюрок, быстро что-то щебеча и чирикавая – вне

всякого сомнения, передавая последние новости с Холма Облачной Кроны, где между деревьев были разбросаны дворцы лорда Дуирсара и прочей знати.

Нихмеду прочистил горло.

– Отец? Мы пришли.

Тот тут же развернулся. Его широкая улыбка озарила до того момента мрачный взор, волосы были седые, а плечи опустились. Галаэруну казалось, что с момента его последнего визита домой отец постарел и осунулся.

– Мой сын. Добро пожаловать домой.

Птичка тоже прочитала приветствие, но Галаэрон был малосведущ в языке птиц, и поэтому смог ответить только вежливым поклоном.

Молодой эльф указал на сопровождавшего его волшебника.

– Позволь представить, Мелегонт Тантул, человек-маг, владеющий необычной магией и огромной силой.

Отец Галаэрона склонил голову.

– Добро пожаловать в Древесную Крону... эээ, чародей Тантул.

– В своём городе я – принц, – сказал Мелегонт, заметив неуверенность старшего Нихмеду, не знавшего, как обращаться к гостю. – Но, откровенно говоря, меня там не было так долго, что я практически забыл этот факт. Так что зовите меня по имени.

– А я Аобрик.

– Рад познакомиться, Аобрик, и примите мою благодарность за то, что вы открыли для нас свой дом, – маг оглядел комнату созерцания, ища в комнате ещё кого-то. Его взгляд пробежался по кушетке для Дремления и стойке для чтения. – Как нам дали понять – тут посланец?

Отец Галаэрона поднял палец со снежным вьюрком.

– Это Мэнинестс, он служит лорду Дуирсару.

Птичка разразилась чередой трелей и щелчков.

– Лорд Дуирсар передаёт вам привет, – пояснил Аобрик. – Он сообщает, что у магов Эверески, – чирикание Мэнинестса заставило его поправиться, – у наших высших магов ушло больше часа на то, чтобы распутать ваш лабиринт.

– Всего за час? – глаза Мелегонта расширились от удивления.

Птица снова начала щебетать, и отец Галаэрона перевёл:

– Лорда Дуирсара удивило, что у них ушло на это так много времени. Он выражает своё восхищение и интересуется, не передадите ли вы им пароли к ловушкам в тоннелях дварфов. Хотя для высших магов ваша работа очень познавательна и интересна, всё же присутствует некоторый фактор времени.

– Да, конечно же, – чародей был настолько шокирован, что опустился на кушетку для Дремления, заставив поморщиться обоих Нихмеду, когда его волосатая спина коснулась чистого мрамора. – Первый – «пурпурный сумрак», а второй – «тёмное утро».

– «Пурпурный сумрак» и «тёмное утро»? – повторил Аобрик для Мэнинестса.

Когда Мелегонт кивнул, птица благодарно чирикнула и поднялась в воздух. Она полетела в волшебное окно, словно брошенный дротик, и старший Нихмеду едва успел произнести волшебное слово, делающее стекло проницаемым.

Галаэрон подошёл к магу.

– Ты удивил меня, но это хорошо, что ты не стал пытаться с помощью паролей принудить их взять тебя в битву.

В глазах Мелегонта всё ещё отражалось удивление.

– Принуждение бы не сработало. Коль у них на уничтожение моего теневого лабиринта ушёл только час, то к середине утра они бы уже пробились и через остальные заклатья.

– И всё же то, что ты не колебался, заставляет верить, что у тебя добрые намерения, – сказал старший Нихмеду. – Мэнинестс доложит о том, что ты без раздумий дал ответ, и это может стать сильным доводом в вашу пользу, когда Старейшины Холмов станут решать вопрос о вскрытии вами гробницы.

– Надеюсь, не менее сильным, чем гнев лорда Имесфора, – криво ухмыльнулся Галаэрон. – Пока мы мылись, я встретил Жерили и Гвендор, золотые уже начали обсуждать смерть Луэнгриса.

Аобрик помрачнел.

– Сомневаюсь, что в смерти Луэнгриса обвинят людей. Мэнинестс сообщил мне, что лорд Дуирсар уже собирается отстранить лорда Имесфора от рассмотрения любых вопросов, связанных со смертью его сына. А вот твоя судьба – совсем другое дело. Киньон отправил юного Имесфора на Пустынную Границу не просто так, и он уж точно повесит на тебя всю ответственность за неприятности, которые навлечёт на Стражу Гробниц смерть парнишки.

– Он и так будет винить меня во всём, – кивнул молодой эльф. – Он уже дал мне это понять. Но скорее всего, это заслуженно. Как-никак, я потерял две трети своего отряда.

– И сделал куда больше добра, чем ты можешь себе представить, – Мелегонт поднялся на ноги. – Не хочу показаться нескромным, но оставь ты меня в лапах фаэриммов, и мир потерял бы очень много.

– Потому что?..

– Потому что это бы был поступок труса, – уклонился от прямого ответа волшебник. Рассказывать что-либо лорду Нихмеду он желал не более, чем откровенничать с Галаэроном. – А ваш сын не трус. Учитывая обстоятельства, он сделал всё возможное и даже более. Киньон Колбатин поймёт это, если ему и остальным повезёт выжить.

– Тогда не о чём волноваться, – Аобрик похлопал Мелегонта и сына по плечам и повёл их в большую комнату. – Киньон Колбатин всегда остаётся в живых. А сейчас нам лучше поскорей позавтракать. Теперь, зная пароли, высшие маги наверняка уничтожат фаэриммов к позднему утру, и я не хочу, чтобы вы предстали перед Старейшинами Холмов на пустой желудок.

ГЛАВА 5

23 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Залатать Стену Шарнов к полудню двадцать первого числа высшим магам не удалось. Не удалось им её починить и к закату, и даже к глубокой ночи. Лорд Дуирсар, благодарный за оказанную ранее помощь Мелегонта, держал семью Нихмеду в курсе событий с помощью посыльных птиц. Киньон потерял группу стражей гробниц, когда они прошли вторую ловушку человеческого мага и застали врасплох пару фаэриммов. Высшие маги уничтожили монстров потоком молний и огня, но битва оказалась утомительной, и им пришлось вернуться на поверхность.

Мелегонт передал им, чтобы они избегали прямого нападения на фаэриммов, потому что эти монстры часто поглощают магию, отражая обратно в волшебников, или просто используют энергию, чтобы подлечиться. Лорд Дуирсар поблагодарил за совет и сказал, что передаст его.

К тому времени, как из Эверески телепортировались ещё несколько высших магов и новая группа стражей гробниц, полдюжины фаэриммов проскользнули в тоннели дварфов и исчезли. Чтобы их найти и обезвредить, с холмов Серого Покрова телепортировали ещё две группы стражей. Одна из них пропала без вести, а уцелевшие члены второй вернулись с добрыми вестями, что им удалось ранить одного из монстров.

Мелегонт предложил прийти вместе с Валой и её людьми и присоединиться к сражающимся, но лорд Дуирсар, поблагодарив за заботу, ответил, что для них будет лучше оставаться в Эвереске. Все стражи гробниц получили распоряжение явиться в расположение Колледжа Магии и Оружия. В списках вызванных не было Галаэрона, а Такари к тому моменту уже отправилась в Высокий лес. Эамонда и остальных уже присоединили к какому-то отряду.

Киньон Колбатин добрался до Стены Шарнов с десятью стражами и двумя из трёх имевшихся в его распоряжении высшими магами. Изучив брешь, чародеи пришли к выводу, что для того, чтобы её заделать, им понадобится третий. Киньон, разбиравшийся в сложных схемах высшего волшебства не лучше любого непосвященного в магическое искусство, пришёл в ярость. Пока он кричал, из-под Анороха выбрались ещё два фаэримма. Во время боя Киньон нашёл чёрный меч и с его помощью убил обоих монстров, сильно отморозив руку, но сохранив жизнь одному из магов. Прежде чем отступить, он велел четырём оставшимся в живых членам своего отряда обыскать тоннели в поисках чёрных мечей. Они нашли шестнадцать штук, и Вала потребовала, чтобы их вернули ей, потому как мечи – фамильные реликвии, передаваемые на протяжении пяти поколений. Абсолютно не впечатлённый родословной оружия лорд Дуирсар всё же пообещал вернуть их после сражения. А до тех пор он надеялся, что женщина не будет против, если мастер стражи гробниц Колбатин использует их в бою. Он так же уточнил – нет ли способа

сделать так, чтобы рукояти не отмораживали руки державшим их? К сожалению, такого способа не было. Магия клинков была привязана к владеющим ими семьям. Мелегонт снова предложил присоединиться к битве. Лорд Дуирсар поблагодарил за предложение и отметил, что уже говорил об этой возможности с Киньоном и высшим магом, чьего имени человеку так и не раскрыли. После долгого обсуждения они пришли к решению, что примут во внимание предложение человеческого мага, но выразили опасение, что на данном этапе смесь методов борьбы скорее создаст новые проблемы, нежели поможет решить текущие. Стража Долины, Кавалерия Пера и армия Эверески стояли наготове. Все стражи гробниц, которые умели телепортироваться, получили распоряжение немедленно явиться в гробницу Вишаан, остальным приказали отправиться туда верхом. Чтобы задействовать телепортацию, магов уже не хватало.

Галаэрон пытался справиться с собственным раздражением, гуляя по Эвереске вместе с Валой и её людьми. Они побывали в Парящих Садах Эйрдри Фэйньи, в Пещере Стонов, в башне, которая была выше Восточной Вершины – с её верхушки они видели гробницу Вишаан и расположившуюся вокруг неё армию. По крайней мере, так им показалось. Обнаружив, что Вала стала общаться с ним более открыто, Нихмеду снова спросил её о доме и связи с Мелегонтом. В ответ она лишь заверила эльфа, что его народу не следует бояться её родичей. Гранитная Башня очень и очень далеко, и едва ли её жители настолько сильны, чтобы представлять угрозу Эвереске. Женщина добавила, что пока остаётся пленницей, ничего сверх того она не скажет. И Галаэрон решил удовлетвориться этим.

К полудню двадцать первого Галаэрон стал замечать, что на него смотрят не менее пристально, чем на людей. К закату горожане упрекали его в том, что он из-за своей нерассудительности поставил Эвереску под угрозу. Такое презрение к одному единственному элфу доселе было неслыханно. Галаэрон впал в депрессию и больше не желал покидать Древесную Крону. Вала уговаривала его успокоиться – ей хотелось посмотреть на статую Ханали Селанил.

Двадцать третьего Найтала фаэриммы заняли тоннели dwarфов и вытеснили Киньона вместе с его последними стражами на поверхность. Стали приходить сообщения о появлении странных монстров в отдалённых местах. Как-то Галаэрон наорал на Кейу и тут же понял, что они с Валой и в самом деле сдружились, когда женщина вытащила кинжал, пообещав кастрировать его за подобное. Он извинился; небо на четверть часа потемнело от гигантских орлов Кавалерии Пера. Они отправлялись, чтобы предотвратить прорыв фаэриммов. Мелегонт передал лорду Дуирсару, что Старейшины Холмов могут приказать Киньону и неназванному высшему магу принять его помощь, но лорд Дуирсар лишь кратко ответил, что у Старейшин Холмов прав вмешиваться в дела полевых командиров не больше, чем у человека влезать в вопросы управления Эвереской. После этого некоторое время не приходило вообще никаких сообщений, но из других источников Аобрик Нихмеду смог выяснить, что Армию Эверески отправляли во все уголки Шараэдима, Страже Долины приказали выстроиться в горах по периметру местности, давшей им название, а старшие наставники Академий Магии и Оружия получили приказ быть наготове. Мелегонт обратился к Галаэрону с предложением вступить в бой без разрешения, и тот был настолько напуган, что едва не согласился.

Тем же днём, несколько позже, к Галаэруну подошла Вала. Щеки её припухли, а в глазах стояли слёзы. Сначала эльф решил, что Мелегонт нарушил данное слово и сбежал, но отбросил это предположение, когда женщина взяла его руки и поднесла их к своим губам.

– Галаэрон, мне так жаль, что именно я сообщаю тебе это.

– Сообщаешь что? – эльф плохо представлял, что могло заставить Валу расплакаться. – Фаэриммы пробились сквозь нашу оборону?

Она покачала головой.

– Дело в Аобрике.

– В моём отце? – ничего не понимая спросил Галаэрон. Он не заметил ни намёка на то, что тот готовился к путешествию на запад.

– С ним всё в порядке.

– Нет. – По лицу Валы потекли слёзы. – Уже не в порядке.

Таща эльфа за руку, она вошла в комнату созерцания, где на мраморном ложе для дремления возлежал Аобрик Нихмеду. Глаза его были широко открыты, а на груди лежала толстая книга. Он выглядел намного счастливее, чем Галаэрон видел его в последние несколько десятилетий. На губах играла лёгкая улыбка, а морщины на лбу разгладились.

Сразу всё поняв, младший Нихмеду сжал ладонь Валы и вышел вместе с ней в большую комнату. Решив, что их никто не услышит, эльф прошептал:

– Спасибо.

Вала нахмурилась.

– И это всё? Эльфы что, никогда не плачут?

– Когда тому есть причина.

– А смерти отца не достаточно?

– Смерти? – утверждение было столь абсурдно, что Галаэрон захохотал, тем самым вызвав удивлённое восклицание из соседней комнаты.

Вала бросила взгляд через арку и побледнела, став похожей на лунного эльфа.

– Он вернулся!

– Вернулся? – Отец Галаэрона появился в арке. – А где я был?

– Вы б-был-ли м-мертвы! – колени Валы подогнулись, и Галаэрон поспешил её подхватить.

– Мёртвым?

Аобрик посмотрел на сына, ожидая объяснений, но тот задышался от смеха и говорить попросту не мог.

– У вас были открыты глаза, – сказала Вала. – Я подумала, что вы... отошли в мир иной.

– В мир иной? – Аобрик, похоже, понял, в чём дело. – А, глаза. Ты подумала, что я...

– Умер, – подтвердила женщина. – Вы ведь не двигались.

– Это Дремление, – вставил Галаэрон, всё ещё смеясь. – Ты не задавалась вопросом, почему у нас нет кроватей? Эльфы не спят.

Вала выглядела настороженно.

– Спят все.

– Отнюдь, – покачал головой старший Нихмеду. – Хотя Дремление, вероятно, можно считать чем-то вроде сна.

– Да, в небольшой степени, – Галаэрон не хотел ещё больше смущать несчастную женщину.

– Это сон наяву? – спросила Вала.

– Не совсем сон, – сказал Галаэрон. – Мы видим, что было с нами в прошлом.

– Или сливаемся с соплеменниками, – добавил его отец.

Женщина выглядела смущённой.

– Чтобы разделить наши чувства, – продолжил младший Нихмеду. – Это позволяет отдохнуть.

Вала прищурила глаза.

– Вы все владеете безмолвной речью?

– Это не речь, мы делимся ощущениями. – Галаэрон задумался, как точнее описать Дремление. – У тебя есть семья?

– Меня что, по-твоему, на грядке вырастили? – Вала оскорблено нахмурилась.

– Ты когда-нибудь чувствовала то же, что и они? Знала, в чём они нуждаются, не задавая вопросов, или даже вдали от них ощущала испытываемую ими боль?

Глаза Вала сверкнули.

– Иногда такое происходит между мной и сыном. А у вас то же самое со всеми эльфами?

– У тебя есть сын? – Галаэрон так удивился, что не обратил внимания на последний вопрос.

– Ну да, есть, – Вала пробежалась пальцами по бёдрам. – Ты же видел меня обнажённой. Не думаешь же ты, что моё тело ещё не знало родов?

Галаэрон почувствовал, как его щёки запылали.

– Нет, конечно, но у эльфийских женщин...

– Нет бёдер. Наверное, когда они рожают, чувствуют себя так же, как если бы им выпустили кишки. – Вала прищурилась, а потом добавила:

– Наверное, поэтому у вас такие тонюсенькие головы.

– Вне всяких сомнений! – Аобрик хлопнул женщину по плечу. – В способности острить ты не уступаешь лесным эльфам, моя дорогая.

Выражение лица Вала тут же сменилось на виноватое.

– Прошу прощения. Я забылась.

– Вовсе нет, – покачал головой старший Нихмеду. – Я так не веселился с тех пор, как здесь была Моргвэйс.

– Моргвэйс? – переспросила Вала.

Радость исчезла из глаз Аобрика столь же внезапно, как и появилась.

– Мать Галаэрона. С ней тебе никогда не встретиться.

Когда не последовало никаких объяснений, женщина посмотрела на младшего эльфа, и на некоторое время установилась гнетущая тишина. От необходимости менять тему разговора Галаэрона спас внезапный шорох крыльев. Мэнинестс трижды пронёсся вокруг комнаты белой стрелой, пока не замедлился достаточно для того, чтобы сесть на вытянутый палец старшего Нихмеду.

– Я был здесь, – Аобрику пришлось перебить щебетание снежного вьюрка. – Было сложно воспользоваться дверью?

Это несколько успокоило птицу. Она продолжила щебетать и чирикать, причём так быстро, что даже отцу Галаэрона приходилось напрягаться, чтобы ничего не упустить.

– Когда в последний раз лорд Дуирсар получал от них вести?

Птица чирикнула и щебетала ещё секунд двадцать. Наконец она задрала головку вверх и расправила трепещущие крылья, ожидая ответа.

– Передай лорду, что Мечи Эверески выступят в течение часа, – сказал Аобрик. – Я позволил себе вольность подготовиться к такому распоряжению.

Вьюрок резко взлетел и понёсся в комнату созерцания. Он едва не врезался в стекло, и Аобрик лишь чудом успел произнести волшебное слово, сделав зачарованное стекло проницаемым.

– Эта пичуга скоро сломает себе шею, – покачал головой Мелегонт, входя в комнату вместе с Кейей и остальными людьми. – С чего такая суета?

– Час назад Старейшины Холмов потеряли связь с Киньоном и высшими магами.

– Час? – раздражённо переспросил маг. – А сообщили только сейчас?

Отец Галаэрона поднял руку.

– Это ещё не всё. Они вообще не могут связаться ни с кем за пределами Шараэдима.

– Как это? – нахмурилась Кейя. – Этого не может быть.

– Сомневаюсь, что лорд Дуирсар ошибается, – сказал её отец. – На его послания никто не отвечает, а те, кто проходит через врата – не возвращаются.

– Значит, подкреплению из Эвермита в Эвереску не пройти, – резюмировал Мелегонт. – Им придётся пробиваться снаружи вместе с войсками, которые пришлют другие ваши союзники.

– Другие союзники? – переспросил Аобрик. – И кто же они?

– Я слышал, что в сердце Хелбена Арансана Эвереска занимает особое место, – ответил маг. – Вне всякого сомнения, он уже собирает войска Глубоководья.

– У вас достоверные сведения, – кивнул старший Нихмеду. – Хелбен был первым человеком, посетившим Эвереску, но эльфы – народ гордый.

– Ему не сообщили? – устало прикрыл глаза Мелегонт. – А Эвермит?

– Им передали весть, но помощи мы у них не просили. Лорд Дуирсар приказал остаткам Кавалерии Пера разнести новость о нашей беде всем друзьям эльфов.

– Им это не удастся, – покачал головой волшебник. – Фаэриммы не прозевают такой очевидный ход.

– Значит, Эвермит пришлёт помощь не сразу, – сказал Аобрик. – А пока прошу меня простить. Долг зовёт.

– Долг? – переспросила Вала.

– Отец – Первый Клинок Мечей Эверески, – произнесла Кейя с испугом и благоговением одновременно.

Старший Нихмеду кивнул.

– Лорд Дуирсар попросил нас провести разведку и доложить обстановку.

Облегчение мелькнуло на лице Мелегонта.

– Отлично. Мы поедем с вами.

Отец Галаэрона тепло улыбнулся.

– Если бы это было возможно, друг мой, – сказал он и покачал головой.

– Но ведь лорд Дуирсар наверняка согласится с пожеланиями командира, – возразил маг.

– Вне всякого сомнения, – кивнул Галаэрон. – Но Мечи Эверески – это ополчение, состоящее из представителей знати. Первый Клинок – переходящая должность, и несколько высокородных дворян легко смогут организовать её передачу кому-нибудь другому.

– Моё положение командира и так шатко. – Старший Нихмеду не стал уточнять причину, но все знали, что это из-за того, что ответственность за происходящее возложили на плечи его сына. Он повернулся к Галаэрону. – Мэнинестс дважды сказал, что все выходы охраняются стражами-магами. И ни от тебя, ни от твоих друзей в костяных клетках пользы не будет.

Молодой эльф пристально посмотрел на отца.

– На наш счёт тебе опасаться нечего. Я бы желал, чтоб и за тебя волноваться не было причин, – сказал он, обнимая отца. – Не забывай всё, что узнал об этих демонах от Мелегонта. Никто не знает их лучше него.

– Я запомнил каждое слово, – Аобрик ответил на объятие сына, а затем освободился и повернулся к Кейе. – Мне жаль оставлять тебя одну, дочь моя. Ты позаботишься о Древесной Кроне до моего возвращения?

– Разумеется, – эльфийка уткнулась в грудь отца. – И ты оставляешь меня не одну. Брат со своими друзьями составят мне компанию.

Галаэрон переглянулся с отцом, и старший Нихмеду повернулся к Вале.

– Леди, может так случиться, что мы больше не встретимся. Если так, знайте, что ваша мудрость и красота всегда будут одним из самых ценных воспоминаний. – Он кивком указал на Галаэрона. – И сердце старого эльфа будет спокойно, если ты присмотришь за его сыном.

– Значит, я пригожусь старому элфу, – женщина сердечно обняла Первого Клинка, но судя по смущению в её глазах, она не совсем поняла, что он имел в виду. – Сладкой воды и звонкого смеха, друг мой.

Слова традиционного прощания заставили отца Галаэрона удивлённо поднять брови.

– Ещё денёк-другой в Эвереске, и тебя будет не отличить от эльфа. – Он усмехнулся и повернулся к остальным людям. – Сладкой воды и звонкого смеха всем вам.

Аобрик едва успел выйти из комнаты, как Кейа обратилась к Галаэрону:

– Станные слова. Он думает, что вы куда-то отправитесь?

– Он не был в этом уверен, в отличие от меня, – заключил Мелегонт. Не дожидаясь кивка Галаэрона, он повернулся к Вале и дёрнул её за шёлковую зелёную сорочку.

– Снимай это и надевай броню.

– Броню? – у Кейи отвисла челюсть, и она растеряно посмотрела на брата. – Ты не должен позволять им уходить из-под надзора.

Галаэрон взял сестру за руки.

– Кейа, я и не собираюсь им что-то позволять. Я их возглавлю.

ГЛАВА 6

23 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Несмотря на броню и то, что двигаться целой группой, оставаясь при этом в весьма узкой зоне невидимости, очень непросто, люди шли на удивление бесшумно, потому они без особых проблем спустились с Башни Звёздного Луга. Иногда Галаэрон и Кейя даже не были уверены, что воины всё ещё идут за ними. Они спустились со Златоутреннего Холма и проскользнули мимо пруда Рассветной Славы, не привлекая к себе лишних взглядов, что вселило в Нихмеду уверенность в том, что план сработает. Однажды группе пришлось остановиться и выслушать, как матрона с серебристыми волосами заверяла Галаэрона в том, что никто не винит его в освобождении фаэриммов, и в том, что лорда Имесфора вообще слушают только золотые эльфы. Но, похоже, даже она не почувствовала невидимых людей.

Лес резко оборвался у края Холма Тёмной Луны, где путь на свободу преграждала только невысокая каменная стена. Далеко внизу простирались пастбища в форме полумесяца, по всей площади которых можно было заметить серые булыжники, бурых скакунов и скопления изумрудных пихт. За пастбищем виднелись холмистые лоскутки чёрно-золотых зимних полей, поднимавшихся к окружённым туманом виноградникам. У самых высоких пастбищ виднелись Клинки Эверески, которые, огибая последние витки дороги, ведущей к лесам Высокой Долины, напоминали согнутый хвост. Больше никого в пределах видимости не было, но Галаэрон знал, что у продовольственных баз и других въездов в город расставлены группы магов-стражей.

– Если мы не собираемся ждать заката, то лучшей возможности не представится, – сказал он.

– Мы не можем позволить себе роскоши промедления, – раздался из воздуха за спиной Кейи голос Мелегонта. – Когда имеешь дело с фаэриммами, каждый час на вес золота.

– Мне нужна верёвка, – подставил ладонь Нихмеду.

Невидимая рука передала ему тонкий моток эльфийской верёвки. Галаэрон накинул её себе на плечо и стал карабкаться на высокое тёмное дерево. Он забрался на крепкую ветку далеко за стеной. Там эльф закрепил один конец, а второй стал спускать вниз, пока конец шнура не коснулся пастбища. Ни одна сделанная людьми верёвка не смогла бы растянуться на такое расстояние – несколько сот футов. По

крайней мере, одному человеку такой массы было бы не унести, а вот эльфийского шнура хватило ещё и на большой виток, лежавший теперь на земле.

Галаэрон вернулся к друзьям, опустившись возле Кейи.

– Всё готово. Но держитесь подальше от утёса. Если коснётесь – защитная магия Эверески развеет моё заклинание.

– Мы что, все сразу полезем? – спросила Вала.

– Мы должны держаться в радиусе десяти футов от тебя, иначе станем видимыми, – объяснил Мелегонт.

– Эта нитка не выдержит пятерых, – возразил Кул.

– Она выдержит пятерых каменных гигантов. – В голосе Кейи слышалось возмущение. – Это верёвка эльфийской работы.

Объяснение было встречено настороженным молчанием, которое нарушила Вала:

– Да ну тебя, Кул. – Раздался шорох шагов и бормотание, после чего толстая ветка угрожающе прогнулась. – Галаэрон, мы будем ждать тебя внизу.

– Я прямо за вами.

Нихмеду дал людям несколько секунд, чтобы они успели начать спускаться, а потом обнял сестру.

– Я не был дома слишком долго, – сказал он. – И слишком быстро ухожу вновь.

– В следующий раз, – бодро улыбнулась эльфийка, коснувшись его щеки длинными пальцами, – не привози мне яиц фаэриммов.

– В этом, сестрёнка, будь абсолютно уверена, – Галаэрон шагнул на невысокую стену и бросил взгляд на ветку тёмного дерева. – Заберёшь верёвку?

Она кивнула.

– Никто и не заметит, что вы ушли. Сладкой воды и звонкого смеха.

– Вернусь непременно и скоро, чтобы послушать прекрасные песни за сладким вином.

Нихмеду прочёл заклятие, сделавшее его невидимым, сосредоточил взгляд на мотке верёвки далеко внизу и шагнул со стены. Поначалу прыжок напоминал захватывающий дух калейдоскоп ветра и красок, но магия мифала не позволяла рождённым в Эвереске разбиваться при падении с утёсов. При приближении к поверхности его падение резко замедлилось. Эльф мягко приземлился на ноги и стал ждать, пока невидимые люди доберутся до земли.

Когда все спустились, Кейя подняла верёвку. Галаэрон приказал людям взяться за руки и повёл их через пастбище за границу действия мифала. Он перелез через стену к полю зимней пшеницы и остановился в тенистой угловой беседке.

– Мелегонт?

– Я здесь.

– Тайные Врата охраняют маги-стражи, и мы не сможем незаметно пройти через них. Сейчас самое время применить твой Теневой Ход, чтобы перебраться на другую сторону Восточной Вершины.

– Я бы с радостью, но, думаю, ты уже заметил, что моя магия не действует в Эвереске.

– Сейчас подействует.

– Серьёзно? – Маг мгновение задумался. – Интересно почему?

Галаэрон пожал плечами, хотя и знал, что Мелегонт не видит его жеста.

– У тебя свои секреты. У меня – свои.

– Похоже на то, – зловещим басом усмехнулся маг, а потом добавил:

– Хорошо. Полагаю, что учитель не вправе требовать от ученика то, в чём сам ему отказывает. Все прикоснитесь ко мне.

Хотя с тех пор, как Галаэрон считал какого-либо мага своим учителем, прошло больше сорока лет, он выполнил указание и взялся за чью-то руку. Послышался всё нарастающий властный голос мага, творящего какие-то чары, и мир потемнел и потерял очертания. Возле эльфа появились пять расплывчатых фигур, затем та, что поменьше, отделилась от группы и двинулась вперёд.

– Мы идём по границе между миром света и миром тьмы, – сказал Мелегонт. – Тут легко заблудиться, поэтому не отходите. Здесь время и пространство не имеют значения, и если хоть на мгновение потеряете меня из виду, я могу вас никогда не отыскать.

Галаэрон обнаружил, что держится за изящную ладонь, которая могла принадлежать только Вале. Она держала за руку одного из крупных воинов, который, в свою очередь, словно тисками вцепился в воротник Мелегонта. И хотя каждая рука между Галаэроном и магом была как минимум вдвое сильнее его собственной, из-за страха моргнуть хотя бы разок у него скоро заболели глаза. Сбоку маячили плоские фиолетовые тени. Иногда они напоминали невиданных размеров горы с крутыми склонами – мысы или хребты. Иногда были похожи на стройные деревья с ветками, растопыренными, словно руки пугала, и качавшимися от неощутимого ветра. Они тянулись к Нихмеду, будто собираясь схватить его сотканными из бесплотной тьмы пальцами.

А с противоположной от теней стороны маячили бескрайние просторы жёлтого сияния, яркого и ослепляющего, жгущего, словно жаркое солнце Анороха. Несмотря на предупреждения Мелегонта, Галаэру очень хотелось пойти к свету. Его манило знакомое тепло, приятно отличавшееся от зловещих холодных теней, а внутри себя самого эльф обнаружил что-то молодое и напуганное, стремившееся убежать от тьмы как можно дальше. Он устремил взгляд вперёд, заставив себя сконцентрироваться на спине Вала.

Наконец, горизонт стали пробивать серебристые лучи, которые падали по обе стороны от путников. Некоторые из них просто пролетали мимо, быстро исчезая из виду, другие либо падали на землю, либо ложились между клубами фиолетовой тьмы, превращая тени в призрачный ландшафт, состоявший из холмов и оврагов. Несмотря на каскад тёмных брызг, света меньше не становилось. А жёлтые просторы просто выпрямились и растянулись в холмистую равнину, в которой Галаэрон вскоре признал пустыню Анорох.

Вместо того чтобы идти к ней, Мелегонт встал на колени и наклонился вперёд. Эльф решил, что маг упадёт, но его тело просто выпрямилось под углом к поверхности, над которой оно и висело, пока остальные члены отряда не последовали его примеру. Когда вся группа зависла под тем же углом, Мелегонт велел Галаэру отменить свои заклятья невидимости, а затем повёл их вниз, прямо в гущу чёрной, словно уголь, тени. Через десяток шагов ощущение спуска пропало, а

ещё через несколько минут они остановились, и заработала способность Галаэрона видеть в темноте.

– Можно использовать теневое зрение, – прошептал людям Мелегонт.

Вала со своими товарищами быстро коснулись эфесов мечей и дружно заморгали, заново привыкая к вернувшемуся зрению. Отряд стоял в небольшом помещении, высеченном в камне. Стены были столь гладкими, что казались отполированными. В одном углу комнаты примостилась койка, накрытая мягким чёрным матрасом, сотканным, казалось, из уплотнившихся теней, в другом углу стоял небольшой каменный стол.

Из передней части комнаты донеслись какие-то звуки, там кто-то шагал и кряхтел. Галаэрон обнаружил, что смотрит через расщелину толщиной в один фут, с обратной стороны которой измученный человек торопливо ползал на корточках. Его длинные волосы и борода были не ухожены, а костлявое тело покрывали пот и грязь. За собой он тащил деревянный сундук, забитый пергаментом, книгами и свитками настолько, что крышка оставалась наполовину откинутой.

Мелегонт жестом приказал сохранять тишину и шагнул к расщелине.

Он сделал несколько таинственных жестов, коснувшись рукой уха и потеряв лоб кончиками пальцев. Галаэрон с остальными лишь обменялись удивлёнными взглядами, гадая, где они сейчас находятся. Ответ не заставил себя ждать, и через мгновение они увидели парящую пасть с огромными зубами и торчащими в разные стороны лапами. Эльф поднял руки, чтобы наколдовать волшебный снаряд, а люди потянулись к чёрным мечам.

Мелегонт шагнул от расщелины.

– Нет! – крикнул он, дёрнув руки Галаэрона вниз. – От твоей магии они слетятся к нам, словно вороны на поле боя.

Нихмеду бросил взгляд на расщелину, но тварь пролетела мимо, не заметив их, её покрытое шипами тело кружилось в воздухе, одновременно напоминая движения рыбы и змеи.

– Оно злится, что его рабы двигаются слишком медленно, – прошептал маг. – И оно недовольно, потому что считает, что лучшие норы займут до их появления. Оно сказала рабам, что те либо будут впредь двигаться быстрее, либо превратятся в хранилище яиц.

Шипастый хвост исчез из виду и Галаэрон спросил:

– А куда оно направляется?

– И где сейчас находимся мы? – добавила Вала.

Мелегонт сначала ответил эльфу.

– Я думаю – ты знаешь, куда оно направляется.

– К пещерам дварфов?

– Да нет, в одно местечко посреди Шараэдима, – поправил маг. – Они, наверное, считают его просто райским уголком.

– Райским уголком! – Галаэрон не смог сдержать ярости в голосе. – Никогда!

– Тише. – Мелегонт поднёс указательный палец к губам. – Магия, скрывающая нас, глушит шёпот, но не крик. – Затем маг ответил на вопрос Вала. – Мы в моём последнем убежище, недалеко от места нашей встречи в тоннелях дварфов.

Фаэриммы наверняка организуют военный сбор у бреши в Стене Шарнов, чтобы та всегда оставалась под надёжной охраной.

– Так мы с их стороны стены? – спросила женщина.

Мелегонт кивнул.

– Фаэриммы злобные и в равной степени умные твари. Они будут готовы к встрече с патрулями. Но если нам повезёт, нападение с этой стороны станет для них неожиданностью.

Галаэрон вспомнил, как его отец выезжает из Эверески, чтобы выполнить миссию, описанную волшебником.

– Но Клинки...

– Всё ещё у Секретных Ворот, – перебил Мелегонт. – На Плате Теней время течёт иначе. Если нам повезёт, мы выясним всё, что нужно знать Эвереске до того, как Клинки минуют Высокие Пики. Если же не повезёт... В этом случае, боюсь, твоему отцу всё же придётся столкнуться с опасностями.

Галаэрон кивнул. Эвереске было просто необходимо знать об успехах противника. Если ему со спутниками ничего не удастся, тогда Клинкам придётся добывать информацию самим, и не важно, что шансов на успех немного. Отметив, что фаэримм уже исчез из виду, Нихмеду указал на расщелину.

– Ну что, пойдём?

– Обождём немного, – ответил Мелегонт. – У фаэриммов есть заклятия для обнаружения незваных гостей... и, было бы очень неплохо, если бы ты сам научился понимать фаэриммов. Сможешь повторить то заклятие, которое я только что сотворил?

– Возможно... это ведь простая комбинация из подслушивания и безмолвной речи?

– А ты действительно одарённый иннатос, – приподнял брови маг.

– Иннатос?

– Обладающий врождённым талантом, – пояснил Мелегонт. – Мой народ назвал бы тебя прирождённым магом, что больше всего схоже с фаэрунским термином «чародей».

– А в чём разница? – спросила Вала.

– Для тебя почти ни в чём, а вот для меня во многом, – ответил волшебник. – Даже лучшим из магов чары даются медленно и с большим трудом. Но не чародеям. Для них это дар, природный талант, который развивается со временем при должной практике, но всё же это дар. Думаю не нужно пояснять, что все маги, которые упорно работают над совершенствованием своего искусства, относятся к тем, кому не нужно столько трудиться, с большим недоверием.

– Разумное объяснение, хотя ни о чём подобном мне слышать не доводилось, – сказал Галаэрон. – А ты тоже иннатос?

– Если бы! – усмехнулся Мелегонт. – Я так понимаю, в вашей Академии Магии тебя не встретили с распростёртыми объятьями?

– Намного хуже, – эльф постарался скрыть горечь в голосе. – Моему отцу пришлось задействовать все имевшиеся политические связи, чтобы обеспечить мне место на факультете – самая бесполезная растрата, которую я когда-либо видел. Я

там так и не прижился. В конце концов, меня обвинили в использовании чёрной магии и потребовали показать книгу заклинаний. К несчастью, я её никогда не вёл.

– Теперь уже я тебе завидую, – признался маг.

– Не стоит, – грустно улыбнулся Галаэрон. – Чтобы я получил место в Страже Гробниц, потребовалось прямое вмешательство лорда Имесфора, – эльф замолчал, вспомнив о кончине сына своего покровителя. По правде говоря, золотого лорда едва ли можно было осуждать за обвинительные речи. – Даже у этой услуги оказалась своя цена.

– Не стоит себя жалеть, – сказал Мелегонт. Его голос снова стал укоризненным и успокаивающим. – Не произносить мне заклятий, если Эвереску спасёт не твоя магия.

– Но разве ты не говорил, что его магия привлечёт внимание фаэриммов? – спросила Вала озабоченным, но, тем не менее, уважительным тоном. – Это последнее место, где я хотела бы оказаться лицом к лицу с этими тварями.

– Ну, здесь лучше, чем кажется, – улыбнулся маг. – Но ты права. – Он посмотрел на Галаэрона. – Нужно научить нашего друга колдовать иначе.

– Иначе? – переспросил эльф. – Но на это нужно время.

– Сдаётся мне, что тебе много времени не потребуется, – усмехнулся Мелегонт. – Если, конечно, твоя храбрость не уступает твоим талантам.

– Ну, я же сейчас здесь, с вами.

– Да. – Глаза мага стали чёрными, словно обсидиан, настолько тёмными, что дух перехватило даже у Вала. – Ты достаточно храбр, чтобы сражаться с внешними врагами. Посмотрим, хватит ли тебе мужества столкнуться с врагом внутри себя самого.

Лицо Мелегонта стало удивительно эльфоподобным, густые брови разгладились и поднялись, приняв дугообразную форму. Уши увеличились, их острые кончики выступили из-под тёмных волос, а глаза зловеще засветились, как у проклятых дроу.

– Во имя Кореллона! – от смятения голова Галаэрона пошла кругом.

Это уже был не тот человек, что обещал спасти Эвереску – но ведь демоны всегда обманывают смертных.

– Что ты такое?

– Уверен, что нечто большее, нежели ты думаешь, – услышал он в ответ.

Эльф потянулся к мечу, понимая, что времени произнести заклятие ему уже не хватит, а даже если бы и хватило, едва ли он мог надеяться победить Мелегонта в магическом поединке. Демон же молниеносным, словно прыжок паука, движением выбросил вперёд руку, схватил Нихмеду за горло и прижал к каменной стене. Из-под губ Мелегонта выступила пара клыков цвета слоновой кости, а тёмная борода превратилась в нелепой формы подбородок. Люди раскрыли рот от удивления и что-то забормотали, но, похоже, они были слишком ошарашены, чтобы как-то помочь. Галаэрон попытался вытащить меч, но демон прижал его запястье к стене.

Первой пришла в себя Вала.

– Великий! – крикнула она, доставая меч, и шагнула вперёд. – Что ты...

– Стоять! – рявкнул Мелегонт, взглянув через плечо. – По праву Клятвы Бодвара я приказываю тебе подчиниться!

Женщина заскрежетала зубами, но остановилась, опустила клинок и жестом приказала своим людям не вмешиваться. Когда Мелегонт снова повернулся к Галаэруну, его глаза уже светились фиолетовым, а клыки были длиннее, чем у гадюки.

– Ну, так ты знаешь – что я такое? Уже набрался храбрости?

– Д-д-да, – только и смог выдавить Нихмеду. Как и большинство наземных эльфов, он боялся дроу не меньше, чем ненавидел их, и судьбы худшей, чем стать живым мертвецом, служащим вампиру-дроу, он и представить себе не мог. – Дай мне только достать меч...

Мелегонт снова ударил Галаэрона о стену.

– Так не пойдёт, – улыбнулся он. – Но я дам тебе выбор.

Вампир протянул за спину ладонь и приказал:

– Чёрный меч!

Вала перевернула свой, рукояткой вперёд, но не решилась отдать его.

– Что ты собираешься делать?

Мелегонт пристально посмотрел на неё, наполнив всю комнату чудовищным треском костей, вывернув шею куда сильнее, чем это казалось возможным. – Ничего такого, на что бы мне ни давала права Гранитная Башня.

Вала опустила голову и вложила рукоять в его ладонь. Вампир ещё некоторое время смотрел на неё, а потом сунул ледяной эфес в левую ладонь Галаэрона.

– Я предоставляю тебе выбор, эльф, – произнёс он, схватив лезвие и подведя его кончик под челюсть Нихмеду. – Ты можешь служить мне, а можешь не служить – решай.

Галаэрон знал, что ни один вампир не предоставит ему возможности убить себя, а ещё он знал, что это вполне в стиле дроу – дать шанс, а потом всё оставшееся время насмехаться над его трусостью. Он поднял подбородок и дёрнул чёрный клинок вперёд, проведя лезвием по горлу и груди Мелегонта.

Стекло прошло сквозь мага, словно тот был не плотнее дыма. Вампир улыбнулся и вырвал меч из руки Галаэрона.

– Трус, – сказал он, возвращая оружие Вале, и прижал голову пленника к стене.

Эльф пытался вырваться, но демон-дроу был слишком силен. Мелегонт опустил голову и Галаэрон почувствовал, как два холодных клыка пронзают его горло.

– Нет! – крикнул он, ударив вампира коленом в пах, но даже это не помогло отбиться от демона. По шее Галаэрона разбежался холод, от которого тот потерял способность двигаться, после чего Мелегонт отстранился. На его подбородке медленно застыли две струйки крови, а глаза светились неистовым голодом.

– Чувствуешь страх? – требовательно спросил он. – Откройся ему, Галаэрон, овладей им.

А Нихмеду и не надо было ничему открываться. Страх буквально струился по его жилам. Он чувствовал его пустым желудком, вздымающейся от тяжёлого жаркого дыхания грудью, он слышал свой страх в учатившемся пульсе и в вопле, зарождавшемся в горле.

Крик уже почти сорвался с его губ, когда Мелегонт зажал ему рот.

– Кричать нельзя, Галаэрон, – Лицо мага становилось нормальным, острые уши исчезали под копной тёмных волос, а дугообразные брови распрямились и снова

стали густыми. – Ты не должен кричать, а не то нам не поздоровится, когда явятся фазриммы.

Эльф оттолкнул Мелегонта. Маг, уже выглядевший как человек, пролетел через всю комнату и врезался в противоположную стену.

Нихмеду всё же удалось сдержать крик, и волшебник одобрительно кивнул.

– Хорошо. А теперь используй её Галаэрон. Используй внутреннюю силу, чтобы сотворить заклятье.

– Да ты рехнулся! Единственное, для чего я её использую – это чтобы убить тебя!

Галаэрон вытащил свой меч, и Вала со своими людьми тут же оттеснила его от Мелегонта.

– Да не так, эльф! – голос мага стал жёстким и властным. – Ты преодолеешь свой страх или станешь его рабом?

Что-то в голосе волшебника отрезвило Нихмеду. Он коснулся шеи в том месте, куда его укусил вампир и нащупал только гладкую кожу.

– Давай, Галаэрон! – требовал Мелегонт. – Твори заклятье!

Начав, наконец, понимать, что происходит, эльф выронил меч и сделал серию таинственных жестов, которые завершил, прижав ладонь к уху. Страх не испарился, как Нихмеду того ожидал, вместо этого он, догорая, пронёсся по телу и исчез во тьме под ногами, оставив после себя ломоту в костях.

Галаэрон проделал жесты, необходимые для второй части заклятья. Когда он начал тереть бровь, боль в теле превратилась в холод, сковав мучительным оцепенением, зародившимся в ногах и пронзившим плоть, словно ледяная молния.

После этого сознание Нихмеду наполнили едва различимые голоса и обрывки фраз. Он застонал и заткнул уши. Мелегонт выступил из-за спин Вала и остальных, взял эльфа за плечи и заглянул в его глаза.

Сбивающее с толку ощущение, – его голос, прозвучавший в голове Галаэрона, заглушил дюжину других. – *Ты слышишь наши мысли. Думай о них как о ветре и обращай внимание только на то, что тебе нужно. Но пока не привыкнешь – разговаривай, это поможет.*

Галаэрон отвёл руки от ушей.

– Что ты со мной сделал?

– Показал твоё теневое я, – ответил Мелегонт. Как он и обещал, остальные голоса превратились в негромкий фоновый шум. – Считай, что это было устье скважины, открывающей другой вид магии.

– Какой магии? Магии вампиров? Или, может быть, дроу?

– Ни то, ни другое, – усмехнулся Мелегонт. – И даже не думай винить за эту тварь меня. То, что ты видел – твоих рук дело.

Галаэрон пристально взглянул на волшебника.

– Я не придумывал **это**.

– Ну, не сознательно, – улыбнулся Мелегонт, – но каким бы себя не делал эльф, он одновременно творит своё теневое я. Если он становится честным и храбрым, то его теневое я остаётся без этих качеств.

– То есть теневая сторона мужчины – женщина? – спросила Вала.

– Нет, это противоположности, – объяснил Мелегонт. – А теневое я – не противоположность, это тьма на свету. В сущности, это отсутствие солнечных лучей, которые падают на тело. У мужчин это недостаток того, что делает их мужественными, а вовсе не присутствие женщины. В случае теневого я Галаэрона – это отсутствие верности и доброты.

– Эта тварь – не часть меня, – продолжал настаивать на своём Нихмеду.

– Нет, конечно, – согласился маг, – но ты создал её, а через неё прикоснулся к новой магии.

– Значит это злая магия, – буркнул Галаэрон, подбирая меч. Он всё ещё ощущал сковывающий движения холод. – И лучше бы ты мне её вообще не показывал.

– Не позволяй стражнику запугать себя, – ответил Мелегонт, положив покрытую волосами руку на плечо Галаэрона. – Самые ценные сокровища всегда хорошо охраняются, а это сокровище – ключ к победе над фаэриммами. Это единственный тип магии, который они не понимают. И если нам суждено спасти Эвереску, то тебе придётся умело ею пользоваться. Умело и часто.

ГЛАВА 7

23 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Как и сказал Мелегонт, Военный Сбор фаэриммов проходил в тоннелях дварфов сразу за брешью в Стене Шарнов. Комнату едва освещал волшебный зеленоватый свет, что делало темноту Галаэрона ненужным. Небольшое помещение было просто забито фаэриммами, которым, чтобы лететь прямо, необходимо было тащить кончики своих хвостов по полу. Их окружали облака пыли, поднятые какофонией странно свистящих ветерков, которые чем-то напоминали песчаные бури, периодически возникающие в Анорохе. В конце комнаты за поднятыми облаками пыли и столпившимися фаэриммами была едва заметна клетка, построенная из отполированных костей и закрывавшая проход в боковой тоннель. Её вертикальные решётки были сделаны из крепких бедренных костей людей, спаянных вместе с помощью магии. Поперечные кости были посветлее и поизящней – судя по всему, эльфийские. Дверь представляла собой решётку из рёбер, с четырьмя черепами по углам, два из которых принадлежали эльфам, а два – людям. В глазницах до сих пор виднелись глазные яблоки.

Дверца была приоткрыта, и фаэриммы, похоже, сосредоточили своё внимание на стене тоннеля позади неё, где, прижавшись к камню, сидела пара эльфов. Через толпу монстров Галаэрон разглядел позолоченные швы пластинчатого доспеха Киньона Колбатина. Другого эльфа Нихмеду не узнал, но по проблескам золотых нитей и красного шёлка можно было предположить, что это высший маг.

Увидеть что-нибудь ещё было почти невозможно. Эльф и Мелегонт, опершись друг на друга, сидели у самой Стены Шарнов и пытались смотреть через дыру, проделанную бехолдером Шатеваром. Вала со своими людьми осталась в ста шагах позади – они прикрывали тыл на случай появления новых фаэриммов. Но даже на таком расстоянии их мысли непрерывным потоком проносились в сознании Галаэрона. Он попытался сконцентрироваться на трёх фаэриммах, находившихся ближе всего к пленникам.

От твоей жестокости, Таа, никакого прока, одни только трупы, – произнёс монстр, расположившийся ближе всех к Киньону. И хотя казалось, что он обратился к своему брату на каком-то подобии свиста, Галаэрону пришлось всего лишь сконцентрироваться на его мыслях, что понять слова. От напряжения у эльфа заболела голова, безмолвное послание слишком просто терялось в хаосе эмоций – ревности и презрения. – *Пусть теперь их пытается кто-нибудь более умелый.*

Возможно, Зэй, – если он уверен в своих талантах, – ответил Таа.

Другие кричали, пока не сорвали глотку, но ничего тебе не сказали, – парировал Зэй. – *Для начал нужно сломить их волю, только тогда они откроют нам слова.*

Мелегонт дёрнул Галаэрона за руку.

Слова? – мысленно спросил маг.

Скорей всего речь идёт о пароях. – Галаэрон намеренно избегал любого упоминания о мифале.

Мне следовало догадаться, – кивнул Мелегонт. – *Значит, мифал существует.*

Я ничего не говорил о мифале, – хмурясь, запротестовал Галаэрон.

В ответ волшебник просто пожал плечами.

У слов тоже есть тени.

Я так и понял, – подумал Галаэрон. – *Но что им надо от мифала Эверески – если предположить, что он существует.*

Мелегонт понимающе улыбнулся.

Чтобы существовать, фаэриммам как воздух нужна среда, наполненная магией. Без неё они умирают от голода.

Так почему же они до сих пор живы? Анорох никак не назовёшь волшебным местом.

Тут магии больше, чем ты думаешь. Что такое, по-твоему, Стена Шарнов?

Пленивший их барьер поддерживает их? – догадался Галаэрон. – *Жестоко.*

Возможно, но то, что они сделают с Эвереской, ещё ужаснее – если, конечно, её окружает мифал, – сказал Мелегонт. – *Фаэриммы по своей природе – вздорные существа и ярко выраженные индивидуалисты, но в руинах Миф Драннора около сорока особей как-то уживаются друг с другом.*

Галаэрон кивнул, он уже начал понимать, что имел в виду маг. Древний мифал, некогда охранявший Миф Драннор, не исчез вместе с городом. И хотя с веками его сила уменьшилась, он по-прежнему был достаточно силён, чтобы питать целую

колонию фаэриммов. А если ослабевающих чар Миф Драннора хватало на то, чтобы поддерживать около сорока тварей, то при мысли о том, скольких сможет прокормить куда более мощный мифал Эверески, эльфу стало дурно.

Галаэрон покачал головой, осознавая, какое зло выпустил на свободу.

Мелегонт похлопал его по колену.

В этом нет твоей вины. Ты исполнял свой священный долг. Если в случившемся кто и виноват, так это я.

Нихмеду покачал головой.

Я понял, что мы влезли не в своё дело, едва увидел бехолдера Валы, да к тому же она меня предупреждала. Если бы я послушался...

То ты нарушил бы клятву защищать гробницы своих предков, а Галаэрон Нихмеду не мог так поступить, – перебил Мелегонт. – А вот если бы мне не хотелось убраться оттуда поскорее, то я, чтобы отыскать шахты дварфов, не приказал бы Вале вскрыть гробницу, пусть в ней и покоились члены клана Вишаан. По меньшей мере, вина лежит на нас обоих, а вот пользы в перебивании себе косточек нет никакой. Знай, если бы ты оказался трусом и бросил меня на произвол судьбы, то зло, свершённое тобой, было бы куда страшнее нынешнего. Мы вместе всё исправим, но дело не только в безопасности Эверески, всё куда серьезнее. Даже если мы потерпим неудачу, и Эвереска падёт, то, что сделал ты, будет того стоить.

Возможно, с точки зрения человека, – подумал Галаэрон.

Где-то на уровне подсознания он понимал, что если Эвереска падёт, его имя будет очернено навеки, точно так же, как клан Вишаан или дроу. Эвереска была последним островком величия эльфийской цивилизации – по крайней мере, на Фаэруне. Это всё, что осталось от империй, основавших такие величественные города, как Кормантор или Силюванэд. Поэтому эльф снова сосредоточил внимание на военном сборе, как никогда полный решимости найти способ остановить фаэриммов, а если понадобится, то и уничтожить всю эту расу.

Выигравший спор о том, кто лучше всех умеет пытать, Зэй держал распластанного Киньона над своей зубастой пастью, стегая шипастым хвостом по потрёпанной, перемазанной кровью броне мастера стражи гробниц.

Ну что, эльф? Хочешь? – монстр обращался к пленнику только при помощи мыслеречи, потому что свист, с помощью которого общались фаэриммы, не входил в число языков, которыми владело большинство эльфов. – Вынашивать моё яйцо – большая честь.

Его хвост изогнулся, коснувшись губ Киньона, после чего существо подало соплеменникам знак. Они выровнялись на одном уровне и принялись водить хвостами по телу эльфа, отыскивая пробоины и щели на его доспехе.

Возможно, я позволю тебе вынашивать яйца всех моих друзей, насмешливо добавил Зэй.

Казалось, Киньон едва остаётся в сознании, почти не воспринимая происходящее.

Заплывшие глаза едва открывались, сломанный нос будто растёкся по щекам, а губы были разодраны так сильно, что в том месте, где должны были быть зубы, виднелся кончик языка. Состояние скрытого доспехом тела оценить было труднее,

если не учитывать глубокие вмятины и складки на броне, говорившие о множестве синяков и ушибов.

Ну что, ты хочешь этого, раб? Хочешь, чтобы личинки росли внутри тебя, ползали по твоим кишкам, поедая пищу из твоего желудка?

И тут случилось, казалось бы, невозможное – Киньон покачал головой и ответил мучителям:

– Нет.

Слово было так сильно искажено, что Галаэрон едва смог его разобрать. Он с удивлением обнаружил, что ему не передалось и толики боли мастера стражи гробниц. Обычно эльфы, тесно связанные друг с другом посредством Дремления и Плетения, улавливали хотя бы слабое эхо эмоций друг друга. Вместо этого муки и страх Киньона Нихмеду ощущал только благодаря подслушивающему заклятью Мелегонта. И к своему стыду он понял, что какая-то часть его испытывает удовлетворение от мук мастера.

Странное чувство одновременно озадачило и напугало Галаэрона. Эльфам не было свойственно злорадство, потому как их эмоциональная связь обычно умирляла подобные страсти. Желать боли другому в буквальном смысле означало желать боли себе, и такой глупости не допускали даже самые высокомерные представители золотых. Низменные чувства, которые ощущал Галаэрон, слишком походили на человеческие.

Фаэримм держал Киньона ещё долго, позволяя товарищам вдоволь пощупать хвостами тело эльфа. Это продолжалось до тех пор, пока из губ мастера гробниц не стал исходить странный ритмичный стон. Галаэрон узнал этот звук не сразу, он понял, что это такое, только когда эльф в мантии высшего мага зашептал Молитву о Мёртвых.

– Узри же там, на Западе. Там я вижу своих товарищей и возлюбленных, я вижу тех, кто ушёл до меня и тех, кому ещё только предстоит прийти в этот мир. Я вижу их там, у высоких дубов и среди ветвей, их лица озаряет золотое солнце.

– Они выкрикивают моё имя. Они зовут. Зовут на Запад, и туда я направляюсь.

Не узнать этот голос было невозможно, в нём были не только артикуляция и выразительная интонация, столь типичные для золотых эльфов, но и тот лёгкий тембр, который Галаэрон за последние два года службы запомнил очень хорошо. Этот голос, вне всякого сомнения, принадлежал отцу Луэнгриса, лорду Имесфору.

Один из фаэриммов толкнул высшего мага, заставив того замолчать, после чего Зэй поднял хвост и с размаху ударил Киньона в грудь. Шип пробил мифриловый доспех и погрузился в тело, но Галаэрон заметил, что мышцы твари не сокращались, как с Такари, когда в неё поместили яйцо.

Нет? Тогда назови хоть одну причину не делать этого. Скажи первое слово, и я позволю тебе умереть без личинки.

– Златосердце, – прошептал Киньон. – Это слово – Златосердце.

Лжец!

Зэй подал знак своим братьям, и дюжина шипов пронзила доспехи Киньона. Мышцы пары хвостов сократились, но, казалось, что спазмы были слабее, чем в хвосте того монстра, который поместил яйцо в Такари. Мастер стражи гробниц

вскрикнул, его тело обмякло и стало подниматься к потолку. Только хватка фаэриммов не позволила ему воспарить до самого свода.

Как ни поразил Галаэрона странный эффект, ещё больше его удивило то, что он может стоять и наблюдать за происходящим, ничего не предпринимая. По идее, он должен был испытывать такое отвращение, что либо как безумный бросился бы на фаэриммов, либо уполз бы, дрожа от страха.

Мои поздравления, Зэй, – сказал Таа на свистящем языке фаэриммов. – *Снова ложный ответ.*

Зэй затолкал Киньона обратно в костяную клетку, где мастер гробниц воспарил к потолку и беспомощно завис, поддерживаемый странной магией, впрыснутой фаэриммами.

Ответ не может быть ложным, – произнёс Зэй, – это мы неправильно его понимаем.

Всё равно, портал это слово не открывает. – Таа рывком поднял лорда Имесфора с пола. – *Осталось только одно средство. Возможно, мёртвых можно заставить сказать то, чего мы не смогли добиться от живых.*

Сердце Галаэрона пропустило удар. Фаэриммы могли говорить о любом из нескольких порталов в Эвереску, но, похоже, они имели в виду Тайные Врата – единственный путь через горы с этой стороны. Этим же путём Клинки покидали Долину, и Нихмеду даже боялся думать о том, что произойдёт, когда его отец выйдет из портала прямо в лапы стаи монстров.

Лорд Имесфор возобновил Молитву о Мёртвых, на этот раз для себя. Галаэрон отступил и отвернулся. В помещении было столько фаэриммов, что эльф не видел шанса спасти высшего мага, а наблюдать за его смертью он не хотел, потому что ввиду проснувшихся в нём кровожадных эмоций боялся узнать, какие чувства при этом испытает.

Галаэрон почувствовал, что его колена кто-то коснулся. Подняв взгляд, он увидел Мелегонта.

Пошли, у нас мало времени для составления плана.

Маг проскользнул мимо Нихмеду в тоннель, где затаилась Вала со своими людьми. Ему пришлось передвигаться на карачках, потому что трубообразный тоннель был всего четыре фута в диаметре и скорее подходил левитирующим фаэриммам, нежели людям. Галаэрон присоединился к остальным и встал на колени – от долгого пребывания в полусогнутом состоянии у него затекла спина.

Мелегонт провёл рукой по потолку и тихо произнёс заклинание, создав завесу сумрака между ними и проходом к Военному Сбору. Он велел Дексону следить с другой стороны завесы и подал знак остальным, что можно говорить шёпотом.

– С двумя-тремя мы бы справились, но никак не с семнадцатью, – начал маг. – Так что открытый бой отпадает сразу. Придётся придумать что-то ещё.

Галаэрон поднял брови.

– Если ты намерен их спасти, то знай, что у жителей Эверески есть принцип – никогда не рисковать большинством в безнадёжной попытке выручить меньшинство.

– И как часто этому принципу следуют? – спросил Мелегонт.

– Не очень часто, – улыбнулся эльф.

– Я так и думал, – кивнул маг. – Ты видел, как я открыл сумрачный путь?

– Это было немного выше моего понимания, – признался Галаэрон. – Но если ты потратишь несколько минут, чтобы научить...

– Нет! – Шепот Мелегонта едва не превратился в крик. – Этот путь для тебя закрыт. Экспериментировать с послушной магией эльфов – хорошо и полезно, но никогда не пытайся делать этого с тем, что я тебе показал. Тебя поглотит собственная тень. Ты понял?

Слегка ошеломлённый жёсткостью слов волшебника, Галаэрон кивнул.

– Я буду применять только те заветы, с которыми могу совладать.

– И никогда не смешивай два вида магии. – Мелегонт мрачно указал на брешь в Стене Шарнов. – Что из этого выходит, мы уже видели.

Эльф послушно кивнул.

– Отлично. Тогда вот как мы поступим.

Маг объяснил свой план, а закончив, взглянул на Валу.

– Я успел достаточно узнать Киньона Колбатина, чтобы понять, что он не доверится человеку, и не приходится надеяться, что у мага из числа золотых эльфов предубеждений меньше. Боюсь, с тобой придётся пойти Галаэрону.

Женщина оценивающе посмотрела на Нихмеду, а затем опустила глаза на его ножны.

– Умеешь с ним обращаться?

Подозревая, что ответ про третье место в его полку Валу не впечатлит, Галаэрон просто кивнул.

– Умею, но в прошлый раз клинок против фаэриммов был не особо эффективен.

– Это из-за их магии, – объяснил Мелегонт. – Их не берёт даже зачарованная сталь.

Вала повернулась к Дексону.

– Поменяешься с ним до конца операции?

Уголки усов человека слегка дёрнулись, выдавая его нежелание, но он кивнул.

– Согласен, если он понимает.

– Понимаю что?

– Если ты потеряешь меч – его сын потеряет имя, – объяснила женщина. – В нашей долине титул передаётся вместе с мечом.

От этого Мелегонт нахмурился.

– Это совсем не то, чего я хотел.

– Вас давно не было, – пожала плечами Вала. – Теперь дела обстоят именно так.

– Это всё не имеет значения, – вмешался Галаэрон, подняв ладони, чтобы отказаться от меча. – Когда я взял такой в руки в прошлый раз, от мороза у меня чуть не отвалились пальцы.

– В этот раз холода ты не почувствуешь, – заверил маг.

Он кивнул Вале, которая сняла свои ножны и опёрла их о стену, после чего встала перед Галаэроном на колени. Он снял собственные ножны, передал их Дексону и устроился напротив Вала. Мелегонт зажгёт факел и приказал связать женщину и эльфа, заткнув им рот кляпами, после чего велел поставить за спиной каждого из них по воину. Он вытащил стеклянный кинжал и, склонившись над Валою, начал колдовать.

Глаза женщины потемнели от накрывшей их пелены сумрака, её лицо изменилось, на нём отразились тщеславие и подозрительность. Не переставая слагать заклятье, Мелегонт провёл стеклянным кинжалом по полу позади Вала, словно отсекая тень, возникшую от света зажжённого факела. В то же мгновение глаза женщины загорелись безумным гневом и яростью. Она резко повернулась к магу и бросилась на него, умудрившись, невзирая на связанные ноги, подскочить и ударить Мелегонта коленями по рёбрам. На неё тут же прыгнул Кул, прижав Валу к полу крупным телом, он удерживал её в таком положении, не давая даже пошевелиться.

Отделённая от тела тень женщины поднялась на ноги и встала прямо, так изогнувшись по круглой стене тоннеля, как никогда не смогла бы согнуть своё тело сама Вала. Тень подобрала ножны и повернулась, ожидая Галаэрона.

Эльф не мог оторвать взгляда от прижатого Кулом, тщетно пытавшегося вырваться тела. Когда возле него опустился на колени Мелегонт и начал колдовать, сердце Нихмеду бешено заколотилось. Мысль о том, что он обезумит так же, как и Вала, повергала его в ужас. Души эльфов всё же отличались от людских, и он совсем не был уверен, что сможет вернуться в собственное тело. Но Галаэрон заставил себя сохранять спокойствие и не двигаться. Злорадство, испытанное ранее, обеспокоило его, и эльф хотел оправдать себя хоть бы в собственный глазах.

У Галаэрона возникло ощущение, что его кто-то тянет прямо в камень, и тут он понял, что смотрит на собственное тело из-за плеча Мелегонта, который кинжалом проводит по земле черту возле ног эльфа. Нихмеду действительно ощутил, как холодный и острый клинок отрезает его от собственного тела. Через миг ощущение схлынуло, и Галаэрона охватил жуткий холод. Его тело как взбесилось, оно вертелось и крутилось, пытаясь ударить Мелегонта головой.

Дексон прыгнул на тело Галаэрона, прижав его к земле. Внезапно Нихмеду ощутил сильный укол тревоги за брыкающуюся тушу, но он выбросил эти мысли из головы и снял с пояса Дексона ножны. Как учил Мелегонт, он повесил их в том месте, где бы располагались застёжки на материальном теле, и ножны влились в его фигуру. Галаэрон опустил на них руку и почувствовал под ладонью рукоять, но вот веса клинка на бедре не ощущалось. Не было и холода, который должен был исходить от оружия. Вместо этого казалось, что весь мир – стены тоннеля, чёрный меч и его собственная фигура, – стали воплощением холода.

– Ты готов? – спросила Вала. Её голос был лёгким и глубоким.

Галаэрон кивнул и последовал за ней вдоль тоннеля. Он не столько шел, сколько тёк по стенам. Проходя через завесу сумрака, повешенную Мелегонтом поперёк прохода, он на мгновение потерял чувство пространства, но оно быстро вернулось, и эльф продолжил путь к волшебному свечению, созданному фаэриммами. Вала скользила по потолку, а он плыл по полу, они одновременно проскользнули в проход, ведущий в выдолбленное дварфами помещение.

Зэй держал лорда Имесфора двумя руками, а третьей зажимал элфу рот, чтобы тот не смог неожиданно произнести какое-нибудь заклятие, четвёртой же он стаскивал с высшего мага кольца. Но золотые ободки были слишком маленькими, чтобы сползти с переломанных пальцев эльфа, поэтому фаэримм методично отрывал каждый вместе с соответствующей фалангой. Лорд Имесфор переносил всё

это с поразительным спокойствием, и на своего мучителя он смотрел не с болью, а, скорее, с яростью.

Под ним лежала целая куча амулетов, браслетов, поясов и других магических предметов, которые Зэй уже успел снять с тела высшего мага. В нескольких дюймах от пыльного пола парили ещё с полдюжины фаэриммов, они тщательно перебирали сокровища и спорили о том, кто и на что из этой кучи имеет право. В одной из рук Таа уже держал книгу боевых заклятий, что не помешало ему отобрать у одного из собратьев серебряную диадему. Галаэрон надеялся, что разборка двух жадных монстров сможет отвлечь внимание остальных. Не зная, где у этих чудищ глаза, ему всё время казалось, что они смотрят прямо на него.

Вала переместилась в тени на потолке и направилась к Имесфору. Нихмеду скользил по стене, перемещаясь короткими, едва заметными движениями, которые, как он надеялся, будут выглядеть как естественные движения теней. Мелегонт заверил, что хотя монстры и видят обычную магию так же легко, как эльфы в темноте, фаэриммы ни разу не заметили ни одного заклятия, сотворённого с помощью «другого источника магии». Но маг не мог поручиться, что они не могут видеть обычные вещи - такие, как тени.

Галаэрон пробирался по краю пещеры, а затем вошёл во тьму, чтобы пересечь тоннель. Сделав это, он почувствовал, что его тянет что-то холодное, словно затягивает во тьму ещё глубже. Волшебный свет превратился в зелёную сферу где-то вдаль, и эльф даже не сразу понял, что она всё уменьшается. Он еле удержался от испуганного вскрика и сосредоточился, стараясь двигаться к зелёному свету, который вскоре снова вырос до прежних размеров, освещая лежавшее перед ним помещение. Нихмеду решил, что скорее позволит фаэриммам заметить себя, нежели его сумеет утянуть во тьму то, что его схватило. По грани света и тьмы он перебрался на другую сторону пещеры и проскользнул меж костяных прутьев.

Клетка была завалена обездвиженными телами эльфов, у каждого из которых в какой-то части тела зияла воспалившаяся колотая рана. У всех была лихорадка разной степени тяжести, а многие вообще впали в некое подобие коматозного транса, вывести из которого их не представлялось возможным. Хуже всего пришлось тем, у кого под кожей вились змеи длиной с руку, в основном, они располагались вдоль кишок, но некоторым они обвили сердце или рёбра.

В самом центре клетки абсолютно без одежды, расцарапывая собственные раны, парил великий Киньон Колбатин. В отличие от остальных, его раны не выглядели воспалёнными. Вспомнив, как Такари моментально впала в ступор и как вздулась её рана, Галаэрон сделал вывод, что, скорее всего, в мастера гробниц яиц не вводили. Нихмеду пронёсся по потолку и прижался к спине мастера гробниц.

Киньон вздрогнул и вскрикнул. Галаэрон заткнул рот эльфу теневой рукой и буквально почувствовал, как она погрузилась в плоть. Голос мастера гробниц проходил сквозь неё, как сквозь воздух.

Несколько фаэриммов повернули раскрытые пасти к клетке. Галаэрон обмотался вокруг тела Киньона, и ему оставалось только надеяться, что он и впрямь незаметен, как обещал Мелегонт. Мастер гробниц дрожал, а фаэриммы не отворачивали пастей от клетки. В конце концов, Киньон больше не смог сдерживаться и застонал от испуга.

Фаэриммы отвернулись, что-то обсуждая на своём странном, напоминавшем вой ветра языке. Галаэрон подождал, пока они не вернулись к куче магических сокровищ, после чего прижался теньевыми губами к уху мастера Киньона.

– Мастер Киньон, тихо, а не то, клянусь Чёрной Стрелой, я брошу вас тут, – прошептал Нихмеду. – Понятно?

Колбатин выпучил глаза, словно рак.

– Вы узнали меня?

Киньон кивнул, хотя в глазах его читались тысячи вопросов.

– Отлично. Я не буду тратить время, выясняя, рады вы меня видеть или нет, – произнёс Галаэрон, – но если хотите жить, то должны помочь лорду Имесфору Молитвой о Мёртвых.

Мастер гробниц молчал, сперва он посмотрел на свои раны, а потом на воспалившиеся рубцы лежавшего рядом эльфа.

– Не знаю, что там в вас ввели фаэриммы, но это точно не яйца, потому что в этом случае, вам было бы так же плохо, как и всем остальным, – сказал Галаэрон. – А теперь, если хотите выжить, начинайте молитву.

Вместо того чтобы подчиниться, Киньон прошептал:

– А остальные?

Галаэрон посмотрел на безжизненные тела, и у него стало очень тяжело на сердце.

– Сами они не смогут передвигаться, а что произошло, когда я попытался заткнуть вам рот, вы и сами видели. Есть идеи, как их вынести?

– Нет, – выдохнул Киньон, закрыв глаза. Он, очевидно, пришёл к тому же заключению, что и Галаэрон. У них было только два варианта: уйти и оставить соплеменников умирать, либо остаться и умереть вместе с ними. – Так нельзя, это неправильно.

– Да, неправильно, но мы должны делать то, что в наших силах. – Нихмеду увидел, как на потолке неестественно мельтешит тень, и понял, что Вала даёт ему знак поторопиться. – У нас нет времени. Если хотите выжить, то не молчите, действуйте.

Киньон потряс головой, не в силах справиться с тяжёлым решением, но потом всё-таки произнёс:

– Я должен выжить. – Из-за угла донёсся испуганный вскрик и Колбатин перевёл взгляд на дверь. – Держись, Имесфор. Узри же, там, на Западе...

Молитву прервала оглушающая трель фаэримма, почувствовавшего сильную боль. Галаэрон проскользнул в переднюю часть клетки и замер у стены. За дверью в луже крови лежала неестественно изогнутая лапа фаэримма, отсечённая чётко по бицепсу. Прижав согнутые руки к груди, на земле лежал лорд Имесфор. Задрав голову вверх, он изумлённо смотрел на культю своего учителя.

Зэй издал резкий пронзительный вой, причём так быстро и неразборчиво, что Галаэрон не смог понять его даже с помощью подслушивающего заклятья Мелегонта, после чего фаэримм снова потянулся к Имесфору. Чёрный меч Валы молниеносно понёсся вниз и вонзился в покрытую шипами спину Зэя.

Монстр взвизгнул и стал переворачиваться в воздухе, наполовину вытащив Валу из потолка. На мгновение, её корпус растянулся между потолком и

вращающимся фаэриммом, едва различимый женский силуэт держал вполне объёмный чёрный стеклянный меч. Потом женщина повернула клинок, и теневое лезвие снова рассекло плоть. Из огромной раны на землю полилась горячая дымящаяся кровь. Вала едва успела втянуть себя обратно в камень, когда на потолок обрушился поток огня и молний.

Галаэрон скользнул за угол и произнёс на высоком эльфийском:

– В клетку, быстро! – Чтобы быть услышанным, эльфу пришлось кричать. – Идите за Киньоном, в теневой тоннель!

Глаза эльфийского мага широко раскрылись, но он кувырнулся, вставая на колени, и пополз клетке.

Это жёлтый! – заверещал Таа, указывая на лорда Имесфора. – *Это его...*

Галаэрон вытащил одолженный чёрный меч и увидел, как тот становится материальным. Мощным ударом разрубив челюсти Таа, эльф заставил его замолчать. Пасть монстра раскрылась, но из неё лишь брызнула кровь. Галаэрон убрал меч в ножны и продолжил движение, он спокойно тёк по поверхности, и даже взорвавшийся прямо за ним от огненной магии камень не причинил ему вреда.

Со стороны Стены Шарнов послышался голос Мелегонта, и из бреши через всё помещение пронеслось теневое копьё, которое, словно взбесившийся баран, раскидало в стороны шокированных фаэриммов. Оно остановилось, застряв в двери клетки, и с его наконечника потянулись крошечные нити тени, проникая за костяную решётку.

На этот раз фаэриммы оправились быстро. Пожалуй, даже слишком, решил Галаэрон. Где-то десяток из них резко развернулись и атаковали Мелегонта потоком разнообразных заклятий. Трудно было понять, оказали они на мага хоть какое-то действие или нет, потому что, едва коснувшись Стены Шарнов, они взрывались, накаляя воздух. Те же, что были нацелены прямо в брешь, просто растворились в кружащихся тенях, которые, через пару мгновений сформировавшись в новое копьё, полетели в сторону монстров.

Остальные фаэриммы переключили внимание на ту часть пещеры, где находился Галаэрон, и обрушили на костяную клетку целый шторм метеоров и льда. Большая часть магической атаки растворилась в теневой цепи, которая висела от копья Мелегонта, но всё же внутрь проникло достаточно заклятий, чтобы воздух переполнили неприятный запах опалённой плоти и полубессознательные крики эльфов.

Галаэрон проскользнул по полу и расположился на стене напротив двери, готовясь броситься в бой, как только фаэриммы попытаются проникнуть через теневую цепь. Сквозь сеть тёмных витков он мог видеть только фигуру лорда Имесфора, изо всех сил пытавшуюся пропихнуть своими беспальными руками беспомощных эльфов к входу в теневой тоннель. Киньон помогал, как мог, но ему самому не удавалось отлепиться от потолка, поэтому толку от него было ещё меньше, чем от высшего мага.

Галаэрон уж было задумался, куда подевались люди Валы, но тут же получил ответ на свой вопрос, когда увидел, как пара мощных рук втягивает больного эльфа в проём тоннеля. Двое других, похоже, до сих пор боролись с телами Валы и самого эльфа.

Осознав, что снаружи их магия не способна проникать сквозь Стену Шарнов точно так же, как и изнутри, фаэриммы, находившиеся в той же части пещеры, что и Мелегонт, сосредоточили своё внимание на теневой колонне. Их заклятия по-прежнему просто растворялись во тьме, а после возвращались, нацелившись уже на своих создателей. Один из фаэриммов, попытавшийся протаранить колонну, потерял в круговерти тьмы две руки. Другой сотворил яркий шар, осветивший всё помещение ярким серебряным светом, но везде где есть свет – есть и тени. Теневая колонна превратилась в извивающееся змееподобное существо, которое проползло по тёмным углам пещеры, изогнулось позади мельтешащих фаэриммов и растворилось в пыли под их парящими телами.

Около Галаэрона фаэриммы действовали успешнее. Двое скользнули мимо колонны и остановились перед клеткой. Гладкие кости стали рассыпаться, свалившись в кучу на земле и оставив лишь теневую сеть, вьющуюся из тоннеля Мелегонта. Один из фаэриммов осмелился просунуть через сеть палец. Как только тот прошёл внутрь целый и невредимый, существо пропихнуло внутрь руку целиком – и сразу же потеряло её под ударом тёмного меча Валы.

Реакция у фаэриммов была куда лучше, чем должна была быть, - по крайней мере, по эльфийским меркам. Существо просто хлестнуло оставшимися конечностями и схватилось за эфес меча, легко вырвав оружие из рук женщины. От ледяного прикосновения клинка оно содрогнулось, но держало оружие, пока второй фаэримм рушил стену с помощью молний и магии.

Через мгновение Галаэрон оказался над тварью, скользнув по поверхности тоннеля и рубанув своим мечом поперёк туши чудовища. Фаэримм будто взорвался, расплескав по стенкам тоннеля зелёный ихор и осев на пол грудой шипастой плоти.

Но чтобы убить его, требовалось нечто большее. Существо откатилось назад, пустив по поверхности тоннеля длинную струю огня. Галаэрон закричал, когда пламя лизнуло его ногу. Он проплыл вниз по стене и вдоль пола, чтобы между ним и раненым фаэриммом оказалось второе чудовище.

Засвистев от боли, существо на земле потащилось сквозь пыль. Нихмеду оглядел стены и пол в поисках Валы, но, как и фаэриммы, не смог её увидеть.

Трус! – упрекнули позади монстра, от которого он прятался. Перебросив меч Валы в другую руку, существо протиснулось через ледяную сеть к убежавшим эльфам. - *Это всего лишь шейды!*

Галаэрон занёс тёмный клинок и перерубил руку фаэримма, сжимавшую оружие Валы, а когда то выпало, схватил его. Он широко размахнулся и погрузил лезвие в завопившее чудовище. В ответ оно выплеснуло на землю сырую магию. Галаэрон метнулся вверх по стене, крича Киньону и Имесфору на высоком эльфийском:

- Хватит! Мы спасли, кого могли!

Раненный фаэримм повернулся на голос и метнул в стену молнию, но Галаэрон уже вновь был на земле, обоими клинками врубаясь в нижнюю часть фаэримма, чтобы отвлечь его внимание. Киньон и Имесфор не упростили ему задачу. В клетке оставалось только три эльфа, и высший маг остановился, чтобы схватить одного искалеченными руками, прежде чем броситься в теневой тоннель. Киньон сгрёб оставшуюся пару за воротники и медленно потащил их по земле вслед за собой.

Галаэрон увернулся от нового шквала огня и льда, скользнув вдоль пола, а затем бросил взгляд через плечо, увидев позади полдюжины фаэриммов, проникающих сквозь теневую сеть. Понимая, что никогда не сможет остановить их всех с помощью мечей, он сунул оружие за пояс – или, скорее, туда, где его пояс должен был быть – а затем вырвал у себя локон темных волос. Стелясь по земле, чтобы не попасть под удар копья из золотого света, он открыл себя страху, как учил Мелегонт.

С таким количеством приближающихся фаэриммов страх пришёл легко. Он затопил эльфа, неся с собой ту жуткую, холодную энергию, которую Нихмеду уже ощущал ранее. Эльф швырнул клочок волос в монстров и выговорил импровизированное заклятие ветра.

Воющий шквал воздуха пронёсся по клетке, осыпав фаэриммов плотной стеной пыли. Вряд ли заклинание могло повредить им, но заставило промедлить, на мгновение насторожив. Киньону как раз этого и не хватало. Подхваченный ветром, он проскочил мимо хлестнувшего вслепую когтя последнего чудовища и исчез в темном тоннеле.

Надеясь извлечь всё возможное из удачной ситуации, Галаэрон вновь выхватил клинки и развернулся, чтобы прикончить раненного врага – и почувствовал, как темная рука схватила его запястье.

– Пора уходить, эльф, – сказала Вала. Она толкнула его в тоннель. – И верни мне мой меч!

ГЛАВА 8

24 Найдала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Тело Галаэрона висело на нём, словно латы человеческой работы – тяжёлые, жаркие и до боли неудобные. Ныли плечи, в висках стучало, шея не гнулась. Рука, которой эльф придерживал угол плывущих по воздуху носилок, настолько занемела, что он сомневался, сможет ли разжать пальцы, и тем не менее, Галаэрон всё ещё считал, что ему крупно повезло. У Дексона, что недавно придерживал тело хранителя гробниц, были подбиты оба глаза, отсутствовал зуб, а тело покрывало такое количество синяков, что в сумерках их можно было принять за маскировочную раскраску.

Из центра носилок слышался булькающий звук. Галаэрон и другие носильщики – Киньон, Вала и её люди – остановились и обернулись к источнику

звука. Находящийся в бессознательном состоянии эльф бился, кашлял и задыхался, задевая и нанося ушибы своим раненым товарищам.

Даже стоя у края носилок можно было разглядеть личинок фаэриммов толщиной с руку, извивающихся под кожей эльфа и ползущих через грудь, словно прокладывая себе путь вверх, к горлу эльфа. Инстинктивно Галаэрон протянул руку, то же самое сделал и стоящий напротив Киньон, но жертва, окружённая дюжиной других раненых, была вне досягаемости.

– Затените его! – крикнул бросившийся назад Мелегонт. Маг запрыгнул на носилки, не обратив внимания на тех, кто попался под ноги, а затем зажал эльфа рот ладонью. – Опустите нас.

Галаэрон и другие подчинились. К тому времени, когда Мелегонт стащил воина с носилок, на виду оставался только толстый, с палец хвост личинки, который, извиваясь, полз к горлу. Маг упёрся коленом в грудь эльфа, затем, вонзив острие кинжала под кожу, выдернул усеянное шипами щупальце. По толщине оно не уступало руке Нихмеду. Человек вытащил тварь из тела жертвы и пригвоздил к земле, срезав крошечную пасть, расположенную на конце щупальца.

Маг ещё не закончил, когда нога эльфа дёрнулась и попала в тень, протянувшуюся на их пути. Он заскользил во тьму, но был слишком слаб, чтобы сопротивляться и мог лишь стонать. Галаэрон ринулся схватить эльфа за руку, но Мелегонт чуть не сбил с его ног, оттолкнув огромной рукой.

– Не смей!

– Его что-то схватило! – выкрикнул Нихмеду, пытаясь отпихнуть мага.

Мелегонт придержал его:

– И с тобой случится то же самое, если достанет глупости схватиться с этой тварью!

Пока воина затягивало во тьму, его остекленевшие глаза закатились, уставившись магу в лицо, и продолжали смотреть, пока эльф растворялся в тенях. Мелегонт отвернулся, выражение его собственного лица было столь сурово, что понять по нему что-либо было невозможно.

– Забирай своих друзей, и идём дальше, – волшебник кивнул в сторону сотканых из тени огромных носилок. – Мы должны уйти прежде, чем сюда нагрянет больше шадаторов.

Только Киньон остался стоять на месте:

– Мы не можем его здесь бросить.

– Можем и бросим, – Мелегонт снова двинулся вперёд. – Шадаторы редко приходят в одиночку.

Киньон не двинулся с места:

– Эльфы не трусы. Мы не бросаем души наших павших товарищей в местах, подобных этому.

Мелегонт повернулся, и на сей раз на его лице отразилась искренняя горечь.

– Мне жаль твоих друзей, но мы действительно ничего не можем для них сделать. Когда подоспеют другие шадаторы, то сначала выберут себе жертв из самых слабых. Они ударят снизу и заберут одного или двух; но быстро впадут в ярость, и тогда уже души всех нас окажутся во тьме. Ты этого хочешь?

– Конечно же, нет, – лицо Киньона от ярости посерело. – Но я видел достаточно твоей магии, чтобы понять, что ты можешь сделать хоть что-то.

Глаза Мелегонта потемнели:

– К сожалению, ты ошибаешься. – Затем маг продолжил: – Можешь остаться, если хочешь, мне всё равно.

Выпучив глаза, Киньон уставился на него:

– Ты... ты не посмеешь!

Осознав, что хранитель гробниц потерял контроль над собой, а за прошедшие дни смерти и поражений, возможно, и разум, Галаэрон преградил ему путь.

– Мастер Колбатин, если Мелегонт говорит, что сделал всё возможное, то так оно и есть. Вы здесь только благодаря ему. Я уже готов был оставить вас среди мёртвых, но именно он настоял на том, чтобы попытаться спасти вас.

Горящий взгляд Киньона обратился к Галаэрону – некоторое улучшение с того момента, когда, потеряв терпение, Нихмеду магией отбросил хранителя гробниц в тень.

– И почему я не удивлён? – произнёс Киньон. – Ты и твоя не требующая никаких усилий магия. Мне следовало догадаться, что ты тоже трус.

– Довольно, – Вала встала рядом с Галаэроном.

Несмотря на миролюбивый тон женщины, удар, последовавший за этими словами, был сильным. Хранитель гробниц завалился назад прямо в объятия поджидающему Бурлену, который прижал руки эльфа к бокам. Вала достала чёрную верёвку и связала хранителя гробниц.

– Галаэрон заслужил этих оскорблений не больше, чем Мелегонт, – было трудно понять, обращалась ли она к Киньону или к лорду Имесфору. Женщина посмотрела мимо хранителя гробниц на высшего мага, чьи остекленевшие глаза, казалось, только сейчас заметили стычку. – Кроме того, у нас нет времени для выяснения отношений.

– Поступайте, как считаете нужным, – лорд Имесфор держал свои изуродованные руки скрещенными перед собой, прижимая к груди. – Хранитель гробниц всё поймёт, когда придёт в себя.

Высший маг склонил голову в направлении, откуда они только что пришли.

Галаэрон оглянулся и увидел призрачные силуэты, пересекающие полосу света между двумя тeneвыми холмами. Там, где положено было находиться носу, у них располагались четыре коротких щупальца. Эльф отвёл взгляд и спросил:

– Иллитиды?

– Они преследуют нас уже какое-то время, – заметил высший маг. – И я задаюсь вопросом, разве они уроженцы этого уровня?

– Нет, – несмотря на то, что Мелегонт говорил негромко, голос его звучал сурово. – Они – слуги нашего врага. Фаэриммы, боюсь, выяснили, как можно нас преследовать.

Маг махнул рукой в сторону Бурлена. Воин удивлённо открыл рот, а затем, смутившись, моргнул.

– Ты скоро к этому привыкнешь, – сказал Мелегонт. – Кто-то должен наблюдать за тем, что творится у нас за спиной.

Бурлен осторожно помахал рукой за своим шлемом:

– Тебе следовало бы предупредить меня. Это так... неестественно.

Мелегонт взмахом руки указал на окружающий их лабиринт света и тени:

– Четыре глаза так же естественны для этого места, как и всё здесь.

Маг кивнул Вале и зашагал прочь. Она подняла Киньона на теневые носилки к остальным раненым, после чего Галаэрон и остальные заняли свои места и продолжили путь.

Лорд Имесфор поспешил нагнать Мелегонта:

– Может быть, нам следует подождать? Если шадаторы ориентируются на звук, то мы можем воспользоваться этим и спастись, задержавшись и устроив иллиотидам засаду.

Мелегонт продолжал идти, не снижая скорости:

– План хорош, но у нас нет на это времени. Теперь, когда фаэриммы наконец-таки нас обнаружили, они поспешат отрезать нам пути отступления.

– Наконец-таки?.. – переспросил лорд Имесфор. – Высшие маги уже пытались путешествовать по теням.

Ещё в самом начале путешествия он пытался понять, как армия Эверески попала в засаду фаэриммов и не смогла бежать с помощью заклятий перемещений, магических врат или пространственных дверей. Отступая, они каждый раз с головой бросались в ловушку за ловушкой, и так до тех пор, пока не осталась лишь разрозненная горстка выживших. Последний удар фаэриммы нанесли, когда Имесфор попытался пройти по уровням в Эвермит, но добился лишь того, что оказался там, где его и нашли Галаэрон с друзьями.

– Мне жаль, – сказал высший маг. – Но мы не сможем уйти, используя тени.

– Сможем, если поторопимся, – ответил Мелегонт. – Тени обширны. И есть только два способа преследовать кого-то по ним.

– Естественно, первый – физически, – лорд Имесфор многозначительно кивнул назад. – Другой, более простой, следовать за магией.

– Именно, – улыбка Мелегонта была одновременно терпеливой и снисходительной. – Следовать за эльфийской магией довольно просто, но моё колдовство – совсем другое дело.

Галаэрон подавил желание оглянуться назад, потому что видел, что маг что-то обдумывает. До тех пор, пока иллиотиды уверены, что их не обнаружили, они будут выжидать вплоть до нападения фаэриммов. И если Мелегонт и остальные успеют ускользнуть прежде, то смогут достичь Эверески, не подвергаясь опасности.

Лорд Имесфор не разделял веры Галаэрона:

– Говоришь, фаэриммы не могут видеть твою магию?

– Это правда, не могут, – сказал Нихмеду стоя рядом с носилками. – И защитить себя от неё тоже. Вы сами видели, как чёрные мечи пробивали их броню.

Имесфор посмотрел на Галаэрона, затем снова на Мелегонта:

– Но как? – его тон был не столько недоверчивым, сколько задумчивым, но при этом в нём звучали и обвиняющие нотки. – Я не понимаю.

Голос человеческого мага стал резким:

– Что здесь понимать? Всё, что вам нужно знать – это то, что я могу провести вас мимо фаэриммов. Вы же этого хотите... Или нет?

– Конечно, – голос лорда Имесфора оставался ровным. – Но смысла возвращаться в Эвереску нет. Может быть, вы сможете провести нас до Глубоководья?

– Глубоководье? – переспросил Киньон. – Ты обратишься за помощью к людям?

Имесфор оглянулся назад, тайком ища взглядом преследователей. И, судя по гримасе беспокойства, он увидел одного из них.

– Я буду просить о помощи любого, кто сможет её предложить.

– Помощь людей дорого обходится.

Глаза Имесфора сузились:

– Надеюсь, что наши друзья, – нет! наши спасители! – понимают, что вы говорите это, находясь под огромным давлением.

– Мы понимаем, – кивнул Мелегонт. – В любом случае, доставить вас в Глубоководье мы не сможем.

– Я так и думал, – сказал Киньон. – Это так похоже на людей: открыть ворота в преисподнюю, а самим бежать как можно дальше.

Вконец потеряв терпение, Мелегонт ткнул скрюченным пальцем в хранителя гробниц:

– Место, куда я бегу – единственное, куда можно обратиться за помощью в спасении вашего жалкого королевства, и это в то время как ваши соплеменники... – Мелегонт оставил предложение висеть в воздухе, затем его лицо потемнело, став одного цвета с волосами. – Эльфы! Вы во всём ищите подвох, даже когда вам пытаются помочь.

– Возможно, – согласился лорд Имесфор, – Но опять-таки, ваш род всегда почитал за благо для других то, что вы сами считали таковым.

Густые брови Мелегонта сошлись вместе:

– Мой род?

Настал черёд Имесфора усмехнуться:

– Кем бы ты ни являлся. Ни у одного нормального человека не может быть причин и достаточного количества магической силы, чтобы жить в пещерах фаэриммов столь долго.

Мелегонт какое-то время пристально смотрел на высшего мага, затем бросил взгляд на Киньона и, наконец, обратился к Вале:

– Ты можешь развязать мастера Колбатина и позволить ему занять своё место у носилок. Полагаю, он и лорд Имесфор принимают нас за дураков.

Вала вытащила чёрный меч и, не двигаясь с места, разрезала путы на руках хранителя гробниц:

– У нас дома говорят, – мрачно произнесла она. – Лучший мех всегда у умной лисы.

Киньон улыбнулся и прыгнул с носилок:

– Тогда мне следует быть осторожней – как бы ты не содрала с меня кожу.

Мелегонт повернулся к лорду Имесфору:

– В безопасности я проведу вас до Шараздима, а оттуда вы сможете перенестись в Глубоководье или любое другое место, чтобы попросить о помощи.

– Понимаю, – золотистые глаза Имесфора выдали его разочарование. – Я благодарю вас за то многое, что вы уже сделали.

– Поблагодарите меня позже, когда я вернусь в Эвереску с той единственной помощью, которая может её спасти.

– Хорошо, тогда я поблагодарю вас после, – высший маг всё ещё выглядел неуверенно. – К сожалению, есть некоторые незначительные осложнения.

Сложности имелись, но они действительно были незначительными. Во-первых, возникал вопрос телепортации. Даже лишившись пальцев, лорд Имесфор был способен сотворить заклинание мгновенного перемещения, поскольку для этого требовалось всего лишь произнести несколько сложных магических фраз. К сожалению, он использовал их все, когда пытался спасти армию Эверески, и не мог перенести себя или кого-либо ещё, пока не выучит заклятье снова.

Проблему решил Мелегонт, одолжив, хоть и неохотно, высшему магу свою книгу заклинаний. Человека сильно задел вид эльфа, озадаченно изучающего другие, очень опасные (если не сказать разрушительные) чары. Особенно после прозвучавших обвинений в том, что действия Мелегонта были направлены лишь на защиту. В ответ на это маг лишь коротко кивнул и вернул лорда Имесфора к заклятью, которое ему предстояло выучить.

Другая проблема была сложнее. Даже в лучшей форме, Имесфор не мог перенести всех раненных эльфов в Глубоководье. Галаэрон предложил пойти к Эвереске в обход, но когда они повернулись, чтобы сменить направление, илликиды бросились в погоню. Мелегонт направился прочь от Долины. Когда илликиды отступили, маг вручил Киньону маленькую световую сферу, приказав ему взять людей Валы и носилки и следовать за её светом к Секретным вратам. Чувствуя свою ответственность за судьбу Кейи, а так же желая узнать, как обстоят дела у отца и Клинков Эверески, Галаэрон вызвался сопровождать Киньона в опасном путешествии назад в Долину. Мелегонт, у которого были свои планы, попросил Галаэрона остаться с ним. Таким образом, вернуться в Долину эльф мог только с подкреплением. Успокоенный лорд Имесфор одобрял предложенный план всем сердцем. Высший маг сурово напомнил хранителю гробниц, что, раз он пожертвовал своим сыном в этой войне, то и Галаэрон сможет пережить десять дней без вестей о сестре и отце.

И Нихмеду остался. Мелегонт скрыл отход Киньона теневой иллюзией, и илликиды ничего не замечали, пока не стало слишком поздно: иллюзорные образы сбежавших членов отряда развеялись клочьями чёрного тумана. Только тогда существа, казалось, ещё больше растерявшиеся, направили троих разведчиков на поиски пропавшей добычи. Двое растворились в тенях и так и не вернулись. Судя же по шипящему воплю, шедшему от того места, куда направился третий разведчик, его ждал куда более страшный конец.

Этого звука было более чем достаточно, чтобы оставшиеся илликиды поняли, что время прятаться прошло. Более дюжины силуэтов со щупальцами на лицах материализовались из тьмы. Облачённые в длинные мантии, они, казалось, плыли над землёй. Ни Галаэрон, ни Имесфор не нуждались в объяснении, что пора бежать. На тысячелетние тела эльфов существа смотрели, как на изысканное блюдо, и поэтому хранители гробниц часто были вынуждены вступать с ними в бой.

Однако Вала, похоже, не понимала, на что способны эти твари, стоит только позволить им заглянуть себе в глаза. Она выхватила чёрный меч и повернулась к ним, а затем, схватившись за уши, девушка закричала и, дрожа, осела на землю.

Мелегонт сплюнул и, не целясь, атаковал существ, направив в разные стороны поток чёрных стрел:

– Забирай её!

Галаэрон подхватил женщину. В своём тяжёлом чешуйчатом доспехе она весила в половину больше эльфа, но времени, сотворить заклинание левитации, не было.

Существа уже были достаточно близко, чтобы направить поток мыслей в разум жертвы, даже не заглядывая ей в глаза.

Как только Галаэрон забросил Валу себе на плечо, чёрный меч выскользнул из её пальцев и исчез на тёмной земле. Зная, что женщина сделает с ним, если он спасёт её, а её меч оставит, эльф упал на колено и запустил руку в сотканный из тени туман, пока не нашарил нечто, отчего его пальцы стали неметь.

– Что ты там делаешь? – Мелегонт выпустил длинную цепь чёрных молний. Кто-то из нападавших зашипел и упал.

Маг прорычал:

– Поторопись!

Галаэрон схватил меч за лезвие и вытащил из тени. Стараясь не обращать внимания на то, что порезал несколько пальцев, он подбросил оружие в воздух, стараясь поймать за рукоять. Ладонь начала неметь.

– Есть!

Эльф повернулся, собираясь присоединиться к лорду Имесфору, который стоял в дюжине шагов впереди, яростно встряхивая бесполезными руками. Но Мелегонт схватил Галаэрона за плечо и заставил бежать дальше, мимо высшего мага:

– Сюда!

Маг остановился, чтобы убедиться, что лорд Имесфор поспевает за ними, а затем нырнул в теневой коридор. Они пробежали не более двадцати шагов, прежде чем первый иллидид показался из-за угла прямо за ними, его шипящее дыхание разносилось в тёмном пространстве коридора. Мелегонт создал поток чёрных метеоров у себя за спиной, ткнув пальцем через плечо.

Галаэрон, нёсший на плече закованное в доспех тело Валу, дышал так тяжело, что едва слышал сдавленные вопли иллидидов. Ведя отряд вдоль изгиба дороги по теневому коридору, Мелегонт оказался на перекрёстке – одна дорога, делая резкий поворот, вела между двух теневых холмов к узкой полоске света, другая – глубже во тьму.

Маг подтолкнул лорда Имесфора к свету:

– Сюда! Осталось пройти не больше двухсот шагов! Вы выйдете поблизости от болот Челимбера.

Имесфор от удивления широко раскрыл глаза:

– Мы зашли так далеко?

– Да!

За ближайшим углом раздалось тихое шипение. Мелегонт толкнул высшего мага по направлению к свету:

– Беги и начинай творить заклинание сразу, как увидишь болото.

Лорд Имесфор рванулся к свету, рыча от боли при каждом взмахе искалеченных рук. Галаэрон развернулся, чтобы бежать в противоположном направлении, но с удивлением почувствовал, как сильная рука, схватила его за плечо. Он развернулся и увидел Мелегонта, прижавшего к губам палец. Затем с растущим удивлением эльф наблюдал за тем, как маг повесил перед ними тeneвую завесу.

Иллитиды достигли перекрёстка мгновением позже. Галаэрон был так напуган, что практически не ощущал, как немеет рука, в которой он держал меч Валы. Но существа пронесли мимо и бросились следом за лордом Имесфором.

Пока Галаэрон слушал, как удаляется шипение прошествовавшего мимо отряда, он почувствовал слабость и отвращение. Хранитель гробниц ждал, когда Мелегонт захлопнет ловушку, выступив из-за тeneвой завесы, и уничтожит тварей каким-нибудь особенно мощным заклятьем, покончив со всеми разом. С бесстрастным выражением лица Мелегонт продолжал молча выжидать, лишь протянув руку, чтобы забрать меч Валы, когда заметил, как побледнела рука эльфа.

Наконец, на смену удивлению пришло понимание: маг не собирается нападать на иллитидов. Он просто использовал лорда Имесфора как наживку. Хранитель гробниц осторожно опустил Валу на покрытую туманными тенями землю, затем достал свой собственный меч и направился к Мелегонту.

Маг остановил Галаэрона, ткнув его в грудь, и коротко бросил:

– Подними её. Вы нападёте на шадатора.

Галаэрон покачал головой:

– Теперь я вижу, как это принято у вас, людей.

Он приставил острый меч к горлу Мелегонта:

– Спасаете себя и жертвуете нами!

– Ты понимаешь меньше, чем я думал, – свободной рукой маг схватил меч Галаэрона. Защитные чары человека были настолько сильны, что даже магический клинок не мог ему повредить. – С лордом Имесфором ничего не случится, пока он делает то, что я сказал.

– Ты не можешь знать наверняка.

– Не могу? – Мелегонт оттолкнул меч Галаэрона. – Да даже если бы и не мог, стал бы лорд Имесфор колебаться, когда возникла бы необходимость использовать тебя, как приманку? А ты бы хотел, чтобы он терзался сомнениями, если бы речь шла о спасении Эверески?

Галаэрон опустил меч:

– Тебе следовало предупредить его.

– Ты мне доверяешь? – Мелегонт бросил меч Валы в ножны, затем сам поднял девушку. – Чтобы ты ни думал, дойти должны именно мы. Любая помощь, которую лорд Имесфор сможет найти в Глубоководье, да даже в самом Эвермите, не остановит фаэриммов. Как не смог этого сделать Киньон со своими хранителями гробниц. По крайней мере, ты видел достаточно, чтобы понять, что это правда.

Это было одно из тех редких мгновений (которые в последнее время выпадали всё реже), когда у Хелбена Чёрного Посоха Арансана не было срочных дел, и он мог присоединиться к своей леди Лаэраль в покоях её высокородия и расслабиться. В такие минуты он мог выкинуть из головы все занимающие его неприятности, и никакие проблемы этого мира не давили на его плечи. Именно в тот момент, когда маг чувствовал себя абсолютно счастливым, на лестнице раздался топот сапог подмастерья.

– Мастер Чёрный Посох? – это был молодой Рансфорд, самый нервный из новичков и в данный момент самый безрассудный. – Леди Среброрукая.

– О, – Лаэраль повернула голову и подняла сонный взгляд зелёных глаз на Хелбена. – Спокойно, мой дорогой.

Чёрный Посох опустил взгляд и увидел свои сжатые в кулаки побледневшие руки, руки которые всего несколько мгновений назад мягко массировали плечи Лаэраль. Он заставил себя разжать кулаки, после чего глубоко вздохнул, выравнивая дыхание, и спокойно произнёс:

– Прости, любовь моя.

– Вставайте, мой господин, – по мере приближения крик Рансфорда становился всё настойчивей. – Вставайте, госпожа!

Скрипнув зубами, Хелбена перенёс колено над спиной Лаэраль и тяжело поставил обе ноги на пол:

– Если это снова по поводу тех трёхногих жаб, то язык этого парня станет ещё одним ингредиентом для зелья чреовещания.

Хелбен натянул чёрную мантию, а затем накинул серебристую сорочку на плечи жены.

Рансфорд добежал до последнего пролёта и постучал в дверь:

– Мой господин, просы...

– Да тихо ты! – Хелбен так резко дёрнул дверь на себя, что подмастерье запнулся о порог и упал, ударившись локтями и коленями. – Ты что, не знаешь, что мы отдыхаем?

– Мне очень жаль мастер Чёрный Посох, но... – Рансфорд заметил мелькнувшее обнажённое тело, пока Лаэраль закутывалась в накидку и, покраснев, стал заикаться. – Н-но...

– Что? – Хелбен схватил парня за ухо. – Говори уже.

– Т-т-там э-э-эльф и-и-и илл-илл-илли... Пойдёмте, вы должны сами увидеть.

Рансфорд взял мага за руку и подвёл к окну, однако парень был так взволнован, что Хелбену пришлось самому посмотреть, что происходит. И когда он увидел, то был настолько поражён, что едва не начал заикаться сам.

Во внутреннем дворе раненный эльф с оторванными пальцами ногами отбивался от проникателя сознания, с мрачной безнадёжностью стараясь оттолкнуть одно из щупалец от небольшой раны в черепе.

– Ради Плетения, Лаэраль! – Хелбен протянул руку за чёрным посохом и ощутил, как полированное дерево удобно легло в ладонь. – Похоже, там внизу Джервас Имесфор!

ГЛАВА 9

24 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как Галаэрон ощущал на своём лице слепящие лучи солнца на Пустынной Границе, или купался в молочно-белом сиянии Селунэ, или когда ему хотя бы мельком удалось взглянуть на голубое сверкание звёзд. Хранитель гробниц жаждал снова увидеть свет – не это блёклое свечение бесконечных земель тени, а настоящий свет. Свет, который он сможет ощутить; согревающий, жалящий кожу свет, который заставит его почувствовать жажду и выжжет запах застарелого пота с его плаща; свет, по которому эльф сможет ориентироваться, и который, по мере того как тот меркнет и разгорается вновь, позволит определять время.

Они шли, казалось, вот уже несколько часов, но могло пройти несколько минут или дней – бесконечных, ведущих через лабиринт узловатых форм и резко очерченных силуэтов. Разум Галаэрона уже давно не пытался угадать в этих образах хоть какой-то смысл, они стали для него просто проплывающими перед глазами видениями. Если отсутствие света и доставляло Мелегонту неудобства, то он этого никак не показывал. Он просто шёл дальше, ведя отряд вперёд и не сбавляя темпа.

Пришедшая в себя после стычки с иллитидом Вала шла следом за магом, держась к нему настолько близко, что чуть не наступала на пятки. И, хотя она ни разу не пожаловалась, по тому, как вяло женщина переставляла ноги и запрокидывала голову, Галаэрон догадался, что ей не хватает света так же, как и ему.

По-видимому, они приближались к какой-то теневой границе, завесе абсолютной тьмы. Галаэрон мельком замечал её вдалеке позади чёрных троп или когда она маячила за вершинами холмов. Каждый раз, как завеса появлялась в поле зрения, тропа перед ними растягивалась. Иногда эльф видел одновременно две тропы: одна спускалась в широкую теневую долину, другая поднималась, исчезая за ближайшими холмами. Каждый раз завеса как будто становилась выше, темнее и глубже, словно это был вовсе не барьер, а громадное пространство из абсолютной и непроницаемой тьмы.

Наконец они повернули за угол и не увидели ничего, кроме чёрной завесы, распростёршейся во всех направлениях; её колышущаяся вершина выделялась на фоне бледного багрянца теневого неба, а её тёмное основание корнями уходило в стелящийся по земле туман. Плечи Валы тяжело опустились, и с её губ слетел едва

различный вздох. В этот момент Галаэрон понял, что должен поговорить с магом прежде, чем они с Валою сойдут с ума:

– Мелегонт, подожди.

Волшебник развернулся на каблуках, обводя взглядом чёрных глаз сумеречный пейзаж за спинами своих спутников:

– Что ещё?

– Да ничего, за исключением того, что я скоро сойду с ума, – сказал Галаэрон. – Тебя это не волнует?

– Это? – Мелегонт огляделся вокруг. – После фаэриммов? Ты, должно быть, шутишь?

Маг зашагал прямо к теневой завесе. Вала направилась следом, но остановилась и оглянулась назад, когда поняла, что Галаэрон так и не двинулся с места.

– Эй, ты идешь или нет? – спросила женщина.

– Только не туда. – Галаэрон указал на тьму впереди. – Я не собираюсь идти дальше вглубь, пока не проведу пару минут под лучами солнца.

Мелегонт обернулся:

– Вглубь?

– В тень, – Галаэрон вновь указал на чернеющую завесу. – Пожалуйста, может, проведём хотя бы пару минут на свету?

Вала кивнула, соглашаясь:

– Честно говоря, этот мрак меня порядком извёл. Я б и сама постояла немного под солнечными лучами, особенно если мы собираемся забраться ещё глубже.

– Глубже? – Мелегонт нахмурился и вгляделся во тьму впереди. – Глубже куда?

– Глубже в тень, – ответил Галаэрон. – Даже я её вижу...

– Это же лес, – буркнул Мелегонт.

Галаэрон нахмурился. Теперь, когда маг сказал об этом, завеса действительно напомнила хранителю гробниц мрачноватую гущу огромного леса, а её колышущаяся вершина – верхушки деревьев.

– Забытый Лес, если быть точным, – сказал Мелегонт. – Я ни разу не подводил вас к Грани.

– Грани? – переспросил Галаэрон.

– Границе между мирами света и Глубинными Тенями, – Мелегонт взмахом руки указал на окружающие их земли. – За Гранью ни один из вас не пройдет и ста шагов.

Насупившаяся Вала попыталась было возразить, но Галаэрон перебил её, спросив:

– Мирами света?

– Существует множество миров, юный эльф. И Глубинные Тени соединяют их все. Они как зеркало, что отражает их свет, – Мелегонт снова зашагал вперёд. – А сейчас, если вы соизволите двинуться дальше, то в Декантере увидите свой драгоценный свет. И я бы хотел оказаться там до того, как начнутся Пляски.

Вопросительно подняв бровь, Галаэрон посмотрел на Валу. Женщина пожала плечами и направилась вслед за магом, проворчав:

– Лучше не отставать.

Не успокоенный этими объяснениями Галаэрон поспешил за своими товарищами. Как только они выстроились в идеальную линию, цепочкой следуя

друг за другом, Мелегонт слегка обернулся, чтобы Галаэрон и Вала могли его лучше слышать:

– Заметили, как изменились тени за то время, что солнце пересекло небосклон?
– спросил Мелегонт. – Словно они танцуют в свете свечей?

– Конечно же, – ответил Галаэрон.

– А что случается, когда солнце садится?

– Наступает тьма, – сказала Вала.

– Появляются тени, – поправил её Мелегонт. – Солнце не исчезает, а только скрывается из виду. Его лучи закрывает собой горизонт.

– Весьма тонкое различие, – заметил Галаэрон.

– Но важное, – возразил Мелегонт. – На Фаэруне есть только тень. Всё, что люди именуют «ночью» и «тьмой», не что иное, как свет, заслоненный самим миром.

– Даже в пещерах? – спросила Вала.

– Даже в пещерах. Если они не окружены скалами, то солнце освещает и их, – пояснил маг. – Но есть и такие места, я говорю об иных уровнях, где нет ни солнца, ни света. Там нет теней, только тьма. Истинная, абсолютная тьма.

– И как это связано с Плясками? – спросила Вала.

– А вот как, – сказал Мелегонт. – Тьма, по природе своей, безжизненна и бесстрастна, а тени подвижны и полны жизни. Они танцуют, кружатся, трепещут и постоянно порождают удивительных существ. И только свет может хоть как-то их приковать к одному месту.

– Получается, что, когда солнце заходит, тени теряют свою форму и приходят в движение, – подвёл итог Галаэрон. – И начинаются Пляски.

Мелегонт кивнул:

– Можно даже сказать, что они сами становятся олицетворением движения, – волшебник повернул голову и улыбнулся хранителю гробниц. – Так что приглядывай за своей тенью, эльф.

– Уверена, что Старейшинам Холма это понравится, – сказала Вала.

И хотя она не произнесла ни слова жалобы, по тому, как женщина неотступно следовала за Мелегонтом, Галаэрон понял, что она сделала те же выводы, что и сам эльф: если они хотят ощутить, как в Декантере солнечный свет коснется их лиц, то им следует поторопиться.

Стоило отряду приблизиться к лесу, как тьма распалась изгородью тёмно-серых прорех, окаймлённых чёрными кружевами подлеска и расчерченных эбеновыми колоннами невероятно тонких древесных стволов. Зная, что это должно быть лесом, – а точнее, его заменой, – Галаэрон почувствовал себя вольнее. Эльфы – даже те, что жили в городах, – ощущали себя в лесу как дома. Если и есть на Грани безопасное место, то это оно. Хранитель гробниц сократил расстояние с Валой и обратился к Мелегонту уже через её плечо:

– А Декантер – это то место, где нас ожидает обещанная помощь?

– К сожалению, нет, – ответил маг. – Мои... хм... друзья находятся в нескольких днях пути оттуда на север – и на запад, я полагаю. Но я всегда хотел увидеть Декантер и, поскольку он нам по дороге, я подумал, что это хорошее место для остановки на ночлег.

Декантер был последним местом во всём Фаэруне, – по крайней мере, из тех, что знал Галаэрон, – где ещё можно было посетить руины древнего Нетерила. В городе, по сути, не на что было смотреть – лишь несколько башен да сотня провалов в земле. Не лучшее это было место и для ночлега, но Галаэрон успокоил себя: гоблины и горгульи, которые обычно нападали на путников в подобных местах, быстро поймут, что мудрее держаться подальше от лагеря, разбитого Мелегонтом.

– Мне будет легче, если ты расскажешь, кто такие эти твои друзья, Мелегонт, – сказал Галаэрон. – Почему ты так уверен, что они смогут остановить фаэриммов, когда даже высшие маги Эверески оказались на это не способными?

– Ты что, не слушал ничего из того, что я тебе говорил? – рявкнул Мелегонт. – Я уверен, потому что избавление Фаэруна от этого зла – это то, к чему они готовились. Прискорбно, что они вынуждены будут сделать это в Эвереске, а не в Анорохе, но, в любом случае, они добьются своего.

– Прискорбно? – перед глазами Галаэрона предстали образы его любимой долины, превращённой в истерзанные теньями и дымом руины. – Почему это?

– А ты сам-то как думаешь? – В голосе Мелегонта зазвучало раздражение. – Фаэриммы уже убили сотни Тэл’Квессир и могут убить ещё тысячи.

Достигнув границ леса, маг продолжил идти вперёд. Затем, неожиданно, его тело стало прозрачным.

– Но не нужно бояться за Эвереску, мы не позволим... – По мере того, как образ мага растворялся, голос становился всё тише, пока не затих совсем, когда заклинатель исчез.

Вала резко остановилась, и Галаэрон налетел на неё сзади, почти вытолкнув в лес вслед за Мелегонтом.

– Великий? – позвала она мага.

Галаэрон крикнул:

– Мелегонт?

Ответа не последовало, и они выхватили мечи. Первым побуждением Галаэрона было оглядеться в поисках шадаторов – как будто он мог увидеть хотя бы одного, – а также иллитидов, бехолдеров или любых других смертоносных и злобных существ, которые в сознании эльфа уже намертво связались с Мелегонтом и их врагами фаэриммами. Реакция Вала была гораздо проще и действенней. Она схватила Галаэрона и направилась прямо в лес.

– Вала! Что ты... – Галаэрон начал было говорить, но потом понял, что женщина поступает именно так, как нужно. – Хорошо, я иду!

От порыва ледяного полуденного ветра волосы эльфа несколько раз хлестнули его по ушам; а потом хранитель гробниц обнаружил, что стоит по щиколотку в холодном нایتальском снегу и в изумлении таращится на скелетообразные стволы густого зимнего леса, состоящего из дубов, орехов и тень-дерева. Мелегонт был в каких-то трёх шагах впереди, взятый в полукольцо из восьми деревьев, на которых всё ещё оставалась листва. Самое крупное из них, двадцатифутовый дуб, преграждало им путь. Оно трясло в сторону мага узловатыми ветвями и ревело словно гром:

– Мелегонт Тантул, ты не пройдёшь через мой лес!

– Но, Великий Форн, это кратчайший путь, – возразил волшебник. – И единственный, который я знаю.

– Это значения не имеет.

Придя в себя от удивления, Галаэрон смог различить покрытые корой, потрескавшиеся лица восьми деревьев. У них были глаза-дупла, неровные провалы ртов и короткие крючковатые носы-ветки. Складки коры образовывали губы и брови, а округлые наросты – щёки. Однажды в Высоком Лесу мать Галаэрона познакомила его с трентом, и эльф узнал в стоящих перед ним растениях тех же существ.

– От твоей магии веет холодом и тьмой, – произнёс Форн. – И в этот лес она не проникнет.

– Если моя магия и кажется вам странной, то только потому, что вы никогда прежде не сталкивались с подобными силами, – Мелегонт указал на восток, в сторону Анороха. – Я использую её во благо, против злобных существ, что обратили старые леса в бесплодные пески.

Форн посмотрел на восток:

– Да, я припоминаю волшебных личинок. – Его корона из багряных листьев качнулась вперёд в некоем подобии кивка. – Немногим больше человека, но с пальцами, подобными драконьим. Мы видели парочку таких существ, вынюхивающих что-то в нашем лесу и вглядывающихся в тени под нашими кронами.

Мелегонт расправил плечи:

– Это они. Фаэриммы. Я пришёл исправить то, что они сотворили.

Форн, кажется, снова кивнул:

– Тогда я желаю тебе удачи. Но только не здесь. Я не потерплю битв в моём лесу.

– Спасибо за предупреждение, дерево, – сказал Мелегонт. – Я даю слово, что вашему лесу не будет причинён вред.

Маг опустил руку, скрыв её рукавом, и сложил ладонь чашечкой. Галаэрон понял, что сейчас произойдёт нечто ужасное. Он поставил подножку Вале и рукой толкнул женщину на землю, затем, мягко скользнув вперёд, тем же приёмом он сбил с ног мага.

Мелегонт зарычал и начал было поднимать руку, но Галаэрон остановил его, ногой придавив руку волшебника к груди.

– Нет, мой друг-человек, – сказал Галаэрон. – Даже ради спасения Эверески. Нет.

Всё ещё сжимая в руках меч, хранитель гробниц держал клинок подальше от Мелегонта, и не только потому, что сомневался в своей способности преодолеть чары мага. Вала уже вскочила на ноги и наступала. Чёрный меч был готов для атаки.

– Ты спятил, эльф? – Хоть женщина и казалась расстроенной, плотно сжатые челюсти и решительный взгляд не оставляли сомнений по поводу её намерений. – Ты же знаешь, что я поклялась защищать его.

– Поздно, моя дорогая, – фыркнул Мелегонт. – Но никакого вреда он не причинил.

Волшебник жестом попросил её отойти, затем, достав руку из рукава, продемонстрировал большое чёрное семечко.

– Это для того, чтобы помочь трентам защитить лес в грядущих битвах, – Мелегонт вручил семя Галаэруну, затем произнёс с лёгкой обидой в голосе: – И как тебе могло прийти в голову, что я собираюсь напасть на них.

– Я не знал, что и думать.

Во взглядах трентов читались разнообразные эмоции – от замешательства до подозрения; заметив это, Галаэрон вложил в ножны меч и посмотрел на семя. Оно было размером с жёлудь, но блестело, словно уголёк и, казалось, было заполнено вихрящейся тьмой:

– Я прошу прощения. А что это?

– Семя теневого шторма, – Мелегонт поднялся и посмотрел на Форна. – Бросьте его на землю, и любое существо, что не уходит корнями в почву, будет выброшено в Глубинные тени. Это будет сопровождаться ветром и молниями, но любая битва, что будет вестись рядом с вашим лесом, будет тут же остановлена, или, по крайней мере, переместится туда, где не сможет причинить вреда.

Форн обдумал услышанное и спросил:

– А что же дождь?

– Если вы бросите семя в небо, – сказал Мелегонт. – Но поступайте так только в случае крайней необходимости. Ливень, который придёт вслед за этим, сможет потушить самое яростное пламя, но вода будет чёрной и холодной – холоднее, чем ледяная буря.

Эти слова заставили содрогнуться листву трентов, для которых умереть, сгорев в огне, было страшнее, чем рухнуть под тяжестью облепленных снегом крон. Форн опустил узловатый сук, и Галаэрон положил семя на основание древесной ладони.

– С даром этим я буду очень осторожен, – Форн спрятал семечко в складки коры. – И в ответ дарю тебе слово-предупреждение. С недавних пор северные тени часто обретают громадные крылья и длинные хвосты.

– Теневые драконы, – предположил Мелегонт. – Мерцающий Мрак?

Листья на кроне Форна отрицательно затрепетали.

– Ветра пропели, что длиннобородый Боевой Молот сразил громадного вирма, когда отвоёвывал Мифриловый Зал; но это могут быть отпрыски Мерцающего Мрака, что подросли и желают показать себя. Ты поступишь мудро, если будешь соблюдать осторожность на теневом пути, обходя этот лес.

– Обходя лес? – эхом повторил Мелегонт. – Вы всё ещё отказываете нам?

– Мы благодарны за семя теневого шторма, – сказал Форн, – но чем ты рисковал, преподнося его?

Не дожидаясь ответа, Форн отступил к своим братьям. Он вытянулся и встал без движения, мало обращая внимания на путников, как будто ожидал, когда они примут решение. Не желая, чтобы Мелегонт совершил что-то непоправимое, Галаэрон дотронулся до руки мага – и сам ощутил крепкую хватку Валы.

– Один раз ты уже застал меня врасплох, – сказала она.

– Не смей меня, – ответил Галаэрон. – Я не собирался причинить ему вред.

– Хорошо, – она натянуто улыбнулась. – Я бы скучала по тебе.

Мелегонт круто развернулся и зашагал на восток, вдоль кромки леса. Вала жестом указала Галаэруну идти вперёд, а сама двинулась следом; им обоим пришлось нестись стремглав, чтобы поспевать за широкими шагами волшебника.

Галаэрон не мог сказать, как скоро Вала всё же спрятала меч, но тот уже был в ножнах, когда незадолго до сумерек путники достигли Одинокой Топи. Несколько кратких мгновений Галаэрон с Валой понежились в косых лучах заходящего солнца, прежде чем принялись ставить лагерь и готовить болотных мышей на чёрном пламени костра, разведённого Мелегонтом. Хотя маг и нанёс глифы и охранные заклинания по периметру лагеря, они решили дежурить по очереди, втроём, и обустроились спать на мокрой земле.

Так получилось, что все три стражи Галаэрон взял на себя. То ли от недоверчивости Валы, или же из-за беспокойства о судьбе отца и Такари, которая должна была вернуться в Эвереску, но эльф так и не смог погрузиться в Дремление. Всю ночь он просидел, кутаясь в плащ, наблюдая за звёздами и борясь с чувством вины – таким смутным и неоднозначным, что о его источнике оставалось только гадать. Да, ему не давала покоя та роль, которую он сыграл в освобождении фаэриммов, но это сожаление было настоящим и отчётливым, оно ощущалось так остро, что, казалось, можно было потрогать. А чувство, что угнетало эльфа, было тоньше, некая беспокоящая пустота, которая отдавала вероломством, изменой, и при этом заставляла его недоумевать, кого же он мог предать. Он ошибался, доверившись Мелегонту? Или неправильным было так легко принять то, как волшебник объяснил своё легкомысленное предательство Имесфора? Каким бы ни был ответ, Галаэрон опасался, что пока не найдёт его, он не сможет погрузиться в желанное дремление.

Рассвет застал их проснувшимися, продрогшими и готовыми согреться, совершив до завтрака небольшой переход. Перед выступлением в путь Мелегонт настоял на том, чтобы опуститься на колени между Галаэроном и Валой. Пряча ладони в тени своих спутников, он рассматривал то одну, то другую – и так с момента, когда солнце прорезало горизонт, до времени, пока оно полностью не возшло. Только тогда он поднялся.

– Пошли, солнцелюбы. Сегодня теневой прогулки не будет.
– Не то чтобы я был против, но почему? – спросил Галаэрон.
– Потому что я заглянул в день грядущий и не имею желания сражаться с теневыми драконами. Уж лучше пусть будут багбиры.

– Багбиры? – выдохнул хранитель гробниц. – У фаэриммов есть ещё и багбиры?

Мелегонт пожал плечами:

– Возможно. Фаэриммы контролируют многих существ; причём большинство из них даже не догадывается об этом. Но я не могу знать наверняка. Я просто читаю тени, – он пристально посмотрел в северном направлении, а потом жестом указал Галаэрону и Вале следовать за ним. – Глядите в оба; всё будет хорошо, пока мы не позволим застать нас врасплох.

Конечно же, это было проще сказать, чем сделать. Несколько миль они брели на север через торфяные болота, затем, обогнув северный отрог Забытого Леса, они направились на северо-восток через Покинутую Долину. Пересекая заснеженную луговину, Галаэрон внимательно посматривал на птиц, хотя и знал, что волноваться нечего – во всяком случае, пока путники не приблизятся к Серым Пикам.

Сразу после полудня появились разбросанные то тут, то там овраги, что предвещало близость предгорий, а сами укрытые снегом горные вершины теперь

застилали горизонт. Мысли эльфа вернулись к неудачной попытке погрузиться в Дремление этой ночью. То, как Мелегонт объяснил своё решение использовать Имесфора в качестве приманки, вроде бы и казалось разумным, и всё же оно отдавало обманом. Галаэрон не мог отделаться от навязчивой идеи, что он доверился человеку, которого на самом деле толком и не знает. Он позволил себе немного отстать, чтобы не быть услышанным магом, после чего через плечо заговорил к Вале:

– Если я задел тебя, усомнившись в Мелегонте, я прошу прощения, – начал эльф.
– Возможно, если бы я знал о нём немного больше...

– Ты знаешь, что он пытается спасти Эвереску, – ответила женщина, толкнув Галаэрона в спину, тем самым заставляя его ускорить шаг. – Ты знаешь, что он пытается исправить ошибку, которую ты совершил. Чего тебе ещё надо?

– Ты хорошо его знаешь? – спросил хранитель гробниц, предпочтя пропустить мимо ушей упоминание об «ошибке». – Он заявляет о многом, а показывает мало.

– Он хороший человек.

– Из каких краёв? – спросил Галаэрон. – Я никогда не видел магии такой, как у него.

– Это не делает её злой, – Вала произнесла это достаточно резко, так что волшебник чуть повернул голову в их сторону. – Мелегонт Тантул, которого я знаю, не злой.

– Но я-то его не знаю, – не унимался Галаэрон. – Возможно, мне станет легче довериться ему, если мне станет известно больше о ваших с ним отношениях. Теперь, когда ты уже не пленница Эверески...

– Хорошо, – вздохнула Вала. – Сто лет назад мои предки жили в бревенчатых длинных домах, крытых соломой и закопаченных грязью; они сражались с ордами орков при помощи плохо выкованного оружия и теряли детей от зубов воров и гноллов чаще, чем женщины успевали рожать.

– И, полагаю, Мелегонт это изменил?

– Изменил, – ответила Вала; а в двадцати шагах впереди маг, казалось, легко кивнул самому себе. – В обмен на кратковременную службу он пообещал моему деду построить неприступную башню из черного гранита и вооружить двадцать воинов чёрными мечами, способными пройти сквозь любую броню.

– Твой предок, разумеется, с радостью согласился на эту сделку.

– Не так быстро, как ты думаешь; жители Ваасы всегда умели торговаться, – ответила Вала. – Долг предстояло вернуть в будущем. В названное время группа воинов, вооружённых этими самыми чёрными мечами, должна была явиться на службу. Бодвар согласился лишь при условии, что мечи не сломаются, а стены гранитной башни останутся целыми.

– Я так понимаю, условие было выполнено.

Вала кивнула:

– Меньше чем год назад мой отец слышал голос. Отец был слишком стар и болен, чтобы повести отряд, поэтому взять меч выпало мне.

– И это всё, что ты знаешь о Мелегонте? – недоумевал хранитель гробниц.

– Это всё, что мне требуется знать, - Вала произнесла это почти мягко. – Служба двадцати воинов в обмен на блага, оказанные моему клану? Вы, эльфы, слишком недоверчивы.

– Может и так, – признал Галаэрон. – Мы не всегда были недоверчивыми. Мы научились этому от людей.

Он внимательно осмотрел овраг, тянувшийся к Декантеру, прежде чем свернуть к нему. Всё сознание эльфа было поглощено вопросами. Почему Мелегонт так хотелось посетить руины, если подмоги, которую он так старался найти, тут наверняка не было? И в чём может состоять эта обещанная помощь, если она вообще есть?

Они нагнали Мелегонта и спускались в ущелье уже вместе; Галаэрон сосредоточился на поиске багбиров, запретив себе отвлекаться на что-либо ещё. Овраг – при обилии узких участков с крутыми склонами, а также тупиковых ответвлений, – был идеальным местом для засады, но путники не поддались искушению идти по возвышенным местам, опасаясь разведчиков фаэриммов. Дважды на них пытались напасть гоблины, но тут же бросались наутёк, лишь завидев магию.

Когда путники достигли верховьев оврага, так и не повстречав ни одного багбира, и продолжили продвигаться между холмов, Галаэрону подумалось, что Мелегонт не такой непогрешимый, каким казался. Вдали уже виднелись развалины Декантера – короткая цепь невероятно кривобоких и нелепо изогнутых башенок вырисовывалась на фоне заснеженных склонов; и солнце уже клонилось к Ущелью Выбеленных Костей.

Вид башен как будто вселил энергию в Мелегонта. Отбросив все попытки держаться низин, он принялся карабкаться по усыпанному галькой склону к остаткам дороги, которая некогда соединяла Декантер с остальной нетерильской империей. Вала понеслась следом за ним, совсем позабыв о своём решении всегда держать Галаэрона перед глазами.

– Мелегонт, а как же багбиры? – вопрошала она.

– Угу, я уверен, что они где-то есть, – отвечал волшебник. – Но до руин ещё добрая миля, а я должен быть там к заходу солнца.

Маг почти бежал, и Вале с Галаэроном ничего не оставалось, кроме как внимательно смотреть по сторонам и надеяться на лучшее. Вблизи сверкающие, словно драгоценные камни, башни оказались скоплением чудачеств изживающей себя архитектуры. Гротескные очертания изгибались и переплетались под невероятными углами, так что не всегда можно было чётко обозначить форму или предназначение строения. В некоторых не было окон или дверей, одна, напоминавшая своим видом покорёженную дверь, спиралью поднималась к небу, другая выглядела как огромное окно без какого-либо пространства внутри.

Башни были разбросаны вперемешку с огромными шахтами, благодаря которым город и существовал во времена Нетерила. С тех пор много воды утекло, теперь единственными свидетельствами бурлящей здесь жизни были припорошенные грязным снегом горы отработанной породы, зияющие входы и бездонные стволы шахт. Кажется, даже Мелегонт ощутил тоску и безумие этого места. Безмолвно он брёл среди развалин, вглядываясь в каждый покорёженный

шпиль, совсем как блудный сын, который вернулся в родной дом и увидел, что там давно живёт другая семья.

Когда край солнца коснулся отдалённой впадины Ущелья Выбеленных Костей, волшебник опустился на колени в тени “башни-двери” и лбом коснулся тёмной земли. Он что-то коротко произнёс на языке, которого Галаэрон не знал, затем сел и медленно покачал головой.

– Безрассудство, – проговорил он, – просто невероятное безрассудство.

Когда слёзы скатились по его щекам, Вала подошла и взяла волшебника под руку.

– Есть ещё время попробовать у другой башни? – спросила она. – Не бывает двух одинаковых историй.

Эта мысль, похоже, приободрила Мелегонта. Он позволил поднять себя, затем проследил взглядом за отмеченной валунами тропой, ведущей к “башне-окну”:

– Да, хорошо бы попробовать.

Они не прошли и дюжины шагов, когда Галаэрон заметил трёх ворон, кружащих в вышине. Вместо того чтобы перекликаться хриплыми голосами, птицы были непривычно молчаливыми, будто рыбаки, остерегающиеся, что их голоса могут распугать рыбу.

– Стойте.

Одно слово – и Вала уже выхватила меч, прикрыв Мелегонта собою.

– Где?

– Не знаю, – сказал Галаэрон. – Там.

В полудюжине шагов, за огромным, размером с коня, валуном мелькнула пара острых ушей. Вала мигом это заметила и указала мечом в том направлении. Ворча вполголоса, Мелегонт достал что-то из кармана мантии, а Галаэрон осознал, что уши – это как-то слишком очевидно. Багбиры редко совершают такие глупые ошибки.

– Мелегонт, пого...

Поздно. Волшебник указал пальцем на цель, сказал одно слово – и теневой снаряд пролетел прямо сквозь камень. Не было ни глухого стука, ни крика, ни стона, ни хоть какого-то звука, говорящего, что заклинание задело живое существо. Наоборот, из-за ближайшей снежной насыпи появилось лилово-розовое, покрытое слизью лицо с отростками-щупальцами. Существо уставилось на Мелегонта белёсыми глазами – и тот, коротко вскрикнув, закрыл лицо руками и повалился на землю.

– Иллидид? – проорав вопрос, Вала одновременно движением слева метнула во врага меч. – Мелегонт же ничего не говорил об иллидидах!

Клинок кувыркнулся в воздухе и снёс врагу голову подчистую.

В следующее мгновение дюжина багбиров прыснула из-за валунов, груд камней, из сугробов по обеим сторонам тропы. Галаэрон выхватил меч из ножен одной рукою и потянулся в карман плаща другою.

– Вала, – крикнул эльф, – меч!

Он бросил ей оружие рукоятью вперёд, а потом, выхватив из кармана пару зелёных листков, швырнул их в сторону ближайших багбиров. Твари были громадными: на голову выше рослых мужчин из отряда Валы и заметно шире в плечах; при этом у них были уродливые, как у летучих мышей, рожи и

отсвечивающие алым глаза. Вала подхватила меч и, описав круг клинком, приготовилась встречать приближающихся врагов.

Галаэрон начал читать заклинание, но вместо того, чтобы почувствовать, как магия всеохватывающего Плетения начинает проникать в его тело, он ощутил холод, пронзивший его ноги. Но, когда обступает дюжина вопящих багбиров, не до удивлений. Эльф просто провёл рукой вдоль линии холмов, и облако коричневых зловонных испарений накрыло головы багбиров. Из ближайших пяти тварей четыре свалились в спазмах. Пятый сгинул, когда Вала припала к земле, кувырком проскочила у багбира между ног и вспорола ему живот волшебным клинком Галаэрона.

Щепоткой песка и односложным заклинанием эльф придержал оставшихся врагов, погрузив двоих в глубокий сон. Ударом колена Вала свалила ещё одного и поймала удар тяжёлого топора плоской поверхностью меча. Багбир продолжил надавливать на оружие, уверенный, что сможет силой сломить сопротивление женщины.

Стоило ей выбросить руку в направлении мёртвого иллита, и тёмный меч прилетел к хозяйке. Та мигом направила чёрное лезвие в низ живота неприятеля. Галаэрон указал на врага, что был ближе всего к Вале. И снова холодная магия впиалась в него из земли, а вспышка, соскочившая с пальцев эльфа и разорвавшая грудную клетку багбира, была черна как ночь.

Видя, что они всё ещё в трёх шагах от Валы, и не похоже, что смогут подобраться ближе, оставшиеся две твари бросились наутёк. Не было и речи, чтобы позволить им уйти, ведь мёртвый иллитид ясно давал понять, кем были хозяева напавших. Галаэрон сбил одного волшебным снарядом, Вала бросилась за другим, когда тот готов был исчезнуть за холмом, и сдавленный вой эхом прокатился по склонам.

При помощи пары молний и огненного шара Галаэрон прикончил тех багбиров, которых ранее обезвредил заклинаниями. Он опять ощутил волну холодной магии, когда колдовал первую молнию, позже он открыл, что если сосредоточиться на живом, окружающем его Плетении, можно творить заклинания как обычно. И всё же, когда Вала вернулась из своей пробежки к подножью холма, она увидела эльфа, дрожащего от холода. Как будто нечто скопилось внутри Галаэрона, а костный мозг стал самой тьмой.

– Что стряслось? – Вала вернула эльфу меч. – Ты выглядишь так, будто впервые убил.

– Да если бы, – Галаэрон плотнее закутался в плащ; он обернулся к Мелегонту, который лежал с остекленевшим взглядом, пуская слюни. – Я в порядке, с ним что?

Вала какое-то время изучала мага, а затем пожала плечами:

– Во всяком случае, он увидел свои башни.

ГЛАВА 10

25 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Спустившись в расселину скалы, где они разбили лагерь этой ночью, Галаэрон увидел, что Вала лежит подле обнажённого клинка и с отсутствующим видом всматривается в его зеркальную поверхность. Если бы речь шла об эльфе, изогнутая бровь и задумчивая улыбка означали бы одиночество лишь с примесью грусти, но Нихмеду не мог сказать наверняка, что за чувства отразились на человеческом лице. Его первая реакция была сродни зависти – сам он за всю ночь так и не смог ни на мгновение погрузиться в Дремление. А потом эльф вспомнил: люди не знают, что такое Дремление.

– Вала? – Галаэрон потянулся встряхнуть её.

Рука женщины молнией взметнулась вверх и перехватила его запястье. Он с трудом ухитрился вырваться на свободу и отпрянул прежде, чем чёрный меч рассёк воздух там, где эльф только что стоял на коленях.

Галаэрон сделал кувырок через плечо и выхватил собственный меч, защищаясь.

Вала перекатилась на колени; взгляд её тусклых глаз был пустым и опасным.

– Вала! – крикнул Нихмеду. – Это же я, эльф!

Она нахмурилась, и вот в её глазах появился огонёк рассудка. Женщина бросила сердитый взгляд на оружие в руке Галаэрона:

– А это к чему? – если Вала и заметила, что её собственный меч направлен в сторону эльфа, то виду не подала. – Пытался убить меня во сне?

– Ты не спала. Глаза были открыты.

Это, казалось, расшевелило её память:

– Точно... я блуждала. – Неожиданно она нахмурилась. – И ты решил потревожить меня?

– Блуждала?

– В Гранитной Башне, – Вала вернула чёрный меч в ножны. – Хождение во снах, понимаешь?

Галаэрон покачал головой:

– Это как Дремление?

– Не совсем, – женщина бросила взгляд на восток, где проясняющаяся полоса серого горизонта возвещала скорый рассвет: – Ты не разбудил меня на вахту.

Эльф пожал плечами.

– Я всё равно не мог отдохнуть, подумал, что тебе это нужно.

– Спасибо, но ты, должно быть, устал. Выглядишь ужасно. – Затем, уже мягче, Вала принялась пояснять:

– «Блуждание» – это я так для себя называю. С годами каждый чёрный меч как бы перенимает некоторые слабости своей семьи. Меч Бурлена жужжит во время схватки, Дексона – разговаривает во сне.

– А твой «блуждает»?

– «Шпионит» было бы правильнее, – щёки Валу запылали. – Ему нравится... эм... показывать мне, что происходит в опочивальнях Гранитной Башни.

Галаэрон поднял бровь.

– Это не то, что мне по душе.

– Конечно, нет, – согласился эльф, наслаждаясь редкой возможностью поддеть собеседницу. – Хотя мне показалось, что ты улыбалась.

– Я смотрела, как спит Шелдон, – в голосе женщины не было возмущения, более того, в её тоне проскользнула некая торжественность, которая заставила Галаэрона пожалеть о своём упрёке. – Он мой сын.

– Вы двое, нельзя потише? – прогудел Мелегонт. Волшебник сел, прижимая ладони к глазам. – Что с моей головой?

– Иллидид, – ответила Вала. – Вместе с багбирами.

Мелегонт убрал руки от лица:

– Тогда фаэриммы на шаг впереди, – он прошёлся пятернёй по тёмным волосам и поднялся на ноги. – Мы выдвигаемся сразу же, как только я загляну в день грядущий.

Они собрали вещи и, взойдя на возвышенность возле лагеря, стали в лучах восходящего солнца. Мелегонт опустился на колени между Валой и Галаэроном, как делал и раньше.

– День встреч, – провозгласил он, – но бояться нечего, пока мы соблюдаем предосторожности.

– Каким образом? – спросил Галаэрон.

– Неприятности в горах, – волшебник указал на запад, в направлении перевала Выбеленных Костей. – Но путь через тень кажется свободным на севере. Хорошие новости, не правда ли?

Вала и Галаэрон с ужасом переглянулись, затем женщина спросила:

– А насколько плохо обстоят дела на перевале?

– Теневые драконы – грозные противники даже в мире света, – сказал Мелегонт. – Однако наша главная забота – это время. Фаэриммы не смогут легко пробить брешь в мифале Эверески, но, если мы промедлим, они найдут способ.

Галаэрон дал знак волшебнику поторапливаться.

Мелегонт бросил последний задумчивый взгляд на изогнутые башни Декантера, затем произнёс заклинание теневого шага. Мир вокруг стал тусклым и невыразительным, с зазубренными очертаниями лиловых горных хребтов по левую руку и приглушённым утренним светом по правую. Галаэрон сразу же ощутил холод, одиночество и, увидев тревогу в глазах Валу, понял, что и она чувствует то же самое.

Волшебник укутался холодным сумраком как любимым плащом, удовлетворённо хмыкнул и чуть ли не бегом рванул вперёд. Вала подтолкнула Галаэрона за магом и сама отправилась следом.

– Как вам двоим удалось победить в схватке без моей помощи? – вопрос Мелегонта звучал довольно бесхитростно. – Учитывая участие проницателя сознания, я думаю, это было непросто.

– Не особо, – ответила Вала. – Я убила его первым. А Галаэрон разобрался с остальными с помощью магии.

– Правда? – волшебник оглянулся через плечо. – И все твои заклинания сработали?

– Мне едва ли дотянуть до твоего уровня владения магией, – осторожно произнёс эльф. Судя по интересу Мелегонта, того переполняли определённые ожидания, которые Галаэрун почему-то не хотелось оправдывать. – Заклинания подействовали так же, как обычно.

– Они сработали, – волшебник снова смотрел вперёд, разочаровано опустив брови. – И это главное.

Эльф совладал с желанием потребовать у мага объяснения, что же именно тот с ним сотворил. Расспросы выдали бы больше, чем Галаэрун хотел, кроме того, он уже понял, что Мелегонт не из тех, кто легко раскрывает свои секреты. Дальше путники продвигались в тишине, петляя в лабиринте из очертаний холмов. Зубчатые силуэты гор всегда оставались слева, но Галаэрун не видел ни смысла, ни логики в выбранном пути. Волшебник поворачивал к свету так же часто, как и в противоположную сторону, шёл по утопающим в тених впадинам, равно как и по холмам, спускался вниз не реже, чем поднимался вверх. Так и тянулся день – или что там заменяет день на Грани, – пучок лучей справа поднимался всё выше по небу, затем разделился на неровные куски и рассеялся по земле.

Когда очертания гор обступили их со всех сторон, Галаэрун понял, что они поднимаются к Серым Вершинам. А потом он окончательно утратил чувство направления. На Грани всё под ногами ощущается плоским. Когда эльфу казалось, что они карабкаются вверх, они на самом деле спускались, когда он думал, что они обходят вокруг – шли напрямик.

Вскоре очертания приобрели призрачно-голубой цвет, и Мелегонт начал колебаться при выборе направления. Когда силуэты стали прозрачно-серыми, волшебник принялся бормотать что-то себе под нос и поворачивать обратно. Наконец тени совсем растаяли; маг приостановил продвижение и начал ходить кругами.

– Что случилось? – спросил Галаэрун. – Мы заблудились?

– Заблудились? – Мелегонт медленно повернулся на месте, вглядываясь в серый туман вокруг них. – Боюсь, что да.

Галаэрун издал стон:

– А ты не можешь отменить заклинание?

– Это не разумно, – отозвался маг. – Вероятнее всего, мы бы вернулись на родной Фаэрун, но если я где-то ошибся поворотом...

– Почему бы нам просто не пойти к костру? – спросила Вала.

– Костёр? – оживился Мелегонт. – Где?

Женщина указала в серую даль, но Галаэрун не разглядел ни намёка на огонь.

Волшебник обошёл эльфа и посмотрел поверх плеча Вала, затем улыбнулся и хлопнул её по спине:

– Превосходно!

Хранитель гробниц отступил на пару шагов и тоже направил взгляд поверх плеча Вала. И действительно, он увидел два крошечных жёлтых пятнышка с белыми искрами вокруг.

– А вы уверены, что это огонь?

– Так он выглядит из Грани, – подтвердил Мелегонт.

Не прошли они и полдюжины шагов, как пятнышки растянулись в небольшие круги пламени, окружённые завихрениями серого тумана. Волшебник дал знак Вале и Галаэрону держать мечи наготове и вывел их на свет костра.

Пламя сразу же приобрело привычный оранжевый цвет, и кто-то жалобно и удивлённо воскликнул:

– Ради Единого! – В стороне от костра стоял невысокий толстый человек в засыпанном снегом плаще с капюшоном. Розовые руки незнакомца были подняты вверх, чтобы показать, что в них нет оружия. – Не причиняйте мне вреда, возьмите всё, что у меня есть... как бы скучно это ни было!

Мелегонт жестом показал мужчине опустить руки:

– Тебе нечего бояться, пока ты сам нам не угрожаешь.

Коротышка перевёл взгляд с крепко сложенного волшебника на его хорошо вооружённых спутников и решил не опускать рук:

– С чего бы такой грозной троице бояться такого жалкого бедняка, как я?

Хотя плащ незнакомца выглядел поношенным, а борода была растрёпана, он едва ли походил на нищего. Его лицо было круглым и ухоженным, брюшко – упитанным, а глаза – хитрыми. Он разбил лагерь возле небольшого разлома высоко в горах. Спутанные заросли чёрного ельника слабо защищали от свирепствующей снежной бури с востока – той самой, которая, по мнению Галаэрона, и создала странную завесу, что заставила Мелегонта свернуть с пути через тени. Единственная лошадь с грустными глазами стояла на привязи под навесом из поваленных стволов; седло и седельные сумки небрежно валялись в укрытии. Кобыла выглядела такой же подавленной, как и её хозяин, однако её шкура лоснилась от ежедневного вычёсывания, да и, – если на то пошло, – животное явно хорошо кормили. Маг внимательно изучал лагерь, взгляд перескакивал от костра к навесу и к лошади, хотя вроде бы всё находилось там, где и должно быть.

Продолжая держать руки над головой, коротышка кивнул в сторону бревна, на котором он раньше сидел:

– Приглашаю вас к моему костру, – он начал закрывать рот, как будто договорил, затем неожиданно выпалил: – В любом случае, я не смог бы вас остановить.

– Нам бы не хотелось тебе навязываться, – Мелегонт огляделся. – Я немного запутал в этом снегу. Если бы ты указал нам путь к Тысяче Ликов, мы бы немедленно удалились.

– В обход ущелья? – коротышка энергично замотал головой. – Вы не пройдёте здесь.

– Думаешь помешать нам? – нахмурилась Вала.

Глаза мужчины широко распахнулись:

– Я н-н-нет... но даже вам троим не справиться с таким количеством б-бехолдеров.

– Бехолдеров? – волшебник казался скорее разочарованным, чем удивлённым. – Сколько их?

– Достаточно, – мужчина с видом безнадёжности покачал головой под капюшоном. – Моя невезучесть – это проклятие, преследующее меня всю жизнь.

Сначала проницатели сознания на перевале Выбеленных Костей, потом Зентарим на Рассветном перевале, а теперь бехолдеры. Кто знает, что ждёт меня в Высоком ущелье? Говорю вам, нам не найти безопасной дороги, покуда не минуем Дальний лес!

– Может быть, и нет, – проронил Мелегонт. – Позволь мне взглянуть на этих бехолдеров. Мне иногда приходится иметь с ними дело.

Брови коротышки поползли на лоб:

– Правда? Если ты проведёшь меня через эти проклятые горы, я навсегда твой должник – не сомневайся из-за того, что я редко плачу по счетам, – испуг скользнул по его лицу, но коротышка тут же осторожно опустил руки и поклонился путешественникам. – Малик эль Сами ин Нассер к вашим услугам.

Хелбен расхаживал у изножья кровати Имесфора: два шага, затем поворот, два шага – взгляд на больного, два шага – и снова поворот. По мнению мага, эльф выглядел не лучше, чем в день прибытия, разве что щупальце иллитида больше не шарило в дыре его черепа. Взгляд лорда оставался стеклянным и безжизненным, вокруг глаз, как у енота, темнели синяки, а впалые щеки были бледны, подобно слоновой кости. Из рта вяло свешивался язык, и не было никакой надежды, что Имесфор снова заговорит, по крайней мере, в обозримом будущем.

Хелбен сделал ещё два нетерпеливых шага, остановился и посмотрел на *арадонессу*, склонившуюся над больным лордом:

– Вы здесь уже почти два дня. Когда он заговорит?

Эльфийская жрица впилась в Хелбена своими чёрными глазами:

– Ваша забота о друге весьма трогательна. Имейте в виду, что именно она будет удерживать дух в его теле.

– Наша с лордом Имесфором дружба длится без малого пять веков, – с досадой прорычал Хелбен. – Он знает, что я переживаю за него, а я знаю, как он переживает за Эвереску. Если бы он знал, что там творится...

– Он знает, – прервала мага жрица Ангарад Одейнс. – Не из-за этого ли вы так стараетесь его пробудить?

Хелбен наградил её мрачным взглядом:

– Вам известно, что я имею в виду. Если бы он только знал, что мы не смогли подобраться ближе... – он не закончил предложение и с силой ударил по опоре балдахина, что заставило всю кровать задрожать. – Гром и молнии!

Лаэраль мягко взяла его под руку.

– Возможно, нам стоит попробовать что-то другое, Хелбен, – она увлекла его за собой, чтобы, обойдя кровать, оказаться напротив Ангарад, и простым кантрипом подтянула ему стул с другого конца комнаты. – Джервас пришёл именно к тебе. Возможно, если бы ты...

– Леди Чёрный Посох, я не думаю, что это мудро, – Ангарад начала обходить кровать. – Человеческое прикосновение – это не то же самое. Нет никакой эмоциональной связи.

– В самом деле? – Лаэраль окинула жрицу ледяным взглядом. – Тогда почему же он пришёл к Хелбену, а не к королеве Амларуиль?

Ничто ранее так не било по гордости золотой эльфийки, как этот вопрос.

– Уверена, что на то была причина, – жрица остановилась в изножье кровати, чтобы придумать вероятное объяснение. – Возможно, проницатель сознания...

– Нам известно лишь, что он пришёл к лорду Чёрный Посох, – прервала её Лаэраль. Она посмотрела на Хелбена. – Я не вижу вреда в том, чтобы дать ему знать о твоём присутствии. Говори с ним так, как если бы он очнулся. Расскажи, что произошло.

Первой мыслью Хелбена было, что предложение Лаэраль не сулит ничего, кроме колоссальной потери времени, но он сделал, как она сказала. Лаэраль была единственной, кому он никогда не грубил, то есть, кому он старался не грубить. К тому же, другими методами он мало чего добился. Хелбен пытался переместиться в Шараэдим дюжину раз только для того, чтобы увязнуть по пояс в каком-то зловонном болоте или скользнуть вниз по склону раскалённой песчаной дюны; он всегда оказывался так далеко от цели, что даже не было видно гор, и уж давно невозможно было выяснить, что же происходит в Эвереске.

Хелбен взял лорда Имесфора за руку:

– Мой старый друг, дела идут не очень хорошо. По правде сказать, паршивей некуда. Я знаю, ты пришёл сюда в поисках помощи, но сейчас ты должен помочь мне. Похоже, я не могу даже близко подобраться к Эвереске...

– Фай... рим, – слова слетели с губ Имесфора так тихо и невнятно, что Хелбен подумал, будто ему примерещилось.

Ангарад открыла рот от удивления, бросилась к изголовью кровати и заглянула в глаза Имесфора. Его взгляд, казалось, сфокусировался на ней, затем снова стал стеклянным. Хелбен почувствовал, как Лаэраль подталкивает его к эльфу:

– Говори с ним.

Чёрный Посох склонился над старым другом:

– Фай-кто? Что случилось в Эвереске?

Глаза Имесфора снова приобрели осмысленное выражение:

– Файрим!

– Файрим? – повторил Хелбен, и тут его осенило: – Это они так обошлись с тобой?

Раненый покачал головой:

– Не фазримм... со мной. Иллитид.

– Мы знаем об иллитиде. – Хелбен бросил взгляд на Лаэраль: – Позови.

– Уже, – кивнула та, – Эльминстер прибует... – её перебило тихое потрескивание заклинания телепорта, – ...сейчас.

Принеся с собой смрад курительной трубки, Эльминстер стоял в центре комнаты, моргая и пошатываясь в попытке приспособиться к новой обстановке. Хелбен сдержал раздражение, вызванное столь явной демонстрацией волшебной мощи (ведь Эльминстер был единственным магом на Торице, кто мог обойти

охранные заклинания и переместиться прямо в башню Чёрного Посоха) и жестом привлёк внимание гостя.

– Сюда. Он только что пришёл в сознание.

Звук голоса Хелбена помог волшебнику сориентироваться, и он шагнул к кровати:

– Джервас, ты выглядишь так, будто тебя выплюнул трупный червь.

Лазраль хлопнула Эльминстера по плечу:

– Повезливей. Лорд Имесфор ещё не настолько пришёл в себя, чтобы воспринимать грубые остроты.

– Я вполне пришёл в себя, чтобы узнать... этот кошмарный запах жароцвета, – раненый попытался сесть на кровати, затем сморщился от боли и сосредоточился на том, чтобы держать глаза открытыми. – Я признателен за то, что ты пришёл, Вонючая Борода.

– А я признателен за то, что ты дожил до моего прихода, – ответил Эльминстер. – Теперь же... Не поведает ли ты нам, как же на твоём челе образовалась эта дыра?

– Мы спасались бегством от фаэримма...

– Фаэримма?

Волшебник посмотрел на Хелбена, а тот лишь пожал плечами и сказал:

– Впервые слышу о подобном, но кто бы ещё мог оградить Шараэдим от магии перемещения?

– Мне пришла на ум парочка, любого из которых я бы предпочёл фаэриммам, – хмуро ответил Эльминстер.

В глазах Джерваса появилась ещё большая обеспокоенность:

– Вы не знаете? – он повернулся к Ангарад: – Как подобное возможно?

Жрица отвела взор:

– Это не было моим решением.

– Но ты же из Эвермита? – наседали эльф.

Ангарад кивнула.

– Мне сказали, что это проблема эльфов, – она неуверенно посмотрела на Хелбена и Эльминстера и ближе придвинулась к Имесфору. – Эвереска – наш последний оплот на континенте. Совет Острова опасается, что люди ухватятся за возможность потребовать его себе.

– Что? – Хелбен был так взбешён, что готов был телепортироваться к жрице, чтобы задушить её. Но, по крайней мере, слова эльфийки объясняли нескончаемый поток волшебников и воинов, который струился весь день из подножия башни Чёрного Посоха. Там внизу находились ворота, которые обеспечивали эльфам свободный проход между Глубоководьем и Эвермитом; они практически не прекращали работать с тех пор, как Хелбен попросил королеву Амларуиль прислать целителя для лорда Имесфора. – Эвереску заполонили фаэриммы, а твой народ опасается людей?

– Едва ли Эвереску захватили, – возразила Ангарад.

– Это так! – воскликнул Джервас. – Долину пока нет, но наши отряды сметены. – Раненый отвернулся от жрицы, которая стала такой же бледной, как и он сам, и обратился к Хелбену: – Они напали с тыла, и когда мы собрались бежать... об этом и помыслить нельзя. Я бы погиб, если бы не Мелегонт и его люди.

– Мелегонт? – переспросил Хелбен.

– Кроящий тени, один из виновников образования пролома в Стене Шарнов, – пояснил Имесфор. Он посмотрел на Ангарад:

– Уверен, что об этом совет умолчал?

– Мне этого даже не сказали, – опустила голову жрица.

– Возможно, ты будешь так добра и передашь им кое-что от меня, – Эльминстер обошёл кровать и встал между раненым и эльфийкой. – Скажи им, что Совету стоило бы вспомнить, сколько у них друзей есть среди людей, если только они ещё не разогнали всех из-за своей твердолобости!

Глаза Ангарад широко распахнулись:

– Не думаю, что я смогу...

– Ещё как сможешь и даже должна, – волшебник подтолкнул её к выходу. – И поторапливайся, покуда я не обратил тебя в статую!

Лазраль придержала дверь:

– Тебе стоит поспешить. Ты же знаешь, какими безрассудными и нетерпеливыми мы, люди, можем быть.

Жрица в нерешительности посмотрела на лорда Имесфора, но прежде, чем она успела спросить, чего желает он, в дверь постучали.

– Говори! – приказал Хелбен.

– Милорд Чёрный Посох, – раздался нервный голос молодого Рансфорда, – лорд Пиргейрон желают перемолвиться с вами парой слов касательно необычного числа эльфов в городе.

– Извести лорда, что я навещу его, как только освобожусь.

– Я бы предпочёл обсудить этот вопрос прямо сейчас, Хелбен, – прозвучал низкий голос правителя. Дверь распахнулась, и огромная фигура Пиргейрона Паладинсона пригибаясь под притолокой, втиснулась в комнату:

– Они грозят скупить в городе всех лошадей до последней.

Правитель внимательно осмотрел комнату и задержал взгляд на Эльминстере и лорде Имесфоре, дав таким образом понять, как он относится к тому, что его не известили о подобного рода собрании.

Лазраль первой пришла в себя и передала Ангарад в руки Рансфорда:

– Проводи *арадонессу* к эльфийским вратам, Рансфорд, и проследи, чтобы она в них вошла – у неё очень важное сообщение для Эвермита.

Пиргейрон отступил в сторону, пропуская эльфийку, затем сердито уставился на Хелбена:

– Объяснит мне кто-нибудь, что тут, к дьяволам, происходит?

– Превосходная идея, – Эльминстер выудил из воздуха пару стульев и заставил их подлететь к кровати, потом сел на один и хлопнул по второму. – Почему бы тебе не присоединиться ко мне, и мы вместе слушаем историю.

Хелбен кивнул, благодарный другу за то, что тот так непринуждённо рассеял напряжённость в комнате:

– Предлагаю начать с самого начала. Лорд Имесфор?

Эльф кивнул и поведал о том, как Галаэрон Нихмеду обнаружил взлом гробницы на границе с Пустыней, как он пленил Валу Торсдоттер с её отрядом, как вскоре после этого появился фаэримм и неожиданно вырвался на свободу. На этом месте

рассказчик немного помедлил, собираясь с силами перед тем, как сообщить о гибели своего сына, Луэнгриса, затем он описал безуспешные попытки жителей Эверески добраться до Стены Шарнов и заделать брешь. Джервас закончил повествование на том, что Галаэрон Нихмеду послушался Старейшин Холма с тем, чтобы спасти его, Имесфора, и Киньона Колбатина, и как Мелегонт Тантул помог им сбежать дорогой тени.

Когда эльф закончил, все в комнате сидели молча, обдумывая услышанное и пытаясь охватить умом то ужасное зло, которое было выпущено на свободу. Наконец Хелбен похлопал друга по руке.

– Эвереска не останется в одиночестве, Джервас, – произнёс Хелбен.

– Я знаю, – кивнул эльф.

– Бессмысленно как-то, – обронил Эльминстер, разглядывая потолок. – Неважно, насколько одарён или небрежен был этот Галаэрон Нихмеду, он не смог бы пробить Стену Шарнов, и уж точно это не была трагическая случайность.

– Что ты хочешь этим сказать? – Хелбен нахмурился, – кроющийся тени сделал это намеренно?

– Это больше, нежели несчастный случай, походило бы на правду, не так ли? – заметил Эльминстер. – Ты только подумай: нетерезы были мертвы и не подавали признаков жизни пятнадцать сотен лет...

– За исключением Шейда, – заметил Хелбен. Шейд был древним нетерильским городом, который, по общему мнению, избежал падения Нетерила, переместившись на план тени. – Никто не знает, что случилось с Шейдом, но если кроющийся тени является нетерезом...

– Это я и имел в виду, – продолжил Эльминстер. – Будь он хоть единственным выжившим (что делает его архимагом с внушающими ужас силами), хоть изгнанником, жаждущим мести, разве не было бы ему выгодно, превратить фаэриммов в *нашу* проблему?

Никому не надо было даже спрашивать, за что Мелегонт мог мстить. Нетерезская Империя состояла преимущественно из парящих городов, построенных на срезанных, перевёрнутых и поднятых в небо горных вершинах, которые удерживались в воздухе невероятной силой архимагов империи. Незаметно это расточительное швыряние волшебством разрушило подземный дом всей расы фаэриммов, выживание которых зависело от естественной магии природы. Чтобы спастись, фаэриммы сотворили сильнейшее заклинание, которое высасывало жизнь из нетерезских земель, обращая поля в песчаные дюны, а озёра – в площадки потрескавшейся грязи.

Со временем земля становилась всё менее плодородной, империи трудно было прокормить свой народ, что в конечном счёте повлекло за собой ряд странных войн. Одни сражались, чтобы отвлечь взволнованное население, другие – чтобы захватить оставшиеся клочки плодородной земли. Результатом была нескончаемое наращивание волшебной мощи, кульминацией которого стала сумасшедшая попытка сильнейшего во всей империи архимага, Карсуса, похитить божественность у самой богини магии Мистрил.

К несчастью для всех, Карсусу эта роль оказалась не по силам. Неожиданный наплыв божественных знаний настолько ошеломил его, что он забыл о важнейшей

обязанности божества магии – постоянном поддержании Плетения, живой и мистической силы, основы волшебства в Фаэруне. И Плетение начало распускаться.

Чтобы всё исправить, богиня Мистрил была вынуждена пожертвовать собой, временно разорвав связь между Фаэруном и Плетением. Без магии, что поддерживала их в воздухе, города Нетерила рухнули на землю. Карсус погиб, переполненный ужасом от того, что натворил, и упал вниз огромной красной глыбой. Кроме Шейда, что каким-то образом провидел несчастье и ушёл на план тени, остатки империи канули в вечность. К моменту, когда Мистрил смогла переродиться в облике Мистры, новой богини магии, империя уже исчезла.

Все молчали, обдумывая догадку Эльминстера, пока Лаэраль не задала вопрос, который был у всех на уме.

– Даже нетерез – хоть выживший, хоть потомок, – не выпустил бы фаэриммов только ради мести.

К удивлению Хелбена именно Имесфор отрицательно покачал головой:

– Я так не считаю. Этот Мелегонт очень рисковал, спасая меня и Киньона, и он стремился не уничтожить фаэримма, а скорее исправить то, что они вдвоём с Галаэроном натворили.

– А этот Галаэрон? – спросил Хелбен. – Прости, но не скажу, будто это совсем неслыханно, чтобы эльф предавал своих.

– Мне это известно, – ответил Джервас. – Я сам размышлял об этом, но я знал отца и сына дольше века. Хотя семья Нихмеду знатна скорее из-за своего имени, чем из-за могущества или власти, Аобрик настолько уважаем, что вот уже пять десятилетий служит первым клинком в Мечах Эверески.

– Мы сейчас ведём речь о сыне, – вмешался Эльминстер.

– Я понимаю, – сказал Имесфор. – Галаэрона считали высокомерным и упрямым в обеих академиях Магии и Клинки, но он служил на границе Пустыни двадцать лет без единого нарекания. Если бы он был способен на предательство, он бы сделал это давно. Я достаточно долго взвешивал его благонадёжность, прежде чем отправить своего Луэнгриса в его патруль, и даже сейчас виню его не больше, чем любой другой отец на моём месте.

Эльминстер снова посмотрел на раненого:

– Если ты поведаешь мне ещё кое-что, я буду гораздо спокойнее спать этой ночью.

– Постараюсь, – кивнул Джервас.

– Как этот Мелегонт сумел умыкнуть тебя и других из-под самого носа фаэриммов? Они видят магию, как дварфы тепло тела. И каким образом он вывел тебя теневой тропой из Шараэдима, когда ни Хелбен, ни я, ни кто-либо из Избранных не может и шагу ступить за его границы?

Имесфор смог только покачать головой:

– Хотелось бы мне знать.

Хелбена охватило тошнотворное ощущение:

– Тогда мы должны рассмотреть ещё одну возможность. – Он почувствовал руку Лаэраль, мягко скользнувшую в его ладонь, и неожиданно обрадовался её прикосновению. – Когда иллидид атаковал тебя, где был Мелегонт?

Джервас нахмурился:

- Наши пути разошлись. Я сошёл с теневой тропы, чтобы переместиться сюда, а он... – эльф не договорил. – Вот ублюдок!
- Это он послал иллотида за тобой, не так ли? – спросил Эльминстер.
- Не одного, – ответил Имесфор, – нескольких.

ГЛАВА 11

25 Найдала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Даже под одеялом из грозовых туч, плывущих меж горных вершин, и под завывание ветра в ущелье Тысячи Ликов казался скорее музеем, нежели простым перевалом. У входа возвышались два каменных изваяния воинов-великанов – столь искусные, что, казалось, было видно, как их грудные клетки вздымаются и опускаются в такт дыханию. Позади стражей вдоль стен каньона тянулись ещё горельефы, целая каменная деревня великанов. Вот кузнец куёт заготовку топора, вон охотник несёт за ноги пару оленей, там мать наблюдает за борьбой двух сыновей, и сотни других фигур вдалеке, скрытые стонущей вьюгой. Над великанами щебетали скульптуры снежных вьюрков, которые сновали в захватывающем дух лабиринте из ветвей деревьев, и резные ястребы парили в вышине среди горных пиков. Но бехолдеров видно не было, как и каменных великанов – по крайней мере тех, что из плоти и крови.

– Где ты их видел? – прошептал Мелегонт.

Волшебник лежал между Галаэроном и Маликом, внимательно осматривая каньон из-под стелящихся по земле еловых веток. Вала расположилась с другой стороны от эльфа, так близко, что касалась его плеча и бедра.

– Найди хранителя закона, – отозвался Малик. – И посмотри в дверном проёме справа.

Галаэрон принялся изучать скульптуры, пока не отыскал старика-великана со скрижалю в одной руке и кинжалом в другой. Рядом с ним располагался дверной проём с двумя колонами по бокам. Уходя вглубь не больше чем на пару шагов, он заканчивался стеной на том же уровне, что и остальная скульптурная композиция, хитро скрывая настоящий вход под его же изображением. Эффект был настолько потрясающим, что если бы Галаэрон не заметил в тёмном углу несколько пятен, похожих на поблёскивающие глаза, он никогда бы не подумал, что проём настоящий.

Уловив суть искусства великанов, он во второй раз осмотрел стены каньона и сделал несколько открытий. Было ещё два входа – один замаскированный под дверь, а второй – под нишу между парой деревьев; а также полудюжина окон. Почти за каждым поблёскивали глаза бехолдеров.

– Малик, ты спас нам жизни, – сказал Нихмеду. – Спасибо тебе.

– Не знаю, спас ли он наши жизни, – проворчал Мелегонт, – но то, что он помог избежать пары неприятный неожиданностей, – это точно. Здесь больше бехолдеров, чем я ожидал.

– Как их может быть так много? – усомнилась Вала. – Все бехолдеры, с которыми мне приходилось сражаться, были одиночками.

– Ты живёшь слишком далеко от их цивилизации, – пояснил волшебник. – Фаэриммы поработили целый город.

– Фаэриммы? – простонал Малик. Коротышка ползком попятился из-под дерева. – Возможно, дорога в обход гор не такая уж и длинная.

Мелегонт ухватил его за плащ:

– Здесь нет ни одного фаэримма, и я могу провести нас так, что бехолдеры ничего не заметят.

Он начал покидать укрытие, когда Вала сказала:

– Ты же не собираешься просто бросить каменного великана?

– Они либо мертвы, либо покинули эти места, – заметил волшебник, не останавливаясь.

– Не все.

Вала указала на участок у вершины скалы; вдалеке пара серых ног высунулась из туч, чтобы удержать равновесие на крыле каменного орла. Пока путники смотрели, одна нога поднялась по скале выше в поисках опоры, но, не нащупав ничего, вынуждена была опуститься обратно.

– Это всё усложняет, – Мелегонт выбрался из укрытия под деревом. – Нам надо поторопиться, если мы хотим его спасти.

– Тысяча извинений, но ты напрочь лишился рассудка, – Малик выполз следом за волшебником. – Мертвецы никого не спасут!

– Разумеется, ты волен избрать другой путь, – Мелегонт встал и принялся огибать отвесный склон небольшого холма. – Но причин для беспокойства нет. Ты вместе с остальными пойдёшь дальше, как я и планировал. А я просто сделаю небольшой крюк и помогу великану спуститься вниз.

Галаэрон поторопился обогнать Малика с Валой, когда они протискивались следом за волшебником в укрытую лощину, где остались их вещи, а также лошадь.

– Тебе нельзя этого делать, – сказал он.

Мелегонт хмуро посмотрел на него:

– Я не брошу никого на забаву бехолдерам. Только не тогда, когда в моих силах предотвратить это.

– Похвально, но ты – единственный, кто знает, куда нам идти и кого мы ищем, – вмешалась Вала, высказав то, о чём думал эльф. – Если что-то пойдет не так...

Волшебник выглядел оскорблённым:

– Речь идет всего-то о кучке бехолдеров.

– Я не могу тебе позволить так рисковать, когда судьба Эверески висит на волоске, – произнёс Нихмеду. Несмотря на возражения, желание мага освободить великана развеивало многие сомнения на его счёт. – Я пойду спасать. Либо ты предпочтёшь рассказать, кого мы ищем, кем бы он ни оказался.

Выражение лица волшебника стало мрачнее обычного.

– Будь осторожнее со своими желаниями, юный эльф, – он перевёл взгляд с Галаэрона на Валу и обратно. – Хорошо, будь по-твоему, если только ты всё ещё можешь использовать иную магию – ту, которую я тебе показал.

Малик весь обратился в слух:

– Что значит «иная магия»?

– Тебя это не касается, – Мелегонт повернулся к коротышке спиной. – А даже если бы и касалось, сейчас нет времени объяснять.

– Я всё понимаю, – тот протиснулся и встал прямо между Галаэроном и волшебником. – Вот только я всегда полагал, что Плетение – единственный источник магии.

Мелегонт сердито глянул на него:

– Почему это тебя так интересует? Ты маг?

– У меня широкий круг интересов, – отозвался коротышка. – Магия входит в него, для моего господина...

– Поговорим позже, – перебил Мелегонт.

Он взглянул в сторону Вала. Та подхватила Малика за шиворот и, несмотря на все его попытки объяснить своё любопытство, оттащила назад. Её действия были достаточно грубыми; лошадь с печальными глазами даже предостерегающе заржала.

Волшебник обернулся к Нихмеду:

– Итак, по поводу иной магии...

– Она всё ещё доступна мне, – ответил эльф, решив до поры до времени скрыть кое-какие подробности. – Вот, что я хочу сделать...

Галаэрон изложил план. Когда он закончил, Малик снова не выдержал:

– Ты можешь дважды сотворить одно и то же заклинание? – вопрос донёсся издалека, оттуда, где стояла лошадь и куда Вала оттащила коротышку. – Как же ты удерживаешь заклинания в памяти, чтобы использовать их больше одного раза? Или это из-за «иной магии»?

– Тихо! – шикнул Мелегонт.

Он всерьёз рассердился, но Вала уже обхватила шею Малика одной рукой, а второй рукой зажала ему рот – и ловко поставила коротышку между собой и лошадью, когда та попыталась укусить её.

– Хочешь выдать нас? – спросила женщина.

Он побледнел и покачал головой. Волшебник вернулся к эльфу:

– Помни, бехолдеры чувствуют теневою магию хуже фаэриммов, но всё равно они способны развеять её. Если они заметят тебя, старайся не попадать под лучи их центральных глаз.

– Этот урок я усвоил ещё во время схватки с первым, что нам встретился, – ответил Нихмеду.

– Хорошо, – Мелегонт порылся в рукаве и достал небольшой клочок чего-то, что выглядело, как чёрная мгла. – Это теневой шёлк, основной элемент практически любого волшебства преобразования тени. Я покажу тебе одно заклинание, которое может оказаться полезным, и в путь.

Маг начал делать пасы, но заметил, что Малик наблюдает. Тогда он повернулся спиной к мужчине, шепнув Галаэруну:

– Есть в нём что-то такое, что вызывает недоверие.

– Да, таинственные люди могут быть подозрительными, – пробормотал Галаэрон, борясь с искушением прокомментировать нехорошие предчувствия относительно самого Мелегонта. – Ты показываешь мне изменённое заклинание паутины?

Волшебник поднял бровь:

– Я как-то не думал об этом, как о паутине, но да, я полагаю, что суть в этом.

Он закончил демонстрацию, а эльф повторил слова и движения, чтобы удостовериться, что понял всё правильно.

– Потрясающе, – Мелегонт только и мог, что покачать головой. – Магия никому не должна даваться так легко.

– Это нелегко, правда, – признался Нихмеду. – Мне нужно тренироваться, как любому другому, чтобы усвоить что-то новое. Но когда это практически заклинание, которое я уже знаю, ничего не стоит заметить несколько изменений и понять их роль.

– Несколько изменений? – на этот раз волшебник покачал головой скептически. – Да уж, совсем ничего не стоит!

Он повернулся к остальным и начал совершать над землёй круговые движения руками, создавая парящий теневой диск, похожий на тот, что они использовали для перевозки раненых эльфов. Малик смотрел с любопытством, потом отстегнул подпругу и положил седло по центру платформы. Когда он убрал удила изо рта лошади, Мелегонт не выдержал:

– Совсем необязательно бросать твою кобылу здесь. Если мы завяжем ей глаза, она даже не сообразит, что мы движемся.

– Ты неправильно понял. Келде не нужна повязка, – Малик взял кобылу за поводья и без труда заставил её запрыгнуть на диск. – Она всегда была верной лошадью, и если вы, безумцы, решили убить нас всех из-за одного трусливого великана, которому не хватает храбрости умереть вместе со своими родичами, я не хочу, чтобы она застряла в этих горах потому, что мне не хватило ума разнуздать её.

Коротышка взобрался на диск и от души поцеловал кобылу в морду. Галаэрон взглянул на остальных людей и по выражению их лиц понял, что они не меньше его озадачены подобным поведением. Мелегонт с Валой взошли на диск следом, после чего волшебник произнёс заклинание, сделавшее платформу и всё, что на ней, невидимым. Раздалось испуганное ржание, за которым тут же последовал шепот Малика, упрощающего лошадей соблюдать тишину, чтобы их всех не убили. Порыв ветра закрутил снег в белую воронку, которая поползла по ложине вниз к дороге и исчезла в пурге.

– Встретимся на другой стороне, Галаэрон, – раздался голос Валы. – И будь осторожен.

– Можешь рассчитывать на это, – ответил эльф. – Но если что-то случится...
– Ты будешь предоставлен самому себе, – подхватил Мелегонт. – Не волнуйся.
– Это самая здравая мысль, высказанная любым из вас с того момента, как я спас вас своим костром, – добавил Малик.

Нихмеду подождал ещё немного, позволяя им удалиться на безопасное расстояние, затем сам произнёс два заклинания. К его удивлению, он не ощутил холодной магии, врывающейся в него, как во время атаки багбиров. Чтобы вызвать волшебство, ему пришлось сосредоточиться на своём теновом воплощении, – принять его, если уж начистоту, – и открыть себя для силы холодной магии. Объяснялось ли это промедление отсутствием теней в пурге или тем, что он не был поглощён сражением, эльф не знал. Галаэрон просто был рад, что сохранил больше контроля над волшебством, чем думал.

Лёгким прыжком Нихмеду поднялся в воздух над елью и заскользил к Тысяче Ликов, держась намного выше каменных статуй стражников. Чтобы избежать возможного столкновения, было условлено, что эльф полетит выше, чем великан, а Мелегонт ниже. Это заставляло волшебника и других перемещаться ближе к области, охраняемой бехолдерами, но избежать подобного было невозможно: платформа не могла подняться более чем на дюжину футов над землей.

Галаэрон помедлил при входе в ущелье и с помощью заклинания поискал магическую защиту. Он заметил с десятков бехолдеров, притаившихся в тенях сводов. Глаза монстров мерцали то там, то здесь, как десятки светлячков. При таком количестве направленных в его сторону глаз эльф занервничал, и холодная магия с лёгкостью проникла в него. Если в большинстве эльфийских общин скульптуры двух стражей говорили о наличии защитных заклятий, то у каменных великанов дела обстояли иначе. Изваяния были просто красивыми статуями, созданным с целью приветствовать – или, возможно, утрашать, – входящих в ущелье, и ничего более.

Нихмеду полетел дальше, поднимаясь к скалистым вершинам. Ноги великана были полностью скрыты низкими тучами, ползущими по верхушкам гор, так что эльф ориентировался на скульптуру орла. За двадцать шагов до огромной птицы Галаэрон неожиданно заметил, как множество глаз сверкнуло из окна, укрытого под гигантским крылом. Может, коротышка и прав. По правилам Стражи Гробниц, эльфу не следовало даже пытаться освободить великана – спасение одной жизни просто не оправдывало опасность для четырёх.

Хорошо, что никто особо не соблюдал это предписание.

Нихмеду добрался до стены и поплыл вверх, в облака, касаясь рукой скал, чтобы ориентироваться в серой мгле. Он почувствовал, как орлиное крыло скользнуло под кончиками его пальцев, после чего Галаэрон поднялся мимо размытого силуэта ступни, длиной с эльфийское предплечье. Как такие огромные пальцы ног смогли зацепиться за узкий выступ – даже представить было сложно, но гигантская лодыжка дрожала от усталости. Нихмеду пролетел вдоль громадной ноги к талии великана, где ему пришлось огибать пояс с инструментами – стальными молотами различного размера – потом он продолжил подъём. Эльф облетел стороной пещеру-подмышку, сделал петлю над бугрящимся бицепсом, миновал толстую, как колонна, шею и заглянул в глаза размером с тарелки.

Достав из кармана кусок медной проволоки, Галаэрон потёр его между большим и указательным пальцами. Теневая магия наполнила его, Нихмеду указал на голову великана и начал шептать:

– Не кричи, великан. Тебе нечего бояться.

Тот вздрогнул, потерял опору и застонал. Эльф проклял недостаток самоконтроля у здоровяка, скользнул на некоторое удаление вдоль утёса и достал теневой шёлк, который ему дал Мелегонт. Проблеск надежды отразился на громадном лице, глаза шарили вокруг в поисках спасителя.

– Будь осторожен! – хотя шёпот гиганта казался громким, как яростный порыв ветра, Нихмеду не боялся, что его услышат. Заклинание, которое он произнёс, предотвратило бы это. – Где ты?

Прежде чем Галаэрон успел ответить, бехолдер проплыл вверх, оказавшись между эльфом и великаном. Тварь была так близко, что впору пнуть, а несколько глазных стебельков колыхались в направлении эльфа, но, похоже, незримое присутствие Галаэрона так и не было замечено.

Конусообразный синий луч ударил из крупного центрального глаза и начал блуждать по телу каменного великана. Нихмеду поднял было руки, готовясь произнести выученное от Мелегонта заклинание, но остановился: гигант продолжал цепляться за утёс и не выказывал такого страха, как раньше. Очевидно, что ни великан, ни глаз-тиран не были удивлены, увидев друг друга. Выходит, осознал Галаэрон, их враги знали Мелегонта лучше, чем тот предполагал.

Бехолдер перевёл луч на утёс и поводил им наудачу из стороны в сторону. Не теряя из виду многочисленные глаза существа, эльф проплыл ему за спину. По всем правилам, Нихмеду следовало быстро исчезнуть; это гораздо лучше, чем понадеяться избежать ловушки, рассчитанной на поимку волшебника. Но было слишком поздно – Галаэрон уже увидел надежду в глазах великана.

Закончив изучать утёс, бехолдер принялся вертеться, водя лучом туда-сюда по облакам. Эльф поспешил укрыться за спиной гиганта. Наконец, враг сдался и повернулся к своей жертве:

– Почему ты застонал?

– Я соскользнул, – ответил тот.

– Ты бы не стал лгать несчастному Канабару, не так ли? – пока он это произносил, один из его глаз потянулся к гиганту. – Не после того, как Канабар сказал остальным, что ты можешь быть полезен? Ты бы не стал лгать Канабару, спасшему тебе жизнь, правда?

– Нет, я бы не стал лгать.

Великан напрягся всем телом, пытаясь устоять перед чарами существа, и Галаэрон начал беспокоиться. Бехолдер Валы даже с девятью занавешенными глазами смог сокрушить его лучшего разведчика. Сколько шансов устоять против того, кто может использовать все одиннадцать?

Гигант заговорил снова, на этот раз более высоким голосом и нараспев:

– Арис никогда бы не стал лгать своему другу Канабару.

Нихмеду оттолкнулся от утёса и выглянул из-за широкой спины Ариса как раз вовремя, чтобы увидеть, как зубастая пасть бехолдера изогнулась в усмешке.

– Так-то лучше, – произнёс монстр. – Итак, почему Арис застонал?

По телу великана пробежала дрожь.

– П-п-потому что его нога соскользнула.

– А почему его нога соскользнула? – спросил бехолдер. – Скажи своему другу Канабару.

Лишь только глаз-тиран это произнёс, Галаэрон швырнул в его направлении обрывок теневого шёлка и произнёс заклинание, полученное от Мелегонта. Взгляд монстра метнулся на голос, но магическая формула подействовала быстро, и через мгновение Канабар был окутан вязкими тенями.

– Эй! – прогремел Арис. Великан повернулся и уставился прямо на Нихмеду, который стал видимым в момент атаки. – Что ты сделал с моим другом, глупый эльф?

– Не он твой друг, – сказал Галаэрон, пытаясь придумать, как спасти зачарованного гиганта. – А я.

Нихмеду потянулся было к мечу, но заметив, как разрушающий магию луч бехолдера прожёт вязкую тень над его центральным оком, придумал кое-что лучше. Он выкрикнул несколько отчасти волшебных слов – и скрылся за великаном. Монстр так торопился прервать заклятие Галаэрона, что качнулся вперёд, задев синим лучом спину Ариса.

Луч полоснул эльфа по плечу, из-за чего тот полетел вниз, чудом успев ухватиться за пояс гиганта. Бехолдер попытался поднять тревогу, однако со ртом, полным теневого вещества, способен был только сдавленно мычать.

Всё ещё цепляясь за пояс одной рукой, Нихмеду выхватил меч и собрался с духом, чтобы атаковать – но только и смог что открыть рот от удивления, когда Арис запустил руку в туман и схватил Канабара. Бехолдер выглядел как спелая дыня в пятерне великана.

– Настоящий друг! – прогремел Арис.

Существо успело пробубнить что-то неразборчивое, прежде чем Арис впечатал его в скалу.

– Хвала Повелителю Лесов! – выдохнул Галаэрон. – Я не был уверен, подействует ли его луч против его же чар.

– Подействовал, – ответил гигант. – Но, боюсь, ты напрасно рисковал собой, эльф.

Арис указал на три округлые фигуры, летящие к ним через туман. Нихмеду оглянулся и увидел другую пару, и ещё две поднимались из облаков под ними. Он убрал меч в ножны и вытянул две пряди теневого шёлка, полученного от Мелегонта.

– Снизу это казалось хорошей идеей.

– Могу себе представить, – согласился Арис. – Если они снова зачаруют меня...

– Никаких обид, – поспешил заверить Галаэрон. – Делай всё, как я говорю, и до этого не дойдёт.

Нихмеду бросил одно, потом ещё два теневых волокна и дважды повторил заклинание с невероятной быстротой. Хотя он учился произносить многократные магические формулы в Академии Магии, это была единственная техника, которая далась непросто, и ради овладения которой ему пришлось тренироваться – пока та не стала для него легче всех остальных. Оба заклинания сработали точно, однако Галаэрон начал уставать и ощущать, будто холод новой магии ломает его кости.

Бехолдеры тревожно забулькали, когда их поглотила трясина из тени, и вскоре столкнулись друг с другом, намертво прилипнув. Не спеша проверять, что там с остальными – хотя и молясь о небольшой передышке, – Нихмеду указал вдаль, к выходу из ущелья, и вызвал своё самое сильное заклятие. Леденящая волна холодной магии пронеслась по его костям, когда чёрный квадрат появился внизу и чуть в стороне.

– В портал! – скомандовал эльф.

Арис покосился вниз:

– Я не пролезу...

– Сейчас же! – всё ещё держась за пояс, Галаэрон прыгнул вниз в надежде, что великан последует за ним. – Прыгай!

С низким рёвом Арис повиновался и отпустил утёс. Эльф краем глаза увидел синий луч, метнувшийся сквозь тучи к portalу – и беглецы рухнули в темноту. Внезапный холод обжёг плоть Нихмеду, а внизу была только бездонная чёрная пропасть. Галаэрона мутило и он слабел, прислушиваясь к своему замершему сердцу. Голова кружилась, все мысли утонули в путанице неопределённых страхов – и тут эльф вернулся в реальность, падая сквозь завывающую белую бурю. Оглушительный рёв заполнил воздух позади него. Нихмеду осмотрелся и увидел огромную серую тушу, летящую рядом, и мелькнувшую прореху из макушек деревьев; а потом мир взорвался какофонией из треска и грохота. Эльф и великан падали на землю, кувыркаясь то в одну сторону, то в другую, налетая на ветви. Галаэрон попытался оттолкнуться подальше от гиганта, но не смог.

А в следующее мгновение он уже рухнул на великана и лежал оглушённый, пытаясь понять, где он и откуда появился здесь. Низкий стон сотряс воздух вокруг, и Нихмеду начал скатываться на землю, так как громадное тело переворачивалось на спину. Оцепенение, последствие заклинания, испарилось мгновенно.

– Арис, стой!

Великан издал испуганный возглас и замер на боку.

– Эльф?

– Он самый, – Галаэрон высвободил руку и спрыгнул в снег. – Ты в порядке?

– Пока да, – Арис показал в глубину бури. Нихмеду забрался повыше и всмотрелся вдаль поверх бедра спутника. Округлый силуэт бехолдера приближался к ним сквозь вьюгу так быстро, что ударялся о стволы деревьев.

– Сделай что-нибудь! – поторопил великан. – Другое заклинание!

– Не думаю, что смогу, – эльф был настолько обессилен холодной магией, которая прошла сквозь него, что не мог перестать дрожать. – Я слишком устал.

– Устал? – прогудел Арис, шаря в снегу в поисках булыжника. – Будешь отдыхать, когда умрёшь!

Сочтя замечание великана разумным, Нихмеду вытянул нить из лоскута теневого шёлка. Он бросил её в сторону бехолдера и уже начал произносить волшебные слова – когда закричал. Холодная магия ударила его и захлестнула. Всё его тело окоченело и раздулось в полтора раза. Галаэрон продолжил заклинание, его кожа стала жёсткой, как мрамор, и белой, как снег. С кашлем он вытолкнул следующее слово – губы онемели и замёрзли настолько, что эльф с трудом закончил формулу.

Бехолдер превратился в огромный шар из вязкой чёрной тени – и сразу же вернулся в нормальное состояние после того, как синий луч прорезал пургу и уничтожил покров снаружи.

– Там! – Арис показал на более удалённый силуэт, спешащий за первым. – Сделай два одновременно, как раньше.

– Я н-не могу.

Даже сказав это, он вытянул две нити из шёлка. На этот раз, когда он открылся для новой магии, она с напором ворвалась в него; тело как будто наполнила расплавленная лава. Нихмеду с криком повалился на снег, катаясь в нём из стороны в сторону. Никакого шипения плавящегося снега или свиста поднимающегося пара не раздалось, вот только весь мир внезапно стал серым и очень тёмным, будто Галаэрон смотрел сквозь завесу дыма.

– Эльф? – Арис оглянулся и обескуражено насутился, потом опустился на колени, так и не выпустив булыжника из рук. – Эльф, у тебя тут есть друзья?

Превозмогая боль, Нихмеду приподнялся и взглянул в сторону преследователей. Из-за затуманенного зрения фигуры в пурге казались вдвойне размытыми, но первый бехолдер был уже так близко, что Галаэрон увидел, как извиваются его глазные стебельки. Второй успел достаточно сократить расстояние, чтобы можно было распознать очертания центрального глаза; а позади бехолдера, очень далеко за его спиной, виднелась фигура на лошади. Вряд ли это был призрак, но облик был слишком размыт, чтобы сказать наверняка – Вала это или Мелегонт; точно кто-то из них двоих.

– Глупец! – эльфу с трудом удалость встать на ноги и обнажить меч. – Да, это мой друг – друг, который не должен быть здесь, но это в его манере.

– Какая чудесная новость, – слова великана прозвучали чуть менее жизнерадостно, чем нужно. – Тогда нам всего-то надо выжить до его прибытия.

Арис с силой швырнул булыжник, который дугой полетел через лес, к ближайшему преследователю. Один глаз на макушке монстра повернулся и выпустил луч серебристого света, предотвратив попадание. Камень взорвался тысячей осколков. Рассудив, что у них осталось около двух секунд до того, как существо приблизится настолько, что сможет достать их лучом, Галаэрон поковылял за дерево. Ноги не гнулись и плохо подчинялись, а оружие в руках казался грубым, орочьим, а не выкованным в эльфийской кузнице.

– Продолжай атаковать! – скомандовал Нихмеду. – Пусть всё их внимание будет сконцентрировано на нас.

– Это не сложно.

Великан метнул ещё камень, который тоже был разрушен серебристой вспышкой. Эльф рванул вперёд и спрятался за тонкой елью, чуть не лишившись головы, когда луч пробил ствол. Верхушка дерева упала в сторону врага, создав небольшое укрытие. Нихмеду бросился под ветви и затаился, полагаясь на маскировку волшебного плаща, чтобы выждать момент для атаки.

– Эльф, – в голосе Ариса была паника. – Что ты творишь?

Галаэрон не ответил, как вдруг синий свет заструился по его плечу и рассеял магию плаща. Эльф выкатился из-под дерева в сторону великана – как раз в тот

момент, когда бехолдер опустился с противоположной, используя серебристый луч дезинтеграции, чтобы разнести десятифутовый участок веток в щепки.

Нихмеду метнулся обратно к глаз-тирану, проламываясь через сучья к верхушке ели, приноровился, перескочил через неё и обрушился сверху на врага. Эльф взмахнул мечом и отрубил полдюжины глазных стебельков, затем описал дугу и направил клинок в череп противника.

Оружие вошло на большой палец вглубь и застряло.

– Эльф! – Арис тяжело выдохнул, швыряя булыжник, и заорал: – Ты спятил?

Нихмеду скорее почувствовал, чем увидел, как камень пролетел рядом с его головой, и услышал, как тот рассыпался на тысячи осколков – второй бехолдер был уже совсем близко. Галаэрон прыгнул с первого, выдергивая клинок за собой. Его рука не задела скалы, он приземлился, кувыркнулся головой вперёд, оказавшись под большой елью – и увидел обоих противников прямо перед собой. Если одному из монстров и доставляла неудобства зелёная кровь, вытекающая из обрубков глазных стебельков, то вида он не подавал.

Эльф поднял меч, но внезапно перед ним вырос Мелегонт, загородив дорогу своей широкой спиной. Нихмеду хватило времени, чтобы заметить, каким неестественным казалось то, что волшебник отбрасывал чёрную, чётко очерченную тень при столь тусклом и скудном освещении – и тогда оба врага обрушились на человека со своими серебристыми лучами.

– Нет! – Галаэрон вскинул меч и бросился вперёд, чтобы предотвратить события, которые, как он прекрасно понимал, означали бы гибель для Эверески. Но когда он пытался пересечь тень Мелегонта, что-то ухватило его за ногу, и он упал плашмя. – Во имя Красной Луны!

Наверняка следующий момент мог стать его последним, он посмотрел вниз и увидел, что тень волшебника держит его за лодыжку.

– Ты справился со своей частью, – прозвучал знакомый голос Мелегонта.

Не успел маг договорить, как со стороны леса раздался приглушённый стук копыт. Вместо того чтобы атаковать Галаэрона, бехолдер покрупнее развернулся на звук – и умер без единого вскрика: чёрный меч Валы прилетел с противоположной стороны и вонзился в него.

Бехолдер поменьше направил все десять глаз в том направлении, откуда появился клинок, и был опрокинут на землю, когда Малик прыгнул на него с лошади и начал полосовать стебельки кинжалом. Нихмеду поднялся на ноги и поспешил на помощь, но к этому моменту Вала уже добралась до врага. Она подняла одну руку, чтобы позвать свой меч, а другой ударила в глаз, который стал поворачивать к ней, затем поймала оружие и вонзила лезвие в череп бехолдера. В отличие от клинка Галаэрона, её вошёл по рукоять.

– Эльф? – из-за поваленного дерева показалась размытая фигура Ариса, с камнями в обеих руках. – Эльф, ты жив?

– Пока да.

Нихмеду повернулся и увидел, как искажённое тело Мелегонта растворяется в тени, а его тень сливается с уже нормальным телом.

– Мелегонт, ты не должен был рисковать своей жизнью, – сказал Галаэрон. – Мы так договорились, во имя Эверески.

– Это так, – согласился волшебник. – Но раз ты так отчаянно спасал великана, то как я мог позволить ему умереть?

ГЛАВА 12

27 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Галаэрон почувствовал толчок, а затем как чья-то рука легла на плечо, и осознал, что произошло невозможное – кто-то чужой подкрался к нему незаметно во время его очереди караулить. Он откатился от дерева, о которое облакачивался, и запутался в плотном плаще, хотя не помнил, что укрывался им.

- К оружию! – выкрикивая призыв, Нихмеду боялся, что уже слишком поздно. – На нас напали!

Несмотря на опутавший его плащ, эльф смог подняться на колени и встретиться лицом к лицу с атакующими. Однако его взгляд упёрся в недоумевающих людей и чрезвычайно встревоженного каменного великана.

- Это всего лишь мы, - сказала Вала. – Наверное, тебе что-то приснилось.

- Приснилось? – Галаэрон отбросил плащ и, вглядываясь в чашу за ними, потянулся к мечу. – Мне ничего не приснилось. Как мне вообще могло что-то присниться?

Вала закатила глаза:

- Это происходит со всеми, кто спит.

- Со всеми людьми, - поправил эльф. Он не был уверен, какое из двух предположений возмущало его больше – что люди приравниваются к эльфам, или что Галаэрон пренебрёг своим долгом и заснул. – И я не спал!

- Нет? – спросил низкорослый, круглолицый мужчина с глазами навывкат. Нихмеду потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, что тот делал в их компании. – Тогда что ты делаешь, когда глаза закрыты, и храпишь?

Для ночи было необычно светло, понял Галаэрон. Он нахмурился и посмотрел на восток, где над Серыми Вершинами висела аморфная светящаяся сфера. Даже несмотря на густую завесу плотных снеговых туч, не было никаких сомнений, что эта светлая жемчужина – утреннее солнце.

- Я заснул? – в голосе эльфа прозвучала очевидная тревога. – Прямо во время своего караула?

- Не переживай так. – Вала подняла его плащ со снега и подала Галаэруну. – Малик был начеку, а тебе был необходим отдых.

Нихмеду взял плащ и сел на корточки. Не было никаких сомнений, что после двух дней без Дремления он нуждался в отдыхе. Но случайно заснуть? Внезапно эльф почувствовал себя потерянным и опустошённым, как будто внутри него что-то оборвалось.

- Чего ты так разволновался? – к воину подошёл Мелегонт. – Эльфы спят. Я сам видел.

- Когда это нужно, - ответил Галаэрон. – Во время болезни или ранения, иногда в моменты отчаяния или когда становимся жертвами Мрака, чаще – в старости, когда приближается время отправляться на Запад.

Вала кивнула:

- Когда вы стремитесь избавиться от боли и забыться, не так уж отличаетесь от людей.

- Очень похожи, - признал Галаэрон, - вот только мы никогда не засыпаем случайно. Эльфы погружаются в сон осознанно.

- Какое же это благо! – воскликнул Малик. – Что касается меня, я бодрствую, когда стоило бы спать, и сплю, когда нужно бодрствовать. Только в этом году это дюжину раз едва не стоило мне жизни, - он помолчал мгновение, его губы странно изогнулись, будто в попытке не сболтнуть лишнего, затем мужчина всё-таки пробормотал:

- Я с трудом осмеливаюсь закрывать глаза от страха, что мне перережет горло эта арфистка, ведьма Руха!

Нихмеду нахмурился. Арфисты относились к немногим людям, которым обычно был открыт вход в Эвереску, и один лишь факт, что одного из членов этого ордена Нассер считал своим врагом, заставлял задуматься, можно ли ему доверять. С другой стороны человек рисковал своей жизнью, спасая Галаэрона и Ариса от бехолдеров, к тому же конфликты между людьми не касались стража гробниц Эверески.

Вала и Мелегонт, казалось, заинтересовались откровениями Малика ещё меньше, чем эльф. Женщина сжала губы, как бы поражаясь, с чего Нассер вообще решил, что им есть до этого дело, а волшебник теребил бороду и изучал Нихмеду.

Наконец, он сказал:

- Спасение Ариса прошло не совсем так, как мы планировали. Насколько тяжело тебе пришлось с магией, что я показал тебе?

- Я помню холод, - ответил Галаэрон. – Тогда не из чего было выбирать.

Лицо волшебника немедленно потемнело:

- Глупец! Разве я не предостерегал тебя от соблазна испытывать свои возможности с этой магией?

- Я не испытывал, - возразил Нихмеду. – Другого выбора просто не было.

- Выбор всегда есть, - произнёс Мелегонт. – Было бы лучше отдать своё тело бехолдерам, чем дух – тени.

Волшебник подошёл и обхватил голову эльфа руками, запрокинул её, и зафиксировал веки в открытом положении.

- Вот она. Ты впустил свою тень внутрь.

У Галаэрона похолодело в животе:

- Вытащи её!

- Я не могу, - Мелегонт отпустил эльфа и отошёл назад. – Тебе придётся научиться контролировать её, прежде чем она научится контролировать тебя.

- Контролировать? Как?

- Осторожно, очень осторожно, - ответил волшебник. - Тени очень коварны. Она попытается извратить твою сущность, заставить видеть тьму во всём вокруг.

- Видеть тьму? – переспросил Галаэрон. – Ты имеешь в виду тёмные мотивы?

- В каком-то смысле да. Если есть свет, обязательно есть тень. И то, что внутри тебя теперь, заставит смотреть на тень вместо света, видеть, что любой благородный поступок может быть эгоистичным. Постепенно ты начнёшь обращать внимание сначала на тьму. Когда это произойдет, ты превратишься в свою тень.

У Нихмеду пересохло во рту, он не смог промолвить больше ни слова.

- Галаэрон, тебе придётся овладеть самым сложным искусством, - продолжил волшебник. – Ты всегда должен контролировать себя и смотреть на свет прежде, чем на тень.

- Это будет тяжело, - Нихмеду подумал о подозрениях, мучавших его уже несколько дней, и о решении скрыть то, с какой силой холодная магия поглотила его во время сражения с багбирами. – Зачем ты вообще показал мне эту магию?

- Неужели ты настолько слаб? – Мелегонт схватил его за руку и заставил встать на ноги. – Я преподнёс тебе самый ценный в мире дар, а ты называешь его ядом. Твоя тень уже побеждает, эльф.

Слова словно кулак ударили Галаэрона – его проблемы с погружением в Дремлиение появились одновременно с подозрениями на счет личности Мелегонта. Могла ли тень оказаться внутри него уже тогда? Несмотря на то, что было холодно, эльфа бросило в жар.

- Я должен был сказать тебе кое-что по поводу схватки с багбирами, - произнёс Нихмеду.

- Новая магия поглотила тебя?

- Без всякого призыва, - ответил Галаэрон. – Когда я произносил свои обычные заклинания, она сама хлынула в меня. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы избавиться от её присутствия.

Волшебник кивнул:

- Грозящая смерть каким-то образом приближает тебя к тени, - Мелегонт внимательно посмотрел на собеседника. – А то, что ты утаил это от меня, усложняет ситуацию.

- Ты сам много чего скрываешь, - даже сам эльф заметил в своём голосе оттенок самозащиты. – А после того, как ты натравил иллидида на лорда Имесфора, у меня были основания сомневаться в тебе.

- Мы уже обсуждали это. Если мои объяснения не удовлетворили тебя, стоило сказать об этом, – голосу Мелегонта не доставало привычного спокойствия. – Это настоящая битва, эльф, и я не уверен, что ты хочешь победить.

Сердце Нихмеду замерло.

- Мне не нужна эта магия. Ты же можешь что-то сделать.

- Могу, - волшебник многозначительно взглянул на меч Валы. – И, если ты проиграешь, я это сделаю.

- Неужели всё так серьёзно?

- Да, - сказал Мелегонт. – Я здесь не для того, чтобы впустить в этот мир ещё одно зло.

- Я тоже, поэтому хочу, чтобы ты пообещал, - Галаэрон повернулся в Вале. – И ты тоже.

Девушка приподняла бровь и бросила взгляд на волшебника, когда тот мрачно кивнул, пожала плечами и, казалось, немного расстроилась:

- Надеюсь, ты понимаешь, о чём просишь.

- Он всего лишь просит сделать то, что будет правильно, - сказал Мелегонт. Он встревожено посмотрел на восток, где находился перевал Тысячи Ликов, скрытый за пеленой снега и деревьями, но намного ближе к путешественникам, чем они бы того желали. – Надо выдвигаться. Бехолдеры будут нас искать...

- Я покажу безопасную дорогу, - впервые за долгое время заговорил Арис. – Вы же направляетесь к реке Делимбир?

- Да, только немного дальше, - ответил волшебник. – В любом случае для начала было бы неплохо.

- Тогда за мной.

Великан вышел из узкого ущелья, где спутники разбили лагерь, и зашагал сквозь пургу. Мелегонт последовал за ним, утопая по колено в снегу. Даже учитывая помощь лошади Малика, которая прокладывала путь, им с трудом удавалось не терять из вида очертания фигуры гиганта в этом шторме.

Галаэрон едва заметил, как склон, по которому они взбирались, становился всё круче. Он никак не мог отделаться от страха – страха перед тем, кем он может стать, и что ещё хуже, кем он может перестать быть. Эльфы, которые теряли способность погружаться в Дремление, очень быстро совершенно менялись. Лишённые возможности общаться с себе подобными, они становились безмерно печальными и одинокими. В конце концов, такие волки-одиночки чахли от отчаяния и покидали свой дом, предпочитая жить отшельниками или даже среди людей, чем постоянно страдать от напоминания о блаженстве, которое им больше не испытать.

Нихмеду не был уверен, хватит ли у него сил противостоять тени без связи со своими товарищами. Даже сейчас казалось логичным опасаться Мелегонта. Люди хорошо известны своим коварством, к тому же скрытность волшебника определенно вызывала недоверие. Почему он не сказал, кого он надеялся найти, или зачем он изучал фаэриммов, или откуда взялась эта новая магия?

Эльфа посещала мысль, что предостережение Мелегонта могут быть уловкой, чтобы заставить его сомневаться в своих собственных подозрениях. Это же очевидно, что нет лучшего способа подавить чьё-то недоверие, чем сделать его объектом страха. Едва эта мысль успела пронестись в сознании Галаэрона, как уже следующая принесла предположение, что это тень спровоцировала предыдущую. Нихмеду начал движение по иллюзорной спирали, где каждая идея оборачивалась против себя самой, и ни одному суждению нельзя доверять. Ему показалось, что под снегом больше нет твёрдой поверхности, и он двигался по кругу, пока не устал бороться и просто не отдался на волю пурге.

Спустя какое-то время путешественники пересекли белый высокогорный луг и подошли к глубокой впадине на склоне, заваленной снегом. Арис сказал остальным

отойти в сторону на безопасное расстояние, а сам сложил ладони воронкой и пронзительно закричал. Раздался слабый грохот, такой тихий и низкий, что Галаэрон скорее почувствовал его, нежели услышал. В следующее мгновение страшная лавина схлынула со склона и накрыла луг.

Арис подождал несколько минут, пока снег полностью не остановится, затем указал на гору:

- Гребень этой горы спускается к долине Делимбира. Идите по самому хребту к реке. Деревья здесь такие высокие и мощные, что вас никто не увидит, кроме нескольких каменных великанов, которые используют некоторые тропы. Вместо того чтобы прятаться от них, расскажите, что вы для меня сделали, и они не причинят вреда.

- А как же ты, Арис? – спросил Галаэрон. – С тобой всё будет в порядке?

- Не думаю, - голос великана был полон гнева и звучал так низко, что, казалось, ещё одна лавина несётся по склону. Он отломил верхушку тридцатифутовой сосны и начал обламывать боковые ветви. – Резня в моём селении была ужасна, но то, что эти глаза сделали с Пещерами Сказаний... за разрушение результатов трудов двух тысяч лет я заставлю их заплатить.

- Печально, но у тебя не получится, - произнёс Мелегонт. – По крайней мере, не в одиночку. Тебе помогут твои сородичи?

Великан покачал головой:

- Я ни за что не попрошу о таком. Не они в ответе за это.

- Нет, это мы, - ответил волшебник. – Может быть даже больше, чем ты.

Глаза Малика расширились:

- Думай, что говоришь, и кому ты это говоришь! - он вытянул шею в направлении Ариса. – Волшебник имеет в виду себя.

Великан не обратил ни малейшего внимания на коротышку и опустил на колени рядом с Мелегонтом:

- Поясни.

- Ты слышал о фаэриммах? – спросил волшебник.

Гигант кивнул:

- Я видел их изображения на некоторых старых фресках. Жестокая и могущественная раса, судя по высеченным картинам.

- И коварная, - добавил Мелегонт. – Хотя бехолдеры могут и не отдавать себе отчёт, но фаэриммы их господа. Фаэриммы послали их к Тысяче Ликов, чтобы отыскать нас.

- Никто не сравнится по глупости с честным! – воскликнул Нассер, взбираясь на лошадь. – Молю, не убивай нас всех!

Ни Арис, ни кто-либо ещё не обращал внимание на Малика. Гиганту потребовалось время, чтобы осмыслить слова волшебника, затем он потёр свой длинный подбородок и повернулся к Галаэрону.

- Даже сознавая, что они ищут вас, вы рисковали жизнями, чтобы спасти меня?

Эльф кивнул:

- Я бы не смог оставить тебя и спокойно жить дальше.

- Ты с трудом выжил, спасая меня, - произнёс великан. – Твой поступок был не особенно мудрым.

- Однако умнее, чем возвращаться в одиночку к бехолдерам, - сказал Мелегонт. – Мы бы присоединились к тебе, если бы могли, но существует зло пострашнее, и нам надо продолжать свой путь.

- Достаточно того, что вы спасли меня, - понимающе заверил Арис.

- Ты бы оказал большую услугу, если бы не растрачивал наши труды понапрасну, нападая на такое количество бехолдеров в одиночку, - продолжил Мелегонт. – Тебе повезёт, если получится убить одного или двух.

- Тогда правосудие свершится для одного или двух, - великан взглянул в сторону Галаэрона и поднялся. – Как я смогу жить спокойно, если не попытаюсь сделать даже эту мелочь, чтобы отомстить за своё селение?

- Сможешь, если сделаешь больше, - заверил эльф. Он прекрасно понимал чувства Ариса, ведь ощущал то же самое, когда фаэриммы захватили Эвереску. – Разве не будет лучше поразить того, кто действительно в ответе за произошедшее в Тысяче Ликов?

- Как я могу это сделать? – нахмурился каменный великан.

- Пойти с нами, - подсказал волшебник, продолжая мысль Нихмеду. – Мы поклялись сокрушить фаэриммов, тех самых, которые послали бехолдеров в Тысячу Ликов.

Арис размышлял над этим дольше десяти минут, не так уж и долго для каменного великана, а потом сказал:

- Взамен ты должен пообещать мне кое-что.

- Если это в моих силах, - ответил волшебник.

- Я думаю, да, - заверил Арис. – Ты должен пообещать принимать мою помощь до конца. Если есть способ отомстить за Тысячу Ликов, я должен участвовать.

- Договорились, - произнёс Мелегонт. – Кроме того, я даю слово, что бехолдеры, которые лишили тебя дома, покинут этот мир. Ещё до того, как всё закончится, они пожалеют о дне, когда направили глаза на твоё селение.

- По рукам, - Арис наклонился и вытащил Малика из седла.

- Что ты творишь? – Нассер выхватил крошечный кинжал из складок плаща и начал им размахивать. – Я тебя предупреждаю...

- Подъём слишком крутой, - пояснил великан. Не обратив особого внимания на миниатюрное оружие, он опустил коротышку на землю и потянулся к лошади. – Я понесу это.

Арис засунул животное себе под мышку и зашагал вверх по склону, очевидно не заметив того, что лошадь била копытами и испуганно ржала. Малик заторопился следом, упрашивая великана не делать больно Келде и бормоча что-то о её комфорте.

Галаэрон и остальные пошли за ними, и уже очень скоро они следовали по заснеженному хребту к бескрайней долине Делимбира. Благодаря гиганту, который прокладывал дорогу, путешественники продвигались быстро. Потребовалось всего полтора дня, чтобы добраться до подножия гор, однако хватило бы и одного, если бы не две «короткие» остановки, чтобы Арис мог предупредить сородичей, направляющихся в противоположном направлении, о бехолдерах.

Когда Галаэрон слушал полное горечи описание судьбы Тысячи Ликов, он вернулся мыслями к Эвереске. Наверняка его город остался нетронут. Даже

фаэриммы не смогли бы пробить брешь в мифале – по крайней мере, не так быстро. Или смогли? По словам Мелегонта, фаэриммы Мифа Драннора были привлечены именно мифалом, и они особенно искусно пользовались магией. Что если они знали, как сломать защиту? Как только враги проникнут в город, даже маги-стражи не смогут изгнать их. Нихмеду постигнет та же участь, что и Ариса - он станет одиночкой, живущим только ради мести. В случае с каменным великаном это было невыразимо трагично. В случае с эльфом, в особенности вынужденным бороться со своей тенью, это будет неслыханно жестоко.

Галаэрон страстно желал передвигаться быстрее, настоять, чтобы Мелегонт использовал заклинания и ускорил их, даже снова путешествовать по Грани Тени, но он понимал, что лучше не предлагать ничего такого. После битвы в Тысяче Ликов фаэриммы наверняка прочёсывали округу в поисках малейшего намёка на волшебство, даже странная магия Мелегонта оставляла легчайшее волнение в мире, которое могло привлечь взгляд внимательного наблюдателя. Мудрее было избегать любых проявлений волшебства и позволить метели скрывать их.

Путешествие через долину прошло не так легко. Спутники были примерно на полпути, когда пурга внезапно закончилась и оставила их на открытом пространстве в миле от реки. Не стало ветра, который заметал их следы, поэтому отряд багбиров быстро выследил путешественников и начал преследование. Вместо того чтобы использовать магию для уничтожения источника опасности, попутчики бросились к реке и пересекли её по льду. Когда багбиры последовали за ними, Арис швырнул несколько валунов в отряд, от чего лёд раскололся, и холодная вода поглотила преследователей.

В полдень следующего дня удача изменила спутникам, когда на горизонте появились две серые сферы. Сначала путники делали вид, что не замечают преследователей, в надежде на необдуманную атаку врагов. Однако глаз-тираны не заглотили наживку, поэтому Мелегонт решил прибегнуть к заклинаниям. Бехолдеры тут же исчезли из вида. Приблизительно через полчаса Галаэрон мельком увидел одно из существ, всё ещё следующее за ними. Второго нигде не было видно.

- Он направился за помощью, - предположила Вала.

- Если нам повезёт, это будут только бехолдеры, - кивнул Нихмеду.

- Только бехолдеры? - Малик открыл рот от удивления. – Ты так же безумен, как рогоносец в гареме!

- Бехолдеры предпочтительнее фаэриммов, - пояснил Мелегонт. – Если только ты не хочешь сразиться с нашими врагами в одиночку, тогда самое время разойтись.

- И ты пошлешь ваших преследователей за мной? – тёмные глаза Нассера заискрились негодованием. – Я не такой простак, каким кажусь, старик.

- Я тебя предупредил, - пожал плечами волшебник.

Мелегонт отщипнул кусочек теневого шёлка от плаща и вывел на снегу замысловатый призрачный узор. Когда всё было готово, волшебник вместе с эльфом наложил заклинание полёта на каждого, включая ошарашенную кобылу Малика, и путники понеслись к Высокому лесу. Бехолдер предпочёл не приближаться к таинственным знакам, оставленным на снегу, и облетел их по большой дуге, но, тем

не менее то и дело появлялся на горизонте, напоминая компании о нависшей над ней опасности.

Наконец путники добрались до Высокого леса и плавно приземлились среди деревьев. Враг остановился за холмом и парил там, вытянув один глазной стебелёк над вершиной. Несколько остальных глаз тоже то показывались, то скрывались, вращаясь во все стороны в ожидании подкрепления.

- Вот теперь они попались, - сказал Мелегонт, оторвал ещё клочок теневого шёлка и отделил от него одну нить, которую натянул между двумя деревьями. – Мы почти в Карсе.

- В Карсе? – удивился Нассер. – Зачем нам туда?

- Не всем нам, - с этими словами волшебник передал Галаэруну второй лоскут призрачной ткани и дал знак разделить его на нити. – Как только здесь всё закончится, расстаться и пойти разными путями будет безопасно. Уверен, тебе так же не терпится заняться своими делами, как нам нашими.

- У меня нет никаких дел, - коротышка помолчал, словно только это он и хотел сказать, затем медленно наклонил голову набок и добавил:

- Кроме вас.

- Нас? – Мелегонт продолжал натягивать призрачные нити между деревьями. – И что же у тебя за дела с нами?

Малик побледнел и пролепетал:

- Ничего особенного... просто...

Окончание предложения утонуло в ужасном треске из леса позади них. Эльф обернулся и увидел, как огромный дуб, направляясь к ним, дико размахивал ветвями и издавал сердитые вопли из перекошенного дупла.

- Нет! – прогрохотало дерево и, едва не задев голову Галаэрона, протянуло одну ветвь к нитям, которые привязал эльф. Ветка прошла сквозь волокно, не встретив сопротивления. Сильнейшая дрожь пробежала по дубовой кроне из золотых листьев, и дерево добавило, потрясая суком перед лицом Нихмеду:

- Только не в моём лесу!

- Мы не причиним вреда л-лесу, - запинаясь, произнёс эльф. Галаэрон, наконец, пришёл в себя от удивления и понял, что дуб на самом деле трент с длинной бородой из зелёного мха и стволом в двенадцать футов в обхвате, древнейший из всех, что ему доводилось видеть. Сообразив, что существу не понравится деревянная дубина Ариса, воин дал великану знак продолжать наблюдать за кромкой леса и снова повернулся к тренту.

- Нам приходится принимать меры, чтобы защититься. Нас преследуют бехолдеры.

- Один бехолдер. Глаза у меня есть, - в подтверждение своих слов дуб моргнул парой отверстий, которые располагались на высоте более пятнадцати футов и у нормального дерева были бы не чем иным, как следами от отвалившихся сучков. – К тому же ваше благополучие меня не волнует. С твоей магией что-то не так, и в моем лесу ей не место.

- Действительно, это не обычные двеомеры, - вмешался Мелегонт, - но это не делает их неправильными.

- Не для Высокого леса, - трент ещё раз попытался смахнуть призрачную сеть, но снова потерпев неудачу, повернулся к Галаэрому. – Убери это.

Эльф начал сматывать шёлк в клубок, ощущая на себе хмурый взгляд волшебника.

- Что ты делаешь?

- Это дом Турланга, - пояснил Нихмеду, догадавшись, как зовут дуб. Только Турланг, славный правитель Высокого леса, мог быть таким огромным и древним.

- Мы должны уважать его желания.

Мелегонт закатил глаза.

- Ты же понимаешь, это значит, что они доберутся до нас? – он бросил взгляд на Турланга и добавил:

- И здесь произойдёт сражение.

- Шорохи Форна донесли о твоём даре Забытому лесу, Тенебородый, поэтому одну угрозу я прощу, - трент со скрипом нагнулся и уставился волшебнику в глаза. – Его шорохи также донесли о неудачах, преследующих тебя, а мне не нужны магические личинки в моём лесу.

- В таком случае было бы хорошо, если бы ты помог нам, - волшебник махнул рукой в сторону Галаэрона и других. – Мы все поклялись вернуть фаэриммов в их тюрьму, а необходимая для этого помощь находится в твоём лесу, в храме Карса.

Турланг выпрямился в полный рост:

- Какого рода помощь тебе нужна от Вулгрета? То, что ты причисляешь лича к своим друзьям, доказывает, что я был прав, чувствуя в тебе зло.

По спине Галаэрона пробежал холодок.

- Лич? – переспросил он, осознав, наконец, причину, по которой Мелегонт скрывал подробности о необходимом им помощнике. – О чём ещё ты нам солгал?

- Остерегайся тени, мой друг, - волшебник погрозил Галаэрому пальцем и, повернувшись снова к Турлангу, сказал:

- Вулгрет мне не друг, но для каждого сокровища найдется страж. Я намерен заключить с ним сделку, однако не такую, которая приходит тебе на ум.

Турланг замер тихий и неподвижный, скорее всего раздумывая, чему верить – словам Мелегонта или «привкусу» зла в их компании. Дело могло быть не только в волшебнике; Галаэрон опасался, что враждебность, которую ощущал трент, исходила от его собственного тёмного духа. Даже стараясь изо всех сил, эльф не мог перестать видеть в основе каждого поступка самые эгоистичные мотивы. Мелегонт надеялся заключить сделку со злобным личем. Малик хотел похитить секрет теневой магии. Турланг отказывал в помощи из-за страха перед местью фаэриммов. Нихмеду безнадежно проигрывал битву с тенью.

Он вышел вперёд и встал прямо перед трентом.

- Турланг, о котором мне рассказывала моя мама, никогда не отвернулся бы от друга леса.

- Этого не сделал бы и тот, что стоит перед тобой, - ответил дуб, – если бы был уверен, что вы друзья леса.

- В таком случае ты не прогонишь нас, - когда Галаэрон простёр руки над своими спутниками, он увидел только Мелегонта, Валу и Ариса, всё ещё наблюдающего за

кромкой леса. Ни Нассера, ни его кобылы нигде не было видно, скорее всего, коротышка решил воспользоваться советом волшебника и удалиться.

- Клянусь своей жизнью, никто из присутствующих здесь не причинит вреда Высокому лесу и не позволит никакому злу проникнуть сюда из-за его действий или бездействия.

Турланг долго смотрел на него, затем сказал:

- Твоя жизнь для меня ничего не значит. Я понял, что ты из Эверески по твоей одежде и речи, но не доверяю я тьме, скрытой в тебе.

- Приближается много глазастых демонов, - крикнул Арис издалека.

- Сколько? – отозвалась Вала, в любое время готовая возглавить сражение.

- Слишком далеко, чтобы сказать точно, - ответил великан. – Они выглядят пока крохотными точками, но с ними что-то похожее на песчаного демона.

Галаэрон обменялся с девушкой встревоженными взглядами, а Мелегонт потерял последнее терпение.

- Времени совсем не осталось, дерево, - прорычал волшебник. – Есть вещи поважнее твоего леса, поэтому мы пройдем...

- Наши действия не будут противоречить воле Турланга, - перебил Нихмеду. Даже если бы Мелегонт был достаточно могуществен, чтобы сразить трента и его многочисленных союзников – а, по мнению Галаэрона, битва могла вот-вот разразиться, хотя волшебник и не признавал этого, – эльфу сама мысль бросить вызов властелину леса на его территории казалась безнравственной и ужасной, сравнимой с предательством. Нихмеду повернулся к тренту:

- Если великий Турланг не доверяет моему слову, я уверен, что он поверит обещанию моей матери.

- Ты готов предложить жизнь матери вместо своей? – в голосе могучего дуба звучало осуждение. – Кто же эта удачливая эльфийка?

- Моргвэйс Ночной Луг, - погасив волну гнева, ответил Галаэрон.

- Моргвэйс? - наросты из коры над глазами властелина леса поползли вверх.

- Народу Высокого Леса она известна как Моргвэйс Алая, - кивнул Нихмеду.

Вала и Мелегонт обменялись удивлёнными взглядами. Трент надолго задумался над предложением эльфа; в это время Арис продолжал описывать, что он видит.

- Они крошечные шарики... их шесть, и что-то похожее на воронку с хвостом. Тот, что скрывался за холмом, летит им навстречу...

Наконец Турланг заговорил.

- Если вы солгали мне, вы заплатите за это жизнями, - он обвёл компанию взглядом и добавил:

- Все вы.

- Согласен, - ответил Галаэрон.

Вала и Мелегонт поторопились кивнуть, выражая согласие, а Арис сказал:

- Моя жизнь принадлежит эльфу.

- В таком случае мы договорились, - трент опустил обе ветви. – Отдайте мне своё оружие и пообещайте не прибегать к помощи тёмной магии, пока не войдете в Жуткий лес.

Нихмеду отстегнул ножны и опустил их на ложе из спутанных веток:

- Как пожелаешь.

Вала сняла пояс и обмотала его вокруг эфеса меча, чтобы чёрный клинок не выскользнул случайно, затем положила его рядом с оружием эльфа. Мелегонт достал кинжал в ножнах, но не сразу опустил его на ветки.

- Я с легкостью готов расстаться с кинжалом, - пояснил волшебник, - но мне может потребоваться магия, чтобы сбить с толку наших врагов.

- Они будут озадачены, - промолвил Турланг. - Я позабочусь об этом.

- Они не обычные существа, - предупредил Мелегонт. - Фаэриммов не обмануть обычным волшебством, а бехолдеры могут развеять магию одним взглядом.

- Я не буду использовать магию, чтобы направить их по ложному следу, - в голосе трента зазвучало необычное для него раздражение. - Так ты даёшь слово или нет?

Мелегонт с нерешительностью посмотрел на Галаэрона.

- Пора принять решение, - сказал эльф. - Жизнь моей матери зависит от того, выдержишь ты слово или нарушишь его.

Издалека раздался голос Ариса:

- Они разделяются и становятся невидимыми - трусы!

Мелегонт всё ещё смотрел на Галаэрона.

- Ты уверен?

- Это единственный возможный путь, - ответил Нихмеду.

- Что ж, я обещаю, - пожал плечами волшебник.

Турланг внимательно смотрел на Мелегонта около минуты, прежде чем перевести взгляд на Ариса:

- Ты готов, великан?

Ещё мгновение гигант вглядывался вдаль, его губы изогнулись в гневном оскале. Когда он наконец-то кивнул и отступил под деревья, глаза великана были холодными, словно лёд.

- Выдвигаемся.

Турланг протянул ветвь к дубинке великана:

- Твоё оружие.

Арис отдал его. Трент подержал кусок дерева на вытянутой ветви, внимательно изучая его какое-то время, затем, словно осознал, что предмет был когда-то частью целого ствола. На лице властелина леса появилось странное выражение печали и отвращения, после чего могучий дуб швырнул дубину в снег. Дровесина сразу же потемнела, стала мягкой и рассыпалась в труху, смешавшись со слоем перегноя на земле.

- Вот теперь мы можем идти.

Турланг направился в чащу леса, его гигантское тело скользило между деревьев так же изящно, как любой эльф. Галаэрон сделал знак остальным следовать за ним, а сам зашагал последним рядом с Валой.

Она наклонилась к нему:

- Ты видел, куда делся Малик?

- Ни следа копыта, - ответил Нихмеду. Он оглянулся и был ничуть не удивлён увидеть, что дюжины деревьев образовали густую рощу, в то время как примерно столько же друидов скользили из стороны в сторону, пряча следы путешественников и создавая ложную тропу в противоположном направлении.

- Но я очень надеюсь, что он не пошёл на юг.

ГЛАВА 13

28 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Разведчик и его гиппогриф спускались кругами из объятий серого неба, призрачный всадник на призрачном звере, едва различимые на фоне стальных туч даже с помощью сильнейших заклинаний обнаружения. Хелбен взглянул на Лаэрма Рийенса, своего соратника и сокомандующего Стремительной Кавалерии, и заметил, что серебряные глаза эльфа прикованы к дороге впереди. Они мчались навстречу армии фаэриммов так быстро, насколько могли скакать их зачарованные кони, а этот глупец до сих пор не потрудился бросить заклинание магического обнаружения. Подобная небрежность характеризовала экспедиционный корпус Эвермита не с лучшей стороны.

Разведчик пронёсся вдоль колонны, и гиппогриф забил крыльями по воздуху, замедляя полёт. Лорд Рийенс подскочил, свободной рукой быстро потянулся к поясу из волшебных палочек и изогнул шею, глядя не в ту сторону.

- Нет повода для паники, - крикнул Хелбен, его голос слился с ритмом скакуна. Волшебник обмотал поводья вокруг луки седла, после чего воспроизвёл заклинание, чтобы заглушить грохот копыт четырёх сотен лошадей за спиной.

- Это мой разведчик.

Пальцы Рийенса наконец замелькали, создавая чары обнаружения.

- Так... я... вижу, - как и большинству эльфов, ему, казалось, было не по себе верхом на огромных скакунах, которых лорд Пиргейрон выбрал для их похода. - Я не слепой.

Проигнорировав вспыльчивую реплику, Хелбен повернулся к разведчику:

- Докладывай.

Всадник, человек с вытянутым лицом и двухдневной щетиной, ответил:

- Приблизительно через две мили Извилистая река поворачивает в пределах дальности полёта стрелы от Большой Трясины. Раньше, чем через тысячу шагов, Змеиный Хвост ответвляется на север и блокирует ваш путь.

- Хорошее место для засады?

- Лучшее. Вы бы оказались в ловушке возле Извилистой реки, не имея возможности продвигаться вперёд из-за Змеиного Хвоста.

Хелбен взглянул на крутой склон, расположенный к северу от их фланга. Несмотря на то, что обрывистый подъём, ведущий к Большой Трясине, был всего лишь сотню футов в длину, его поверхность была сырой и скользкой: тяжело карабкаться даже при самых благоприятных условиях, невозможно – со стрелами и энергетическими зарядами, летящими сверху. Напротив Трясины протекала Извилистая река, не меньше двух сотен шагов в ширину, между берегами из прочного льда шумел центральный поток.

- Нужно переправляться, - кивнул Хелбен в направлении реки. – Я могу соединить берега с помощью сжимающего пространство портала, но всадникам придётся проходить по очереди. Возможно, получится быстрее, если Селу’таар создаст достаточно широкий мост.

Рийенс попытался выглядеть удивлённым:

- Что заставляет вас полагать, что среди нас есть высшие маги?

- Вы испытываете моё терпение, лорд Рийенс, - мрачно заметил лорд Чёрный Посох. Если бы Лаэраль была здесь, она могла бы им гордиться за то, что Хелбен не назвал эльфа лжецом.

- Сейчас не самое подходящее время, чтобы настаивать на сохранении маленьких секретов.

Ответ пришёл от советника Рийенса, почтенного солнечного эльфа по имени Бладуид:

- Заклинание создания моста несложное. Хватило бы получаса.

- Слишком долго, - проворчал Рийенс, раздражённый тем, что Бладуид выдал себя. Командующий эльф указал подбородком в сторону стены укутанных снегом деревьев, возвышающихся на южном берегу.

- К тому же нам пришлось бы переправляться обратно или сотни миль продираться через лес Змеев.

- Лучше потерять час или два раза переправиться через реку, чем половину компании в сражении, попав в западню.

Рийенс закатил глаза и повернулся к разведчику Хелбена:

- Ты видел, что кто-то наверху в Трясине сидит в засаде?

Всадник с неохотой мотнул головой.

- Он и не увидел бы, - вмешался Хелбен, - если фаэриммы используют свою магию.

- Я готов рискнуть.

- А я нет, - ответил лорд Чёрный Посох. – Должно уцелеть достаточно воинов, чтобы удерживать позиции после того, как мы откроем врата с нашей стороны. Если фаэриммы уничтожат их, армии потребуется месяц, чтобы достичь Эверески.

- Неудивительно слышать подобного рода речи от человека, - сказал Рийенс. – Фаэриммы не угрожают одному из ваших городов.

- Хотя это и не человеческий город находится под ударом, реки человеческой крови прольются, защищая его, - Хелбен изо всех сил старался скрыть глубину своего презрения к эльфу. Он достаточно часто становился свидетелем честолубия высокородных, чтобы понять, что лорд пытается сделать себе имя, а такие глупцы редко обладают хорошим вкусом погибать в одиночку.

- Было бы хорошо не тратить её понапрасну.

- Ни один эльф не просил вас о чём-либо, - заметил Бладуид, подстёгивая свою лошадь рядом с Рийенсом. – Насколько нам известно, это дело эльфов.

Несмотря на то, что Хелбен знал о презрении, с которым большинство солнечных эльфов относилось к людям, ему самому было непривычно это ощущать. Выпрямившись в полный рост, лорд Чёрный Посох устремил взгляд мимо Рийенса на высшего мага.

- Возможно, вы забыли, кто я. Мой отец был Арун Мэрдрим, благородный потомок Дома Мэрдрим Миф Драннора. – Чего Хелбен не стал добавлять (хотя это и так было заметно по его совершенно человеческой внешности), что Арун был полуэльфом, и, являясь первым потомком смешанной расы, был признан благородным Домом. – И я лично являюсь человеком, эльфом, как угодно, который на самом деле помнит жизнь в Миф Дранноре.

- В таком случае вы должны знать, что случается, когда эльфийская и человеческая расы соединяются, - ответил высший маг. – Как давно пал Миф Драннор?

- Не так давно, как Аривандар, - бросил в ответ Хелбен. – И вы вряд ли можете винить людей за это.

Насмешка спровоцировала сердитый рык у Рийенса и мрачный взгляд у Бладуида – ни один эльф (особенно солнечный эльф) не любил напоминание о том, как Войны Короны положили конец золотому веку эльфийской цивилизации.

Хелбен смягчил тон:

- К счастью, дух Миф Драннора до сих пор живёт в некоторых, даже в Эвереске. Лично мне всегда оказывали тёплый приём в Долине.

- Да. Возможно, если бы больше людей рисковали жизнями, помогая эльфам, вместо того, чтобы разворовывать их гробницы, им бы были рады так же, как и вам, - высший маг имел в виду события почти тысячетней давности, когда лорд Чёрный Посох чуть не погиб, спасая троих жителей Эверески из ловушки фаэриммов. Когда благодарные эльфы взяли его домой, чтобы излечить от полученных ран, Хелбен стал первым человеком, увидевшим Эвереску.

- Простите мне мою дерзость, - сказал разведчик Хелбена, всё ещё летя над его плечом, - мы стараемся помочь сейчас.

- Как это благородно с вашей стороны, - ответил Бладуид. – И ваше великодушие никак не связано с тем, что произойдёт с землями людей, если фаэриммы преуспеют?

- Глубоководье далеко от Эверески, маг, - разведчик оглянулся к Хелбену и указал на дорогу. – Вот она, излучина, милорд. Если вы собираетесь переправляться, лучше сделать это как можно скорее.

Лорд Чёрный Посох посмотрел на Рийенса:

- Что вы скажете? Уступите мне хотя бы раз?

Эльфийский лорд обдумывал ответ лишь мгновение:

- Нет нужды. Мы всего в двух сотнях миль от Эверески. Фаэриммы не могли устроить нам засаду здесь.

- Тогда я желаю вам всего хорошего, - проронил Хелбен, выводя свою лошадь из колонны.

Глаза Рийенса расширились:

- Что вы...

Это все, что Хелбен услышал до того, как эльфийского лорда унесло из зоны слышимости. Архимаг поднял руку, призывая всадников Глубоководья к себе, затем смотрел с тяжёлым сердцем на проносящихся мимо эльфов, которые оглядывались на них. Лорд Чёрный Посох чувствовал бы себя лучше, если выражение на их лицах было бы менее негодующим и более ошеломлённым.

Разведчик приземлился возле своего командира, по-прежнему крепко натягивая поводья гиппогрифа, чтобы тот не попытался перекусить собравшимися скакунами.

- Мудрое решение, милорд, - в уплотняющемся облаке пара от дыхания лошадей невидимая фигура разведчика была едва различима даже для Хелбена. – Этот эльф слишком страстно жаждет найти свою смерть.

- Будем надеяться, он найдет её позже, чем раньше. Рийенс может быть глупцом, а Бладуид презирать все остальные расы, но их воины смелы и отважны, иначе они не отправились бы в такой дальний путь, чтобы сражаться в чужой битве, - Хелбен отвернулся от эльфов и сфокусировал внимание на разведчике. – Шандар, не так ли?

- Прекрасная память, лорд Чёрный Посох.

- Вас всего дюжина, - ответил Хелбен, отмахнувшись от комплемента рукой. – Скажи, как выглядела Трясина, когда ты пролетал над ней. Может лошадь пересечь её?

- Поверхность кажется достаточно промёрзшей, но местность сильно пересечённая. Боюсь, мы покалечим там много животных, как бы не старались этого избежать.

Последние из эльфийских всадников проскакали мимо, оставляя архимага одного в компании добровольцев – едва ли сотни воинов и в четыре раза уступающих числом боевых магов. Люди нервно переглядывались, молча ожидая, пока командир объяснит, почему они отделились от Стремительной Кавалерии. Хелбен не обращал на них внимания, уверенный, что отряд очень скоро узнает причину, однако надеялся, что этого не случится.

Шантар становился нетерпеливым:

- Лорд Чёрный Посох? Река?

Хелбен посмотрел через Извилистую реку на голые деревья, понимая, как сложно будет переправляться обратно, если эльфы всё-таки попадут в засаду.

- Мы не можем рисковать с рекой, - архимаг спешился, передал поводья ближайшему всаднику, достал посох из кобуры и начал взбираться по склону. – Нам ещё пригодятся эти эльфы.

Первым признаком деревни стал сладковатый зловонный дым тлеющего огнецвета, смрад, который приводил Галаэрона в лагерь не одного безвольного расхищающего гробницы волшебника, не способного воздержаться от своей привычки хотя бы несколько ночей. Этот дым был особенно отталкивающим, и эльф внезапно отчётливо представил свою мать и её друзей, сидящих на корточках в

снегу возле хижины на случай непогоды, в их руках белые пенковые чаши, а головы окутаны клубами коричневого тумана. Лесные эльфы были самыми непредсказуемыми из Тэл'Квессир, всегда готовые открывать новые источники наслаждения или вносить разнообразие в празднование лёгким оттенком невоздержанности, поэтому Нихмеду мог легко вообразить, что они стали рабами курительной трубки, последовав примеру какого-нибудь человеческого волшебника, пускающего кольца дыма через пожелтевшую бороду.

Когда Турланг провёл путников глубже в деревню, они слышали мужской голос, исполняющий непристойную песню о любви на одну ночь. Взрыв хохота венчал каждый куплет, и очень скоро Галаэрон различил голос собственной матери в общей какофонии. Как обычно в нём всколыхнулась юношеская тоска, которая, казалось, давно прошла, только теперь к ней прибавились другие чувства, глубже и злее, о чём эльфу ни в коем случае нельзя было думать, если он не хотел подпустить к себе тень.

Как большинство поселений *СиТэл'Квессир*, зимняя деревня Рэйтейллаэтор походила скорее на лагерь, чем на город. На земле стояли грубые хижины из брёвен и грязи, сооружённые только для того, чтобы вводить в заблуждение чужаков, тогда как настоящие дома Дикого Народа располагались высоко среди крон деревьев.

Скромные и по размеру, и по конструкции, гнездовья представляли собой вощёные кожаные палатки, покрывающие платформу из отмерших веток. Стены часто украшались зимними пейзажами, выполненными искусной гризайлью, обычно для того, чтобы лучше замаскировать жилище. Чтобы обитателям не приходилось каждый раз спускаться на землю, когда им нужно было куда-нибудь пойти, всё селение опутывала сеть из подвесных мостиков и канатов – всё было хитро спрятано под видом пересекающихся ветвей и вьющихся растений. Учитывая сумерки и свежевыпавший, как сейчас, снег на земле, беспечный путник мог бы спокойно пройти через весь Рэйтейллаэтор и даже не заметить настоящее поселение.

Но спутники Галаэрона не были беспечны. Вала и Мелегонт делали вид, что не замечают глаза, неотрывно следящие за ними сверху из караульных углублений, однако тщательность, с которой они обходили простреливаемые участки, предполагала, что пара точно знала, где Рэйтейллаэтор расставил лучников. Арис был не столь искусен. Каменный великан просто шагал от дерева к дереву, разглядывая гризайль и бормоча себе под нос слова восхищения особенно удачными работами. Если он и заметил испуганных эльфийских матерей, собравших детей с широко распахнутыми от удивления глазами у дальнего края подвесных платформ, виду не показал.

Наконец они дошли до центра деревни. Турланг отошёл в сторону, указав единственное капитальное строение Рэйтейллаэтора – белый мраморный длинный дом. Арис немедленно опустился на четвереньки, чтобы лучше рассмотреть скульптурные бордюры, опоясывающие здание.

В пятидесяти шагах от длинного дома сотня лесных эльфов сидела на покрытых снегом брёвнах, распивая забористую медовуху и слушая ту самую похабную песню, которая донеслась раньше до слуха путешественников. Куплеты распевались горловым голосом человека, сидящего на Почётном Кресле – валуне с плоским

верхом, расположенном на излучине реки Жизни. Лицо певца было тонким и обветренным, с пляшущими глазами и волнистой бородой, пожелтевшей вокруг рта. В одной руке он держал длинную трубку, которая одна заполнила всю поляну бирюзовым дымом, а другой рукой ухватил за ягодицу смеющуюся эльфийку, сидящую у него на коленях.

Янтарные глаза, волосы до талии насыщенного золотого цвета, как мёд, и тёмно-медное, почти алое лицо – Хозяйка Леса выглядела как всегда невероятно прекрасной, и Нихмеду потребовалось мгновение, чтобы осознать, что это действительно его мать на коленях человека. Хотя Моргвэйс выказала больше презрения людям, чем большинство лесных эльфов (а отвращение лесных эльфов к людям было легендарным), не было похоже, что ей противен этот мужчина. Хозяйка обнимала чужака за шею и прижималась грудью к его щеке, а если её и беспокоила морщинистая рука, расположившаяся пониже спины, она хорошо это скрывала.

Турланг подождал, пока человек допoeт до конца, затем зашумел ветвями:

- Прошу прощение за вторжение, друзья деревьев.

Услышав звук голоса трента, мать Галаэрона широко улыбнулась и повернулась посмотреть, радость в её глазах выразила, с каким уважением все эльфы относились к хозяину леса.

- Турланг?

- Нам нужно поговорить, леди Моргвэйс.

- Разумеется, - отозвалась красавица. Спрыгнув с колен человека, она распростёрла руки и пошла навстречу гостю:

- Добро пожаловать.

- Всегда рад, - трент склонил густую крону.

- Что привело тебя в Рэйтейллаэтор, друг мой? – Ступая невесомо мимо остальных эльфов, она наконец заметила Ариса, стоящего на коленях возле мраморного строения. – И кто твой высокий друг?

- Арис - не друг и не враг мне... пока, - Турланг направил ветвь в сторону Нихмеду. – Великан - спутник того, кто утверждает, что он твой сын.

- Галаэрон? – Моргвэйс перевела взгляд туда, где под тенистым навесом из сучьев трента стоял молодой воин, и направилась мимо хозяина леса, чтобы обнять сына. – Я не почувствовала, что ты вошёл в лес!

- Нет? – замечание матери заставило эльфа ощутить странное возмущение, будто она обвинила его в намеренном тайном проникновении. Нихмеду бросил взгляд, полный горечи, в сторону седобородого человека, шагающего за леди, как олень за своей самкой.

- Возможно, тебя отвлeк твой друг-человек.

Моргвэйс отошла на расстояние вытянутой руки и строго вскинула бровь:

- Это Аобрик послал тебя присмотреть за моей добродетелью? Я уверена, что у твоего отца есть поводы для беспокойства и поважнее.

Это заставило лесных эльфов, самой природе которых ревность была противна, захихикать. Галаэрон почувствовал жар, поднимающийся к щекам, и начал злиться на свою мать за унижение, но потом понял, что сам выставил себя на посмеище. Для СиТэл'Квессир флирт являлся неотъемлемой частью хорошей жизни, как пряная пища и обильные возлияния, и даже его отец не был бы расстроен, увидев Моргвэйс

на чьих-либо ещё коленях. Причиной негодования воина стало не поведение матери, а что-то гораздо глубже и темнее внутри него.

- Я прошу прощения, - сказал Галаэрон. – Сомневаюсь, что отец вообще в курсе моего присутствия здесь. Я просто был невероятно удивлён, обнаружив тебя в компании с человеком, и не знал, что думать.

Улыбка, возвратившаяся на губы Моргвэйс, сохранила лишь толику сомнения. Она взяла сына за руку и жестом позвала седобородого мужчину ближе:

- Эльминстер – не обычный человек.

- Эльминстер? – Мелегонт выдохнул с удивлением. – Из Долины Теней?

- Он самый, - искорки в глазах старика превратились в пламя, когда он встал рядом с Моргвэйс. – А ты, должно быть, Мелегонт Тантул.

Глаза кроющего тени сузились, их выражение за мгновение перешло от озадаченности к чему-то между трепетом и ужасом. – Я – это он... Но вы уже и сами знаете.

Эльминстер затянулся трубкой:

- Твои *подвиги* не остались незамеченными, парень. Идут разговоры обо всём, что ты сделал для Эверески.

- Поэтому вы здесь? – Нихмеду одинаково ошеломило то, что кто-то может звать Мелегонта «парень», и что сам Эльминстер обратил внимание на несчастье его родины. – Чтобы помочь нам?

Старик продолжал буравить взглядом Тантула:

- Зависит от того, что вам надо в Карсе.

Мелегонт удивлённо изогнул брови:

- Что заставляет вас полагать?.. - Казалось, он внезапно узнал ответ на свой вопрос, после чего продолжил:

- Каменные великаны, ну, разумеется, и лорд Имесфор считает меня нетерезом.

- И я не уверен, что он ошибается,

- Думайте, что хотите, но если вы поговорите с каменными великанами, то поймёте, что фаэриммы из всех сил стремятся остановить нас. Одно это должно убедить вас, что мы преследуем ту же цель, что и вы.

Тон Эльминстера стал резче:

- Я был бы более убежден, если бы не иллитид в мозгу лорда Имесфора, прибывшего к Хелбену. Эльфийский лорд утверждает, что ты натравил на него целый отряд.

- Значит, он в порядке, - хотя ответ Мелегонта был скорее утверждением, его храбрости не хватило на то, чтобы не съёжиться перед лицом гнева Эльминстера. – Иногда добро и зло тяжело отличить. Имесфор должен был страдать, чтобы Эвереска могла спастись.

- Неужели? – интонация старика подсказывала, что он другого мнения. – А мне кажется, что если бы он добрался без дыр в черепе, Хелбен отправился бы в путь гораздо раньше.

- Хелбен идёт в Эвереску? – спросил Галаэрон. – Хелбен Арансан?

- Ну, разумеется, парень. Думаешь, он позволил бы фаэриммам захватить её? – волшебник указал трубкой на юг. – Пока мы тут стоим и болтаем, он ведёт отряд через западные равнины, чтобы открыть межпространственные врата.

- Что за отряд? – в голосе Тантула прозвучала тревога и грусть. – Вы послали только лишь живых.

В глаза Эльминстера отразилось недоумение:

- Не стоит недооценивать Хелбена Арансана.

- Ни в коем случае, но он не более опасен для фаэриммов, чем жители Эверески, - Мелегонт показал на Галаэрона. – Молодой Нихмеду расскажет тебе, что стало с ними.

Эльф встретился взглядом с волшебником из Долины Теней:

- Стража гробниц, пограничная стража, магическая стража...

- Да, да, а также половина высших магов, - Эльминстер прервал перечисление Галаэрона взмахом трубки. – Имесфор обо всем нам рассказал, но Хелбен, без сомнения, обладает, эм... ресурсами, недоступными даже вашим высшим магам.

Нихмеду не стал просить старого волшебника объяснить подробнее. Во всяком случае, в Эвереске было известно, что подобно самому Эльминстеру, Хелбен являлся «избранным» Мистры. Никто точно не знал, что означает быть Избранным, однако считалось, что эти волшебники наделены некоторой божественной магической силой. Если верить слухам, они были чуть ли не бессмертными и могли призывать силы, способные творить невероятно мощное волшебство. Конечно, было хорошо, что Избранный встал на сторону Эверески, но Галаэрону казалось, что этого недостаточно.

- Великий волшебник, вам стоило бы прислушаться к Мелегонту, - сказал эльф. – Если ещё не поздно связаться с лордом Хел...

- В мире мало кто сравнится по упрямству с Хелбеном Арансаном, - Эльминстер приподнял бровь и вопросительно посмотрел на воина. – Но, возможно, я мог бы отозвать его, если бы у меня были веские основания.

- Я могу только сказать, что без Мелегонта Тантула лорд Имесфор сейчас вынашивал бы яйцо фаэримма, - ответил Галаэрон. – Мелегонт, кажется, единственный, кто может оказать достойное сопротивление нашим врагам.

Эльминстер покачал головой:

- Боюсь, Хелбен – гордый человек. Может быть, если бы вы сказали мне, что ищите в Карсе.

- Кое-что, что поможет победить фаэриммов, - Нихмеду бросил взгляд на кроющего тени в ожидании подробностей, но тот сделал вид, что ничего не заметил, и продолжал смотреть на Эльминстера. – Это всё, что он мне рассказал.

- Ты очень доверчив, парень, - заметил старый волшебник. – Это говорит в пользу твоей собственной честности, если и не пытливого ума.

- Фаэриммы всё время шли за нами по пятам, - пояснил Мелегонт, - Я подумал, что будет лучше держать план при себе на случай, если всё обернется наихудшим образом.

- Мудрая предосторожность, - Эльминстер шагнул ближе к Тантулу и подставил ухо. – Но ты можешь довериться мне.

Кроящий тени отступил, и Вала встала между своим хозяином и дознавателем. Волшебник из Долины Теней мог и не заметить лёгкое напряжение, охватившее тело девушки, однако оно не укрылось от внимания Галаэрона.

- Дела здесь я могу уладить сам, - произнёс Мелегонт. – Если вы действительно хотите помочь, присоединитесь к Хелбену на юге. Вторая рука, мечущая серебряный огонь Мистры, значительно увеличила бы шансы на спасение его людей.

Это вызвало кривую усмешку у Эльминстера:

- Ты знаешь обо мне гораздо больше, чем я о тебе, и, как я вижу, хочешь всё так и оставить.

- Твои деяния создали тебе великое имя, - ответил Тантул. – Я вёл более спокойный образ жизни, но Галаэрон может подтвердить, что мои намерения добрые.

Голос старца стал твёрдым:

- В таких делах я составляю своё собственное мнение.

- Это ваше право, - проронил Мелегонт. – Так же как и моё.

Эльминстер подождал пояснения, затем вздохнул и покачал головой:

- Эх, хорошо, я надеялся решить это проще.

Он запустил руку в карман. Вала немедленно пришла в движение, одной рукой нанося удар по горлу, а другой - перехватывая его руку.

На расстоянии волоска от кожи старика синее сияние сверкнуло под её ладонью. Вала вскрикнула в шоке и отдернула руку, увидела дымящиеся кончики пальцев и погрузила их в снег. Эльминстер озадаченно посмотрел на неё, после чего достал щепотку огнецвета из кармана и забил трубку.

- О чём ты думала, девчонка? Что я собираюсь выведать его секреты с помощью чар? – старец щёлкнул пальцами и поднёс небольшой огонёк к чашке трубки. – Есть способы и получше.

Волшебник затянулся огнецветом и сквозь ужасно зловонный дым сердито уставился на Мелегонта. Пристальный взгляд, которым ответил Тантул, был слишком нервным, чтобы так называться, но глаз он всё-таки не отвёл. Галаэрон и остальные следили в напряжённой тишине, подстрахованные присутствием Турланга (и его могучих ветвей, занесённых над головами визави), что до магической дуэли дело не дойдёт, и всё же настолько взволнованные, что боялись вздохнуть, из страха спровоцировать битву. Даже Арис оторвался от созерцания дома и навис над местом противостояния.

Галаэрон никак не мог понять, что всё это значит. Эльминстер являлся, по всеобщему признанию, верным другом эльфов и волевым человеком, и всё же, казалось, слишком многого требовал от Мелегонта. С одной стороны, Тантул использовал лорда Имесфора, чтобы отвлечь иллитидов - действие,ставляющее волшебника в невыгодном свете для всех, кто не понимал важность их побега. Даже сознавая, что Имесфор выжил, эта мысль до сих пор заставляла Нихмеду содрогнуться от сознания вины. Как мог Эльминстер, который никогда не видел, как кроющийся тени рисковал жизнью ради других, реагировать на скрытную натуру мага иначе, нежели с подозрением?

Эльф встал между магами:

- Мне больно видеть, что вы так дурно начали знакомство.

Он повернулся сначала к Эльминстеру:

- Учитывая случившееся с лордом Имесфором, ваши подозрения вполне обоснованы, но Мелегонт не сделал ничего плохого. Он имел право распоряжаться его жизнью, как пожелает.

Глаза волшебника были не единственными человеческими глазами, которые расширились, но старец почти так же быстро, как и леди Моргвэйс, понял, что имеет в виду Галаэрон.

- Правило спасения? – сказал Эльминстер. – Я пять сотен лет не слышал, чтобы его применяли!

- Каким бы ты ни был красавцем, ты не эльф, - заметила Моргвэйс, после чего приблизилась к нему и многозначительно потянула за бороду. – Если Мелегонт спас жизнь Имесфора...

- А он это сделал, - Нихмеду сознательно опустил свою роль в спасении. – Я видел своими глазами.

- Вот видишь? Мелегонт не сделал ничего плохого! – эльфийка одарила Эльминстера ослепительной улыбкой, взяла за руку и повела к берегу реки. – Давай вернёмся к празднику и зальём это недоразумение диким мёдом.

Старец наградил Тантула хмурым взглядом, который сказал, что они ещё далеко не всё выяснили, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы отказать подобному приглашению Хозяйки Леса. Волшебник позволил передать себя в руки молодой эльфийки, которая повела его обратно к Почётному Креслу. Моргвэйс же вернулась к тренту.

- Благодарю тебя за то, что привёл моего сына в Рэйтейллаэтор, Турланг. Присоединяйся к нам.

Турланг покачал густой кроной:

- Не могу. Магические жуки следуют за твоим сыном и другими в лес, я должен вернуться, чтобы наблюдать.

Он направил ветвь в сторону Галаэрона:

- Хотел убедиться, что он тот, за кого себя выдаёт. Я не доверяю тьме внутри него, хотелось бы знать, проследишь ли ты за поведением эльфа и его друзей.

Лицо Моргвэйс омрачилось:

- Тьма, ты сказал?

Она взяла воина за руку и посмотрела ему через плечо. Её взгляд потерял сфокусированность, как во время Дремления, и морщинка пролегла на её безупречном челе. Эльфийка оставалась в этом состоянии несколько мгновений, затем открыла глаза и кивнула.

- Это правда. Ты кажешься потерянным для меня, дитя. Как будто... - Моргвэйс посмотрела в сторону, казалось, сбита с толку, помедлила, но всё же заставила себя посмотреть обратно. – Ощущение такое, как будто ты спишь.

Слова поразили Галаэрона подобно удару, и он осознал, что сам не чувствует других эльфов. Отсутствие связи казалось нормальным во время путешествия в компании людей (особенно учитывая его проблемы с погружением в Дремление), но Нихмеду должен был почувствовать Народ, входя глубже в Высокий лес. Вместо этого не появилось ничего: ни чувства, что тебе рады, ни тепла, ни ощущения безопасности. Он не чувствовал ничего, ничего кроме злости и ревности, когда увидел свою мать на коленях Эльминстера.

Галаэрон заставил себя посмотреть в глаза Моргвэйс:

- Мне пришлось через многое пройти, и может быть, я сам себе доверять не могу.

Он указал на Мелегонта и Валу и добавил:

- Но я уверен, что могу доверять этим людям.

Эльфийка несколько мгновений пристально смотрела на людей, её взгляд задержался на девушке дольше, чем на волшебнике, затем её губы тронула меланхоличная улыбка, и она подошла к Вале.

- Вала, - представилась воительница, предлагая руку для пожатия. – Вала Торсдоттер.

Незнакомая с человеческими обычаями, Моргвэйс в замешательстве посмотрела на протянутую ладонь:

- Ты присмотришь за Галаэроном?

Вала бросила короткий взгляд на Мелегонта и серьёзно кивнула:

- Я уже дала это обещание.

Эльфийка пожала плечами и повернулась к Турлангу:

- Я – мать Галаэрона.

Она посмотрела на девушку, её улыбка стала шире, и сказала:

- Конечно, я прослежу за их поведением!

Моргвэйс взяла Валу за руку и вложила её в ладонь своего сына, и в этот момент стройная СиТэл'Квессир в коричневом плаще стражи гробниц протиснулась сквозь толпу. На её прекрасно очерченных губах играла привычная улыбка, а карие глаза, подобные лани, Галаэрон узнал бы даже сквозь замочную скважину. Как только она поравнялась с матерью Нихмеду, взгляд эльфийки упал на сплетённые руки Валу и воина.

- Т-Такари! – ахнул Галаэрон.

Такари подняла глаза, свет в которых уже угасал. После ранения её щёки были впалыми, а цвет лица болезненным; плащ спускался с её исхудавших плеч более свободно.

- Мне не стоило бы удивляться, - произнесла хранительница гробниц, оглядывая Валу с ног до головы. Такари наигранно вздохнула, затем шагнула мимо женщины и притянула Галаэрона к губам:

- Ей придётся поделиться!

ГЛАВА 14

Едва Хелбен успел добраться до вершины склона, первый раскат грома битвы прокатился над замёрзшими кочками. Менее чем в миле от них выстроившиеся в ряд фигуры становились видимыми по краю болота; их заклинания невидимости постепенно теряли силу, когда они метали камни и магические заряды вниз на эльфов лорда Рийенса. Архимаг соединил большой и указательный пальцы в круг над глазом и произнёс заклинание. Фигуры оказались двумя сотнями багбиров, примерно двадцатью бехолдерами и дюжиной пожирателей разума. Пара фазриммов парили недалеко от центра.

- Как вы и предсказывали, милорд, - сказал Шантар, приземляя невидимого гиппогрифа рядом с Хелбеном. – Мы нападём из засады на тех, кто сам устроил ловушку, и покончим с ними.

- Наши враги не поддадутся так легко, - заметила Нанеата Суарил, взбираясь на гору следом за лордом Чёрным Посохом. Белокурая красавица Нанеата, по чьей жемчужной улыбке и сияющим глазам нельзя было догадаться о её пятидесяти зимах, была жрицей Высшего Лунного Света из Дома Луны в Глубоководье и негласным предводителем небольшой группы жрецов, сопровождающих Хелбена.

- Они – создания тьмы, полные коварства и хитрости.

Хелбен кивнул и бросил взгляд через плечо. Оставшиеся воины взбирались по склону с палочками и луками наготове. Он приказал капитану Мечей сформировать боевую шеренгу, а мастерам волшебных палочек распределить боевых магов за ней, затем повернулся к Нанеате и Шантару.

- Остальные разведчики вернутся на звук битвы?

Шантар кивнул:

- Они появятся в любую минуту.

- Выдержат гиппогрифы несколько всадников? – спросил Хелбен.

- Если только недолго, - в глазах Шантара показалось любопытство. – Но ведение ближнего боя с их спин невозможно.

- От заклинаний будет больше пользы, - заверил лорд Чёрный Посох. – Собери своих за шеренгами и посади жрецов Нанеаты. Они должны кружить высоко, полмили за нами. Это не позволит даже фазриммам заметить вас сквозь вашу невидимость.

Нанеата нахмурилась:

- Место жрецов в бою.

- Там они и будут, - Хелбен указал посохом на скудно поросший соснами пригорок, затем на скопление покрытых мхом валунов. – Поищите там их аррьергард. Вы и разведчики должны ударить по ним с тыла, причём сильно.

Нанеата продолжала хмуриться:

- Что если там нет аррьергарда?

- Наверняка есть, - Хелбен повернулся к всаднику на гиппогрифе. – Поддай сигнал и жди, пока леди Суарил присоединится к тебе.

- Как прикажете.

Шантар слегка ударил большим пальцем по кольцу разведчика, чтобы активировать передающее заклинание, а Хелбен, повернувшись, увидел, что его

небольшой отряд готов. Архимаг отложил посох в сторону и вместе с Нанеатой начал накладывать защитные чары на войско. На заклинания ушло несколько минут, Хелбен Арансан даже и не думал выдвигаться, пока они не закончат. Послать людей против фаэриммов без магических щитов было бы убийством.

Как только последнее заклинание было завершено, Хелбен отправил Нанеату с Шантаром, поднял посох и побежал вперёд. Воины последовали в тишине – все естественные шумы были заглушены боевой магией. Несмотря на замёрзшую неровную почву и ветер, бьющий им в лица, они стремительно продвигались вперёд, подстегиваемые близостью битвы и молитвами Нанеаты, прочитанными над ними.

Даже лорд Чёрный Посох, который принял участие в слишком большом количестве сражений, чтобы радоваться очередному, чувствовал, что его сердце бешено бьётся. Это была возбуждающая часть войны – ожидание победы, страх страшного конца, безрассудное удовольствие от смертельной игры. Позже придёт черёд тлетворного духа смерти, горя и покалеченных тел. Компания миновала скудно поросший соснами пригорок, на который Хелбен указывал жрице, и расстояние до врага сократилось до трёх сотен шагов. Архимаг перешёл на шаг и поднял посох, подавая знак лучникам заложить стрелы.

Пара громоподобных хлопков прогремела со стороны пригорка, и два энергетических снаряда взорвались о магический щит войска, наполнив небо серебристым сиянием. После этого раздалось рычание багбиров, за которым последовал дождь из булыжников. Камни ударялись о защиту от метательных снарядов и отлетали в сторону, однако с десятков лучников архимага выпустили стрелы в землю.

Даже не обернувшись, Хелбен командовал войску остановиться и опустил посох. Лучники выпустили облако тёмных стрел в воздух. Половина из них не долетела, а другая неожиданно остановилась, повиснув неподвижно в двадцати футах над целью. Фаэриммы навели зубастые пасти в сторону архимага, но, казалось, только они и заметили атаку. Багбиры и бехолдеры продолжали нести смерть у края болота, не обращая внимания на ответный шквал эльфийской магии, без вреда бьющую по их волшебному экрану.

Следующий залп камней и энергетических снарядов ударил по собственному магическому щиту Хелбена с тыла, после чего жрецы Нанеаты направили раскаты треска и грохота через замёрзшую трясину, дав волю своей ярости. Ответный хор воплей страдания не оставил сомнений о судьбе арьергарда. Хелбен Арансан направил посох на фаэриммов и осторожно пошёл вперёд, осыпая их градом огненных шаров и магических зарядов, которые разбивались о волшебные экраны врагов ослепительными горячими ураганами, не причиняя вреда, но скрывая от фаэриммов леди Суарил и остальных всадников на гиппогрифах.

Фаэриммы использовали свои огненные шары и энергетические снаряды, чтобы дезориентировать людей, в то время как небольшая группа бехолдеров и багбиров развернулась, чтобы встретить наступление Хелбена. Лорд Чёрный Посох почти оскорбился – он уничтожил арьергард фаэриммов и подошёл к ним вплотную, не встретив сопротивления, а эти существа до сих пор полагали, что смогут разбить его войско несколькими заклинаниями.

Бехолдеры поплыли вперёд за спинами багбиров, используя мохнатых гигантов в роли щитов, пока не приблизятся на расстояние двухсот сорока шагов – достаточно близко, чтобы применить разрушающие магию лучи к волшебной защите Хелбена. Тот остановил войско, отложил посох в сторону и достал из кармана кусочек янтаря. Потерев его о бороду, архимаг начал прикалывать к поверхности камня горсть серебряных булавок одну за другой.

К тому времени как он закончил, первые багбиры сократили расстояние до ста семидесяти шагов и оказались за пределами защитных заклинаний фаэриммов. Хелбен подбросил булавки в воздух, произнёс волшебное слово и простонал, когда заряд энергии вырвался из его груди и метнулся к ближайшему гиганту. Огромное существо взорвалось красным туманом и обуглившимся мехом, как и бехолдер за ним и следующие два багбира, затем молния продолжила распространяться по ряду с ослепительным сиянием, которому, казалось, не будет конца. Второго бехолдера и ещё двух багбиров охватило пламя, после чего ещё полдюжины существ получили дымящиеся дыры посередине тел.

Если бы любой другой волшебник создал такое заклинание, неистовство молнии иссякло бы на этом, но Хелбен не был обычным магом. Он был Избранным самой богини магии, наполненным силой Плетения, в возрасте девяти сотен лет, практически бессмертный, способный противостоять энергии, которая сожгла бы дотла любого обычного человека. Молния продолжила свой путь, пробиваясь сквозь следующую дюжину жертв, прежде чем тела первых рухнули на землю. С каждым ударом дымящиеся дыры уменьшались в размере: от дыни до кулака и, со временем, до жёлудя. В конце концов, дыр не стало – багбир и два бехолдера умерли просто от удара. Последнему гиганту удалось уцелеть, он отступил на три шага назад, спотыкаясь и хватаясь за грудь.

После того как заклинание угасло, все, о ком оставалось волноваться, были полдюжины багбиров и два бехолдера с широко открытыми глазами. Гиганты повернулись, чтобы бежать, и в тот же момент сгнули в завесе огня – фаэриммы не прощали своим рабам трусость. Оба бехолдера сфокусировали большие центральные глаза друг на друге, заключая в разрушающее магию пурпурное сияние.

- Стрелы в бехолдеров! – скомандовал Хелбен.

Облако стрел рванулось в направлении бехолдеров, у которых не оставалось иного выбора, кроме как деактивировать разрушающие магию лучи и развернуть другие глазные стебельки для защиты. Боевые маги Чёрного Посоха обрушили настоящую лавину заклинаний, и глаз-тираны исчезли в бушующем огненном шторме.

- Вперёд! – прокричал Хелбен.

Как только войско пошло в наступление, фаэриммы атаковали волшебный экран Хелбена бурей огня и магии. Несмотря на то, что сопутствующее атаке ослепительное сияние не позволяло видеть происходящее впереди, лорд Чёрный Посох был доволен, что его враги наконец-то выказали ему толику уважения. Небольшая предосторожность позволит значительно ослабить натиск на эльфов.

Если бы Хелбен пожелал, он смог бы, скорее всего, так напугать обоих фаэриммов, что те вышли бы из сражения. Как один из избранных Мистры, он носил

в себе частичку божественной силы – силы, которая проявлялась в виде Серебряного Огня. Архимаг мог взывать к Огню, чтобы защищать себя от большинства видов зла – так он дожил до девяти веков, – и атаковать врагов зарядом белой, чистой магии Плетения. Даже самые могущественные практикующие маги трепетали при виде этого, потому что они сразу узнавали истинную природу этой силы и знали, что это значит для их шансов на спасение. Однако Хелбен не был готов раскрыть все свои секреты. Оба фаэримма переместились бы в то самое мгновение, когда атака обрушилась бы на них, а лорд вовсе не хотел, чтобы они поведали своим друзьям в Эвереске, с чем они столкнулись.

Хелбен и его боевые маги ответили на удар фаэриммов, заполнив пространство между ними ослепительной стеной из сияния, подобному рождению новой звезды. В конце концов, они подберутся достаточно близко друг к другу, чтобы направить чары, развеивающие защитные заклинания, и тогда прольётся кровь.

Лорд Чёрный Посох щёлкнул пальцем над перстнем с печаткой, взывая к его связующей магии. Он представил лицо Шантара и мысленно заговорил с разведчиком.

- Не вижу. Что происходит?

- Эльфы медленно перегруппировываются, - последовал беззвучный ответ Шантара. *- Сто пятьдесят шагов до ближнего боя. Половина войска врага разворачивается к вам.*

Архимаг выдохнул с облегчением и начал выкрикивать приказы.

- Заложить стрелы и держать мечи наготове!

Сто воинов натянули тетиву сотни луков и продолжили наступление. Над их волшебными экранами возник чёрный дым, который Хелбен немедленно развеял с помощью магического ветра.

- Магам остановиться! Пусть воины вас прикроют!

Маги замерли на месте, подготавливая волшебные палочки, чтобы запускать огненные шары и ледяные бури над головами своих товарищей. А лорд укрылся за парой лучников и пошёл вперёд. По его мнению, через тридцать шагов он окажется достаточно близко к врагам, чтобы разрушить их защитные заклинания.

- Готовься! – выкрикнул он.

Шесть бехолдеров вылетели из вражеских рядов, покинув безопасность созданных чарами щитов, окунувшись в наполненную молниями и огнём битву. Среди всех этих вспышек и разрядов они выглядели всего лишь сгустками теней, но это не помешало соратникам архимага осыпать их горящими стрелами и шипящими снарядами. Трёх существ охватило пламя, едва они покинули безопасную зону, ещё двое пали от стрел.

Шестой глаз-тиран продолжал двигаться вперёд, уворачиваясь и петляя, сверкая разрушающим магию взглядом по сторонам таким образом, что остальные глазные стебельки могли прочёсывать небо перед ним с помощью различных чар. Бехолдер уничтожил несколько стрел разрушающим лучом и отклонил остальную тучу снарядов телекинетическим взглядом, но даже этого было недостаточно. Он пропустил дюжину стрел и рухнул на землю, после чего прокатился на три шага вперёд и оказался перед Хелбеном.

Воронка синего света ударила из центрального глаза существа и коснулась передней стены защитных чар мага, образовав при этом овал мерцающего свечения. Окружность дрогнула и стала охватывать весь щит разрушающим магию сиянием. Враги сменили заклинания с рассеянных вспышек на потрескивающие молнии и издающие запах серы полосы. Люди начали кричать, плоть зашипела, а промёрзшая земля задрожала. Внезапно торфяники запахло обугленной плотью и вскрытыми внутренностями; метательные камни градом посыпались с неба, и воины гибли дюжинами.

- *В атаку!* – прогремел архимаг, используя заклинание, чтобы его услышали. – *Атакуйте или умрите.*

Едва Хелбен успел отдать приказ, как воздух вокруг него засеребрился, запахло свежестью. Воин рядом с ним взорвался брызгами кипящей крови, и тут заряд молнии ударил сквозь архимага и поразил следующего за ним человека. Лорд Чёрный Посох получил удар в голову чьим-то оторванным плечом и был сбит с ног. К тому времени как он смог поднять голову, молния уже с шипением остановилась, сразив десять его соратников.

Прежде чем встать на ноги, Хелбен укрылся за бросившимися в атаку воинами. Он был защищён серебряным огнём Мистры от ударов молний и магических зарядов, но каждая секунда промедления из-за напора фаэриммов стоила ему дюжины человеческих жизней. Архимаг прополз вперёд на четвереньках, отложил посох и поднялся. Несмотря на то, что магический щит фаэриммов всё ещё сиял ослепительным светом разрушающей магии, тёмный ряд багбиров выстроился на самой границе защиты, занеся топоры и готовый встретить атаку. Оставшиеся несколько бехолдеров (Хелбен насчитал четырёх) парили вдоль ряда на равном удалении друг от друга, их глазные стебельки колебались из стороны в сторону, осыпая наступающих врагов смертельными лучами самой разной природы. Только пожирателей разума не было видно нигде. Лорд поднял руки в направлении вражеского щита и произнёс три заклинания.

Барьер вспыхнул и растаял. Боевые маги Хелбена бросились вперёд, осыпая багбиров и бехолдеров энергетическими зарядами и огненными шарами с помощью боевых палочек. Оба фаэримма ответили несметным количеством огненных гейзеров и потоком игл, чёрным туманом, с тучами в придачу, ямами, клубящимися испарениями, и стремящимися задушить щупальцами. Шесть волшебников пало, пройдя лишь несколько шагов.

Лорд Чёрный Посох завернул щепотку угля в пёстрый льняной лоскут и бросил в направлении фаэриммов. Когда свёрток упал на землю, архимаг поднял руку, указывая цель, и начал заклинание. Выговаривая магическую формулу, он старался указывать пальцем на землю, нежели на самих существ. Столетиями ранее Хелбен узнал, что фаэриммы были порождением магии, поэтому устойчивы к её силе. Любое заклинание, коснувшееся их тел, могло отразиться и ударить мага, его создавшего, или использоваться для исцеления ран существ, из-за этого Хелбен с осторожностью использовал чары, затрагивающие область вокруг фаэриммов, вместо них самих. Он закончил заклинание, и чёрная сеть в форме сферы поднялась вокруг созданий, заключив их в кокон чернильных волокон. Хотя поток их магической атаки не ослабел, его воздействие потеряло часть своей силы.

Самые быстрые мечники Хелбена были на расстоянии пятидесяти шагов от врагов, где багбиры, по всей видимости, решили дожидаться, сохранив построение.

- Они пожалеют об этой ошибке, - архимаг поднял посох. – Маги, красное облако!

Боевые маги сменили боевые палочки на красные фитили и начали произносить заклинания. Пока колдовали, простыми чарами они подожгли фитили и держали их на вытянутых руках.

Чтобы не дать красному облаку соприкоснуться с фаэриммами, лорд свернул пергаментный зачарованный свиток воронкой и приложил ко рту. Когда он выкрикивал слова нового заклинания, голос звучал ближе к передней стороне кокона и с другой его стороны. Существа не реагировали, даже когда вызванные чары обратили сферу в сплошной камень. Либо они попались в ловушку, либо решили, что пришло время бежать. Хелбен надеялся на второй вариант.

Первые фитили боевых магов сгорели дотла. Над головами багбиров появился лёгкий намёк на красную дымку, потрескивающую так слабо, что только несколько гигантов задрали головы. Больше фитилей догорало, и красная дымка превращалась в клубящийся вал багрового тумана; потрескивание становилось всё громче. Все багбиры посмотрели вверх, и глазные стебельки уцелевших бехолдеров изогнулись над головами. К тому времени последние фитили догорели, и туман слился в бушующее облако пламени.

- Давай! – выкрикнул Хелбен.

Боевые маги скомкали покрытые сажей остатки фитилей, после чего из красного облака опустилась завеса пламени.

Только одному бехолдеру удалось откатиться назад и направить разрушающую магию глаз, создав небольшой разрыв в стене огня. Лорд направил посох на нижнюю часть существа и запустил огненный шар. Последовавший за этим взрыв захлестнул не только самого глаз-тирана, но и нескольких багбиров, чьи жизни он спасал.

Так как впереди не было ничего, кроме клубящейся завесы пламени, атакующие воины остановились. Их ряды слишком поредели, чтобы Хелбен мог быть доволен, фаэриммы нанесли страшный урон войску. Третью воинов и около четверти магов пали. Ещё одна такая «победа», и ему не хватит людей, чтобы защищать врата, даже если Рийенсу удалось уберечь высших магов от гибели для их восстановления.

Хелбен поднял руки, рассеивая огненную завесу, чтобы перегруппировать выживших воинов и отправиться спасать эльфов Рийенса. Тут он увидел заросшего бородой бойца, который стоял на коленях за замершей кочкой. Мужчина кричал, прижимая тело мёртвого товарища к закованной в доспехи груди. Когда архимаг заметил, что от тела ниже плеч ничего не осталось, он передумал и опустил руки в поисках пера в складках плаща. Его люди сделали для эльфов достаточно на сегодня.

- *Хелбен! Быстрее сюда!* – на этот раз сообщение Шантара прилетело тихим шёпотом. Разведчик мог пользоваться передающей магией кольца только раз в день, но, как один из Избранных Мистры, архимаг мог слышать предложение или около того, когда кто-то произносил его имя, где угодно на земле Торила. – *Они подбираются к высшим магам!*

Лорду Чёрному Посоху не надо было и спрашивать, кто такие «они». В отличие от передающего заклинания, его дар получения сообщений не позволял отправлять ответ. Кроме того, у него было гнетущее чувство от того, что он знал, кого разведчик

имеет в виду. Архимаг провёл пером по рукам и ногам, произнёс магическую формулу и поднялся в воздух.

Пролетев над стеной огня, он оказался над торфяным склоном, который резко уходил к неровным берегам в месте слияния Змеиного Хвоста и Извилистой реки. Судя по числу трупов с заострёнными ушами, устилающих нижнюю часть спуска, Рийенс пытался переправиться на другой берег под прикрытием части своих сил, послав её штурмовать высоту. То, что последние тела лежали близко к гребню, говорило об отваге эльфов, но не о мудрости их командира.

Враги зажали основную часть войска, подготавливающего переправу. Эльфы уничтожили почти всех иллитидов и половину багбиров, пока те спускались, низина была усыпана практически таким же количеством тел врагов, как и эльфов. Выжившие ударили по остаткам войска Эвермита на каменистом берегу Змеиного Хвоста, где продолжала свирепствовать битва с багбирами, которые пытались прикрыть двух последних иллитидов от мерцающей эльфийской стали. Около двух дюжин боевых магов Эвермита корчились на земле, прижав ладони к ушам в тщетной попытке защититься от ментальных ударов пожирателей разума; но Хелбен не приостановился, чтобы швырнуть заклинание в ту часть боя. Во время его спуска к сражению два багбира пали от эльфийской стали, пронзившей их сердца, и три золотых стрелы метнулись сквозь образовавшуюся брешь в ближайшего иллитида.

Ситуация на середине Змеиного Хвоста была менее воодушевляющей. Рийенс сидел верхом на лошади, неестественно медленно сползая в воду. Сразу перед ним Бладуид и ещё двое золотых эльфов, предположительно последние из высших магов Рийенса, так же выскальзывали из сёдел, один почти согнулся пополам от неторопливо поднимающегося водяного столба, образовавшегося из-за магического удара. За ними так же медленно следовали несколько дюжин стражей, пойманные вполоборота, развернувшиеся в сёдлах, чтобы выпустить стрелы и снаряды в двух фаэриммов, парящих за их спинами.

Один фаэримм двигался так же заторможено, как и эльфы, под властью той же изменяющей реальность магии, что и Рийенс с его высшими магами. Создатель этого заклинания плыл вперёд через группу телохранителей и наносил резкие удары четырьмя руками, вскрывая их глотки, прокладывая себе путь к Рийенсу. Если бы Хелбен думал, что целью был только военкомандующий эльф, он сделал бы всё возможное для его спасения, поразил бы врага смертельным заклятием или сослал бы существо в глубины девятого ада.

Но эльф был не один. Он был с высшими магами, и Арансан не мог рисковать тем, что его магия была бы отражена или поглощена фаэриммом. Архимагу нужно было что-то мощное и точное, что пробилось бы даже сквозь природную устойчивость существа к магии.

Ему был нужен Серебряный Огонь.

Уже не в первый раз Хелбен помянул недобрым словом Лаэрма Рийенса. Фаэримм справился с последними стражами и потянулся к горлу эльфа одной рукой, а к Бладуиду другими тремя. Архимаг бросился вниз за спиной существа, пикируя с неба головой вперёд, он выставил руку в направлении открытого рта фаэримма и взывал к Серебряному Огню. Блаженная боль устремилась по его телу, собралась на

мгновение в животе и вырвалась из левой руки длинной лентой ревающего пламени. Чудовище развернулось на звук за спиной, и Серебряный Огонь ударил его прямо в глотку. Существо разорвало на части в ореоле белого пламени.

Изменяющее реальность заклинание исчезло вместе со смертью своего создателя. Рийенс и высшие маги закончили падение, рухнув в воду с громким всплеском. Хелбен летел к оставшемуся фаэримму, лихорадочно придумывая самый безопасный способ быстро уничтожить тварь. Его телу потребовался бы час, чтобы впитать достаточно первородной магии Мистры для повторного использования Серебряного Огня, поэтому приходилось попробовать заклинание.

Оглушительный хлопок наполнил воздух, и эльфы начали отчаянно кричать. Под фаэриммом появился переливающийся цветами драгоценных камней смерч и затанцевал по реке, захватывая стражей высших магов извивающимися щупальцами смертоносного сияния. Каждый цвет приносил конец более страшный, чем предыдущий. Тех, кого ударил красный, охватил огонь. Плоть любого, кого коснулся зеленый, с шипением исчезала в облаке изумрудного дыма. Синий вызывал удушье, жёлтый – самые омерзительные болезни, оранжевый – кровотечение из каждой кожной поры. Попавшие под чёрное щупальце разваливались, сгнивая за мгновения, а пойманные белым – немедленно замерзли и были унесены холодным течением.

Никогда ещё Хелбен не видел подобного боевого заклинания. Почти половина стражей лежала мёртвыми или умирали, а остальных раскидало по сторонам. Тварь же, казалось, не знала о присутствии Избранного Мистры. Высоко в небе, оставив смерч двигаться дальше сам по себе, существо направлялось к упавшим в воду высшим магам.

Спасаться было слишком поздно. Хелбен застыл в воздухе и вызвал в памяти своё самое страшное заклинание. Фаэримм задержался над переплетёнными трупами эльфов, затем спустился за покрытый льдом валун достать обрывок хвоста своего сородича. Архимаг повернул ладонь в направлении существа и выкрикнул заклятье.

Тварь не взмахнула руками, не попыталась взмыть выше или предпринять последнюю отчаянную атаку. Она просто перенеслась прочь, услышав голос Хелбена, оставив заклинание безвредно исчезнуть в ледяном потоке.

Проклятье, до чего же они были быстры.

ГЛАВА 15

Праздник получился тревожным, и не только потому, что Эльминстер провёл вечер, глядя исподлобья на Мелегонта. Краешком глаза Галаэрон несколько раз ловил тёмный силуэт сразу за границей круга света, но стоило воину повернуться, чтобы рассмотреть его как следует, плотная маленькая фигурка в тот же миг растворилась в темноте. Он принял бы это за плод утомлённого разума, если бы не волнение часовых. В свете звёзд ночные дозорные носились туда-сюда, перемахивая с дерева на дерево, или бесшумно сновали меж голых ветвей, стараясь разглядеть что-то на земле. Однако совиных криков слышно не было, так что, возможно, это была всего лишь волшебная забава озорных детей лесных эльфов, и Нихмеду удовольствовался тем, что взял пример с родичей своей матери и примкнул к общему веселью.

Вошла луна серебряная и яркая, заполняя лес молочным отсветом снега, и заиграли звёздные лютни. Полились беззаботные весёлые мелодии, какие всегда звучат у лесных эльфов. Такари демонстративно оттащила Галаэрона от матери - и по удачному стечению обстоятельств от Мелегонта и Валы тоже - и открыла танцевальный вечер. Несмотря на то, что песня подразумевала скорее плавные движения, она втиснула себя в объятия Галаэрона и понеслась вскачь.

- Не переусердствуй, - сказал Галаэрон, изо всех сил пытаясь удержать ритм, пока они прыгали в залитом лунным светом снегу. - Ты всё ещё выглядишь слабой.

- Я вполне оправилась, - Такари поджала губы в шутливой гримасе. - Единственная рана, которая тревожит меня, находится в моём сердце - та, что ты нанёс сегодня.

- Мне жаль, - извинение Галаэрона звучало искренне, поскольку его мысли были так поглощены Эльминстером, Турлангом и остальными, что ему даже в голову не пришло удостовериться, прибыла ли Такари. - Я должен был навестить тебя в твоём гнездовье, как только мы пришли.

- В моём гнездовье? - Такари провезла пяткой по его голени. - Я говорю о Вале, орочий нос! Что с тобой такое, взял человека в качестве своей второй половинки... в обход меня?

- Валу? - Галаэрон чуть не оступился. - Я её не брал!

- Даже ни разу? - Такари вперила в него недоверчивый взгляд.

Теперь Нихмеду действительно поскользнулся, споткнувшись о наполовину скрытое бревно, и утащил их обоих в снег. Падение вызвало взрыв хохота, а музыканты продолжили их смущать, перейдя на медленный темп.

- Ни разу, - прошептал Галаэрон, уже лёжа в снегу. - Хотя, вообще-то, это не твоё дело, кого мне брать.

Такари одарила его игривой улыбкой.

- Но могло же быть! - С этими словами она вскочила на ноги и добродушно кивнула, затем протянула руку в сторону Валы: - Помоги мне, человек. У этого эльфа копыта вместо ног; понадобятся двое, чтобы держать его стоймя.

Прежде чем Вала смогла возразить, Моргвэйс толкнула её к Такари и Галаэрону, и вскоре все трое кружились в круге света рука об руку. Вала могла выдержать даже самый быстрый темп, но по эльфийским меркам её поступь была тяжёлой и

нарочитой. Тем не менее, их шутовские выходки оказались заразительными, и вскоре остальные лесные эльфы плавно переключались в круг света кружащимися трио, отбивая ногами ритм и вскидывая колени, как кентавры на параде. Даже леди Моргвэйс присоединилась к веселью, обвив одной рукой талию Эльминстера, а другой - Мелегонта: нелёгкая задача, учитывая обхват парочки.

А Арис тем временем примостил рядом с Почётным Креслом шестифутовый валун и приступил к работе, постукивая и позвякивая в такт музыке. Валун быстро приобрёл грубые очертания трёх кружащихся тел, и немного погодя танцоры стали вертеться поблизости, чтобы понаблюдать за его превращением. Фигуры появлялись как по мановению волшебной палочки; великан не столько придавал им форму, сколько отыскивал её внутри камня, и вскоре стало очевидным, что Арис покинет гостеприимных хозяев с наградой, достойной величайших мастеров Рэйтейллэтора.

Полночи спустя у людей начали слипаться глаза, как и у Галаэрона. Не желая публично признавать, что сейчас он испытывал потребность во сне, воин отклонялся под предлогом показать своим спутникам место, где они могли бы отдохнуть - Такари поспешила предложить своё гнездовье - и они заснули под звуки эльфийских звёздных лютен и звон инструментов Ариса.

Нихмеду проснулся в темноте и тишине: ни храпа из угла Мелегонта, ни шёпота Валы, зовущей во сне своего сына, ни звёздных лютен в отдалении, ни стука молотка Ариса. Был слышен только ветер, шуршащий по стенам, и скрип деревьев, и где-то далеко журчала в своих берегах река Жизни. Его плеча коснулась чья-то рука и осторожно встряхнула. Галаэрон открыл глаза, обнаружил, что его темнотное размыто из-за тонкой плёнки слизи, и протёр глаза. Это была одна из многих вещей, касающихся сна, которые ему тяжело было принять: на мгновение он становился слепым, когда бы ни проснулся.

Как только его зрение прояснилось, рядом с собой он обнаружил Такари, стоящую на коленях. Уголки её рта, изогнутого как лук купидона, приподнялись в лёгкой усмешке. В гнездовье никого больше не было.

- Остальные снаружи, - пояснила она, последовав за его взглядом. - Им нужно время, чтобы тихо спуститься, а я хотела посмотреть, как ты спишь.

Галаэрон скривился. Он достаточно часто видел слюни, текущие из угла человеческих ртов, чтобы знать, как выглядит сон.

- Не слишком приятное зрелище.

- Ужасное, - согласилась Такари, морща нос. - Зачем ты это делаешь?

«Действительно, зачем?» - задался вопросом Галаэрон.

- Сдаётся мне, я перенял у Мелегонта дурную привычку, - он сел и пожал плечами, затем поймал себя на том, что потирает лицо ладонями, совсем как иногда делали люди, и рывком опустил руки. - Что происходит?

- Бехолдеры приближаются.

Галаэрон вскочил на ноги и мгновенно проснулся.

- Но крики сов...

- Ночные дозорные ещё не знают, - хотя Такари была одета в плащ стражи гробниц, она не пошевелилась, чтобы подняться, пока он втискивался в свою кольчугу. - Меня предупредил твой друг с лягушачьими глазами.

- Друг с лягушачьими глазами?

- Я думаю, его звали Малик, - сообщила Такари. - Почему вы не привели его на праздник?

- Я не был уверен, что он всё ещё с нами, - признался Галаэрон, лихорадочно стараясь придать смысл всему тому, что услышал. - Он не упоминал о фаэриммах?

- Он сказал, там был один. Мелегонт счёл, что будет лучше по-тихому уйти и увести их за собой в Жуткий лес.

Нихмеду кивнул, затем накинул на плечи плащ и потянулся за поясом с мечом. Увидев, что эти твари сделали с Тысячей Ликов, он не горел желанием сражаться с ними в Рэйтейллаэторе - даже имея в помощниках великого Эльминстера.

Такари схватила его за руку.

- Мелегонт сказал, что может справиться без тебя. Тебе пошёл бы на пользу отдых.

- Это не похоже на Мелегонта. Ты уверена?

- Взгляни на себя, - сказала Такари, уходя от ответа. - Ты превращаешься в человека: спишь полночи, воюешь с чем-то внутри себя. Знаешь, а леди Моргвэйс не сильно ошибается. Вполне возможно, ты влюбился в Валу.

- Вряд ли, - голос Галаэрона прозвучал резче, чем ему хотелось. Он освободил руку с поясом от её хватки и направился к двери.

- Но мне нужно пройти через это с людьми. Это ведь я проделал брешь в Стене Шарнов.

- Ты исполнял свой долг.

Нихмеду выскользнул через дверь, не ответив.

Такари последовала за ним на ветви.

- И ты был там не один.

В белом лунном свете воин разглядел над воротом её плаща край кожаной брони разведчика.

- Ты ещё недостаточно сильна. И если уж Мелегонт не нуждается во мне, ты ему точно не нужна.

- Ещё как нужна, - прыгнув с ветви, Такари поймала верёвку и заскользила к заснеженной земле. - Или ты думаешь, что сможешь сам найти Жуткий лес?

По тому, как она задала этот вопрос, Галаэрон понял, что не сможет. Будучи эльфом, в большинстве лесов он чувствовал себя как дома, но знал также и то, что можно дойти до бешенства, плутая по бескрайним лесным просторам - особенно если место их назначения окажется скрытым защитной магией. Исчерпав все свои аргументы, он уцепился за верёвку и начал спускаться вслед за Такари.

Они ступили на землю неподалёку от круга света, где Мелегонт, Вала и Малик стояли и ждали их рядом с Арисом и его скульптурой. Статуя изображала Галаэрона, танцующего с Валой и Такари, и, как он и ожидал, - хотя почувствовал себя немного неловко, - даже самая мелкая её деталь была шедевром. Тело Валу плотно прижималось к нему, её ноги и ножны взлетели почти горизонтально земле, когда она откинулась на его бедро. Подбородок женщины был слегка приподнят, как будто они вот-вот должны были поцеловаться, а улыбка на лице выглядела одновременно завлекающей и нежной. С другой стороны Галаэрон обвинял рукой Такари, их тела не соприкасались, голова эльфийки была запрокинута в диком

порыве. Хотя рот её смеялся, лицо имело такое тоскливое выражение, какое Нихмеду видел у лесного эльфа только раз: когда мать созвала всю семью, чтобы сообщить, как щемит ей сердце, и как отчаянно она желает вернуться в Рэйтейллаэтор.

Собственная улыбка показалась Галаэруну потерянной и отстранённой, взгляд его блуждал где-то вдалеке. Хотя физически он был зажат между двумя женщинами, его душевный настрой контрастировал с их весельем нахмуренными бровями и прищуренными глазами. Такой вид делал его угрюмым и намекал на тяжёлую внутреннюю борьбу, но невозможно было сказать, ухватил ли Арис это выражение в действительности, или же Галаэрон сам прочёл его в творении великана.

Такари долго кружила вокруг статуи, потом, наконец, остановилась рядом с Валой и взяла её за руку. Та насупилась и посмотрела на их переплетённые пальцы, но высвободиться не стала.

- Поразительно! – восхищённо выдохнула эльфийка. Она повернулась к Арису и, обнаружив, что упёрлась взглядом в его колено, откинула голову назад.

- Это самый прекрасный валун, который я когда-либо видела!

У каменного великана мелькнула скупая улыбка.

- Красота в танце. Остаётся лишь запечатлеть увиденное, - хотя говорил он негромко, его глубокий голос прокатился между деревьями, подобно раскату грома.

Мелегонт прижал палец к губам.

- Тихо, или нас схватят, - он повернулся к Такари. – Если только Эльминстер не ушёл?

- Не бойтесь его, - сказал Малик. - В ближайшее время Эльминстер не проснётся. Во взгляде кроющего тени нарастала тревога.

- Что? Ты же не сделал ничего такого...

- Я? Ты думаешь, я убийца? - усмехнулся Малик. - Я даже соврать прилично не могу! Я имею в виду только то, что он спит в мраморном доме.

- Спит? - Мелегонт нахмурился. - Ты уверен, что это был Эльминстер?

- Конечно, уверен, - сказал Малик. - Я видел его собственными глазами. Зарылся в меха с двумя женщинами.

- Что только не сделает с мужчиной крепкая медовуха, - хихикнула Такари.

Галаэруну это совсем не показалось забавным.

- С эльфийками? - леденящий гнев затопил его изнутри. – С какими эльфийками?

В голосе Нихмеду слышалась такая ревность, что Такари нахмурилась.

- Не с твоей матерью. Я видела, как леди Моргвэйс отправилась в своё гнездовье в одиночестве.

- Это ничего не значит, - слова вырвались у Галаэрона прежде, чем он осознал, что говорит. – Она могла тайком пробраться назад.

Если сначала Такари неодобрительно хмурилась, то теперь она была просто шокирована, но тут заговорил Мелегонт:

- Берегись тени, друг мой. – Он кивнул Такари: - Наверно, нам пора идти, если мы хотим проложить другую тропу для бехолдеров.

- Я готова, - Такари продолжала глазеть на Галаэрона. - Я думаю, с него хватит Рэйтейллаэтора.

Она повела их прочь от реки, проходя мимо мраморного дома достаточно близко, и Нихмеду мог слышать пьяный человеческий храп. Он свернул, чтобы заглянуть внутрь, но почувствовал ладонь на своём плече.

- Ты вредишь себе, - изрёк Мелегонт. – Подозрение - это пища гнева.

- Если леди Моргвэйс там нет, мои подозрения развеются.

- Не развеются, - Мелегонт выпустил плечо Галаэрона, предоставляя ему полную свободу действий. - Ты будешь сомневаться в том, что видел, или будешь думать, что даже если её не было тогда, когда ты смотрел, она могла быть там накануне вечером. Сомнения - это путь тени, с которого очень сложно свернуть. Здесь может помочь только доверие.

Мелегонт пошёл за остальными, оставив Нихмеду решать.

- Иди и посмотри, - посоветовал Малик, подходя к Галаэру сзади. – Мой жизненный опыт показывает, сколько бы ты ни следил за женщиной, это никогда не бывает лишним. Все они вероломные блудницы, готовые предать своих мужей при каждом удобном случае.

- И откуда ты это знаешь? - спросил Галаэрон.

- Как я уже говорил, по собственному опыту, - сказал Малик. – Дома, в Калимшане, я всегда держал жену под надёжным замком, и всё-таки при первой же возможности она предала меня.

- В самом деле? - покачивая головой в странной человеческой манере, Галаэрон направился вслед за остальными. - Тогда мне следует перенять твой опыт.

Малик выглядел озадаченным, но согласился с Галаэроном:

- Я считаю, есть вещи, которые человек не хочет знать о своей матери.

- К счастью, я эльф, - хотя Галаэрона и возмутило, что коротышка, сам того не желая, оскорбил его мать, он прикусил язык, боясь предоставить своей тени ещё одну лазейку. - Моя мать сама принимает решения. Они с отцом уже тридцать лет живут раздельно.

Малик понимающе кивнул.

- Я сожалею, как тяжело, должно быть, твоему отцу сознавать, что ваше имя опорочено таким неблагоприятным поступком.

- Опорочено? – от унижения Нихмеду не на шутку рассердился - и мгновенно понял, что гнев был не его собственный; ни один эльф не счёл бы недостойным для женщины следовать своему сердцу. - У эльфов не так, как у людей. В её решении нет никакого бесчестия.

- Неужели? Я и не знал, что у эльфов такие свободные нравы в общении со своими женщинами, - Малик уставился в тёмный лес, бормоча что-то о том, что нет чести среди дураков.

Они миновали границу деревни, где со своих насестов на деревьях наблюдали ночные дозорные. Такари не объяснила, почему они ушли украдкой. Жители и гости Рэйтейллэтора были вольны приходить и уходить, когда им вздумается, если только они не делали ничего, что могло бы выказать местонахождение деревни. Ни она, ни Галаэрон не отвечали и на прощальные взмахи, которые замечали по пути. Было бы абсолютно немыслимо раскрывать позиции часовых в присутствии людей.

Через сотню шагов от деревни Нихмеду спросил:

- Разве у тебя не было лошади, Малик?

- Её зовут Келда.

Малик разжал руку и показал вожжи, и тут же позади него возникла кобыла, выдыхая струи белого пара над плечом хозяина. Галаэрон оглянулся на серебристый снег и с удивлением обнаружил длинную цепочку отпечатков копыт рядом с собственными следами.

- Я начинаю догадываться, как ты прокрался в Рэйтейллаэтор, - сказал Галаэрон.
- Весьма впечатляет.

Малик пожал плечами.

- Это подарок самого Его.

- Какого такого Его?

Малик сделал вид, что не расслышал вопроса, от чего любопытство Нихмеду выросло до подозрения. Он тут же вообразил, что коротышка является агентом какого-нибудь великого архимага или беспощадного тирана - или даже самих фазриммов - но, конечно, это было нелепо. Малик, казалось, был едва способен позаботиться о себе и своей лошади, не говоря уже о службе какому-нибудь могущественному и мерзкому господину. Такие подозрения могли быть только работой тени Галаэрона.

Они прошли в молчании ещё немного, затем Нихмеду произнёс:

- Спасибо, что вернулся и предупредил нас о бехолдерах. Если мы сможем избавить Рэйтейллаэтор от их опустошительных набегов, тебе будут благодарны все эльфы в Высоком лесу.

- Не думай об этом, - сказал Малик. - Больших проблем не возникло. Потому что если ты не видишь человека, это не значит, что его нет рядом.

Поразмыслив над этим заявлением пару минут, Галаэрон спросил:

- Так ты был с нами всё это время?

- Чуть поодаль, - признался Малик. - Келду всегда заставляли нервничать говорящие деревья.

- Если ты был с нами, то как узнал, что бехолдеры пробрались мимо Турланга? - нахмурился воин.

- Я и не знаю, что они пробрались, - ответил Малик, - только то, что скоро они будут здесь.

- Откуда ты знаешь? - Галаэрона всё это уже начало раздражать.

- Потому что помощники Турланга направили по ложному пути не всех наших преследователей, - объяснил Малик. - Один из бехолдеров был очень красивым и хитрым. Он отстал от остальных, проник в лес чуть севернее и наткнулся на, э-э... - казалось, он боролся со словами, а затем воскликнул:

- Поистине, он был гениален! Я не увидел его, пока он не оказался на мне, уставившись всеми своими прекрасными глазами.

У Нихмеду возникло нехорошее предчувствие.

- Как тебе удалось от него сбежать?

- Я, э-э... Келда очень... - Малик изо всех сил пытался вспомнить, потом, наконец, сдался и пожал плечами. - Почему это так важно? Имеет значение только то, что я здесь, чтобы предупредить вас.

Тошнотворное ощущение беспокойства внутри Галаэрона превратилось в страх, и он почувствовал, как его руки сжимаются в кулаки.

- И что же случилось с бехолдером? С тем, у которого прекрасные глаза?

- Отправился вслед за другими, я думаю. Для него было бы небезопасно преследовать вас в одиночку.

Уши Галаэрона наполнил скрежет собственных зубов.

- И как ты пометил наш путь?

- Что? - рука Малика скользнула внутрь плаща, без сомнения, потянувшись к спрятанному кинжалу. - Ты обвиняешь меня в предательстве?

- Конечно, нет, - уверенный в том, что гнев, который он чувствовал, принадлежал равно как его тени, так и ему самому, Галаэрон напомнил себе, как в Тысяче Ликов бехолдер зачаровал Ариса. Даже если Малик и пометил след, он не отвечал за свои действия.

- Но, как ты считаешь, почему бехолдер отпустил тебя?

- Я знаю, что ты думаешь, - Малик засунул руку под тюрбан и почесал лоб. - Не такой уж полный я дурак. Бехолдеры, само собой, хитрые и красивые создания, но я - человек огромной воли и сильного разума. Меня они никогда бы не обманули.

- О, никогда.

С этими словами Галаэрон взмахнул рукой перед лицом Малика, и, стараясь не использовать морозящую магию Мелегонта, начал заклинание, развеивающее чары.

- Колдун - убийца! - рука Малика метнулась из-под тюрбана в плащ и вынырнула с кривым кинжалом. - Заткнись сейчас же!

Нихмеду закончил заклинание как раз вовремя, чтобы успеть отпрыгнуть и не оказаться вспоротым. Сквозь него пронеслась лавина страха и возбуждения, и с ней пришла его тень собственной персоной, вырвавшись из тьмы глубоко внутри него. Он увидел, как его нога подсекла Малика под колено, опрокинув человека на спину. Затем Галаэрон очутился на нём сверху, почти уткнувшись носом в морду разъярённой Келды, вдавив одной ногой в снег руку коротышки с кинжалом.

- Остановись, прошу тебя! - Малик поднял свободную руку, чтобы прикрыть голову. - Клянусь жизнью, я и не думал предавать тебя или твоих друзей!

Вала схватила руку Галаэрона.

- Что, во имя Красной Перчатки, ты делаешь?

Галаэрон толкнул морду Келды в сторону, а потом сошёл с пленённого запястья Малика.

- Один из бехолдеров обманул его. Мне пришлось развеять вражью магию.

Вала взглянула на руку, которую держала.

- А тогда зачем тебе понадобилось это?

Нихмеду посмотрел вниз и поразился, обнаружив в своей руке наполовину обнажённый меч.

- Клянусь Лунной Арфой! - воскликнул Галаэрон. Он был так потрясён, что мог только во все глаза пялиться на оружие. Он совершенно не помнил, как потянулся за мечом, и ещё меньше, что намеревался с ним делать. Воин позволил клинку скользнуть обратно в ножны, после чего принялся шарить по своему поясу: его руки дрожали так сильно, что он не мог расстегнуть застёжку.

- Я мог убить его!

- Да, и был бы потерян, проиграв своей тени, - Мелегонт проскочил мимо Вала и встал рядом с Галаэроном. - Разве я не предупреждал тебя об использовании магии?

- Я не использовал холодную магию, только свою собственную.

- Нет никакой твоей собственной магии, - сказал Мелегонт; несмотря на суровость слов, его голос был мягким. - Вся магия - это заимствованная сила, а сила, не созданная собственноручно, всегда стремится вырваться из-под контроля.

Дрожащие руки Галаэрона позволили ему, наконец, расстегнуть ремень.

- Оставь его, - посоветовал Мелегонт. - Используй лучше меч, чем заклинание.

- Тебе легко говорить, - Малик рывком сел. - На тебя-то он не нападал.

- По крайней мере, его меч всегда оставался в ножнах, - заметила Вала, разглядывая кинжал коротышки. - Я бы сказала, вы оба потеряли головы.

Похоже, Малик был удивлён не меньше Галаэрона, обнаружив в руке оружие. Он пожал плечами.

- Мужчина должен защищаться.

Подожли Арис и Такари; Арис встал на колени позади Вала, продолжая возвышаться над группой, Такари остановилась рядом с женщиной и, увидев лошадь Малика, подняла брови. Перед тем, как встать, Малик протёр кинжал складкой одежды. Но, как выяснилось, Галаэрон успел заметить смолистый след на поверхности лезвия.

- Малик, ты делал на деревьях зарубки по нашему следу?

- Зарубки? - переспросил Малик. - Что это?

Он распахнул плащ, чтобы спрятать кинжал, но Такари выхватила оружие из его рук. Она несколько раз провела пальцем по липкой смоле, а затем поднесла кинжал к носу.

- Лезвие измазано соком, - со стороны казалось, будто Такари хотела воткнуть его в грудь коротышки. - Ты резал кору.

Малик вытаращил глаза так, что они стали похожи на два птичьих яйца.

- Клянусь Чёрным Солнцем - это всё бехолдеры! Я помечал наш путь для них!

- Чёрным Солнцем? - возмущённо воскликнула Вала, она выглядела так, словно собиралась убить Малика прежде, чем своим шансом воспользуется Такари. - Ты поклоняешься Цирику?

Малик вздрогнул, потом закрыл глаза и кивнул.

- Прошу тебя, не причиняй мне вреда! Я предал вас не из-за него.

- Никто не причинит тебе вреда, - прогудел Арис, ставя коротышку на ноги. - Я на себе испытал чары бехолдеров.

Малик набрался смелости и посмотрел вверх.

- Ты защитишь меня?

- Это не твоя вина, - подтвердил Арис. - Их магия очень сильна.

- Но он же порезал деревья Турланга - а это мы привели его в лес, - заметила Вала и посмотрела на Галаэрона. - Чем это грозит твоей матери?

Но ответила ей Такари:

- Турланг больше никогда не поверит слову леди Моргвэйс, но если жители деревни позаботятся о раненных деревьях и не дадут им погибнуть, я думаю, он разрешит нам остаться.

- Разрешит остаться? - Галаэрон сначала выровнял дыхание, а потом повернулся к Малику. - Когда ты в последний раз видел бехолдера?

Малик немного подумал и вдруг затрясся.

- После того, как закончились танцы. Они ждут там... - он замолчал и посмотрел вперёд, выискивая в лесу знакомый ориентир, затем махнул рукой в неопределённом направлении. - Там, где тропа поворачивает в сторону деревни. Я, э-э, «сделал зарубки» на той тропе тоже.

Такари вопросительно посмотрела на Галаэрона, но он коротко покачал головой и отвёл взгляд. Оба точно знали, что имел в виду Малик, но Нихмеду не хотел говорить людям о тропе-лабиринте - не тогда, когда он и так уже сделал массу вещей, ставящих Рэйтейллаэтор под угрозу.

- Теперь с этими зарубками уже ничего не поделаешь, - сказал воин. - И чем больше мы медлим, тем больше вероятность того, что они попытаются найти деревню самостоятельно. Нам надо уходить другим путём и уводить их за собой.

Такари указала на Малика.

- Что насчет этого? Ты несёшь за него ответственность из-за обещания, которое леди Моргвэйс соизволила дать Турлангу.

Вала положила руку на навершие своего чёрного меча.

- Я могу предложить решение.

- Это было бы несправедливо, - загромыхал Арис. - Не знаю, какому Чёрному Солнцу он поклоняется, но для меня он стал настоящим другом.

- Тогда, полагаю, у нас нет другого выбора, кроме как взять его с собой, - сказал Мелегонт. - Естественно, мы не можем оставить его свободно бегать по лесу Турланга.

- Правда? - улыбка, сморщившая лицо Малика, была подозрительно широкой - или Галаэрону так показалось. - Да прольёт Он на всех вас дождь из тысячи благословений!

- На твоём месте, я бы лучше осталась в одиночестве, - прорычала Вала. - Насколько я могу судить, только Арис обязан тебе жизнью.

Пристроившись позади Вала, Галаэрон предложил Мелегонту и Арису следовать за Такари на расстоянии нескольких десятков шагов. Когда они свернули на север, Нихмеду оглянулся назад и увидел тропу, помеченную Маликом зарубками. Через пару часов кто-нибудь из деревни обнаружит это злодеяние и покроет раны на деревьях специальной целебной мазью, чтобы залечить кору, но нанесённый ущерб уже никогда не исправить. До тех пор, пока деревья будут стоять, длинная цепочка зарубок будет указывать путь прямо к реке Жизни, где в излучине был спрятан Рэйтейллаэтор. Уже не в первый раз воин спрашивал себя, сколь же высокую цену придётся ему заплатить за спасение Эверески.

Спустя несколько минут они ступили в область непроходимых живых изгородей, усыпанных колючками, и скрытых пропастей, где пройти безопасно можно было только по центру заснеженной тропинки. Главная тропа имела огромное количество развилок и ответвлений, петляющих вдоль краёв прикрытых кустарником пропастей и по туннелям со стенами из ежевики, но другой альтернативы люди не замечали. Магия лабиринта работала в противовес интуиции. Вместо того чтобы предоставить незванным гостям сбивающий с толку набор вариантов, тропа-лабиринт позволяла видеть только тот путь, которым они следовали в настоящий момент. Все эти тропинки перетекали одна в другую запутанным клубком бесконечных петель, ловко переводя нарушителей с одного

круга на следующий без их ведома. Хотя Рэйтейллаэтор иногда и подвергался набегам захватчиков, тех, кто нападал на деревню, обычно находили в лабиринте либо умершими от голода, либо попавшими в замаскированные ловушки.

Когда, наконец, они сошли с тропы-лабиринта, люди ни на чуточку не сделались опытней в её прохождении. На востоке за верхушками деревьев в небе забрезжил серый свет зимней зари, наполняя лес бледными, почти невидимыми тенями. Беглецы преодолели чуть больше мили, и Галаэрон прочирикал Такари вить-вить-вить как птичка-кардинал. Та ответила звенящей трелью черноголовой синицы, и Нихмеду понял, что она определила местонахождение их врагов. Он всмотрелся в лес на юге и не увидел ничего, кроме бесконечного переплетения облепленных снегом ветвей. Он мог бы соперничать с Такари остротой взгляда на Границе Пустыни - но здесь, у неё дома, он должен был доверить лидерство ей. Галаэрон сообщил об этом, повторив крик кардинала ещё два раза, и она повела их дальше.

Они шли друг за другом гуськом, ступая только в следы Такари, чтобы избежать треска невидимой палки или шелеста спутанных веток. Даже Арис шагал так же неслышно, как Галаэрон, но, безусловно, самыми тихими в группе были Малик и его кобыла; Келда ставила копыта скорее как единорог, чем лошадь. Нихмеду был уверен, что Малик являлся не простым последователем Цирика, - но не стал углубляться в эти подозрения, дабы не спровоцировать несвоевременную атаку тёмной стороны своей личности.

Утренние тени уже начали сгущаться, когда Такари ускорила, ведя отряд настолько быстро, что стало сложно продвигаться, не создавая шума. У них мурашки по коже побежали, стоило Мелегонту наступить на палку и наполнить воздух тихим хрустом. На склоне с мягким глухим стуком и приглушённым проклятьем поскользнулась и упала на колени Вала. Когда они пересекали широкий ручей, проломил лёд Арис, и среди деревьев разнёсся громкий всплеск. Галаэрону не нужно было оглядываться, чтобы знать: где-то сзади двигались их враги. Такари снова ускорила темп, чтобы привлечь их внимание, и теперь они всё ближе подходили к Жуткому лесу.

Солнце наконец-то полностью вошло над горизонтом: его оранжевый диск висел низко над деревьями, освещая лес и расчерчивая снег тенями от стволов, длинными, как дороги. Такари начала варьировать темп, временами замедляясь и беспорядочно блуждая, затем устремляясь вперёд внезапным целенаправленным броском. Галаэрон не глядя понял, что враги готовятся к атаке, пытаясь невидимыми проскользнуть вдоль их флангов и отрезать группе путь. Такари применила тот же трюк, который отряд Тёмной твердыни Зентарима некогда использовал при стычке с патрулём Галаэрона, претворяясь уставшими и наплевавшими на дисциплину, из-за чего преследователи могли отложить атаку в надежде схватить добычу во время передышки. Стараясь вжиться в роль, Нихмеду глотал снег горстями и незаметно показывал другим делать то же самое. Один или два раза он даже отстал, пытаясь убедить бехолдеров, что при должном терпении они смогут убирать отставших, и им будет значительно проще справиться со своей задачей.

Наконец лес впереди поредел: голые стволы и тенистые верхушки клёнов уступили место широкому размытому, будто молочному, пятну. Сначала Галаэрон

подумал, что они подходят к лугу или покрытому снегом озеру, но как только они приблизились, бледное пятно превратилось в стену белых дубов. Поразительно, но их всё ещё полностью покрывала листва, и они были совершенно белые: от самого основания алебастровых стволов до макушек серебристых крон. Нихмеду даже смог разглядеть несколько желудей цвета слоновой кости, висящих на меловых ветвях.

Такари выдала серию резких чижиных чириканий, и тут Галаэрон понял, что смотрел на Жуткий лес. Он ожидал, что тот будет более тёмным и угрожающим - каким-нибудь искривлённым и ощутимо зловещим. Вместо этого лес выглядел порождением эльфийского мифа: прекрасным и нереальным, древним, невзирая на возраст. Нихмеду ответил своим кардинальским вить-вить-вить, и Такари остановилась, прилаживая стрелу, оттягивая тетиву и разворачиваясь для выстрела одним стремительным движением.

- Бегите к белым деревьям! – Галаэрон толкнул Валу вперёд. – Там Мелегонт может использовать свою магию.

Над головой Нихмеду просвистела стрела Такари и с глухим звуком вонзилась во что-то мягкое. Он стащил со спины свой лук и нырнул за бревно, потом наложил стрелу и нацелил лук в том же направлении.

На расстоянии семидесяти шагов от них завис визжащий бехолдер, его глазные стебельки во все стороны рассеивали цветные лучи, а из большого центрального глаза торчало оперение стрелы Такари. Галаэрон прицелился туда же – вдруг, шагах в двадцати впереди существа, он мельком увидел взметнувшийся с земли фонтанчик снега, как будто в Жуткий лес мчался некий невидимый враг. В мгновение ока воин сменил цель и выстрелил.

Стрела промелькнула над фонтанчиком приблизительно на высоте рёбер, послышался удивлённый вскрик, и она рикошетом отскочила и зарылась в снег. Наслав проклятие на всех фаэриммов, Галаэрон вскочил на бревно, за которым прятался, и снова прицелился в том же направлении.

- Смотрите, вон там! - закричал он. – Невидимый фаэримм со щитом от стрел!

За свою храбрость он был вознаграждён чёрной вспышкой одного из глаз бехолдера, но успел нырнуть в укрытие за заснеженный валун. Бревно, на котором он стоял, съёжилось в кучку гнилой трухи, а глаз-тиран взвизгнул снова - в его тело вонзилась следующая стрела Такари. Галаэрон выстрелил ещё раз и кубарем выкатился из своего укрытия, не переставая целиться. Один глазной стебелёк бехолдера выпустил конус золотистого света, от чего валун рассыпался в пыль. Нихмеду пустил стрелу в большой глаз существа и увидел, как оно упало и исчезло из поля зрения.

На этот раз бехолдер не закричал, он просто рухнул в снег, его глазные стебельки поникли, оплетая тело, как засохшие лозы. Для пущей уверенности Галаэрон и Такари послали в безжизненный шар ещё по одной стреле и метнулись в новые укрытия, и только тогда они подняли головы, чтобы критически оценить своё положение.

Естественно, Малика и его лошади нигде не было видно. Арис атаковал место, на которое указал Галаэрон, доблестно орудуя взад-вперёд сухим десятифутовым бревном. И пусть он постоянно промахивался, великан не оставлял попыток

сокрушить их невидимого врага по чистой случайности. Вала и Мелегонт бежали не в том направлении, продираясь сквозь снег к Галаэруну и Такари.

Он сделал им знак вернуться назад, но они только остановились и стали подзывать его к себе. Он попробовал снова, на этот раз более настойчиво. Добравшись до Жуткого леса, Мелегонт мог сразу же свободно использовать свою теневую магию - если они и имели хоть какой-нибудь шанс спастись от фаэримма и его приспешников, то только с волшебством архимага.

Вала проигнорировала его жест, вместо этого указывая чёрным мечом на поверженного бехолдера.

- Это был всего лишь разведчик, - крикнула она. - А теперь, вы двое, кончайте вести себя по-дурачки и двигайте свои острые уши сюда!

Когда не вспыхнуло никаких цветных лучей, чтобы заставить её замолчать, Галаэрон отважился посмотреть назад. К его огромному облегчению, остальные бехолдеры находились на расстоянии сотни шагов. Они быстро приближались, пробираясь сквозь деревья, но были всё ещё размером с кулак. Позади них парила конусообразная фигура фаэримма, величиной не больше пальца Галаэрона, но вселяющая ужас даже на таком расстоянии.

По лесу разнёсся глухой стук – это Арис, наконец-то, попал в их невидимого врага. К изумлению Галаэрона, каменный великан не взорвался мгновенно столбом пламени и не упал замертво со сквозной дырой через весь торс. Вместо этого он издал утробный стон удовлетворения и снова шагнул вперёд, молотя по земле своей импровизированной палицей так, что с деревьев вокруг него свалился снег.

- Арис! - прогремел Мелегонт. – Прекрати немедленно!

Приближающиеся бехолдеры начали пробовать дальность лучей своих глаз, и воздух перед Галаэроном заполнили серии разноцветных вспышек. Они были ещё достаточно далеко, чтобы поражать, но совсем скоро могли начать. Поняв, что безмозглые люди полны решимости войти в Жуткий лес либо все вместе, либо не входить вовсе, он свистнул Такари и повернул к ним. Нихмеду сомневался, что они смогут обогнать лучи глаз бехолдеров даже на полной скорости, но, виляя и петляя, им представился бы неплохой - ну, или приемлемый - шанс добраться до леса живыми.

Как только Галаэрон и Такари приблизились, Вала схватила их за руки и потянула за дерево. В лес вокруг них уже начали прорываться лучи бехолдеров, прожигая в массивных стволах и кронах дыры и испепеляя клёны целиком. Турланг точно не обрадовался бы ущербу, нанесённому лесу, но пока Мелегонт не использовал свою теневую магию на его земле, трент не станет возлагать ответственность на них - или на леди Моргвэйс.

Едва подошёл Арис, как прямо в ногу ему попал золотистый луч. У человека этот луч снёс бы полтуловища, но в бедре исполина он всего лишь просверлил дыру размером с дыню. Испустив оглушающий рёв, каменный великан рухнул позади Мелегонта, сотрясая землю.

- И что теперь будем делать! - завопил Мелегонт, обращаясь к Вале.

Вала схватила руку Галаэрона и с силой вложила её в руку Такари, затем сама взяла его под руку, а другой рукой вцепилась в Мелегонта. Архимаг в свою очередь

стиснул её руку в сгибе локтя, а ладонь другой руки впечатал в бицепс великана и начал теневое заклинание.

Нихмеду дёрнулся, освободившись из захвата Валы.

- Что вы творите? Если он нарушит слово, данное Турлангу...

- Посмотри на тень, эльф! - Вала снова схватила Галаэрона и подбородком кивнула вдоль длинной тени ствола, на которой все они стояли. - Он вытягивает свою магию из Жуткого леса.

Воин посмотрел в указанном направлении и увидел, что тень дерева простирается прямо внутрь кольца белых дубов. Хотя он и не был уверен, что Мелегонт следовал каждой букве своей клятвы Турлангу, дискутировать на эту тему было некогда. По обе стороны от них появилось полдюжины бехолдеров, расцветивая воздух сверкающими лучами уничтожения.

Лучи выстреливали мимо, не касаясь никого в группе, и только тогда Галаэрон обратил внимание, какими тусклыми и мутными выглядели глаз-тираны. Несколько существ прошли мимо них на расстоянии вытянутой руки и, похоже, не заметили беглецов.

- Не теряйте со мной связи, - предупредил Мелегонт. - Сейчас мы для них только тени... и это всё, что нас защищает.

- Тогда давайте выбираться отсюда, - сказала Такари. - Жуткий лес меньше чем в сотне шагов.

- А, может, и за сотню миль, - буркнул Арис. - Посмотрите вперёд.

У кромки белого леса на высоту лодыжки поднялся барьер из чёрного огня. Хотя Галаэрон догадывался, что за пределами Грани пламя никто не заметит, он не видел причин, по которым это заклинание не могло быть развеяно магом, обладающим силой Мелегонта.

- Мы не можем вечно прятаться в тенях, - сказал он. - Убери барьер, и продолжим наш путь.

- Я бы с удовольствием – но это как раз то, что ожидает Эльминстер, - ответил Мелегонт.

- Эльминстер? - удивился Арис. - Но он же спал...

- Избранники Мистры никогда не спят, - перебил его кроющий тени; он указал в направлении ног великана и начал сплетать пальцы в заклинание обнаружения. - И уж совершенно точно не храпят.

Шагах в двадцати позади ног Ариса появилась призрачная фигура в шляпе с обвисшими полями. Она медленно продвигалась к Жуткому лесу, поглядывая через плечо на основную массу бехолдеров, потом дальше, вглубь, на зависшего фаэримма, и, наконец, на глаз-тиранов-разведчиков, по-прежнему мельтешащих туда-сюда сквозь тень, где под чарами Мелегонта прятались Галаэрон с компанией.

В глазах Эльминстера блеснул хитрый огонёк, и он направился в сторону их тайного укрытия. Мелегонт закончил своё заклинание, наводя палец на архимага. Бехолдеры почти мгновенно развернули глазные отростки к Эльминстеру и начали атаковать его одновременно чёрными и золотистыми лучами. Все эти атаки без исключения взорвались о магические щиты архимага безвредными разноцветными вспышками, но причинили достаточно беспокойства, чтобы остановить старика. Он нахмурил свои кустистые брови, а Мелегонт произнёс ещё одно заклинание. Вместо

того чтобы разбиться поблизости, как все другие, следующий луч – золотистый – ударил древнего мага в бок и отправил его кувырком катиться по снегу.

- Что ты делаешь? - Галаэрон подскочил ближе, отпуская Такари и хватая руку Мелегонта. - Ты же убьёшь его!

- Это вряд ли.

Эльминстер прекратил кувыркаться, поднялся, сердито глядя в направлении Мелегонта, и погрозил ему пальцем - и тут подплыл фаэримм, взмахивая в сторону архимага всеми четырьмя руками.

Эльминстер исчез в облаке багрового пламени, а Мелегонт сразу же произнёс заклинание, отменяющее телепортацию.

В следующий миг древняя фигура Эльминстера появилась в пятидесяти ярдах к востоку, окутанная пламенем и грозящая длинным огненным пальцем. Хотя жест этот был адресован Мелегонту, он был направлен где-то на десять градусов левее, не оставляя сомнений, во всяком случае, у Галаэрона, что величайший на всём Фаэруне волшебник не мог видеть сквозь простейшие заклинания теневого мага.

К Эльминстеру понёсся фаэримм, что-то гневно насвистывая на своём языке, и потащил за собой бехолдеров. Архимаг развернулся и убежал, прикрывая отступление искрящейся всеми цветами стеной. Фаэримм и бехолдеры достаточно долго уничтожали стену, а затем полетели вслед за Эльминстером.

Мелегонт улыбнулся.

- Вот сейчас пора идти в Жуткий лес.

ГЛАВА 16

29 Найтала, год Бесструнной Арфы (1371 ЛД)

Внутри Жуткий лес был гораздо более тёмным и зловещим, чем казался снаружи. Через десяток шагов чистый снег превратился в пропитанный водой торф, а дубы-альбиносы сменились мрачной чащобой окаменелостей. Деревья стояли угольно-чёрные, с эбеновыми ветвями, неровно обломанными на концах, и искривлёнными стволами, опирающимися друг на друга под самыми неожиданными углами. Красная как кровь земля была полна мусора и гнили; в воздухе висел смрад разложения. Галаэрон не представлял, как они смогут пробраться через такое болото – и ещё меньше, как найдут и установят связь с Карсом. Он посмотрел на Такари и спросил:

- Куда теперь?

- Я никогда не была за пределами Бледного Кольца, - пожала она плечами, - но для беспокойства нет причин. Джингелшод нас найдёт.

- Джингелшод?

Такари подарила ему загадочную улыбку.

- Слуга Вулгрета.

- Его слуга? - воскликнул Малик. Как только фаэримм и бехолдеры погнались за Эльминстером, коротышка появился рядом с их тайным укрытием, нащёптывая им вслед, пока Такари не затолкала его в тень. От испуга он чуть не выпрыгнул из штанов, поэтому до сих пор не простил её за такое унижение.

- Проще найти фанфары и трубить во весь дух, чтобы привлечь внимание Вулгрета.

- Не всякий слуга любит своего господина, - ответила Такари.

- Это, конечно же, так, но отнюдь не значит, что он проникнется любовью к нам.

- Давайте-ка, побеспокоимся о Джингелшодде потом, - сказал Галаэрон, оглядываясь на лес Турланга. - Но здесь мы ждать не можем. Рано или поздно либо Эльминстер, либо фаэримм вернутся – а, может, они оба. Как только Арис будет готов, мы уйдём.

Келда посмотрела на болото и фыркнула, Малик встрепенулся и погладил её шею:

- Ничего страшного, девочка. Арис с радостью понесёт тебя.

Галаэрон не был уверен, что великан сам себя сможет унести, не говоря уже о лошади коротышки. Арис сидел около внутреннего края Бледного Кольца, в бешеном темпе обтёсывая небольшой камень в гранитный цилиндр подходящего размера, чтобы заполнить отверстие, которое в его бедре проделал луч бехолдера. Он сдул пыль, мгновение подержал камень над раной, отколол пару пластин с одной стороны, а затем передал его Вале, которая бережно погрузила камень в плоть.

Сморщившись от боли, великан приложил поверх раны молот и неразборчиво прогудел молитву суровому богу своей расы. Из отверстия с обеих сторон ноги вырвались струи тёмно-красного пара, а Арис прижался спиной к дубу и держал молоток на месте, пока рана не заполнилась плотью под цвет камня. Хотя его стиснутые челюсти выдавали, сколь болезненным было исцеление, он стоически молчал.

Когда клубящийся пар побледнел до розового оттенка, Арис вернул молоток в мешок. Рана всё ещё представляла собой сморщенное месиво, но когда он встал и нагнулся за Келдой, стало понятно, что она уже не сковывала его движения. Кобыла заржала и попятилась к Бледному Кольцу, потащив за собой Малика.

- Тебе не понадобится нести её, - сказал Мелегонт, повернулся к Такари и протянул руку. - Если ты одолжишь мне свой меч.

Мельком взглянув на Галаэрона, Такари нехотя передала оружие. Мелегонт одной плоскостью повернул меч к солнцу и произнёс заклинание, проводя ладонью по обратной стороне лезвия. Под его рукой поверхность делалась чёрной и мутной, в то время как сталь, обращённая к солнцу, сверкала в его лучах серебром. Нахмурившись, Такари потянулась к мечу, но Галаэрон остановил её взмахом руки.

Хотя подобного заклинания он никогда не видел, он узнал Созидание в общей форме и сомневался, что это может навредить оружию Такари.

К тому моменту, как Мелегонт закончил, тёмная сторона лезвия была глубокого чёрного цвета, как разлом в полу пещеры, а светлая – сверкала так ярко, что больно было смотреть. Кроющий тени обратил тёмную грань к болоту, и на поверхности воды появилась чёрная полоска. Когда он подобрал нужный угол наклона, полоса увеличилась до ширины в две ступни и растянулась на тридцать шагов.

- Прокладывай тень, где хочешь, - сказал Мелегонт, возвращая меч Такари. - Это поможет держать ноги сухими.

Открыв от удивления рот, эльфийка приняла оружие и осторожно ступила на тень. Когда её нога не провалилась в воду, она двинулась вперёд.

Мелегонт жестом пригласил на чёрную ленту остальных:

- Быстрее. Тропа продержится всего пару минут.

Вала обнажила свой меч и не задумываясь пошла следом, за ней пристроились Малик и Келда, которая согласилась ступить на призрачную тропу только под угрозой быть поднятой снова. Арис сделал два неустойчивых шага, после чего объявил, что это похоже на хождение по канату, и начал пробираться вперёд. За ним двинулся Мелегонт, замыкал процессию Галаэрон.

На деле болото оказалось ещё хуже, чем выглядело: с илистым дном, которое засасывало сапоги Ариса и наполняло окаменевший лес мерным ритмом чавканья. В силу обстоятельств, тропа у Такари получалась кривой и неровной, огибая изгороди переплетённых деревьев, проходя под полуповаленным стволом и порою сужаясь до нескольких дюймов. От влажного и морозного воздуха лица путников онемели, а пальцы заоченели. Через сотню шагов они уже затряслись от холода, но анемичные лучи восходящего солнца были слишком тонкими, чтобы их согреть.

- Завывающая метель теплее, чем это болото! - пожаловался Малик. - Как только вода не превратилась в лёд?

- Ты чувствуешь не холод, это - смерть, - сказал Мелегонт. - Смерть древняя, безумная и могущественная, смерть печальная и стыдливая.

- Тогда что мы здесь делаем? - спросил Малик. - Если этот Вулгрет настолько силен, что высосал тепло из всего болота, у нас нет шансов.

- Не Вулгрет, - ответил Мелегонт, - я говорю о Карсусе. Это его магия создаёт Жуткий лес, и его безумное раскаяние скрючивает всё внутри него.

По крайней мере, Карсус – было имя, которое Галаэрон узнал во время обучения в Академии Магии. Карсус был безрассудным нетерезским волшебником, который попытался украсть у богини магии Плетение, отчего парящие города Нетерила рухнули на землю.

Смея надеяться, что он, наконец, начинал понимать план Мелегонта, Нихмеду спросил:

- Так ты хотел использовать против фаэриммов магию Карсуса?

- В общем-то, да, - Мелегонт поднырнул под ствол дерева и уткнулся лицом в бок лошади Малика, притормозившей, когда коротышка остановился, чтобы подслушать. Маг хлопнул лошадь по крупу, побуждая её двинуться вперёд и, чуть не сбив с тропы Малика, и тихо сказал:

- Сами увидите.

Галаэрон про себя проклял служителя Цирика, затем поймал себя на мысли, что проще было бы убить его и покончить с этим. Такари не слишком понравилась бы такая идея, но Мелегонт в открытую подозревал коротышку и не раз уже показывал, что не будет препятствовать никаким действиям, необходимым для спасения Эверески. Вала согласится с любым решением Мелегонта, так что единственной проблемой был Арис, но если уж на то пошло, магия Галаэрона была достаточно сильной, чтобы... Эти размышления настолько его ошарашили, что он встал как вкопанный. Неужели его тень так легко подкралась к нему? Тёмные мысли казались такими естественными...

Эльф настолько был потрясён, что едва заметил, как Мелегонт исчез за следующим клубком окаменевших деревьев, но не увидел, как тропа ушла у него из-под ног, и он по пояс провалился в ледяную воду.

В пронзительным крике уходило его дыхание, ноги моментально превратились в глыбы онемевшей плоти. Колени свело от холода, бёдра казались плитами льда, а его тело засасывало в болото. Пошатываясь, Нихмеду сделал один шаг и чуть не упал, когда грязь отказалась выпускать его сапог. Что-то большое и мягкое толкнуло его в ногу и остановилось. Он снова закричал и вытащил кинжал, но не смог заставить себя опустить руку в ледяную воду, чтобы выяснить, что это было.

Заслышав другой всплеск, Галаэрон посмотрел вперёд и увидел, что под Мелегонтом исчезла теневая тропа, и он свалился в воду. Маг издал удивлённый рёв, затем раскинул руки и, левитируя, вытащил себя из воды. Дорожка быстро исчезала позади Малика и его лошади, но поскольку Вала и Такари повернулись, чтобы посмотреть на Галаэрона, дальше идти им было некуда.

Галаэрон махнул рукой:

- П-п-п-продолжайте д-д-двигаться!

Когда тропа растворилась под задними копытами Келды, это послужило кобыле достаточным стимулом, и она носом толкнула Малика вперёд. Тот настойчиво пихнул Валу, и они снова двинулись, освобождая на исчезающей теневой дорожке место для нескольких маленьких шажков. Такари начала было прокладывать крюк в сторону Галаэрона, но Арис жестом показал, чтобы они шли дальше.

- Идите, - великан подхватил в воздухе Мелегонта, потом зашлёпал назад к Галаэрону. - Я возьму их.

Мягкий предмет у ноги Нихмеду скользнул вокруг его бедра: ряд крошечных чешуек, или шипов, или чего-то ещё дробно застучал по его эльфийской кольчуге. Глубоко вздохнув, он обеими руками полез в воду и почувствовал, что вокруг его ноги обёрнуто нечто огромное и мясистое. Воткнув кинжал в тело существа, он вытащил его из воды и сразу же об этом пожалел.

Создание было длиной с его руку, со скользким чёрным телом, сужающимся от круглой головы к тонкому хвосту. Галаэрон и представить себе не мог, что это такое, пока не перевернул его и не увидел кольцо маленьких острых зубов, окружённое мясистой присоской.

- Клянусь Волшебной Палочкой! - он держал существо на вытянутой руке. - Если это не пиявка.

- Я бы сказал, размер больше подходит для меня, - Арис наклонился и раздавил эту гадость двумя пальцами свободной руки, затем выдернул из болота Галаэрона. – А видели бы вы здешних стрекоз.

Заметив, как над головой великана промелькнуло похожее на кружево размытое пятно около четырёх футов в поперечнике, Нихмеду сказал:

- Хорошо, что хоть п-пауков пока нет, - пусть болото больше и не вытягивало тепло из его тела, он, похоже, не мог остановить дрожь, и даже у Мелегонта слегка посинели губы. – Ты можешь с-сотворить согревающее заклинание?

Кроящий тени криво улыбнулся.

- К сожалению, т-тенева магия не создаёт тепла, - он содрогнулся и добавил: - Я могу защитить нас от обычного холода, но от этого, вытягивающего жизнь... - он только покачал головой.

Галаэрон помедлил в нерешительности, уже зная ответ Мелегонта, но всё равно предложил:

- Я могу использовать Плетение...

- Сколько ещё я должен тебя предупреждать? - маг мгновение буравил Нихмеду взглядом, потом посмотрел на Ариса. – Тебя это, кажется, не беспокоит.

- Кажется, меня и пиявки не беспокоят – но, когда кажется, это ещё не значит, что так и есть, - он вытащил из воды ногу и показал раздутые чёрные тушки, болтающиеся вокруг его лодыжки. - Если мы сможем найти камень, я попрошу Скориаса Каменные Кости сделать его тёплым для нас.

Галаэрон воззрился на окаменевшие деревья, мимо которых они проходили, но решил не предлагать воспользоваться одним из них. Магия, что убила их, казалась такой же порочной, как тени, пытающиеся украсть его жизнь.

Арис перемахнул через окаменевшую изгородь, чтобы догнать других, затем опустил Галаэрона позади Такари, а Мелегонта за Валой, оставив Малика и его лошадь в арьергарде. Вспомнив о том, что Цирик был человеческим богом раздора и убийства, Нихмеду совсем не понравилась идея иметь коротышку в качестве замыкающего - но сделав несколько нетвёрдых шагов, он убедился, что слишком слаб, чтобы занять это место самому.

Сознавая, что фаэримм и бехолдеры - а, возможно, даже Эльминстер - скоро нагонят их, они продолжили путь на запад со всей скоростью, на которую были способны. Обязанность наблюдать за врагами сзади теперь взял на себя Арис. Сила продолжала покидать тело Галаэрона, и он уже не мог сдерживать дрожь. Вложив меч в ножны, Вала подхватила его на руки и несла достаточно долго, чтобы снять с него мокрую одежду, затем предложила для тепла собственный плащ. Когда это не помогло, свой плащ отдала Такари, и даже Малик пожертвовал шерстяную накидку. Лишний вес только утомлял Галаэрона всё больше. Он начал чувствовать тошноту и апатию, и Вале пришлось регулярно ловить его за руку.

Дела Мелегонта и Ариса обстояли лучше, хотя и на них болото явно повлияло. Архимаг плёлся потихоньку, бормоча себе под нос что-то о сентиментальности и тёмном волшебстве. Его мысли настолько спутались, что он даже рассказал немного о своей теневой магии Малику. Арис просто начал замедляться, время от времени останавливаясь, чтобы опереться на окаменевшее дерево и последить за врагами.

Солнце уже было высоко над головой, когда деревья, наконец, исчезли, и болото превратилось в широкую реку, которая на ближнем берегу, казалось, текла в одном направлении, а на противоположном - в другом. Дальний берег поднимался из воды пологим склоном, покрытым корявыми чёрными дубами – вне всяких сомнений такими же окаменевшими, как и деревья на болоте – но, по крайней мере, стоящими на сухой земле.

Едва Такари сделала теньевую дорожку примерно до середины реки и начала переправу, как увидела, что недалеко от конца тропу захватил тёмный вихрь водоворота и засосал в глубину. Развернув меч, она перерубила тропу вспышкой светлой стороны клинка - чем спасла их всех - а затем быстро проложила другой путь и попробовала переправиться снова. На этот раз вихрь поймал тропу всего в десятке шагов перед эльфийкой, и она едва успела перевернуть лезвие.

Сзади послышалось лошадиное ржание и крик Малика:

- Продолжай идти! Позади нас угорь, да такой огромный, что и Келду проглотит!

Такари проложила тропинку вдоль кромки реки и, когда не возникло нового вихря, чтобы погрузить в воду тёмную ленту, помчалась вперёд, освобождая место остальным.

- Если учесть, что сотворило с Галаэроном болото, я даже мысли не допускаю, чтобы плавать в реке, - крикнула она через плечо. - Я полагаю, ты найдёшь другой способ переправы, Мелегонт?

- Непре... менно.

У Мелегонта заплетался язык, а голос был настолько слаб, что Галаэрон рискнул бросить взгляд через плечо – заставив тем самым Валу вытянуть для страховки руку, поскольку тропа по реке изгибалась.

- Почему бы нам не использовать этот мост?

- Мост? - Нихмеду пребывал в замешательстве.

- Всегда есть мост, - сказала Вала, указывая мимо носа Галаэрона.

Воин снова посмотрел вперёд и увидел, что течение реки вихрилось над тёмным участком погружённого в воду камня. На каждом конце участка высились башни разрушенного моста; их зазубренные венцы были обломаны, тёмные окна зияли пустотой. Возле ближней башни стояла подёрнутая дымкой фигура в пластинчатых доспехах, с руками, обхватывающими рукоять огромного двуручного меча, который покоился перед ней остриём вниз.

- А вот и рыцарь, - отозвался Малик. - Всегда есть рыцарь.

Галаэрон обнажил меч и услышал, как другие делают то же самое, но Такари взмахом руки велела опустить оружие. Когда они подошли к рыцарю, стало видно, что он стоял по щиколотку в реке, вокруг его ног бурлила вода и клубился туман. Броня рыцаря была покрыта ржавчиной, а поднятое забрало являло трухлявые кости лица с бдительными угольно-чёрными глазами.

Как только группа приблизилась, он обнажил меч и выставил перед собой, направив остриё на Такари. Опустив собственный меч, она остановилась как вкопанная.

- Рада встрече, старина Джингелшод, - сказала она. – Я часто наблюдала, как ты блуждаешь у Бледного Кольца.

- Там ты и должна была оставаться, эльфийка. У тебя не может быть никаких дел в земле смерти.

- Не у меня, у моих друзей, - Такари отступила в сторону и указала на Галаэрона. - Они явились за твоей помощью.

- За моей помощью? - чёрные глаза Джингелшода сместились на Галаэрона. - Какую помощь могу я тебе дать, кроме быстрой смерти?

На конце процессии послышалась пара всплесков, затем испуганное ржание и шипящее проклятие – это тень ушла из-под Малика и его лошади. Джингелшод приподнял на звук подбородок, но держал свой взгляд - и свой огромный меч - направленными на Галаэрона.

- Нам очень нужна магия Карсуса, - сказал Нихмеду. - Если ты сможешь показать нам...

- Не нам, - Джингелшод ткнул мечом Галаэру в грудь. - Тебе. Что ты ищешь?

- Я пришёл спасти...

- Подумай хорошенько, эльф, - предупредил Джингелшод. - Неправильный ответ хуже, чем смерть.

Галаэрон замолчал, задумавшись над вопросом. Он хотел было сказать, что пришёл спасти Эвереску, но реакция Джингелшода не оставляла сомнений - такой ответ будет не тем, что желал услышать усопший рыцарь. На конце цепочки раздался ещё один всплеск, и на этот раз закричал Мелегонт.

Не обращая на шум никакого внимания, Джингелшод продолжал буравить воина мёртвым взглядом.

- Итак, твой ответ? Ты долго шёл, эльф - ты должен знать, что ищешь.

- Я знаю, - Галаэрон взглянул на Такари, затем обернулся через плечо на Валу. - Оправдания. Я ищу прощения за мою ошибку.

Глаза Джингелшода полыхнули чёрным светом, костяная челюсть приоткрылась в подобии улыбки.

- Я потребую за свою помощь одно деяние, эльф. Исполнишь его?

Сначала Галаэрон хотел узнать, что это было за деяние, но потом передумал. Вряд ли Джингелшоде нужен обмен, лишённый смысла. От тех, кто прибегал к его помощи, он требовал исключительной честности, и истина была в том, что Нихмеду заплатил бы всё что угодно, лишь бы исправить свою ошибку. Он просто кивнул.

Глаза Джингелшода сдвинулись на Такари, будто мертвец хотел что-то спросить, но, казалось, нашёл ответ в испуганном выражении её лица и вернулся к Галаэру.

- Иди, - велел рыцарь и указал сквозь ржавые остатки решётки на затопленный мост. - Если тебе хватит сил достичь другой стороны, я сделаю всё, что можно, чтобы помочь вам.

Нихмеду сошёл с теневой тропы и без колебаний шагнул через решётку, но там остановился.

- Мои друзья...

Джингелшод резко развернулся к нему, взмахнув своим огромным мечом так стремительно, что Галаэрон не смог бы заблокировать ржавое оружие, даже если бы попытался. Клинок плашмя ударил его по плечу и отбросил на покрытые плесенью стены башни.

- Иди! - Джингелшод снова кивнул в сторону моста. – Наша сделка вступила в силу.

Воин почувствовал, как внутри него вскипела разъярённая тьма. Он уже решил броситься на мертвеца, но Такари отчаянно затрясла головой и стрельнула глазам в сторону моста. Галаэрон так и остался стоять, согнувшись, пытаясь побороть эту чёрную ярость. Все вместе они смогли бы уничтожить Джингелшода, но что потом? Такари сказала, что рыцарь может вывести их к Карсу, и Нихмеду достаточно насмотрелся на Жуткий лес, чтобы понять, насколько ценной будет такая помощь. Он собрался с силами, позволив своей ноющей руке безвольно болтаться сбоку, и, пошатываясь, пошёл в холодной воде.

А Джингелшод повернулся к Арису и, когда Галаэрон миновал окутанную туманом арку, спросил великана:

- Что ищешь ты?

Нихмеду вышел из башни и ступил на замшелую поверхность затопленного моста. Хотя глубина воды здесь не превышала трёх дюймов, ответ Ариса заглушило журчание реки. Не желая своей медлительностью вызвать гнев Джингелшода, Галаэрон устремился вперёд.

Камни были скользкими, как лёд, и даже такое слабое на мелководье течение грозило сбить его с ног. Он вложил меч в ножны и согнулся в полуприседе, аккуратно сдвигая одну ногу перед другой и вкручивая её в замшелую поверхность. Воин физически ощущал, как через ноги уносится водой тепло его тела. Вокруг него поднялся лёгкий туман, скрывая за бледной дымкой дальний берег, от холода усилилось головокружение.

Когда Галаэрон пересёк середину моста, река изменила направление и потекла навстречу с другой стороны. Эффект вызывал настолько сильную дезориентацию, что заставил его чувствовать, будто он каким-то невероятным образом развернулся и в данный момент движется не к той башне. Он закрыл глаза и не открывал их, пока не привык к новому направлению течения.

Нихмеду преодолел почти весь путь, когда звук ровного журчания изменил тональность, и вода начала хаотично плескаться о ноги. Краешком глаза он уловил возле моста какое-то неясное движение, а затем разглядел плавающее на поверхности раздутое тело утонувшего человека. Оно то и дело покачивалось вверх-вниз на одном месте, там, где течение прибило его к мосту.

Одетый в сапоги до колен и чёрную кожаную броню, мужчина был большой и бородатый, с кривым носом и кожей такого же голубого цвета, как и его распахнутые глаза. На нём не было заметно ни каких-либо ран, ни сломанных костей, хотя отсутствие шлема и ремня с оружием наталкивало на мысль, что у него было время, чтобы потерять всё это перед тем, как утонуть. Галаэрон содрогнулся, задаваясь вопросом: не стал ли бедолага жертвой крадущей жизнь реки и попросту свалился в воду. Глаза человека обратились в сторону воина, затем из воды поднялась синяя рука, протягиваясь, словно в мольбе о помощи.

Нихмеду вскрикнул и отскочил назад, поскользнувшись и приземлившись на пятую точку. Течение сразу же попыталось снести его в стремнину на противоположной стороне замшелого моста. Перекатившись на живот, Галаэрон раскинул руки, цепляясь за камни на верхней по течению стороне. Вокруг него

закружил поток воды, разворачивая так, что его ноги повисли над кромкой моста вниз по течению. Река перекатывалась поверх его головы и заливала глотку, промораживая до костей и угрожая заполнить лёгкие. Он стиснул челюсти и почувствовал, как вода булькает в носу, подобно ожившему неистовому убийце, полному решимости забрать его жизнь. Тело эльфа уже начало уставать и деревенеть, отовсюду, где только его касалась река, из него утекала жизнь. Он резко выдохнул воздух из лёгких, освобождая от воды рот и нос, затем в попытке подняться подтянул вверх негнувшиеся ноги - и почувствовал, как на его запястье сомкнулась рука утопленника.

Дико закричав, Галаэрон замотал головой, стряхивая воду, и обнаружил, что смотрит в мёртвые глаза человека. Несчастный растянул губы в жутком оскале, выставляя напоказ полный рот сломанных клыков и шевелящийся чёрный язык. В сознании эльфа сразу же промелькнуло с десятков заклинаний. Являясь воином стражи гробниц, он был хорошо осведомлён о слабых сторонах нежити - почти так же хорошо, как был осведомлён об ужасах, ожидающих тех, кто попадал к ним в лапы. Он выбросил руку в лицо существу, открылся Плетению - и ощутил, как взамен его пронзила леденящая боль теневой магии. Нихмеду остановил заклинание и, держась за мост только свободной рукой, начал проворачивать запястье вокруг большого пальца утопленника.

Живой человек выпустил бы запястье Галаэрона и отдёргнул руку от боли. Упырь же продолжал цепляться, пытаясь использовать против рычага силу. Если бы воин не был настолько слаб, его тактика наверняка бы оказалась успешной. Первое время он старался, но силы просто оставили Нихмеду, и его рука остановила движение на полпути, повиснув вверх ладонью между ним и его синелицым противником.

Галаэрон пихнул руку вперёд, ткнув пальцем в глаз существа. Даже мертвец должен был вздрогнуть, и эльф закончил движение, заведя свою руку за руку упыря. Большой палец создания хрустнул с громким треском, сложившись назад и обнажая зазубренные обломки угольно-чёрной кости.

Галаэрон стремительно протянул руку к шее упыря и схватил его за затылок. Он с силой впечатал голову утопленника в мост сбоку, одновременно подтягиваясь назад на тропу и подбирая под себя ноги.

Упырь яростно набросился на Нихмеду, обеими руками хватая его за лодыжки и пытаясь выдернуть из-под него ноги. Эльф сгруппировался и, дотянувшись через всё тело до меча, резко пнул мертвеца. Одна пятка врезалась голову упыря, другая попала по замшелому мосту и проскользнула, отчего Галаэрон упал на колено прямо перед чудовищем. Одним движением он выхватил меч из ножен и полоснул упыря по лицу: сияющая эльфийская сталь рассекла голову нежити над самым подбородком.

Нихмеду изящно завершил удар, поворачивая голову вслед за кончиком лезвия, и увидел, как прямо перед ним из воды вскочила вторая тварь. Это существо было поменьше, чем первое, с округлыми женскими очертаниями фигуры, длинными чёрными когтями и жёлтыми глазами умертвия. Двигалось оно тоже значительно быстрее, топнув одной ногой Галаэру по руке с мечом, и сильным ударом другой ноги накрепко припечатал его руку к мосту.

Рассчитывая поймать ногу нежити в захват, воин принял удар на предплечье – но, увы, он слишком устал и ослаб. Толчок опрокинул его на спину, а поток воды снова развернул его ноги вниз по течению. Теперь его удерживала только прижатая к мосту рука с мечом.

Умертвие склонилось над ним и руками вцепилось в его горло. Ледяные когти чудовища пронзили плоть во стольких местах, что эльф совсем не удивился, увидев, как перед его глазами хлещет тёплая кровь. Обнажив два длинных ряда острых зубов, нежить потянула его к себе, сворачивая голову набок для укуса.

Галаэрон попытался вырваться и откатиться. Он был слишком слаб даже для того, чтобы протиснуть свободную руку под захват умертвия. Нихмеду хотел вскинуть ноги, чтобы схватить в замок голову твари, но они онемели и стали тяжёлыми, как слитки золота. С каждой секундой его жизнь утекала вовне, высасываемая крадущим душу прикосновением нежити и отнимаемая иссушающими силу водами тёмной реки.

Эльф ощутил, как зубы умертвия прижались его шее. Из последних сил, что у него ещё оставались, воин развернулся к существу, выбросил свободную руку ему в лицо и призвал заклинание света. Тело Галаэрона накрыло волной ледяной мощи, как только оно наполнилось морозящей магией, но в тот момент у него были более насущные заботы, чем его тень. Он выкрикнул мистическую формулу, и из его ладони выстрелил сияющий луч серебряного света.

Дико взвизгнув, умертвие отпрыгнуло в сторону, оставив Нихмеду скользить через мост. Эльф перекатился вслед за существом, зарыв в холодный мох онемевшие пальцы свободной руки, а другой ударил мечом поперёк ног твари сзади. Она ещё умудрилась проковылять два шага вперёд, прежде чем рухнула в воду с парой отрубленных пяток. Галаэрон подтянул ноги, встал на колени и обрушил меч на спину умертвия. Удар был точен и, приложи эльф больше усилий, разрубил бы нежить пополам. На деле же, его клинок вонзился достаточно глубоко лишь для того, чтобы покалечить тварь.

Умертвие собралось с силами и попыталось подкатиться ближе к своему противнику, но преуспело только в том, что скрутило туловище вдоль разреза. Пока оно с недоумением разглядывало рану, Галаэрон вскинул руку и выпалил единственный мистический слог. На этот раз он едва заметил, как его тело наполнила холодная магия, и его не волновало, что стрелы, сорвавшиеся с руки, были чёрными и ледяными, как тень. Значение имело только то, что нежить перед ним наконец-то обмякла и потеряла связь с мостом, и что мутный поток в конце концов унёс её прочь за стремнину.

Ворота башни находились всего в десятке шагов, сухая земля за укрытой тенью аркой предлагала тепло и убежище или, по крайней мере, возможность сбежать от холодной битвы на мосту. Шатаясь, Галаэрон поднялся на ноги и обнаружил, что уже не ощущал такую же слабость, как несколько минут до этого. Наоборот, в то время как он чувствовал себя усталым и замёрзшим, его сила, казалось, возвращалась назад. Внутри него пылал необычный жар: не столько гнев, сколько решимость, и не столько жестокость, сколько отсутствие жалости.

Поскольку нежить на него больше не нападала, воин направился к воротам башни, не беспокоясь уже о скользком мхе под ногами, думая только о предстоящих

битвах и о магии, которую он найдёт в Карсе – и тут он вспомнил о Мелегонте, следующем за ним, и об остальных своих спутниках, идущих по его стопам и пытающихся пересечь тёмный мост позади него.

Галаэрон крутанулся на каблуках и увидел, как к нему, плавно скользя, двигалась Такари, заталкивая свой меч в ножны. Шагах в двадцати позади неё, вращаясь и кружась, через мост пробиралась Вала. Чёрный клинок женщины сплетал вокруг неё и Мелегонта тёмную сеть, пока она рубила полупрозрачные фигуры двух иссохших, злобных на вид призраков, пытающихся прорваться сквозь её мелькающую оборону. Помимо них вокруг окутанной паром головы Ариса порхали два чернильных силуэта, набрасываясь и впиваясь в его глаза и уши чёрными когтями. Малика и его кобылы, конечно же, нигде не было видно, а Джингелшод был неподалёку, позади всех, мелькая кратким размытым проблеском жавчины всякий раз, как каменный великан делал шаг.

Галаэрон указал мечом за плечо Такари.

- Остальные! – пошатываясь, он сделал несколько шагов назад по мосту, снова напрягая для борьбы свои онемевшие ноги и изнурённое тело. - Им нужна помощь!

- Ты что, с дуба рухнул? - Такари перехватила его и прижала свою руку там, где умертвие схватило его горло. Её ладонь казалась горячей как огонь на его коже. - Люди сами могут позаботиться о себе. Нам нужно доставить тебя на берег.

- На берег? За кого ты меня принимаешь? - Нихмеду сдёрнул её руку вниз. – За труса?

Глаза Такари вспыхнули.

- Всего лишь за дурака, - она ткнула ладонь ему в лицо, показывая следы крови такой тёмной, что почти чёрной. – У тебя разодрана половина горла, лицо бледное, как стекло, а всё, о чём ты можешь думать - это человеческая шалунья с дикими глазами и молочные мешки размером с *ткаерфа*!

Эта отповедь так ошарашила Галаэрона, что, не найдя слов для ответа, он поднял руку к горлу и нащупал дыру шириной в четыре пальца. Он и представить себе не мог, как рваная рана не задела вены, а откуда он черпал силы, чтобы продолжать стоять, было вообще выше его понимания. Он не ощущал ни боли, ни головокружения, ни признаков травмы, за исключением неизбывного чувства холода, и даже оно, казалось, ослабевает.

Такари вытащила меч и, схватив Галаэрона за руку, повернула назад, чтобы помочь остальным.

- Ну, что ж, пойдём - но я никогда не прощу тебе, если ты угробишь себя из-за человека.

Они и двух шагов не успели сделать, как чёрный меч Вала отыскал одного из призраков, рассекая его по центру. Существо развалилось с жутким скрипом, две половинки его прозрачной формы померкли, как клочья затухающего света. Мелегонт потянулся через плечо Вала, выпуская на второго призрака вереницу тёмных стрел. Чёрные снаряды исчезли в существе без видимого эффекта.

Увидев, что стало с его собратом, призрак метнулся прочь от Вала и завис рядом с мостом, вне пределов её досягаемости. Он вытянул руку в сторону её меча, а затем перетёк в тёмное стекло и исчез из виду. Плоской стороной собственного клинка

Галаэрон попытался выбить оружие из её хватки, но не смог дотянуться совсем немного.

- Вала, брось меч!

Галаэрон ещё кричал, а глаза Валы уже остекленели и побелели. Она бросилась на Мелегонта, вскинув судорожным движением для удара негнущуюся руку. Не ожидавший такого, маг повернулся к этой неуклюжей атаке, выбрасывая руки в отчаянном блоке и наставляя их Вале прямо в грудь. Выкрикнув два слога, он взрывом отбросил её тело назад. Женщина приземлилась в двух шагах на стороне моста вниз по течению, распластавшись на спине и ошалев от взрыва.

Рука Валы начала разжиматься, и чёрный меч окунулся в воду.

- Хватай её меч! – пытаюсь проскочить мимо Мелегонта, Галаэрон поскользнулся на замшелом камне и упал на колено. – В нём её душа!

Мелегонт наклонился и потянулся за оружием, но её белёсые глаза уставились на него, и он резко отшатнулся.

- Убей меня!

Вала поскользнулась через стремнину, медленно вращаясь, поплыла вниз по течению и, поскольку чешуйчатые доспехи тянули её под воду, начала быстро тонуть. Игнорируя тот факт, что даже эльфийская кольчуга не была невесомой, Нихмеду швырнул свой меч на мост и, перепрыгнув через Мелегонта, бросился за ней.

Он вошёл в ледяную реку вниз головой и двумя быстрыми гребками поднырнул под стремнину, затем схватил в горсть волосы женщины и продолжил погружаться. Не было никакого смысла спасать Валу, если он позволит утонуть чёрному мечу вместе с её душой. Дёрнув женщину за волосы, он опустил глубже и протянул свободную руку к стеклянному мечу - и вдруг понял послание, которое несла в его душу вода.

Продолжая держать женщину за волосы, Галаэрон переместился ей за спину и поменял руки, а затем потянулся через её плечо и схватил руку с мечом. Вала завертелась и засучила ногами, пытаясь освободиться, но смогла только поднять их на несколько футов вверх, прежде чем они начали тонуть снова. Галаэрон выпустил волосы и обернул руку вокруг её горла, зажимая сгибом локтя уязвимые вены у неё на шее.

Почти мгновенно Вала обмякла. Её голова склонилась набок, а глаза вернулись в орбиты, и рука, держащая чёрный меч, разжалась как раз вовремя, чтобы Галаэрон смог беспрепятственно забрать оружие. Он поймал меч за рукоять и устремился к поверхности. Нихмеду так замёрз, что едва заметил ледяное прикосновение клинка.

Если бы он успел отдохнуть, или чешуйчатые доспехи Валы были такими же лёгкими, как эльфийская кольчуга, он смог бы вытащить их обоих на поверхность. В действительности же у него едва хватало сил, чтобы удержать их от дальнейшего погружения - и эти силы быстро таяли. Засунув чёрный меч обратно в ножны Валы, он вытащил свой кинжал и начал срезать пряжки с тяжёлой грудной пластины её доспеха.

Галаэрон как раз закончил одну сторону, когда увидел плывущий сверху пухлый силуэт Малика. На мгновение ему показалось, что это всего лишь игра воображения, или, что его наконец-то доконала ледяная вода. И хотя коротышка не представлялся

ему героической личностью, он уже проявил себя однажды в Тысяче Ликов, и вот теперь снова нырнул за ними, оставляя позади себя разматывающийся тюрбан. Не имея времени убрать кинжал, Нихмеду выпустил его и поднял руку.

Малик её проигнорировал, плавая вокруг них и таща за собой тонкую верёвку. Где-то под своей рукой Галаэрон почувствовал толчки человека и забрал у него шнур, затем обернул его вокруг Валы и сунул назад своему спасителю. Течение начало их сносить, но Малик успел завязать узел. Обхватив для пущей надёжности Валу ногами, Нихмеду обеими руками вцепился в верёвку.

Едва он начал тянуть, как шнур уже выдернул их на поверхность. Эльф зашёлся холодным кашлем, и его дыхание вернулось. Он увидел, что Малик цепляется за его пояс, вопит в ужасе и снова тянет их назад под воду, стараясь изо всех сил добраться до верёвки. Галаэрон схватил коротышку за ворот и подтащил выше.

- Малик! Спасибо! – Нихмеду направил его руку к верёвке. - Это был очень храбрый поступок с твоей стороны.

- Не думай об этом, - закашлялся коротышка. - У меня есть дурная привычка совершать храбрые поступки в трудных ситуациях.

Не зная, как отнестись к этому признанию, Галаэрон перевернул Валу на спину, и наконец бросил взгляд вверх по течению, туда, где другой конец верёвки был приторочен к седлу Келды. Кобыла как раз неслась рысью под арку в башню моста и тянула их по диагонали против течения. Бросившись за ней следом, Такари и Мелегонт скользили вдоль моста, в то время как Арис, каким-то образом освободившись от двух теней, стоял на коленях у кромки моста и вытягивал длинную руку, пытаясь схватить верёвку.

В конце концов, ему это удалось, после чего он подтянул троицу к мосту и водрузил в безопасное место. Малик свистнул, чтобы Келда остановилась, а Галаэрон занялся Валою. От заклинания, отбросившего её в реку, доспехи женщины закоптились и погнулись. Но никаких более значимых повреждений взрыв не вызвал, за исключением того, что она чуть было не утонула. Воин повернул её на бок и, зажав между своими коленями, надавил на спину. Закашлявшись, Вала извергла из лёгких холодную речную воду и начала дышать самостоятельно.

- Жить будет, - изрёк Арис.

- Но не здравствовать, - донеслось от Джингелшода, обходящего Ариса с другой стороны. - Пока не освободится от этой реки.

Галаэрон вперил взгляд в рыцаря-призрака, едва сдерживая свой тёмный гнев.

- Ты мог хотя бы предупредить нас.

- И что бы вам это дало? - Джингелшод отвёл глаза, продолжая идти вперёд за Мелегонтом и Такари в тени второй башни моста. – Если бы вы не оказались достаточно сильны, чтобы победить слуг, я не думаю, что вам хватило бы сил победить хозяина.

Нихмеду смотрел вслед ржавому рыцарю ещё мгновение, затем подхватил Валу и кинулся за ним. Как только они пересекли тени башни, женщина зашевелилась, её рука обвила шею эльфа, а глаза распахнулись.

- Г-Галаэрон? - казалось, она была почти на грани сознания и еле смогла выговорить его имя. - Ты... пришёл за мной?

- Ты думаешь, я позволил бы тебе утонуть?

- Значит, мы живы?

- На данный момент, да.

Он улыбнулся, и когда они ступили на сухую дорогу, губы Вали неожиданно прижались к его губам, а её тёплый язык начал нежный танец у него во рту. Как бы не был удивлён Галаэрон, он не стал возражать, если бы только не стыдливая вина в глазах Мелегонта – и не боль в глазах Такари.

ГЛАВА 17

30-е Найтала, год Бесструнной Арфы

Где-то в нескольких милях поодаль из травы поднялась ввысь стая луговых перепелов - две дюжины крупных пятнышек, разлетевшихся во все стороны. При виде такого обилия жирных птиц рот Аобрика Нихмеду наполнился слюной. Каждый из Благородных Клинков и Высокородных Жезлов, спрятавшихся в паучьи норы на припекаемом солнцем склоне, испытал в тот момент схожие чувства. Почти десятидневку Мечи Эверески существовали на пайке, состоявшем из хрустящих ящериц и запечённых с помощью магии мышей. Эльфы отказывали себе даже в кактусах и волчьем корне, из опасений быть замеченными фаэриммами. Присоединившиеся к Мечам надменные аристократы едва ли ожидали подобных испытаний. Однако пока никто не жаловался. С тех пор, как они перешли от открытых боёв к засадам и внезапным атакам, потери снизились с катастрофических до просто тяжёлых. К тому же, они убили штук двадцать фаэриммов. По подсчётам Аобрика, им потребуется пожертвовать всего десятью жизнями за каждую тварь, чтобы уничтожить всех, оставшихся в Шараэдиме.

В двухстах шагах от перепелов через ручей шмыгнула пара лунных лисиц, ведущая за собой выводок из четырёх щенят. Было там что-то, на восточном конце Сияющей Долины – широкой, усыпанной песком низины, отделявшей Шараэдим от холмов Серого Покрова. Несмотря на любопытство, Аобрик сопротивлялся искушению усилить свое эльфийское зрение магией. И двух часов не прошло с тех пор, как часовые прислали Мечей с новостями о приближающейся группе. Он должен засесть на месте, внимательно следя за равниной невооруженным глазом и терпеливо ожидая следующего намёка на присутствие враждебных существ.

Достаточно скоро он заметил рябь, змейкой бегущую по траве. Она неуклонно скользила к высокому, напоминавшему формой своей чашу, утёсу, известному как

Гнездо Рух – естественная цитадель, во времена Войн Короны дававшая приют эльфийским гарнизонам почти тысячу лет. И хотя после падения Аривандаара крепость была заброшена, теперь её местоположение – между Эвереской и холмами Серого Покрова – заставляло задуматься о том, чтобы устроить здесь наблюдательный пункт.

Сердце Аобрिका забилося быстрее. Рябь с лёгкостью покрывала расстояние в полмили, слишком длинная и ровная, чтобы обозначать присутствие любого зверя. Она неуклонно двигалась по направлению к естественной крепости, не отвлекаясь ни на поиск добычи, ни на возможных хищников. Есть лишь одно создание, способное столь легко и уверенно путешествовать по открытой местности. Аобрик высунулся из паучьей норы и поднялся на холм, давая сигнал готовиться к битве.

Ридвих Бурмейс, отрядный мастер магии, высунула свою головку, украшенную соболиного цвета косами из следующей норы.

- Тебе не стоит и думать об атаке! – прошипела она. – Десять шипастых – слишком много. Особенно с иллотидами и бехолдерами на подхвате.

- Прикажи своим Жезлам готовиться, – бросил Аобрик, уклоняясь от спора. – Там помощь для Эверески, и я не буду стоять в стороне, пока фаэриммы устраивают засаду.

Ридви изогнула тонкие брови и оглядела равнину.

- Невидимость – это здорово, – несколько секунд она изучала рябь, а потом сказала: – И скорость, как я посмотрю. Но помощь – громкие слова. В колонне не будет и двухсот всадников.

- Мы понятия не имеем, кто эти двести, мастер магии – и чего они добиваются. –

Ответ позвучал резче, чем хотелось. Быть может из-за разочарования, которое разбудил в сердце Аобрिका вопрос Ридвих. По самой оптимистичной оценке Мечей – расчётам, которыми они не могли поделиться с Эвереской или кем-либо еще – в Шараэдиме было двести фаэриммов. – Ты дашь сигнал Жезлам или это должен сделать я?

- Не нужно злиться, лорд Нихмеду, – отрезала Ридвих. – Я осведомлена о вертикали власти, хотя будьте уверены, Дом Мечей пересмотрит её, если дела пойдут плохо.

- Если дела пойдут плохо – этого не потребует.

Он отмахнулся от Ридвих, а затем повернулся, чтобы отыскать глазами часового, спускающегося по склону холма. Дав Мечам знак оставаться на месте, Аобрик начал подтягивать ремни доспехов. К тому времени, когда с этим занятием было покончено, часовой уже был рядом. Сотня Мечей разбрелась по склону холма.

- Фаэриммы не на нас охотятся, Аобрик, – золотому эльфу, превосходящему Аобрिका по положению, было бы недостойно обратиться к нему по званию. – Они просто передвигаются.

- Вниз по Сияющей Долине, лорд Дюрет?

Эльф кивнул.

- Как...

- Кто-то пытается добраться до Гнезда Рух, – Аобрик указал на траву. – Может быть, это помощь.

Золотой эльф посмотрел в указанном направлении.

- Если и так, то толку будет немного. - Прищурившись, Дюрет добавил: - Разве что...

- От твоих соображений, покуда ты ими не делишься, тоже толку мало.

- Я думаю про Гнездо Рух, - пояснил Дюрет. – Зачем загонять себя в ловушку...

- Если только не сможешь пробиться наружу...

- Но защищаться тебе нужно до последнего, - закончил Дюрет. – Могут ли они поднять ворота?

Аобрик кивнул.

- Это имеет смысл.

- Нам лучше поспешить, - Дюрет указал на западный склон холма, который мягко спускался к равнине у входа в Сияющую Долину, - Они приближаются к Стене Смерти.

- Вперёд... и быстро, - Аобрик приказал Мечам следовать за Дюретом.

Ровной трусой Благородные Мечи двинулись вперёд, и Аобрик поспешил за ними. Стена Смерти была нематериальным барьером, который фаэриммы воздвигли вокруг Шараэдима и холмов Серого Покрова. Она получила свое название не за то, что убивала всякого, осмелившегося пройти или пролететь сквозь неё – хотя в сущности так оно и было – а за то, что блокировала всякое магическое и физическое сообщение с внешним миром. Ридвих и её маги проводили каждый лишний час в попытках прорвать блокаду, но так и не добились успеха.

В полном безмолвии Мечи поднимались по склону. Добравшись до вершины, Дюрет, Аобрик и Ридвих проползли до гребня и заглянули в Сияющую Долину.

Продвигаясь к Гнезду Рух, они оказались в нескольких сотнях шагов от фаэриммов. В дополнение к десяти шипастым здесь присутствовала дюжина иллитидов, столько же бехолдеров и две сотни рабов с поработанным разумом. Эти представляли собой смешанную группу, в основном состоящую из людей и багбиров. Однако число эльфов в их рядах было тревожно большим. Аобрик испытал настоящий приступ отчаяния, обнаружив среди рабов позолоченного ястреба и двух львов, украшавших шлемы Благородных Мечей.

Оставив Дюрета продолжать наблюдение за противником из-за гребня, Аобрик и Ридви заскользили вниз по склону, двигаясь параллельно вражескому отряду и ведя за собою Мечей. Вскоре хребет стал ниже, достигая в высоту всего семи футов. Отряд противника спустился прямо к границе Стены Смерти, отмеченной разлагающимися трупами птиц и кроликов.

Рябь на равнине располагалась теперь лишь в четырёхстах шагах от Гнезда Рух. Хотя невозможно было точно сказать, видели ли врага невидимые гости, фаэриммы своего присутствия не скрывали. Они задержались у Стены Смерти достаточно долго для того, чтобы один из них поднял четыре руки, сотворив мерцающий зеленоватый полудиск.

- Четыре руки! Не удивительно, что мы так и не смогли найти заклинание! – прошептала Ридвих.

Первые два фаэримма прижались к мерцающему дверному проёму и просочились через него. Их тела растекались по поверхности невидимой стены. Остальные последовали за сородичами. Аобрик скривился. Медленный процесс

мешал воспрепятствовать удару врага со спины. Им придётся удерживать проём, словно армии, обороняющей важную переправу.

Один за другим остальные фаэриммы проплывали к portalу, оставляя иллитидов и бехолдеров позаботиться о проходе рабов. Высокомерные, как обычно. Они даже не задумывались о нападении со спины. Обидное напоминание о том, как ничтожно мал тот урон, что способны были нанести врагу Мечи, подумал Аобрик.

К тому времени, когда последний фаэримм миновал барьер, быстроходные гости достигли основания Гнезда Рух. По крайней мере, рябь уже находилась там. Перед воротами заволновались птицы, и невидимые воины разбежались, чтобы создать первую линию обороны.

Фаэриммы сгрудились в кучу, споря, наполняя воздух странным свистом и сердито жестикулируя. Потратив на это несколько минут, они вернулись к Стене Смерти, где создали ещё девять мерцающих порталов. Бехолдеры и илликиды начали заталкивать туда рабов, в то время, как шипастые отчаянно работали, чтобы направить их в бой. Аобрик не мог не улыбнуться. На его памяти это был первый раз, когда планы фаэриммов кто-то нарушил.

Похоже, новички жаждали битвы. От Гнезда Рух в воздух поднялся десяток золотых метеоров. Они остановились рядом с фаэриммами и взорвались, образуя гигантские цветы янтарного пламени.

- Это разящий огонь, - прошипела Ридвих.

Аобрик поднес палец к губам, раздраженно – но молча – хмурясь в ответ. Он не рассердился на соратницу, так как понял причину, вызвавшую её тревожное восклицание. Разящий огонь был особенным оружием магов эвермитского флота. Он был создан для тех редких случаев, когда островное государство считала нужным обороняться на море.

Вслед за пламенем поднялся режущий ветер – вне всякого сомнения также магический. Он понёс огонь в сторону Сияющей Долины. Рабы волновались все сильнее, становясь всё более сложно управляемыми. В конце концов, они разозлили фаэриммов настолько, что те убили горстку в назидание остальным. Но это лишь заставило других запаниковать. Несколько десятков развернулось, чтобы броситься через порталы обратно в Шараэдим.

Пара меньших фаэриммов отделилась от группы сородичей, чтобы призвать обратный ветер. Это остановило разящий огонь в трёхстах шагах от Стены Смерти. Пламя продолжало гореть, и существа сотворили дождь, хлынувший с чистого неба. Но вода просто обратилась в пар. Фаэриммы запустили в пламя огромный пласт грязи. Безрезультатно, огонь глотал землю, словно уголь. Пламя разгоралось вновь.

Наконец, один из фаэриммов попытался развеять магию, создавшую огненный занавес. Обычно уничтожение творения рук корабельного мага было непростой задачей, но фаэримм был больше, чем рядовое существо, использующее магию. Едва он закончил махать руками, как часть огненной стены исчезла, оставляя в пылающем занавесе тридцатифутовую брешь.

Сквозь прореху метнулся серебристый снаряд, ударяя прямо в фаэримма. Ослепительная вспышка – и месиво из рук и шипов взлетело на тридцать футов в воздух.

- Во имя Ангарад! – прошепел Аобрик, поворачиваясь к Ридвих. – Что это за магия?

Ридвих лишь указала на равнину, где стоял мужчина, облаченный в чёрные одежды и державший в руке чёрный посох. Аобрик едва успел разглядеть чёрную бороду, когда новый шар разящего огня рухнул вниз, чтобы прикрыть прореху в пылающей завесе.

- Похоже, наша помощь может не понадобиться, - прошептала Ридвих.

- Молю о таком везении, - ответил Аобрик. – Тем не менее, нам стоит подготовиться. Готовь защитный барьер.

- Нет никакого вреда в подготовке, - Ридвих отвернулась, чтобы присоединиться к небольшой группе Высогородных Жезлов.

Если гости решили, что уничтожение одного фаэримма станет препятствием для остальных, они глубоко ошиблись. Существа рассредоточились. Образовав ровную линию, они поплыли вперёд, после чего одновременно рассеяли сразу весь пылающий занавес.

На этот раз не было никаких потоков серебряного пламени. Только шквал молний и золотых снарядов. Фаэримм сгинул среди девяти столпов ревущей магии, каждый из которых был напичкан таким количеством заклинаний, что земля раскололась, а небо задрожало. Один из противников резко развернулся и рухнул кучей обожженной плоти, однако остальные твердо стояли на месте, отвечая атаками на атаки.

Сквозь серую дымку надвигался длинный строй магов. Одни были похожи на людей, другие на эльфов. Теперь, после атаки, все они стали видимы. Они распадались на двойки или тройки, а иногда исчезали в крови и дыме. Опасаясь, что союзники подготовлены не столь хорошо, как ожидалось, Аобрик очень хотел предложить им сменить тактику. Ещё раньше он со своими Мечами сделал неприятное открытие – заклинания, пущенные в фаэриммов имели обыкновение ricochet в мага, их запустившего. С другой стороны, имело смысл не давать шипастым расслабляться. Возможно, в этом и состояла цель новых союзников. Было понятно, что план у них был. План и по крайней мере несколько сюрпризов.

Аобрик снова попытался отыскать взглядом бородатую фигуру, но быстро понял, что это безнадежно. Решив, что пришло время Эвереске показать собственные сюрпризы, он поднялся и вытащил меч.

- Стрелы и заклинания! – выкрикнул он. – Стреляем и медленно наступаем!

В воздухе зазвенели натянутые тетивы, обрушивая на рабов, пойманных в ловушку у Стены Смерти, град шипящей смерти. Первый залп, как и большая часть второго, отбросил иллитидов прежде, чем те успели повернуться и использовать свои ментальные способности против магов. Высогородные Жезлы послали в противника несколько огненных шаров и ледяных вихрей, чтобы не дать ему снова обрести равновесие. Однако восемь из десяти сохранили спокойствие и выступили в первых рядах атакующих.

Когда бехолдеры, наконец, пришли в себя и направили свои смертоносные глаза в сторону нападающих, Ридвих заорала: «Защитный экран!»

Все вместе Жезлы произнесли заклинание и бросили на землю горсти серебристого порошка. Воздух перед ними замерцал, словно лучи света отражались

от зеркальной поверхности, и магия бехолдеров отскочила во всех направлениях. Прицелившись, стрелки Аобрика замерли в ожидании. Они выпустили стрелы, когда, пытаясь уничтожить защитный экран, существа повернули к ним огромные, рассеивающие магию глаза. Большая часть бехолдеров рухнула от первого залпа. Выжившая горстка погибла от второго.

Растерянные рабы, предоставленные сами себе, повернулись, чтобы неорганизованно встретить атаку.

- Если сможете, сохраните им жизнь. Но давайте быстрее! – крикнул Аобрик. – Мы должны показать нашим друзьям из Гнезда Рух, как убивать фаэриммов!

Ридвих и её Жезлы бросили целую волну заклинаний, погружая треть рабов в глубокий сон. Двадцать человек беспомощно давилось приступами смеха, а десятки других побросали оружие и скрылись восвояси. Горстка ослепла и теперь кричала, упав на колени. К сожалению, два десятка воинов, желающих помешать продвижению Мечей, осталось на ногах.

Аобрик обрушился на них. Используя свой эльфийский меч, он отбросил топор человека с пустым взглядом, а затем проскользнул мимо, ударяя атакующего кулаком в челюсть. Отпрянув, он схватил топор и швырнул его в наступающего багбира. Поднырнув под ногами монстра, эльф рванулся вперед, кидая песок в глаза трёх эльфов, стоящих перед порталом.

- Приятных сновидений, - сказал он, добавляя тайный символ, придавший его словам магическую силу.

Колени двух эльфов подогнулись, а третий зашагал вперёд поступью танцующего клинка. Подобному Аобрик Нихмеду часто учил своих самых многообещающих учеников в Академии.

Ему стоило бы отойти в сторону и позвать одного из Жезлов, чтобы тот сотворил смертельное заклинание. Но он не мог так поступить с одним из своих учеников. Зная, что будет дальше и доверяя собственным навыкам, он заблокировал атаку снизу, сделал выпад, парировал ответный удар, и непроизвольно ударил противника локтем в челюсть, после чего ощутил что-то горячее и острое, пробившее кольчугу.

Аобрик опустил голову, чтобы обнаружить серебряный кинжал, торчащий из бока.

- Ну, замечательно, - он прижался к мерцающему portalу сквозь Стену Смерти. – Очень хитро.

Мир вокруг стал горячим и плоским. Он испытал странное мгновение бесконечно пребывающей, пьянящей энергии, а затем бок его опалила боль и эльф повалился на землю.

Боль. Аобрик стремительно метнулся к той части своего сознания, где смог бы понимать, о чём говорит это ощущение, но не дать ему властвовать над собой. Он упал, оттолкнулся, перекатился на плечи и вскочил на ноги. Казалось, меч и вырванный кинжал образовали вокруг него обволакивающий защитный узор. Он ощутил, как клинок рассёк чьё-то тело позади, он знал, что человек пытался пройти слева, а значит справа кто-то есть. Он ударил кинжалом из-под руки, державшей меч, целя в горло врага и быстро заставляя того распрощаться с жизнью. Приглушенное бульканье показало, что интуиция Аобрика ничуть не ослабела за прошедшие два

века, однако тот едва обратил на это внимание. Он снова начал свой кровавый танец. Ум и тело слились воедино, становясь инструментом, ведомым волей, неотличимой от безумного вихря битвы, разворачивавшейся вокруг Аобрика. Нога эльфа инстинктивно метнулась в сторону, нанося удар вслепую. Человек, раненный им мгновением ранее, издал болезненный вой.

Аобрик кружился, клинки мерцали, кровь лилась рекой. Нельзя было сказать, что он снова стал певцом клинка – это было невозможно для эльфа, на плечах которого при почти полном отсутствии времени покоилось столько обязанностей. Но полученный тяжким трудом и долгими тренировками дар вернулся. Он стал сильнее, быстрее и проворнее. И быть может это был уже не тот танцующий клинок, что несколько столетий назад покорило сердце Моргвейс, но, по крайней мере, клинок этот всё ещё умел кружить. В ушах барабанным боем отдавалась старая боевая песня, и эльф начал чувствовать в Плетении всё происходящее на поле боя. Он видел, как дрогнула под атакой стена рабов со стеклянными глазами, чувствовал, как пробиваются сквозь Стену Смерти позади него леди Бурмейс и лорд Дюрет, слышал голоса Высокородных Жезлов, творящих свои заклинания. Впереди он увидел, как устремились сквозь бурю клинков и снарядов фаэриммы, услышал, как одно из существ верещит от боли, когда железное копьё пронзает его тело. Он ощущал потрескивающую энергию голубого купола силы, поднимавшегося в небо, чтобы накрыть собою всё Гнездо Рух.

Сам по себе в руке Аобрика возник кусочек шёлка. Эльф бросил его в сторону десятка рабов и произнёс три тайных слога. Золотая паутина окутала ноги нападавших, останавливая атаку. Слева донёсся стук шагов. Он развернулся и оглушил женщину ударом ноги в голову. Воздух пропитал запах мускуса, и эльф отпрыгнул назад, катясь прямо под ноги изумленному багбиру. Аобрик погрузил меч в кишки монстра и высвободил его прежде, чем выступила кровь. Вскочив на ноги, эльф услышал легкую поступь, донесшуюся с раненной стороны.

Он опустил меч, так как больше не видел атакующих рабов, и наклонился, чтобы вытереть клинок об одежду человека.

- Впечатляет, - сказала Ридвих и вложила в его руку лечебное зелье. – Но ты мог бы оставить песни клинков для молодых дворян.

- Тяжело отказаться от старых привычек, - Аобрик позволил себе поморщиться, а затем выпил зелье. Исцеляющее тепло волной пронеслось по усталому телу, однако раненный бок всё ещё пронзало холодом. – Проклятье, вот этого юнца я желал бы учить не столь усердно.

Ридвих вздернула бровь.

- Если ты ранен слишком сильно...

- Когда мне станет слишком больно защищать Эвереску, ты узнаешь об этом по кускам тела, разбросанным по земле.

Аобрик оглянулся через плечо и обнаружил, что вокруг собираются остальные члены отряда. Они потеряли около двадцати Клинков, но все двенадцать Жезлов всё ещё были здесь. Эльф махнул клинком в сторону Гнезда Рух и бросился вслед за фаэриммами.

- За Эвереску!

- За Эвереску!

И если бы ответный клич оказался слабее или тише, чем хотелось, собственный крик Аобрика решил бы эту проблему. Боль растекалась, сжимая живот спазмами. Клинок задел что-то жизненно важное, но тут уж ничего не поделать. Оба отрядных целителя давно мертвы, поэтому он мог лишь сражаться бок о бок с союзниками Эверески и надеяться, что у них есть хороший лекарь. Или же сесть и умереть.

Аобрик отстранился от боли, призывая все старые умения поющего клинка, дабы набраться сил от Плетения и провести отряд через обуглившуюся равнину. Приблизившись к Гнезду Рух, он был поражен потерями союзника. Эльфы и люди валялись здесь десятками. Некоторые были тихи и неподвижны, кто-то ещё извивался и стонал. Он собственными глазами видел человек семьдесят или восемьдесят, и догадывался, что общая сумма легко может оказаться в два раза больше. Отрядив полдюжины собственных раненных, он приказал им сделать для пострадавших союзников всё возможное, хотя все понимали, что этого будет мало.

Долину сотряс громopodobный треск, раздавшийся в семидесяти шагах от врага. Синий купол, сотворённый новыми союзниками, замерцал и потемнел, а затем вспыхнул. Фаэриммы снова двинулись вперёд, но засевшие в Гнезде Рух встретили их залпом стрел и копий. Грохочущее облако пронзили тёмные лучи. Многие из них отскакивали от чешуек шипастых, не причиняя монстрам вреда, но некоторые всё же находили уязвимые места. Один монстр повалился на землю с древком эльфийского копья, торчащим изо рта, ещё пара вопила от боли, но большинство не обращало ни малейшего внимания на палки, торчащие из тел.

На вершине Гнезда Рух появились сотни воинов. Теперь, двинувшись в атаку, они снова стали видимыми. Развернувшись, союзники начали карабкаться вниз, чтобы скрыться за зубчатой каменной стеной. Они сделали лишь шаг прежде чем край потонул в ливне дымящегося, чёрного дождя и золотого пламени. Треск пламени и мучительные крики смешались в единую какофонию звуков. А потом было ещё что-то – четыре ревущих голоса, выкрикивающих одно и то же замысловатое заклинание. Они работали вместе, дополняя друг друга, чтобы соединить отдельные нити Плетения в единое творение.

- Это Круг! – сказала Ридвих, подходя к Аобрику. – Высшие маги пытаются открыть врата!

- Сколько это займет? – спросил эльф.

- Слишком много, - Ридвих указала на выживших фаэриммов, которые вырывали из своих тел последние стрелы и подбирались к Гнезду Рух. – По крайней мере десять минут.

Сердце Аобрика сжалось. С начала битвы прошло лишь пятнадцать, и гостям пришлось неплохо потрудиться, чтобы сдерживать фаэриммов так долго. Он поднял руку в воздух, вытягивая большой палец и мизинец в знак «лук».

- Стрелы! – он повернулся к Ридвих. – Сколько ваших смогут использовать здесь магию?

- Никто, если собираешься отправить нас в битву, - сказала она. – После любого транслокационного заклинания наступает момент волнения – именно он и нужен фаэриммам.

Аобрик кивнул, а затем сжал кулак и опустил руку, останавливая Мечей.

- Умереть так – плохая идея. Но мы должны купить им время. Возьми своих Жезлов и сделай всё, что сможешь. Клинки же сделают всё, зависящее от них.

Лицо Ридвих побледнело, но она кивнула.

- За Эвереску.

- За Эвереску – и всех эльфов, оставшихся на Фаэруне, - боль в животе Аобрика сменилась тошнотой и пустотой. Одно дело, вести отряд на опасное задание. Совсем другое – отправить дюжину отважных эльфов на смерть. – И пусть Стрелок присмотрит за тобой.

- И за тобой, лорд Нихмеду, - слабо улыбнувшись, Ридвих поцеловала его в щеку.
– Не позволяй им сделать из меня безмозглого раба.

- Как и из меня, - ответил Аобрик.

Ридвих достала пару боевых жезлов, а затем закрыла глаза и использовала свою магию, чтобы переговорить с остальными магами.

Аобрик снова перевел взгляд на Гнездо Рух, где пять полных сил фаэриммов уже были на полпути к краю стены. Остальные двое держались ближе к земле, размахивая хвостами и стараясь прийти в себя.

- Рассредоточились и наступаем! – крикнул Аобрик.

Небо потемнело от стрел. По крайней мере дюжина летела к каждому фаэримму. Около четверти снарядов, нацеленных в раненых существ, нашла свою цель, впиваясь в щели между чешуйками или в незащищённую зону у рта. Один шипастый упал, корчась и извиваясь, словно форель, вытащенная из воды. Второй исчез в сиянии заклинания телепортации. Оставшиеся стрелы пролетели в нескольких дюймах от целей, после чего ударились в невидимый щит и отскочили, не причиняя врагу вреда.

К тому времени, как стрелы упали на землю, Ридвих и её Жезлы уже оказались в воздухе, мчась вслед за фаэриммами, словно воробьи вслед за ястребами. Аобрик уже поднял руку, чтобы начать атаку с земли, когда увидел, как на зубчатый уступ у вершины Гнезда Рух шагнул чёрнобородый человек. В руках он держал чёрный магический посох и был облачён в толстые зимние одежды. Аобрик почувствовал, что именно он сотворил серебряное пламя, уничтожившее первого фаэримма.

Ударь их снова, друг мой. И в этот раз твои стрелы попадут прямо в цель. По моей команде.

Аобрик не задался вопросом, откуда в его голове возник этот голос. Не колеблясь, он выполнил его приказ. Он замер, подняв большой палец и мизинец в знаке «лук».

- Натянуть тетивы и прицелиться! – закричал Аобрик. – Выбирайте цели получше!

Пока он выкрикивал свои приказы, фаэриммы обрушили на фигуру на скале шквал магии. Здесь были огненные шары и ледяные вихри, кружащиеся облака пара и чёрные снаряды смерти, молнии и даже огромная бестелесная рука. Человек выдержал удар, широко раскинув руки и высоко подняв над головой свой чёрный посох. В ответ на атаку противника он ответил собственной, и его тело окружила фиолетовая аура.

Это мог быть только Хелбен Арансан. Аобрик снова воспрял духом. С одним из Избранных, вступившим в бои за Эвереску, изгнание фаэриммов из Шараэдима,

разумеется, стало лишь вопросом времени. Он терпеливо ждал обещанного сигнала, наблюдая за тем, как его Жезлы приближаются к фаэриммам, а фаэриммы, в свою очередь, несутся к Гнезду Рух, покуда не забеспокоился о расстоянии и точности стрельбы. Кроме того, он опасался, что лучники могут ударить по собственным магам.

Наконец бородатая фигура опустила посох. И хоть за бормотанием высших магов и грохотом битвы невозможно было различить голоса архимага, Аобрик увидел, как пальцы человека мелькают в знакомых жестах рассеивающего заклинания. Он опустил руку.

- Стреляй!

Голоса восьмидесяти луков слились в один. Небо потемнело от стрел. Приближаясь к фаэриммам, стрелы образовали облака, напоминавшие осиный рой, собравшийся вместе, чтобы покусать глупцов, осмелившихся потревожить их улей.

Стрелы ударялись с едва слышимым глухим стуком, заставляя фаэриммов отступать ближе к базальтовым утёсам Гнезда Рух и немного ниже. Половина снарядов обрушилась на чешуйчатые доспехи существ, но другая погрузилась глубоко в их тела, добавляя оперение своих хвостов к шипам, уже торчащим на спинах фаэриммов.

Сменив курс, Высокородные Жезлы бросились в бой, но были быстро остановлены, когда горстка побитых человеческих магов появилась рядом с Хелбенем, чтобы швырять в фаэриммов снаряды и магические вспышки. Некоторые заклинания рикошетили от предполагаемых целей, летя назад к создавшему их магу, а ещё с дюжину просто растворились, не причиняя видимого вреда. Остальные же поражали врага, разбрасывая во все стороны треснутые чешуйки и шипы.

Один фаэримм потерял руку и упал на землю, только чтобы сгинуть в серебряной вспышке. Остальные четверо отбивались, силясь прожечь обожжённую стену Гнезда Рух разноцветными шипящими снарядами. Взрывы молний, потоки огня и взрывающиеся градины. Но самой разрушительной стала волна невидимой силы, которая врезалась в сам утёс с таким жутким грохотом, что он ударил Аобрика, словно чья-то рука. По склону горы прошла паутина трещин. Вниз посыпалась чёрная пыль и осколки разбитого камня.

Жезлы собрались где-то над фаэриммами, создавая раздражающее облако. Аобрик поднял руку, чтобы приказать Клинкам атаковать, и был поражен, увидев, что сам находится в нескольких шагах позади своего отряда. Эльф решил не позорить своё звание, став последним в бою. Он потянулся к Плетению и почувствовал, как его пронзает сила. Однако, он также понял, что ноги его не станут идти быстрее, а лёгкие не смогут вместить больше воздуха. Аобрик не мог понять, в чем дело, покуда не ощутил тупое жжение в животе и не почувствовал, как что-то теплое стекает по ноге. Боль, которую он задвинул в сторону. Но ведь он давно переступил порог того, что можно потребовать от живого тела.

Как только оползень прекратился, облако пыли заполнили яркие вспышки и глубокий грохот. Из волнистой массы вывалилась дюжина Высокородных Жезлов, падая на землю где-то в центре Благородных Клинков. Не обращая внимания, те, крича, исчезли в кружащемся мареве.

Аобрик мчался за своими людьми. Его лёгкие болели, а мышцы сжигало пламя. Плоская равнина превратилась в укутанное туманом поле каменной крошки и призрачных силуэтов. Воздух загустел от удушающей пыли, наполняющей горло и вызывающей кашель. Эльфу пришло в голову, что он, быть может, не выживет, чтобы поблагодарить новых союзников Эверески. Мысли его мгновенно метнулись к Моргвейс – Красной Леди. Её кожа была такой бронзовой, что казалась почти алой. Он пожалел, что не отправился с ней в Высокий Лес. Не потому, что боялся того, что вот-вот должно с ним случиться, и даже не потому, что знал – ему не суждено её больше увидеть. А потому, что мог дать ей подумать, будто долг для него значит больше, чем она.

Добравшись до края оползня, Аобрик увидел, что его призрачные Клинки карабкаются по валунам, хватаясь за длинные серые канаты, тянущиеся по камням. Один эльф спрыгнул с валуна и, опустив свой меч, ухватился за веревку. Он начал подниматься, и канат медленно потащился по земле. Другой воин ухватил его и опустил на место между двумя камнями, удерживая верёвку на месте.

Кашляя и задыхаясь так, что он едва мог стоять прямо, Аобрик обежал взглядом пятидесятифутовый подъём. Прямо до аморфной капли, висящей сверху. В облаках кружащейся пыли она выглядела, словно какая-то медуза, с бесформенным телом и длинными веревочными щупальцами, свисающими вниз. Командиру Клинков потребовалось лишь мгновение, чтобы понять – запутанный узел, который он видит – жутко переломанные руки и ноги трёх Высокородных Жезлов, крепко привязанных к их врагу липкими белыми полосами магической сети.

Вспыхнувший огненный шар подпалил фаэримма, вызывая одинокий мучительный эльфийский крик. На мгновение, Аобрик решил, что заклинание метнул Хелбен или же кто-то из человеческих магов. Когда существо не рухнуло на землю, Аобрик понял, что огненный шар был не более чем его отчаянной попыткой освободиться. Но эльфийские веревки не горели. Два воина, при помощи полдюжины Благородных Клинков, потащили врага на встречу смерти. У шипастого были другие мысли, и он мгновенно скрылся в серебристом свете заклинания.

Второй фаэримм, все еще оправлявшийся от ярости предыдущих атак, оказался не таким удачливым. Тройка эльфов ухватила за веревки, а затем, пока товарищи настигали врага стрелами, потянула их вниз. К тому времени, когда оглушенное существо наконец додумалось поднять щит, они уже опустили его на землю, таща к шатающемуся валуну. Когда солдаты столкнули камень, брызги зеленой слизи не заставили гадать о судьбе твари.

Аобрик карабкался по скалам, направляясь в сторону Гнезда Рух. Он искал последних двух фаэриммов. Голоса высших магов не становились слабее, равно как крики раненых и грохот катящихся камней, но над битвой воцарилась зловещая тишина. К тому времени, как он добрался до основания скалы, облако пыли стало лёгкой дымкой.

К нему приблизился Дюрет:

- Скверно выглядишь, Аобрик.

Эльф лишь кивнул и оглядел оползень, лежащий внизу:

- Видел, что стало с оставшейся парой фаэриммов?

В глазах Дюрета промелькнула тревога.

- Нет.

- Тогда скажи всем, кто может, поспешить.

Аобрик развернулся к утёсу. Ещё примерно пятьдесят футов вертикальной скалы, а потом ещё сто – крутого подъема. Там, где сошёл оползень. Он вложил меч в ножны и перекинул через плечо веревку.

- Увидимся наверху.

Дюрет поймал его за руку.

- Ты не можешь этого сделать, друг, - сказал он. – Не один.

- Как я могу не смочь? – Аобрик вспрыгнул на скалу, карабкаясь ловко, словно паук, даже не смотря на свою рану. – Я сомневаюсь, что кто-нибудь сможет за мной угнаться.

- Аобрик, никто не ждет, что командир Клинков...

Но Аобрик уже был в двадцати футах над землёй. Пальцы его рук и ног двигались быстро, и он скользил от одной трещины к другой. Дюрет крикнул остальным, давая приказ перегруппироваться и узнавая, есть ли у кого заклинание полета. К тому времени, когда Верховный лорд всех собрал, Аобрик уже подтягивался на предательский склон, оставленный оползнем. Он заорал остальным стоять на месте, и начал карабкаться по ровному камню, дважды спотыкаясь и едва не соскальзывая вниз, к неминуемой смерти.

Высшие маги продолжали своё колдовство. По мере приближения к финалу, их голоса взмывали до невероятной высоты. Когда вершина склона, оставленного оползнем, показалась в поле зрения, Аобрик уже подумал, что двух оставшихся фаэриммов уничтожила Ридвих. Это, разумеется, случилось, когда над гребнем скалы прогрехотало боевое заклинание. Он привязал веревку к камню и бросил свободный конец остальным. Вытащив меч, он вскарабкался на гребень.

Здесь, на вершине, Аобрик повалился на живот и заглянул в Гнездо. Все, что осталось от древней крепости – несколько секций стены, построенной эльфами вдоль зубчатого обода. Но внизу стоял прямоугольный чёрный камень, всё ещё сияющий магией, которая извлекла его из земли. Перед камнем стояла женщина, золотая эльфийка, облаченная в одежды из тонкой паутинки. Её голос разносился по воздуху, когда она вынимала пряжи Плетения и вкладывала их в тёмный монолит. Женщина творила изящную килевидную арку, чьи пурпурные глубины становились все темнее и насыщеннее. С каждым укладываемым ею волоском сама волшебница, казалось, становиться всё тоньше и полупрозрачнее, словно она вкладывала в работу часть себя. Аобрик думал, что так оно и есть. Несмотря на то, что высшие маги хранили свое искусство при себе, он слышал, будто их магия часто связана со связыванием души.

Вокруг женщины стояли три мага-мужчины. Тела их были настолько же черны и непрозрачны, насколько полупрозрачна была эльфийка. Воздев руки к небу, они посылали в круг магические дуги. Голоса их вздымались в крещендо. Каждый творил отдельное поддерживающее заклинание, но вместе с тем их пение сливалось в музыкальную гармонию.

Склон под Аобриком состоял скорее из грязи, чем из камня. Он был усеян телами людей и эльфов. Некоторые извивались в агонии. Подняться на ноги не мог никто. На полпути вниз кружили два фаэримма, всё ещё связанные волшебной

паутиной магов Ридвих. Они кидали заклинания на сверкающий разноцветный купол. И хотя Аобрик признал в куполе самую мощную из защит, которые преподавались в Академии Магии Эверески, он не мог понять, зачем фаэриммы тратят столько времени на его нейтрализацию, в то время как маги были так близки к завершению врат.

Из-под купола шагнул Хелбен Арансан. Швырнув заклинание в одно из существ, он быстро нырнул обратно. Пораженный фаэримм застыл, а затем начал погружаться в землю. Тревожно засвистев, второй обогнул сферу и развеял магию, засасывавшую его друга в камень.

Внизу голоса магов возвысились до громоподобного рева. Арка засияла тёмно-фиолетовым светом, и эльфийка стала лишь мерцающим силуэтом.

Хелбен снова выскочил из-под купола и метнул луч чёрной смерти во второго фаэримма. Лишь для того, чтобы магия срикошетила в него. Маг попытался поднять свой чёрный посох, чтобы перехватить луч, но даже Избранные Мистры не могли поймать собственные заклинания. Снаряд ударил его в грудь и отшвырнул на дюжину шагов вверх по склону. Хелбен повалился на землю. Из дыры, прожженной в груди, поднялся коричневый пар.

Аобрик уже спешил по камням вниз. Его колени дрожали от слабости, дыхание превращалось в горячие влажные хрипы. Проходя мимо Хелбена, он с облегчением отметил, что края раны уже затягиваются, но кажется, архимагу больше не суждено участвовать в этой битве. Ближайший фаэримм развернулся, чтобы встретить атаку Аобрика. Его зазубренный хвост запутался в клубке эльфийских верёвок. Второе существо вытащило себя из земли и направилось вниз по склону, прямо к высшим магам.

Аобрик прыгнул на шесть футов вправо, а затем повторил манёвр, словно пытаясь обойти противника. Уже собираясь совершить третий прыжок, он понял, что враг захватил наживку, распыляя на своем пути испепеляющую чёрную кислоту. Аобрик прыгнул вправо, используя магию Плетения, чтобы перейти в замечательное сальто в воздухе. Меч кружился в руках, пока цель в панике наполняла воздух сверкающей магией.

Голоса высших магов внизу смолкли. Эльфийка исчезла в фиолетовом сиянии. Ворота светились магией. Она была такой фиолетовой, что казалась почти чёрной.

Волшебный снаряд ударил Аобрика в плечо, но он развернулся и метнулся к мясистым губам фаэримма – одному из немногих мест, которые не были покрыты магической паутиной – а затем нырнул в сияющий купол. Испуганное существо тревожно засвистело, и его товарищ развернулся, сплетая воздух в разящую магию.

Но Аобрик уже пришёл в себя. Вскочив на ноги, он бросился в сторону фаэримма, превращаясь в торнадо мерцающей стали. Тварь позвала напарника и метнулась, чтобы заблокировать эльфу путь через холм. Аобрик изобразил попытку обойти противника. Тогда он увидел, как внизу усталые маги опустили руки, и понял, что врата готовы. Изменив направление, он едва успел пробежать прежде, чем из-под земли вырвался клубок щупалец, норовящих схватить его за ноги.

- Осторожно! – крик вышел слабым и хриплым. Эльф зашёлся в приступе кашля. Из рта брызнула яркая кровь, забирая с собой все, что осталось от его сил. Он опустился на колени и снова попытался предупредить высших магов.

- За спиной!

Невозможно было сказать, услышали они или нет. Эльфы развернулись, почти степенно, чтобы посмотреть на склон. Их золотые лица были бледными и изможденными. Когда они подняли руки, казалось, маги желают заслониться от удара, вместо того, чтобы подготовиться к заклинанию.

Фаэримм был быстрее. Всё ещё завернутый в кокон волшебной паутины, он замер у подножия склона и ударил по земле хвостом. Всё Гнездо Рух сотряс оглушительный треск, после чего к чернеющим вратам протянулась сеть заполненных магмой трещин.

Высшие маги скрестили руки, спокойно ожидая штурма. Трещины замерли на расстоянии дюжины футов от троицы, а затем описали огненное кольцо по полу. Фаэримм пошатнулся от разочарования, а затем снова ударил о землю, заставив ревущее кольцо магмы взметнуться на десятки футов в воздух.

Сквозь все это проглядывал чёрный силуэт арки, однако, когда огненный занавес опустился, от трёх магов остались лишь чёрные одежды, валявшиеся по краю их круга.

Хотя казалось, что прошли минуты, тяжелое дыхание и дрожащие от напряжения мышцы сказали Аобрику, что с тем же успехом могло миновать несколько секунд. Он отвернулся от приближающегося пламени, скорее расстроенный, нежели испуганный. Врата открыты, но для чего? Даже если кто-то хотел помочь, Эвереска осталась одна. Как обычно. Любые силы, отправленные Эвермитом или Глубоководьем будут уничтожены сразу, как только покинут врата. Или, что ещё хуже, их воины пополнят ряды фаэриммовых рабов.

На землю перед Аобриком упала тень, а затем он услышал в голове нечто тонкое и шипящее. Просто отойди и будешь жить.

Всё, что смог сделать Аобрик – найти силы посмотреть на пыльную связанную паутиной массу перед ним.

- Сомневаюсь в этом.

Не стоит. Я люблю вас, храбрецы. Из вас вылупятся сильные личинки.

Аобрик услышал слабый шорох и поднял меч, ловя хвост фаэримма чуть выше шипа, норовившего вонзиться в бок. Раздался мокрый хлюпающий звук. Отрубленный хвост ударил его по лицу, и эльф ощутил горячую кровь.

Давая, наконец, боли нахлынуть, Аобрик призвал последние силы, чтобы начать безумную крутящуюся атаку.

Разумеется, ничего не вышло. Фаэримм просто отплыл в сторону, позволяя ему скатиться по склону. Сверху хлынула струя обжигающего зелёного пара.

Но Аобрик едва ли что-то замечал. Силы покидали тело. Он почувствовал, как выскользнул из руки меч. Он еще успел увидеть светящееся лицо женщины-мага, смотревшее на него сквозь проём врат. Эльфа поразило, как походила её улыбка на улыбку возлюбленной Моргвейс.

ГЛАВА 18

30 Найдала, год Бесструнной Арфы

По мнению Галаэрона, Малик выглядел довольно встревоженным перспективой позволить Мелегонту наложить на него какое-либо заклятие. А тем более, заклинание с использованием теневого кинжала и верёвки. Взгляд его не переставал метаться с моста на чёрный лес неподалеку, где остальные разбирали лагерь после сухого ночного отдыха вокруг волшебного валуна.

- Не бойся, дружище, - сказал Галаэрон, завязывая вокруг запястий Малика эльфийскую верёвку. – Ты можешь доверять Мелегонту.

Коротышка посмотрел через плечо.

- Мочь то могу. Только я слышал, что он сказал Джингелшоду, прежде чем перейти мост.

Галаэрону очень захотелось попросить объяснений, но, заметив, как Мелегонт идёт к ним со своим тёмным кинжалом, он понял, что времени нет. Эльф наклонился к уху Малика.

- Тогда можешь доверять мне, человек. Я не позволю убить того, кто спас мне жизнь... даже если он – последователь Цирика.

- Это вселяет мало уверенности, - протянул Малик, - учитывая, кто здесь ученик, а кто – учитель.

Остановившись перед ними, Мелегонт сердито посмотрел на коротышку.

- Я не смог найти тебя в рассветных тенях, - он замолчал, позволив Малику оценить последствия. – Если не хочешь продолжать...

- О, нет, ты меня не бросишь! – человек покосился на теновой кинжал, а затем вздернул подбородок. – Делай, что должен.

Мелегонт бросил вопросительный взгляд на Галаэрона и, получив короткий кивок, встал на колени у ног Малика. Начиная длинное заклинание, он положил в тень коротышки маленькие, сплетённые из теневого шёлка кандалы. Тень в мгновение ока изменилась, становясь кем-то с широкой грудью и тонкой талией. На голове у неё красовалась пара странных, похожих на рога, отростков, а на груди проявилась размытая белая область. Зубы Малика громко поскрипывали, но он не пытался бежать, как того опасался маг теней.

Мелегонт поднял кустистые брови. Всё ещё повторяя своё заклинание, он провел кинжалом у ног Малика. Тень освободилась, отрываясь от камней, чтобы нависнуть над ними. Сквозь туманную дыру в груди проглядывало серое небо.

Вздохнув, Малик рухнул бы на землю, не оказись рядом Галаэрон, который подставил ему руки.

На голове тени раскрылась пара волшебных глаз, которые тут же уставились на Мелегонта.

- Я связан твоей волей, - голос существа был столь же резонансным, сколь гнусавым был родной голос Малика. – Хотя ты оказываешь мне серьезную услугу. Я знаю твою цель и с радостью послужу ей.

- Лучше давай оставим всё как есть, - Мелегонт указал на мост: – Хочу, чтобы ты последил. Ты знаешь наших врагов?

- Фаэриммы... или Эльминстер? – спросила тень.

- Оба, и их слуги, - ответил Мелегонт. – Увидишь кого-нибудь из них – возвращайся к Малику и предупреди нас.

Тень склонила голову.

- Как прикажешь.

Какое-то время Мелегонт изучал силуэт, а затем повернулся обратно к лагерю. Нихмеду двинулся за ним, таща за собой охваченного благоговейным страхом Малика. Коротышка взглянул на свои ноги, потом перевёл взгляд на тень, а затем повернулся к Галаэрону.

- Этот демон не может быть связан со мной!

- И правда, - эльф сомневался, что сможет объяснить что-то о тенях так же хорошо, как Мелегонт, а потому не стал и пытаться. – Ты выглядишь не слишком обеспокоенным. Когда я первый раз увидел собственную тень, то был в ужасе.

- О, я видел вещи похуже собственной тени, - фыркнул Малик. – В конце концов, я очень любим Единым.

Они присоединились к остальным. В лагере Вала и Такари стояли над полуразмерным изображением, которое Арис вылепил из простого куска скалы. Композиция, изображавшая спасение Валы и Галаэрона Маликом вышла на удивление живой и детализированной. Малик казался скорее смущённым, чем решительным. Возможно, он даже немного злился на себя за то, что бросился в реку. Бесчувственная Вала лежала в объятиях Галаэрона, скорее мертвая, чем живая. Галаэрон же держал веревку, глядя на Валу. Выражение его глаз не оставляло сомнений в том, что страх в них лишь за неё одну.

Такари и Вала стояли рядом по другую сторону скульптуры, тихо разговаривая. Они так пристально изучали работу великана, что не увидели, как приближаются остальные.

- ... не хочу, чтобы кому-то из вас было больно, - говорила Такари. – Ты сама видела, почему этого никогда не случится.

- Да? – несмотря на резкость, голос Валы был удивительно мягким. – Когда это?

- Ты встречалась с его отцом, - объяснила Такари. – Видела, что стало с Аобриком, когда Моргвейс вернулась в лес.

- Мы тут гоним события, но я не лесная эльфийка, - сказала Вала. – Если бы я поклялась своей жизнью, то чтילה бы это, как чтילה свои клятвы мои отец и мать.

- И как долго?

Вала подняла голову.

- Мои родители делят меха сорок лет и три года.

- Благословение на обе их головы, но сорок лет и три года для эльфа не одно и то же, - Такари положила руку на руку Валы. – Сорок лет спустя Галаэрон всё ещё будет молод. С четырьмя столетиями за спиной.

Когда Вала не ответила, заговорил Галаэрон.

- Не стоит настраивать её против меня, Такари, - он подождал, пока пара развернётся, а затем показал на скульптуру Ариса. – Это всего лишь искусство – да и какое тебе дело? Я твой командир, а не твоя пара.

Вспышка в глазах Такари выражала скорее печаль, чем злость.

- Да и не такая я забавная, как остальные, - она развернулась и скользнула за тёмные стволы. – Прости, что забыла своё место.

Вала сердито посмотрела на Галаэрона.

- Я тебя просто поцеловала, - прорычала она, поспешив за Такари. – Я проделала то же самое с половиной мужчин моего клана!

Это вызвало у Мелегонта кривую усмешку, однако маг не стал делать замечаний. Он развернулся к Джингелшоду, который стоял, изучая скульптуру загадочным мёртвым взглядом.

- Кажется, мы готовы идти, - сказал Мелегонт.

- Вы готовы, - сказал рыцарь. – Но для меня продолжает стоять вопрос об оплате.

Галаэрон бросил вслед уходящим женщинам тревожный взгляд.

- Если мост – пример твоей работы, не дорогого ты стоишь, - заметил он.

- Ты узнал то, что должен был узнать, - ответил Джингелшод. – Если запомнишь произошедшее там, сможешь выжить, чтобы потребовать то, что хочешь получить.

- Мне не нравятся твои игры, - сказал Галаэрон. – Если у нас есть что-то для тебя, ты должен сказать нам, что...

Мелегонт встал рядом с эльфом.

- Мы уже согласились на твою цену, сир рыцарь. Если хочешь сказать нам, что же это будет, мы слушаем.

- Я не прошу многого, - ответил Джингелшод. – Лишь дайте мне слово, что сделаете то, что и так должны.

- Да? – спросил Мелегонт.

- Уничтожьте Вульгрета, моего господина, как я некогда пытался.

- Пытался? – задал вопрос Галаэрон, встревоженный более чем прежде. – Если ты предал своего господина, где гарантии, что ты не предашь и нас?

- Мне плевать, веришь ты или нет, эльф, - бросил Джингелшод. – Но скажу тебе одно. Я ни капли не виноват во зле, поселившемся здесь, однако обречён скитаться по Жуткому Лесу, пока не закончу то, что должно.

- Какое отношение ты имеешь к преступлениям Вульгрета? – спросил Мелегонт. – Я не чувствую в тебе великого зла.

- Я наслаждался щедротами его тени, - признался Джингелшод. – И потому стоял рядом. После того, как Вульгрет вызвал в Аскалхорн демонов, я шестьдесят лет был свидетелем их бесчинств. И не делал ровным счетом ничего. Когда, в конце концов, демоны отвернулись от него, я последовал за Вульгретом в пустыню и уселся в его тени, чтобы пировать украденным хлебом и пить вино убитых путников. И когда он пришел сюда, в Карс, я ждал его, ушедшего за чёрной силой, за чёрным склепом.

Джингелшод опустил голову.

- И всё же ты нашёл в себе силы убить его, - подсказал Мелегонт.

- Это было простое отчаяние, и только, - ответил Джингелшод. – Сила была ужасна и изуродована, она искажала всё, чего касалась. В начале умер лес, обратившись в чёрный камень. Потом руины стали городом мёртвых. Когда я умолял Вульгрета отослать прочь монстров и построить город, пригодный для жизни, он ударил меня, сказав, что никогда не сможет обрушить свою месть на демонов с живой армией. Видя, что моей мечте не осуществиться, я почувствовал себя обманутым и поклялся, что больше он не погубит ни одного города. В ту ночь я убил его во сне.

- Что оказалось не очень мудро, - предположил Мелегонт.

Джингелшод кивнул.

- Он поймал меня, и я бежал из города, гонимый какой-то ужасно могучей мёртвой тварью. Он преследовал меня по всему лесу, используя магию, чтобы дюйм за дюймом сдирать с меня кожу, покуда я не загнал себя до смерти. И я восстал тем, кем являюсь теперь. Обречённый бродить по Лесу, пока не исполню данный обет, - он повернулся к Галаэруну. – Потому я не предам вас.

- А если мы подведем тебя, как Вульгрет? – спросил Нихмеду. – Ты тоже встанешь против нас?

Прежде, чем рыцарь смог ответить, заговорил Мелегонт:

- Твой рассказ не может быть правдой. Вульгрет был арканистом-нетерезом, убитым намного раньше, в результате краха магического эксперимента, когда Карсусу пришлось сбросить со своего анклава сферу тяжёлой магии.

- Тяжёлой магии? – переспросил Галаэрон. Он знал, что «анклавы» были легендарными парящими городами древнего Нетерила, а Карсус – сумасшедшим архимагом, который стал причиной падения империи, попытавшись украсть божественную силу Мистрил. Но Галаэрон никогда не слышал о «тяжёлой магии».

- Вид волшебства, обнаруженный Карсусом. И я не желаю, чтобы ты играл с ним до тех пор, пока не возьмёшь под контроль собственную тень, - Мелегонт пригвоздил Галаэрона полным неодобрения взглядом. – Это чудовищно опасное, делающее-силу-осязаемой колдовство, которое нетерильские архимаги иногда использовали для усиления собственной магии.

- Когда-то использовали? – спросил Малик. – Значит, у тебя нет этой «тяжёлой магии»?

- Нет. Оно исчезло вместе с Нетерилем, - Мелегонт сердито посмотрел на коротышку, а затем снова повернулся к Джингелшоду: – Это тяжёлая магия, а не твоя атака, сделала Вульгрета личом.

- Нетерил пал за тысячу лет до того, как я родился, - сказал рыцарь. – И Вульгрет был живым, когда я служил ему. Человек не может стать человеком, если превратился в лича, а затем вернуться к форме лича снова.

- В хрониках Стражи Гробниц нет записей ни о чём подобном, - заметил Галаэрон. Сейчас он вспомнил загадочное замечание Малика о том, что Мелегонт что-то сказал Джингелшоду прежде, чем перейти мост, и посмотрел на мага, прищурив глаза. – У Стражей Гробниц должны были быть записи.

Взгляд Мелегонта потемнел.

- Обвиняешь меня во лжи?

- Я требую объяснений.

- Ты... или твоя тень? – уточнил заклинатель.

- Я контролирую свою тень, - сказал эльф. – Она не беспокоит меня со времени затонувшего моста.

- И почему бы? – Мелегонт повернулся к Джингелшоду: – Я не ошибся в своих расчетах. Вульгрет никогда не прощал Карсусу провал. Есть записи о том, что он преследовал парящие анклавы Нетерила спустя два века. Именно по этой причине в конце концов Вульгрет привязан к Жуткому Лесу.

- Он привязан к нему потому, что я убил его здесь, - настаивал рыцарь. – До этого никакого леса не было.

- Но был Карс, - возразил Мелегонт. – Город, основанный больше шестнадцати веков назад, после того, как Карсус обрушил Нетерил. Группа беженцев была призвана к его телу видениями и стала поклоняться его трупу. И это действительно разозлило Вульгрета. Он уничтожил город и поселился на его руинах, дабы тот никогда не был восстановлен.

Джингелшод уставился на чародея своими мёртвыми глазами.

- Я ничего не знаю о тяжёлой магии, как и о поклонении трупам. Я убил Вульгрета и он стал личом.

- Если можно, - начал Малик, - ответ довольно ясен. За тысячу лет на свете было много магов по имени Вульгрет. Не могло ли случиться так, что здесь оказались двое?

Мелегонт наморщил лоб, а затем задумчиво кивнул, однако Джингелшод, видимо, не слышал этого предположения. Галаэрон понял, что, хотя взгляд Джингелшода находился на уровне лица Мелегонта – Малика – глаза рыцаря осматривали землю за спиной коротышки. Судя по легкому наклону шлема, Джингелшоду могло быть интересно, на что же такое смотрит маг.

- Думаю, мы можем доверять рассказу Джингелшода, - заговорил Галаэрон, тщательно выбирая слова. – Но нам лучше выйти прежде, чем Вала и Такари уйдут слишком далеко.

Мёртвый взгляд Джингелшода переместился на эльфа.

- Так вы даете свое слово?

Галаэрон кивнул.

- Я уничтожу Вульгрета, если мы его найдём.

- Он сам вас найдёт, - заверил Джингелшод.

Проклятый рыцарь шагнул через скульптуру Ариса и двинулся за деревья, оставляя в реке ржавые следы. Лес здесь был тёмный, запутанный и безжизненный, очень напоминая болото, за исключением того, что деревья стояли на сухой земле и не вытягивали силы. Вскоре группа догнала Такари и Валу, и Джингелшод пошёл первым, забираясь всё дальше в чащобу. Его доспехи звенели и скрипели при каждом шаге.

На деревьях стали возникать огромные полотна жёлто-зелёных нитей. Галаэрон следил за шаровидными силуэтами и палковидными ногами. Вместо пауков он стал замечать тонкие листья и заплесневелые стручки, висевшие на усиках. По мере того, как группа уходила от реки, лозы становились длиннее, а растительность – гуще, пока видимость впереди не сократилась до нескольких шагов. Избежать

прикосновений к лозам было невозможно, а потому вскоре руки и лица путников покрылись белыми нарывами. Арис использовал свою жреческую магию, чтобы рассыпать камень и сделать мазь, превращавшую язвы в зудящую сыпь, хотя Малик отказался от бальзама из страха оскорбить своего бога. К всеобщему изумлению, он продолжал идти так же быстро, как остальные, даже когда волдыри начали лопаться, и ему пришлось сделать надрезы на веках, чтобы те не распухли.

Лозы росли на сломанных плитах, оплетали сетку, принимали форму спрятанных под ними развалин. Теперь Джингелшод шагал спокойнее и осторожнее, заставив Галаэрона отправить Такари на разведку. Сам он занял позицию рядом с Валой. Малик и Мелегонт остались в центре группы, а Арис замыкал шествие. По мере продвижения вглубь города, узоры становились всё более частыми, принимая форму кривых улочек и похожих на солнце лугов, которые некогда были площадями.

Вала держала руку на мече. Глаза девушки следили за эльфийкой с невероятной для человека скоростью. Спустя некоторое время, она заговорила с Галаэроном.

- Не нужно было так говорить с Такари. Она только пытается защитить нас.

- Для меня это выглядело по-другому.

- Может быть, - сказала Вала. - Но ты не слышал, что она сказала Джингелшоду прежде, чем перейти мост.

- Что бы она там не сказала - в её обязанности не входит защищать меня от наших отношений, - Галаэрон посмотрел на Валу. - Не то, чтобы это были отношения.

- Нет? - Вала окинула его косым взглядом, и её губы изогнулись в кривой улыбке. - Тогда почему тебя волнует то, что она говорит?

- Предпочитаю сам делать выбор, - сказал Галаэрон. - Как и ты, мне кажется.

- У нас в Ваасе есть поговорка, - ответила девушка. - Любовь и смерть выбирают только боги.

- Звучит, как оправдание, - заметил Галаэрон.

Вала улыбнулась.

- Это делает жизнь интереснее, - она наблюдала за тем, как Такари ткнула мечом в спутанный клубок лозы, а затем спросила Галаэрона. - Когда ты сказал Джингелшоду, что ищешь прощения за ошибку, это была правда?

- Больше, чем хотелось бы, - ответил эльф. - Сомневаюсь, что в противном случае рыцарь пропустил бы меня без проблем.

- Я тоже так думаю, - немного помолчав, Вала добавила: - Мне пришлось тщательно все обдумать, но Такари не колебалась.

- Полагаю, это как-то касалось меня?

Вала кивнула.

- Такари сказала, что ей нужно перейти мост, потому что она - твоя подруга по духу... но ты отказываешься видеть это.

- Она... - Галаэрон закрыл глаза. - Она знает, что я не разделяю её привязанности.

- Из-за боли своего отца, - осторожно сказала Вала. - Или так она думает.

- Частично, - ответил Галаэрон. - Лунные и лесные эльфы живут по-разному. Когда они сходятся - рано или поздно их всегда настигает боль.

- Конечно, - голос Валы звучал почти раздраженно. – Рано или поздно радость подходит к концу. Любая радость. Но это не причина отворачиваться от даров, что шлют нам боги.

- Я просто благоразумен, - сказал Нихмеду. – Я не отворачиваюсь от божьих даров.

- О, а мне кажется, так оно и есть, - теперь Вала, кажется, подтрунивала над ним. – И ты пожалеешь. Нет ничего хуже ярости отвергнутой Сьюни!

- К счастью, я – эльф, - рассмеялся Галаэрон. – Сомневаюсь, что наша Ханали Селанил столь же мстительна, как ваша Сьюни.

- Может быть, но Такари – не единственная женщина, которую я имею в виду, знаешь ли.

В воздухе снова раздался крик совы, что заставило их неожиданно замолчать.

Галаэрон вынул меч, замечая, как распадается паутина лоз там, где исчезла в деревьях Такари. Джингелшод продолжал шагать вперёд по улице, не обращая внимания на поданный знак тревоги. Нихмеду подозревал, что проводник желает предать их. По крайней мере, до тех пор, пока выскочивший из переулка полуразложившийся труп не атаковал рыцаря сбоку.

Джингелшод покачнулся, словно собираясь упасть, а затем опустил топор, разрубая гуля пополам. Повернувшись к Галаэрону, он указал на переулок.

- Остерегайся мёртвых, эльф, - в мрачном голосе рыцаря звучал намёк на насмешку. – Они ненавидят живых.

Держась рядом с Валой, Галаэрон двинулся вперёд, чтобы блокировать атаку, но внезапно услышал предупреждающий свист с дерева, на котором скрылась Такари, после чего повернулся в противоположном направлении. Он обнаружил, что смотрит на переулок, полный монахов. Их глаза были глубоко посажены, а одежды обратились в рваньё, но выглядели они такими же живыми, как Галаэрон. На противоположной стороне улицы, прямо за его спиной, просвистел меч Валы. Послышался влажный стук удара, а затем глухой звук падающего тела. Потом ещё один удар, и снова стук.

Галаэрон указал мечом на монаха, оказавшегося теперь в дюжине шагов от него:

- Остановись и представься!

Группа монахов протянула руки, складывая ладони так, словно желала просить милостыню. Когда они снова двинулись вперед, не отвечая на вопрос эльфа, Галаэрон изобразил чистый свист лугового жаворонка. В ответ раздался гул тетивы, и в грязь перед первым из группы монахов вонзилась предупреждающая стрела.

Монахи остановились. После падения стрелы их взгляды устремились к переплетению лоз, откуда вылетел снаряд. Но Галаэрон и без взгляда знал, что Такари уже исчезла. Он тихо достал из кармана шарик серого воска.

- Представьтесь или уходите.

Первый монах ответил непостижимым стоном. За спиной Галаэрона продолжал свою жуткую работу меч Валы. Теперь эльф слышал удары могучей палицы Ариса и ревуший голос Мелегонта. Малик по своему обыкновению вёл себя тихо, но Галаэрон не сомневался, что в час величайший нужны коротышка не заставит себя долго ждать.

Монах осторожно шагнул вокруг стрелы и продолжил своё движение, все еще вытянув перед собою сложенные руки. Наконец, убедившись, что он смотрит на немёртвых, Нихмеду бросил серный шар в группу и произнес заклинание. На мгновение его заполнил магический холод, а потом переулочек озарил чёрный огонь. Галаэрон отступил перед языком пламени, после чего обезглавил пару горящих монахов, бежавших с поля боя.

Плечо Галаэрона сдавила чья-то мощная рука. Удивленный, он согнул локоть и оттолкнул нападающего, а затем развернул оружие. Когда он узнал Мелегонта, край меча оказался в дюйме от головы мага. Нихмеду попытался остановить атаку, но безрезультатно. Лезвие ударило Мелегонта в голову.

Вспыхнула чёрная вспышка, а затем последовала тупая отдача. Меч остановился. Боль разорвала руку Галаэрона, после чего пальцы разжались и меч упал на землю.

Тремя пальцами, Мелегонт коснулся лба, дотрагиваясь до тонкой полоски крови.

- Это так ты платишь мне за мой дар? На каждом шагу бросаешь мне вызовы?

- Едва ли меня следует винить в твоей глупости, - всё ещё дрожа, Галаэрон наклонился, чтобы поднять меч. - Схватить воина в разгар сражения - да что с тобой?

Мелегонт наступил на меч Галаэрона.

- Я не об этом.

- Да, я использовал магию. Но это было необходимо.

За спиной Мелегонта, гуль скользнул мимо Валы. Одна из стрел Такари чиркнула его по лбу и сбила с ног, но существо просто перекатилось на колени, уклоняясь от наконечника.

Галаэрон попытался вырвать меч, но почувствовал, что не в состоянии сдвинуть ноги мага.

- Магия не причинила мне вреда. Я контролирую всё лучше, чем раньше.

- Да, я вижу, как хорошо ты справляешься со своей тенью, - Мелегонт снова коснулся своего лба, а затем махнул рукой в сторону гулей, разрывая того на дюжину кусочков. - Оставь магию мне.

Заклинатель двинулся по улице за Джингелшодом, спокойно направляя Валу и Ариса против отдельных гулей, в то время, как сам он взрывал магией теней крупные группы. Галаэрон подобрал меч и последовал за ним, тихо вымещая гнев на существах, что были достаточно глупы, чтобы попасться ему под руку. Нежить продолжала совершать свои беспорядочные атаки, иногда оставаясь на небольшом расстоянии, чтобы ударить заклинанием, криком или взглядом. Пробираясь по деревьям, Такари предотвращала подобные атаки, обычно отвлекая монстра стрелой, пока Мелегонт готовился взорвать его. Дважды компанию спасал возникавший из неоткуда Малик, отвлекаящий мертвяка или гуля, куда кто-то из отряда не уничтожал существо.

В конце концов, атаки стали более редкими, а затем, когда над верхушками деревьев замаячил огромный холм из красного камня, и вовсе прекратились. Джингелшод повёл их к пустой площади, прямо у подножия странного холма. Вокруг не было ни следа чёрной пирамиды, которую он описывал, как дом Вульгрета.

- Думаю, вы ищете это.

- Это, - подтвердил Мелегонт. – Упавшее тело Карсуса.

Холм действительно походил на тело, только поломанное и искривлённое. Ближайший к ним бугорок напоминал голову, лежащую на боку. Круглый, неправильный лоб, крючковатый нос и тонкие губы над слабым подбородком. Склонённая и вывернутая под неестественным углом рука, впалая грудь и округлая выпуклость живота – всё это возвышалось почти на сто футов над землей. Там, где располагалась грудь, брала начало река Кровоточащего Сердца – красный пенный поток, который извивался по земле.

- Не удивительно, что беженцы приняли его за мертвого бога, - сказала Вала. – Это похоже на тело божества.

- Это и есть тело божества, хотя он пробыл им всего мгновение, - ответил Мелегонт.

- И этот мёртвый бог спасет Эвереску? – спросил Галаэрон, не видя и следа обещанной магом помощи. – Ты не можешь его воскресить.

- В прямом смысле – нет, - сказал Мелегонт. – Но для начала нам нужно найти чёрную пирамиду.

- Для начала вы должны найти Вульгрета, - сказал рыцарь. – Вы не можете войти в пирамиду, не исполнив клятвы.

- Как хочешь, - несмотря на сказанное, тон Мелегонта выражал нетерпение. – Скажи нам, где искать.

Джингелшод оглядел площадь.

- Он уже должен был обнаружить ваше присутствие.

Мелегонт повернулся к Галаэрону.

- Ты Страж Гробниц. Что замышляет Вульгрет.

- Может быть, ничего, - Нихмеду повернулся к Джингелшоду: – Сколько времени прошло с тех пор, как ты видел его последний раз?

Джингелшод посмотрел на небо.

- Трудно говорить о времени. Несколько зим. Может восемь, может девять, а может и целая дюжина... Трудно сказать.

- Но прошло какое-то время? – спросила Такари.

Джингелшод кивнул.

- С тех пор, как Тианна Небесный Цветок и её родичи стали блуждать по Жуткому Лесу.

- Это почти десять лет, - сказала Такари. Она посмотрела на Галаэрона. – Как думаешь?

Тот пожал плечами, без вопросов понимая мысли эльфийки. Личи частенько превращались в существ из чистого духа, оставляя свои тела, чтобы бродить в мирах за пределами Торила. Когда такое случалось, их трупы распадались, покуда от них не оставались лишь череп да кучка праха, с которыми лич сохранял очень слабую связь. Уничтожить таких существ было зачастую гораздо проще, чем молодых личей, но Галаэрон не думал, что им повезёт – особенно учитывая, что Вульгрета нет всего декаду.

Эльф покачал головой.

- Мы примем это к сведенью, но здесь слишком много какой-то бессмыслицы. Нетерерильский Вульгрет, конечно, достаточно стар, но Джингелшод служил не ему. И есть пробел во времени, который стоит рассмотреть.

- Так что нам делать? – спросил Малик.

- Единственное, что мы можем сделать, - сказал Галаэрон, – это выманить его.

ГЛАВА 19

30 Найдала, год Бесструнной Арфы

С вершины холма Карсуса руины Карса казались одним большим куском цветущей плесени, болезненно-жёлтой и источавшей запах гнили. То тут, то там попадались скрытые в тени коряги. Надо всем этим великолепием туда-сюда носились стрекозы, достигавшие размера орла. Вниз по реке Кровоточащего Сердца малиновый дым закручивался в торнадо, а за руинами стояла дымовая завеса. Однако, Джингелшод заверил Галаэрона, что подобная «магическая погода» не имеет с личом ничего общего. Странные бури властвовали над этим районом задолго до смерти Вульгрета.

Вместе со своими спутниками, Галаэрон стоял на «груди» Карсуса, перед двухэтажной пирамидой из чёрного мрамора. И хотя тёмное блестящее здание резко контрастировало с грубым песчаником холма, пирамида, казалась слитой со скалой, словно была выращена из неё, а не выстроена руками. Арис изучал постройку, в то время как остальные следили за Вульгретом.

- Есть что-нибудь? – спросил Галаэрон.

- Пылающий дождь и зелёная молния, - сообщила Вала.

- Серебристый снег у парящего озера, - добавила Такари. – Всего в паре миль. Может...

- Нет!

Мелегонт и Джингелшод говорили друг о друге. Маг заявил, что у них важное дело, а Джингелшод утверждал, что расстояния в Жутком Лесу обманчивы.

Такари надулась.

- Мы уже час потратили!

- Час, которого у нас нет, - проговорил тонкий голос.

Спутники обернулись на звук, обнаружив себя смотрящими на бледного, дрожащего Малика.

- О, клянусь жизнью, я ничего не сказал!

Галаэрон нахмурился. Со времен затонувшего моста все люди внушали ему подозрения. И лишь теперь он заметил у ног Малика могучий силуэт. Галаэрон жестом указал на него своим мечом.

- Малик, твоя тень вернулась.

Коротышка опустил глаза.

- Как я счастлив-то!

- Ты должен понимать, что я твоего счастья не разделяю, - когда тень говорила, её рога становились тоньше, а мутная дыра в груди начинала закрываться. – Достаточно скверно следовать за человеком, словно раб, но когда твой хозяин – жалкий прислужник...

- Хватит! – прорычал Мелегонт. – Тебе есть что сказать, тень?

- Есть, - рога стали тонкими, словно сучки, а малиновые глаза побледнели. – На болотах была битва, но выжил лишь один.

- Кто?

- Человек, - голос тени стал мягким и тонким, почти неразборчивым. – С трубкой и...

- Эльминстер?

Глаза существа закрылись и оно слилось с грушевидной фигурой Малика, снова становясь его тенью.

- Мы должны войти внутрь, - Мелегонт зашагал вокруг пирамиды.

Джингелшод зазвенел следом.

- Этот Эльминстер меня не беспокоит. В начале вы должны уничтожить Вульгрета.

- И мы это сделаем, - Галаэрон устремился за парой спутников. – Но Мелегонт прав. Пришло время войти внутрь.

Джингелшод уставился на Галаэрона своими немигающими глазами.

- Не врешь? – и хотя это был вопрос, эльф ощутил его, словно приказ. – Вы сдержите слово?

- Если это логово Вульгрета – мы найдём его внутри, - сказал Галаэрон. – А если его здесь нет, он вернётся, как только мы войдём.

Мгновение рыцарь изучал Нихмеду своими пустыми глазами, после чего последовал за Мелегонтом и Валой в кривой коридор. Галаэрон дал Арису призвать своего бога, чтобы благословить всю воду в бурдюках, а затем отправил Такари и Малика следом за остальными. Гигант остался снаружи, так как оказался слишком большим, чтобы пойти со всеми.

Тьма и теснота туннеля напоминали Галаэрону о гробницах Шараэдима, хотя коридор пах скорее кровью, чем пылью, с оттенком серы и пара. Через несколько шагов туннель расширился, превращаясь в прихожую, освещённую серебристым магическим сиянием. Глазам Галаэрона потребовался момент, чтобы привыкнуть к резкому свету. Он услышал голос Мелегонта.

- Джингелшод, вот твой Вульгрет. Только пыль, да кости.

Галаэрон заметил, как силуэт мага наклонился, чтобы что-то поднять с земли, а затем услышал, как Такари прошипела заклинание. Он понял, что они заметили одно и то же.

- Не прикасайтесь...

Заклинание Такари создало ужасный звон, заставляя Мелегонта и Валу закрыть уши, резко оборачиваясь на шум. Проскользнув мимо парочки, Галаэрон обнаружил взметнувшееся в углу облако пыли. Над ним поднимался серый череп. Он отозвал спутников, а затем облегченно вздохнул, когда Такари отменила заклинание.

- Что это было? – спросил он, осторожно глядя на пыльный столб. – Ты мне чуть барабанные перепонки не порвала.

- Предполагалось, что оно создаст тишину, - ответила эльфийка. – Но что-то пошло не так.

- Дикая магия, - объяснил Джингелшод. – Жуткий Лес полон ей, и чем ближе к пирамиде, тем становится хуже.

- Тогда позвольте мне стать первым предположившим, что мы в ужасной беде, - сказал Малик. Повесив через плечо бурдюк с благословлённой водой, он вытащил свой изогнутый кинжал и помахал им в сторону кружащейся пыли, которая теперь принимала очертания человеческой фигуры. – Боюсь, Вульгрета мы нашли.

- Нечего бояться, - Мелегонт достал кусочек обсидиана и положил его между большим и указательным пальцем. – Мои заклинания не подвержены дикой магии.

- Нет! – одновременно воскликнули Такари и Галаэрон, а затем Галаэрон добавил: - Что бы оно не сделало, не делай ничего в ответ.

- Ничего? – выдохнул Малик.

- Это демич, - объяснил Галаэрон. – Он поглотит атаку и воспользуется энергией, чтобы вернуться в этот мир.

- Демич? – переспросил Малик. – Тогда как его уничтожить?

- Хитростью, - сказала Такари. – Если ударим слишком рано – вернём его. Если ударим слишком поздно...

- М? – Малик вздернул бровь. – Если мы ударим слишком поздно...?

Ответил Галаэрон.

- У Стражей Гробниц есть записи о демичах, которые убивали весь отряд одним криком.

- Записи? – спросил Малик. – Мне казалось, ты много сражался с такими штуками!

Галаэрон и Такари переглянулись, а затем эльф ответил:

- Был один лич.

Теперь побледнело не только лицо Малика. Казалось, даже Джингелшод выпучил свои безжизненные глаза. Пыль сложилась в скелетообразную фигуру, одетую в истлевшие шелка.

- Это не Вульгрет, - сказал рыцарь. – Вульгрет не носил таких мантий.

Джингелшод шагнул к Галаэрону, но остановился, когда демич метнулся ему наперерез. Существо бросилось в костяное лицо рыцаря, заставляя его отступить и поднять топор.

- Не надо! – завопил Галаэрон.

Джингелшод задержал атаку, и когти демича рассеялись безобидными облачками тумана, стоило существу нанести удар. В пустых глазницах загорелись красные искорки. Существо подержало руки перед лицом, фыркнуло, поднимая облако пыли, а затем повернулось к Галаэрону. Эльф опустил меч, и демич

скользнул к нему, оказываясь едва ли на расстоянии вытянутой руки. На месте некоторых зубов существа тускло поблескивали коричневые камушки. От лица пахло старой грязью и затхлым воздухом, а в дыхании его слышался шёпот чужих ветров. И хотя всё тело Галаэрона стало холодным и липким от пота, он заставил себя без страха встретить горящий взгляд.

Тварь подняла руку и прижала кончик одного из вновь появившихся пальцев к лицу Галаэрона. Коготь не нанёс урона, но потусторонний холод этого прикосновения оставил на щеке полоску онемевшей кожи. Эльф заставил себя не двигаться, и, даже зная, что вызовет гнев Мелегонта, подготовил необходимое заклинание. Существо открыло рот и выплюнуло ему в лицо облако пыли. Застигнутый врасплох, Галаэрон закашлялся и начал задыхаться. Спотыкаясь, он пытался выплюнуть порошок изо рта.

- Яд! – Малик собрался было рвануть к выходу.

Вала выставила руку, чтобы преградить ему путь.

- Возможно, нам потребуется благословлённая вода, которую ты несёшь.

Вычихав пыль из носа, Галаэрон ощутил, как в горле поднимается ком от заполнившего комнату запаха разложения. Голова лица начала покрываться красными, жёсткими словно солома волосами, а лицо – маской из сморщенной кожи. Раскрытые носовые полости, конечно, не делали вид твари привлекательнее. Но этот округлый лоб, нависающий над бровями, и отвратительно перекошенная челюсть выглядели бы ужасно даже будь у существа нос.

Комнату заполнил жуткий холод, и Галаэрон понял, что дух демилича наконец вернулся в тело. Он шагнул вперед и взмахнул рукой перед лицом монстра.

- Забудь, - эльф говорил на древнем магическом языке, призывая холодное волшебство Мелегонта усилить его заклинание. – Возвращайся к своему отдыху.

Демилич отшатнулся, хватая Галаэрона за кольчугу и вырывая из груди несколько волшебных звеньев. Вала бросилась вперёд, чтобы атаковать, но звенья уже падали сквозь руку существа. Галаэрон поднял руку, чтобы остановить женщину. Он следил, как тело существа обращается в пыль. Когда череп опустился на землю, он жестом указал Вале вперёд.

- Теперь, прежде чем дух сбежит, раскрой его один ударом, Вала.

Её меч опустился, словно чёрная молния, раскалывая череп на две половины, а затем снова разрезая его остатки пополам, покуда они не упали на пол. Малиновый свет взлетел от костей и прошел сквозь тело Вала, а затем закружил по комнате с быстротой, заставляющей холодеть кровь. Рот женщины открылся. Она выглядела так, словно пыталась отойти от шока. Холодный ветер ворвался в комнату, и кружащийся огонь исчез.

Галаэрон огляделся.

- Где Малик?

Маленький человечек выступил из тёмного угла, крутя в дрожащих руках свой кинжал.

- Не бойтесь за меня.

Галаэрон указал на куски черепа.

- Полей-ка их хорошенько, да удержи дыхание.

Малик сделал, как было сказано. Благословлённая вода начала просачиваться сквозь останки черепа, заполняя комнату злой вонью, которая ничуть, впрочем, не беспокоила коротышку. Все остальные отошли в туннель, по очереди вдыхая свежий воздух. Осколки костей растворялись, смешиваясь с пылью. Малик продолжал поливать череп, но сколько бы он ни старался, куча выглядела, словно вязкое тесто для хлеба. Наконец, когда костей больше не было видно, Галаэрон вернулся и приготовил новое заклинание.

Мелегонт схватил его за руку.

- Позволь мне.

- Если ты не слишком устал, старик, - Галаэрон удивился, когда ощутил, как его губы скривились в презрительной усмешке. – Все, что нужно – развеять магию.

Мелегонт сердито посмотрел на эльфа.

- Я смогу разобраться. Как мог справиться и с магией забвения.

Волшебник пробормотал несколько слогов, а затем махнул рукой. Пурпурная тень упала на густую массу, грязь потеряла свою вязкость и рассыпалась по полу. Малик уронил бурдюк с водой и, используя этот предлог, чтобы наклониться, ловко подцепил шесть коричневых драгоценных камней, некогда бывших зубами демилеча. Галаэрон сделал вид, что не заметил этого маневра.

Подойдя к ним, Джингелшод положил топор на пол и посмотрел на свою железную ладонь. Когда перчатка не проявила никаких признаков распада, он повернулся к Галаэрону.

- Что дальше?

- Не знаю, - Галаэрон оглядел комнату, напрасно ища что-то забытое. – Лич мертв.

- А как на счет его филиктерии? – Малик спокойно положил камни. – Я слышал, что личи скрывают свои жизненные силы в хранилищах – обычно, каких-то ценных вещах.

- Бывает, - согласился Галаэрон. – Но не с демилечами. Они оставляют свои филиктерии за пределами этого мира, оставаясь связанными с Торилом только через свои останки.

- Лжец! Ты думаешь, твои оправдания обманут меня? – в голосе Джингелшода проступало отчаяние. – Если бы вы убили лича – меня бы здесь не было.

- Значит, мы убили не того, - сказал Галаэрон, вспоминая спор о подлинной личности Вульгрета между Мелегонтом и Джингелшодом. – Малик, дай мне те камни, что ты взял.

- Камни? – спросил маленький человек. – Что за камни?

- Эти.

Одной рукой Вала обхватила Малика за горло, а вторую использовала, чтобы достать из его кармана коричневые камушки. Взяв их, Галаэрон осторожно отчистил коричневую корку. Он добрался до шестого самоцвета, глубокого красного оттенка, прежде, чем нашёл тот внутренний свет, что искал. Вернув остальные камни Малику, он показал находку товарищам.

- Хроники говорят, что здесь томится заключённый в тюрьму дух, - сказал он. – Если мы освободим его, он, быть может, сможет нам помочь.

Мелегонт бросил нетерпеливый взгляд на туннель.

- Как долго?

- Не дольше, чем ты будешь бегать от моего топора, - предупредил Джингелшод.

- Ему понадобится тело, - сказал Галаэрон. – Может быть, один из нежити?

- Я могу создать тело, - ответил Мелегонт. – То, что будет безопаснее для него... и для нас.

Архимаг вытащил из под плаща кусочек теневого шёлка и положил его на плечо Валы. Снова и снова повторяя длинный напев, он начал помешивать вещь пальцами, размазывая тёмную субстанцию по телу женщины, тщательно прикрывая конечности, бока, даже голову и лицо. Когда он закончил, Вала была похожа на живую и дышащую скульптуру из самого чёрного базальта.

Взяв женщину за руку, Мелегонт потянул. Она сделала шаг из тени, словно из тёмного угла, оставляя за собой своё тёмное подобие, которое походило на одну из скульптур Ариса.

- Если дух доставит нам хлопоты, мы сможем отбросить его лёгким светом.

Галаэрон положил драгоценный камень рядом с теневой фигурой, а затем помахал Джингелшоду.

- Разбей его.

- Если это очередной трюк...

- Во имя глубочайшей тени! – вспыхнул Мелегонт. – У нас нет времени для трюкачества!

Он опустил пятку и растер драгоценный камень в порошок. Из-под ноги мага выплыло багровое сияние, которое принялось скользить по его телу.

- Нет уж, дружок!

Архимаг ткнул ногой в созданное тело, а затем с облегчением вздохнул, когда сияние слилось с тенью. По поверхности чёрной фигуры распространился глянцевый блеск, глаза существа открылись и уставились в потолок. Оно подняло ногу, скрючивая её под невозможным углом, и принялось изучать свою пятку. Затем, казалось, не осознавая рук, бездвижно висящих по бокам, принялось проделывать то же самое со второй ногой. И рухнуло на пол.

Галаэрон подошел к нему сбоку.

- Мы не знали, кем ты был, - он махнул на тело. – Сделали все по своему образу и подобию.

По бокам головы тени появилась пара глаз.

- Вы хорошо поступили. Цвет правильный.

Галаэрон взглянул на Мелегонта и обнаружил, что маг смотрит на тёмную фигуру с открытым ртом. Когда эльф посмотрел на существо, оно обняло себя всеми четырьмя конечностями, которые затем влились в тело.

- Мы думали, ты мог бы рассказать нам... - Галаэрон отвернулся. Он не мог удержаться от вопроса. – Кто ты?

- Шарн, - это сказал Мелегонт. – По крайней мере, я так думаю.

На боку каплевидного тела появился улыбающийся рот.

- Правильно думаешь, маг, - еще один рот появился со стороны Галаэрона. – Что ты хочешь узнать? Очевидно, я у вас в долгу.

Галаэрон был слишком ошеломлен, чтобы говорить, как и все, кроме Джингелшода.

- Мы хотим узнать, кто пленил тебя и уничтожен ли он теперь полностью?

Шарн поднялся с пола и поплыл к двери.

- Лич Вульгрет пленил мою душу, когда я пришёл, чтобы прекратить его набеги на Империю.

- Вульгрет? – повторил Джингелшод. – Какой Вульгрет?

- Единственный Вульгрет. Лич, - ответил шарн. – Как думаешь, сколько их?

Плечи рыцаря опустились, и он развернулся к Галаэруну.

- Вы не полностью уничтожили его.

- Он полностью уничтожен, - сказал шарн, изо всех сил втискиваясь в туннель, ведущий к выходу. – Иначе не быть мне свободным.

Рыцарь бросился на шарна.

- Лжец! Если бы Вульгрет был уничтожен...

- погоди, Джингелшод, - сказал эльф, предупреждая шагнув наперерез рыцарю. – Ты задал неправильный вопрос.

- Тогда задай правильный – и быстро, - шарн остановился в зеве туннеля, глядя из похожего на луковицу выроста, который мог быть, а мог и не быть его головой. – Благодарный, я жажду компании повеселее вашей.

- Какую империю ты пытался защитить? – спросил Галаэрон.

- Какую? – шарн полностью скрылся в туннеле. – Разумеется, единственную, если только ты не желаешь включить в это понятие ваши странные эльфийские сообщества.

- Нетерезскую? – надавил Галаэрон.

- Ту самую, - голос шарна стихал по мере того, как он уплывал по проходу. – А теперь, прошу меня извинить. Я вернусь позже и отплачу вам за то, что вы сделали.

- Подожди! – Мелегонт шагнул вперёд, говоря на странном языке. Когда шарн не ответил, он повернулся к остальным и печально покачал головой. – Он не знает. Всё пропало, и он не знает об этом.

- Шарн был нетерезом? – задохнулся Галаэрон.

Вопрос вырвал Мелегонта из глубин отчаяния.

- Не знаю.

Он пожал плечами.

- Полагаю, никто не знает. Есть те, кто утверждает, что они были магами-нетерезами, изменившими свои тела для битв с фаэриммами. Другие говорят, что они явились из иного мира. Ясно одно, они терпеть не могли фаэриммов, иначе не построили бы Завесу Шарнов.

При её упоминании Галаэрон бросил взгляд на туннель, но Мелегонт покачал головой.

- Он ушёл, друг мой. И даже если бы он был тут, сомневаюсь, что он смог бы нам помочь. Прежде, чем мы сможем залатать дыру, нам нужно пробиться сквозь сбежавших фаэриммов.

И хотя Галаэрона злила перспектива признать аргументы, он кивнул и повернулся к задней стене пещеры.

- Тогда давайте найдём помощь, в которой нуждаемся, и примем её.

Кейа Нихмеду стояла на вершине сторожевой башни Ливрейных врат. Она чувствовала себя слегка неуютно в своей кольчуге, болезненно осознавая, что волшебная пика в руке не защитит её от фаэриммов. Глаза эльфийки были так же остры, как и у любого в Эвереске. Она достаточно хорошо разглядела битву в Высокой долине, чтобы понять – пятьдесят лет тренировок с мечом – выстраданные, благодаря настойчивости её отца, благослови его Хенали – сделают её жалким противником для шипастых. Мерзкие монстры уже успели потрудиться на высоких склонах, превращая деревья в пугала с торчащими во все стороны голыми ветвями. Теперь они пробирались по верхним террасам Винной долины, чтобы превратить виноградники в мёртвые клубки спутанных колючих ветвей.

Большая часть Высокой Стражи считала, что их обязанности ничего не значат для войны. Что они стоят здесь лишь для того, чтобы позволить настоящим солдатам сражаться, но Кейа не была так в этом уверена. Она слышала кое-что от Многогнёзда. И если она правильно поняла его взбалмошную болтовню, Облачному Кругу Магов удалось разгадать планы фаэриммов. Они собирались захватить Эвереску так же, как некогда уничтожили Нетерильскую Империю – используя магию, вытягивающую жизнь, дабы выпить жизненные соки из долины Эверески. Без лежащих вокруг земель, чтобы поддерживать магию, мифал города медленно начнёт терять силы, в конце концов становясь слишком слабым, чтобы сдерживать шипастых.

Сначала лорд Дуисар не выглядел слишком обеспокоенным. Роц и земель за мифалом хватило бы, чтобы держать удар год или два. А к тому времени к ним наверняка придёт помощь. После этого высшие маги Колокольного Шпиля напомнили ему, что растениям нужны свет и вода. А Круг Тёмной Луны назвал дюжину заклинаний, блокирующие и то, и другое. Если верить словам Многогнёзда, лорд Дуисар решил незамедлительно создать Высокую Стражу, и Кейа знала, что обязанности её важны не меньше, чем дела Галаэрона и отца, где бы те сейчас не находились.

Кейа выбрала одну из палочек, висящих на поясе и, как и предписывалось, повела ею вокруг, внимательно следя за синим сиянием, чтобы вовремя заметить любое мерцание, обнаруживающее магию невидимости. Палочка была одной из трёх, которыми снабжали каждого участника Высокой Стражи три башни высших магов. Кейа понятия не имела, как много кругов в Эвереске. Но во время одного любопытного визита, Многогнёзд «сболтнул», что лорд Дуисар не получал новостей от её отца и Мечей. Факт, известный всему городу.

Поразмышляв день, Кейа послушно позволила распространиться слухам, будто из надёжного источника она слышала – у Эверески всё ещё три полных башни высших магов. Это помогло значительно успокоить её друзей, которые разболтали секрет так быстро, что девушка успела услышать его пересказанным аж дважды в течение следующих двух дней. Она считала, что лорд Дуисар планировал нечто подобное. Она не стала делиться беспокойством высших магов о мифале, так как чувствовала, что птица не желала делиться плохими новостями.

Не обнаружив невидимых фаэриммов, скрывающихся за мифалом, Кейя вернула палочку на пояс и начала неторопливо разглядывать окружающие город скалы. Она проделала половину работы, когда заметила скального ястреба, кружившего над гнездом. Птица растопырила когти, словно собираясь атаковать, но, по каким-то причинам, не будучи в состоянии этого сделать. Кейя сделала так, как её учили – не стала останавливаться на месте или тянуться к палочке. Отметив место про себя, она продолжила рутинную работу, чтобы обмануть предположительно наблюдавшего за ней фаэримма. Затем, изображая скуку, неотъемлемую часть дотошно отрепетированной рутины Высокой Стражи, девушка зевнула и покачала головой, некоторое время изучая ногти. После этого Кейя снова взглянула на небо.

Птица продолжала описывать круги.

Осторожно отступив вниз по лестнице, девушка нашла окно, из которого могла бы хорошенько разглядеть ястреба. Стоя в тени, она сняла с пояса первую палочку и пронесла её перед собой. В ответ посыпался сноп ярких искр. Сердце Кейи впервые забило от волнения. Несмотря на то, что во время обходов она дюжину раз спускалась по лестницам, это был первый раз, когда ей удалось обнаружить нечто подозрительное. Вытащив вторую палочку, она помахала ею перед окном, выходящим на улицу.

В проёме появилось изображение прекрасной золотой эльфийки.

- Что случилось, Кейя? Если хочешь пить, могу отправить мальчика с вином.

- Не до вина, Жерили, - Кейя не смогла сдержать волнение. – Мне есть о чём рассказать.

Золотая эльфийка изогнула брови.

- Ты уверена?

- Они спускаются по склону Ломаного Клыка, - заговорила она, пытаясь вспомнить пункты хорошего доклада – что случилось, когда, где, сколько противников. – Группа невидимок. Может быть – дюжина. Двигутся бок о бок. Только что миновали гнездо скального ястреба.

- Спускаются, говоришь? Зачем им спускаться?

Кейя оглянулась на гору, где невидимки продолжали ползти вниз по склону.

- Может быть, там линия битвы.

Жерили с сомнением нахмурилась.

- Фаэриммам не нужно ползать по горам. Почему бы им просто не прип... - она прервала себя и стала серьезнее. – Я передам сообщение на Облачную Вершину.

Изображение исчезло, оставляя Кейю с её невидимками. Они двигались быстро, трое из двенадцати шли рядом. Женщина помахала второй палочкой. Скала приблизилась достаточно, чтобы разглядеть отдельные выступы и расщелины. Но палочки не могли работать вместе, а потому мерцание больше не было видно. Кейя снова достала первую палочку.

Невидимки уже добрались до подножия скалы, спускаясь вниз по мешанине осыпавшихся камней. Вокруг ближайшего трио возникли новые вспышки. Эти помогали им пересечь тяжёлую местность. Троица что-то тащит? Нет, вероятнее всего их двое, и они несут третьего. Пара воинов с раненым товарищем.

Любые сомнения в личности гостей растворились. Даже если бы фаэриммы ползали по скалам, они не стали бы никого нести. Судя по тому, что она видела,

шипастые не заботились о своих раненных. Никогда, и в первую очередь – они не таскали их в бой. Невидимки, должно быть, эльфы или друзья эльфов, которые пытались добраться до Эверески.

Сообщив о своих соображениях Жерили, Кейа сменила палочки и осмотрела возвышавшиеся вокруг горы. Как она и опасалась, по оголённому лесу уже мчалось пятеро фаэриммов, дюжина бехолдеров и иллитидов, стремящиеся перехватить группу. Об этом девушка тоже сообщила.

Жерили сказала, что передаст информацию в Облачную Башню, а потому, извините, но Кейа должна следить за чем положено. Кейа ответила, что наблюдение здесь не слишком-то возможно. Увидев, что опасность потерять группу исчезла, эльфийка поднялась на крышу, чтобы лучше разглядеть обстановку. И хотя она казалась невидимкам лишь пятнышком, даже знай они, куда смотреть, девушка все же указала на засаду.

Предупреждение оказалось лишним. Невидимки остановились на краю обвала, после чего один из них обрушил на лес поток серебряного пламени. Огонь сиял так, что Кейа перестал видеть что-либо дальше тысячи шагов. Пятеро фаэриммов отшатнулись, выпуская в воздух столбы дыма и всеми четырьмя лапами хлопая по своим горящим телам. Невидимки добавили к магическому удару залп зачарованных стрел. Каждая стрела нашла свою цель, взрываясь золотыми вспышками магии и наполняя лес красным дымом.

Когда Кейа использовала палочку, чтобы сообщить о происшествии, рядом с Жерили возникло слишком раздраженное лицо Киньона Колбатина.

- Это серебряное пламя, кто его сотворил? – спросил он. – Человек?

Потеряв всех стражей гробниц в первых сражениях с фаэриммами, Киньон принёс извинения перед всей Эвереской и пожелал уйти в отставку. Лорд Дуисар отказал ему, поставив ответственным за защиту Долины. Он сказал, что Эвереска нуждается в его боевом опыте и мудрости.

- Я не вижу, - сообщила Кейа. – Дым слишком плотный.

- Так посмотри лучше. Проклятье!

Кейа посмотрела, но, как она и говорила, дым был непроницаем для глаза и магии, по крайней мере той магии, что ей дали. Все, что она могла видеть – завесу тумана, поднимающуюся над холмом, нескольких иллитидов, карабкающихся по осыпи и... Эльфийка поняла, что именно она упустила. Невидимки атаковали, а потому теперь должны были потерять свою невидимость. Но она всё ещё не могла найти их без помощи своих палочек. Понимая, как хорошо спланирована атака маленькой группы, Кейа бросилась по склону.

Она нашла их на полпути к Винной долине. Шатаясь, они шли от маленькой чёрной двери, стоящей посреди стоящей на террасе беседки. Первым шёл бородатый человек. Его одежды обгорели, волосы на обнажённой груди открывали огромный коричневый рубец. Вторым был золотой эльф в замысловатой броне дворянина Эверески. Такими же были и все остальные.

- Это Мечи! – закричала Кейа. – Они вернулись!

- Мечи? – выдохнул Киньон. – Эверески?

- Ну, несколько... некоторые, - как только Кейа выпалила эти слова, в голову ей пришла мысль об отце и она стала лихорадочно искать его лицо в толпе. - Я вижу лорда Дюрета и Джаниспара Орториона, и чернобородого человека.

- Этот человек, не Хелбен ли это Арансан? - на этот раз вопрос задал сам лорд Дуисар. - И объясни, как ты, свет тебя побери, их видишь? Магистры из башни не могут отыскать их в этом проклятом дыму.

- Простите, милорд. Они спустились в Винную долину, в Виноградник Медового Шипа, - сказала Кейа. - Я не знаю, как выглядит Хелбен Арансан, но человек несёт чёрную... во имя золотой розы, нет!

- Что? - спросил лорд Дуисар. - Что «нет»?

Кейа не ответила, потому что последние два эльфа, выходившие из чёрной двери, тащили на носилках завернутое в саван мёртвое тело. Она не видела, чей это труп, но изъеденный кислотой шлем, лежащий на груди мертвеца, был узнаваем. Простая раковина из серебристого мифрила. Самый простой из шлемов, носимых Благородными Клинками. Он принадлежал Аобрику Нихмеду.

- Страж! - взревел Киньон. - Ответь лорду Дуисару.

- П... прошу прощения, милорды, - заговорила Кейа. - Человек с чёрной бородой несёт чёрный посох. Он был серьезно ранен. Я не могу рассказать вам о нём больше.

- Почему ты закричала? - подсказала Жерили. - Об этом Дуисар тоже спрашивал.

- Я видела... - Кейа замолчала, чтобы проглотить ком в горле, и заметила патруль эльфов, пронесшийся мимо Мечей, чтобы встретить двух фаэриммов, которые телепортировались, чтобы атаковать группу сзади. - Простите, но если вы желаете увидеть Хелбена Арансана живым, стоит отправить нескольких магов в помощь.

Прежде, чем она закончила, между убегающими эльфами и их потенциальными атакующими встал круг высших магов. Взмахом руки, центральная фигура подняла стену золотого пламени, посылая её во врага. Фаэриммы ответили клином холодного воздуха. Магия врезалась в стену, поражая одного из заклинателей, после чего существо телепортировалось прочь. Выжившие Мечи были окружены патрулем и уже спешили под защиту мифала. Так проходили битвы за Эвереску - быстро, смертоносно и бесконечно.

- Мы смотрим за Мечами, Кейа, - теперь, когда всё, казалось, было взято под контроль, голос Дуисара стал мягче. - Расскажи нам, что ты видела.

- Лорд Нихмеду... - она замолчала, чтобы подавить всхлип. Внезапно, девушка поняла, что лорд Нихмеду теперь её брат. Она стала гадать, что же приключилось с ним, и уже не смогла остановить слёзы. - С сожалением сообщаю, что предводитель Мечей пал.

- Твой отец? - выдохнула Жерили.

Кейа кивнула и отвернулась от палочки.

- Прости, Кейа. Он был отличным другом и верным воином Эверески, - сказал лорд Дуисар. Теперь его голос звучал совсем мягко. Эльф обратился к Киньону Колбатину. - В сложившихся обстоятельствах, Маршал Долины, могу ли я поинтересоваться, будет ли отпущен Высокий Страж?

- Конечно, - сказал Киньон. - Ты свободна, Страж.

- Благодарю, милорд, - Кейа вытерла слёзы и повернулась к палочке. – У тебя есть кто-то мне на замену, Жерили.
Золотая эльфийка колебалась.
- Другие посты поставляют достаточно информации.
- Но никто не сообщил о возвращении Мечей? – спросила Кейа.
Жерили покачала головой.
- Пара из них должна была это увидеть, но нет.
- Тогда я останусь, - Кейа повернулась к Высокой долине. – У Высокой Стражи тоже есть обязанности.

ГЛАВА 20

30 Найдала, год Бесструнной Арфы

- Вульгрет номер два.
- И правда, - оглядев комнату, Галаэрон кивнул в знак согласия с выводами Такари. – Должно быть, это Вульгрет Джингелшода.

Вторая зала пирамиды была такой же пыльной, как первая, однако здесь находился инвентарь, необходимый любому практикующему магу. Реторты и пробирки, пузырьки и весы, жаровни и бутылки, всякие таблички, свитки и манускрипты – много манускриптов, выстроившихся на полках и надёжно защищённых стеклянными дверьми. Была здесь и толстенная книга заклинаний, покоившаяся на подставке, освещённой парящей сферой света. Сфера была сотворена заклинанием, а потому совершенно не запылилась.

Из дальнего угла донёсся громкий скрежещущий звук. Галаэрон обернулся, чтобы увидеть, как Такари, держа меч наизготовку, отпрыгивает от небольшого тупика. С губ девушки вот-вот грозился слететь первый слог заклинания. Когда атаки не последовало, эльфийка указала на утонувший в земле камень.

- Это было легко.
- Слишком легко, - Галаэрон пнул камень в сторону туннеля и вздрогнул, когда внутри прохода зажглась зелёная магия. – Да этот лич – специалист по трюкам!
- Он научился этому у демонов Аскалхорна, - входя в комнату, согласился Джингелшод. – Легче заманить жертву на верную смерть, чем тащить её туда на поводке.

- Урок, который Галаэрон запомнит надолго, - сказал Мелегонт. Вслед за остальными, он вошёл в комнату и, увидев открытую книгу с заклинаниями, покачал головой: – Всё слишком располагает войти, я бы сказал, - он щёлкнул рукой в сторону постамента, и на страницы упало пятно тени. – Защита против любопытных глаз.

И хотя Нихмеду подозревал, что комментарий был адресован лично ему, он не стал спорить. Открытая книга была слишком очевидным приглашением. Рано или поздно кто-то заглядывал в неё, пытаясь выяснить, что же изучал Вульгрет, после чего обнаруживал себя неспособным прекратить чтение, захваченным каким-то заклинанием порабощения или подавления воли. Эльф начинал понимать ход мыслей этого лича. Предыдущий противник хотел их уничтожить. Этот - желал получить контроль над их разумом.

Волшебная сфера засияла ярче, заполняя комнату резким светом и глубокими тенями. Вдоль задней стены выстроилась небольшая коллекция позолоченных доспехов и украшенного драгоценными камнями оружия. Все вещи были настолько зачарованы, что аура магии ощущалась даже через толстый слой пыли. Рядом с оружием стояла стойка с палочками и жезлами, а дальше виднелись сундуки с сокровищами. Перед одним из них уже замер на коленях Малик. Его руки по самые запястья утонули в куче самоцветов, а взгляд стал пустым и безжизненным.

Галаэрон оттащил коротышку от сундука, расшвыривая драгоценности по полу. Сделав это, он захлопнул сундук.

- Не смей!

Несколько раз моргнув, Малик потянулся за кинжалом:

- Не нужно жадничать, эльф. Здесь камней хватит, чтобы озолотить нас всех!

- Чтобы сделать нас рабами Вульгрета, - Галаэрон посмотрел на остальных. – Не трогайте их. Это приманка.

- Приманка? – Вала осматривала блестящую кольчугу.

Нихмеду сделал шаг, становясь перед ней.

- Думаю, так он создает своих немёртвых слуг. Ты видела глаза Малика.

Она кивнула.

- Умно, - Такари смотрела на сокровища, словно на кучу падали. – Если нам нельзя касаться вещей из-за опасности стать рабами, мы не сможем найти его филакторию.

- Если для начала не развеем магию, - заметил Мелегонт.

- Тогда развейте её, - сказал Джингелшод.

- Мои силы не безграничны, - волшебник смотрел на стену магических предметов. – Нужен кто-то посильнее меня, чтобы всё тут развеять.

- Я не дурак, - сказал рыцарь. – Ты не получишь желаемого, пока не сделаешь то, что я хочу.

- Это невозможно, - запротестовал Мелегонт. – Я уже использовал это заклинание однажды. Я могу сотворить его ещё раз, но потом мне придётся провести ночь, многократно повторяя заклинание, чтобы снова запечатлеть его в моем мозгу. Когда я закончу, Эльминстер уже будет здесь.

- Возможно, у Эльминстера бы получилось, - предположил Джингелшод.

- Но ты не заключал с ним сделки, - заметил Галаэрон. – И я сомневаюсь, что он захочет спасти того, кто помог Вульгрету привезти в Аскалхорн демонов. Ты можешь доверять Мелегонту.

- Ему? – глаза Джингелшода налились кровью. – Я не так наивен, как ты.

- Наивен? – взгляд Галаэрона метнулся к Мелегонту, а затем снова устремился на Джингелшода. – Ты о чем?

- Галаэрон, человек может быть двумя личностями сразу, - маг попытался вклинить между эльфом и рыцарем. – Я всё ещё надежда Эверески.

Нихмеду продолжил смотреть на Джингелшода:

- Расскажи.

- Нет надобности говорить тебе о том, что ты и так знаешь, - сказал рыцарь. – Ты видел, как он предал Валу на мосту. Не стоит удивляться, что он солгал тебе.

Галаэрон обернулся к архимагу и обнаружил на своём пути Валу, держащую меч.

- Нет, Галаэрон, - женщина мягко оттолкнула его назад. – Ты знаешь, что я не могу позволить тебе этого.

Галаэрон ощутил в руке нечто прежде, чем понял, что сжимает собственный меч. Он отпустил оружие и снова повернулся к Джингелшоду.

- Что сказал тебе Мелегонт?

- Скажу после смерти Вульгрета, - пообещал рыцарь.

Галаэрон повернулся к Малику и спросил:

- Ты же слышал?

- Я сказал Джингелшоду, что пришел ради спасения своего народа, - ответил за него Мелегонт. – И ты лучше других должен это понимать.

Галаэрон не сводил глаз с Малика. Коротышка вздохнул и кивнул.

- Сначала, он утверждал, что пришёл спасти Эвереску, и за эту ложь получил тот же удар, что и ты. А потом сказал, что пришёл ради того, чтобы спасти свой народ. Что ему нужен Камень Карсы, чтобы вернуть шейдов домой.

- Не домой, а на его место, - разочаровано покачал головой Мелегонт. Вздохнув, он снова заговорил: – Шейд был нетерезским городом. Наши теневые маги прочли падение империи в рассветных тнях и спрятали нас в безопасности Плана Тени. С тех самых пор мы пытаемся вернуться домой – вы зовете это место Анорохом.

- Семнадцать веков. Долговато для попыток, - сказала Такари.

- На Плане Тени время течёт по-иному, - сказал Мелегонт. – Да и задача с возвращением не так проста.

- Особенно, когда на пути стоят фаэриммы, - заметил Галаэрон. Гнев, звучавший в его голосе, заставил Валу достать меч. – И для начала тебе нужно было переместить их куда-нибудь ещё!

- Но не в Эвереску, - рявкнул Мелегонт, теперь такой же злой, как Галаэрон. – Но что если и так? В течение семнадцати веков мы пребываем в ловушке посреди чёрного ада, неспособные вернуться из-за фаэриммов. В течение первого тысячелетия мы сохраняли свободу, платя дань жизнями демоническим лордам, которые желали поработить нас. Семьсот лет мы сражаемся с Малаугримом за выживание. Многого ли мы просим у Эверески и остального мира, ища здесь помощи в борьбе с фаэриммами, чтобы вернуться в собственный мир?

- Вы не просили, - возразил Галаэрон.

- Эвереску – нет, - Мелегонт отстранил Валу и выпрямился во весь рост, напоминая всем присутствующим, включая Галаэрона, что ему нечего бояться рассерженного эльфа. – Но что бы вы ответили, попроси Нетерезский город помощи у ваших Старших Холма?

Вопрос заставил внутренности Галаэрона сжаться от пронзившего их холода. Ответ был очевиден. Как ему, так и Мелегонту. Старые эльфы не одобряли беспечную магию Нетерила, и, как он знал из древних манускриптов Академии, тайно радовались падению древней империи.

- Можешь быть уверен – я делаю для Эверески больше, чем Эвереска сделает для Шейда, - сказал Мелегонт. – Веришь ли, всё зависит от тебя – и твоей тени.

Не дожидаясь ответа Галаэрона, маг повернулся к Джингелшоду.

- Я полагаю, что Камень Карсы находится под этой пирамидой. Есть более простой способ достать его, так что не заставляй меня тратить драгоценное время и силы, открывая теневой туннель.

Глаза рыцаря сердито вспыхнули.

- Ты обещал...

- Не важно, веришь ли ты словам Мелегонта или нет, ты можешь верить моим, - Галаэрон понятия не имел, была ли слишком человеческая ярость его собственной или же сотворённой тенью, но он знал, что большая часть критики, обрушенной Мелегонтом на Эвереску, была справедливой. Повернувшись к магу, он сказал: - Если бы наши города поменялись местами, я, быть может, сделал бы всё, чтобы спасти Эвереску. Но знай, маг, я заставляю тебя исполнить обещание. Если Эвереска падет, я позабочусь о том, чтобы Шейду воздалось в сотни раз больше.

Мелегонт одарил его мрачной улыбкой.

- Уже воздается, эльф. Мы никогда не собирались спускать фаэриммов на ваш город – и они всё ещё остаются больше нашим, чем вашим врагом. Не стоит беспокоиться об этом.

Галаэрон повернулся к Джингелшоду.

- Моё обещание крепко, как прежде.

Мгновение, рыцарь изучал эльфа, а затем кивнул:

- Предупреждаю, не подведи меня.

Джингелшод зашагал в проход, обнаруженный Такари, скользнув в него перед ногами. Проходя через зелёный барьер тело его подняло облако пыли. Спутники переглянулись, раскрыв рты.

Наконец, Такари заговорила:

- Иллюзия. Этот лич действительно очень умен.

Подойдя к проходу, она также скользнула в него вперёд ногами, оставляя за собой облако пыли. Потом настала очередь Галаэрона. Он обнаружил, что летит в высокую, освещённую серебряным светом пещеру. Перед его глазами предстал ряд изогнутых в сторону центральной опоры колонн, а затем он плюхнулся в озеро, заполненное вонючей, по цвету и консистенции напоминавшей ртуть, жидкостью. Маленькая рука ухватила его за волосы и потащила в бок в тот момент, когда на то же самое место приземлилась Вала. Затем был Мелегонт, создавший магию замедленного падения. Последним в озеро свалился Малик.

Спустя мгновение, группа обнаружила себя стоящей по пояс в серебристом пруду. Сквозь зеркально чистую поверхность просвечивали очертания камня размером с лошадь Малика. Из зазубренной трещины в центре вытекал фонтан серебристой жидкости, заполняя озеро и медленно исчезая в водовороте на его дальнем конце. Закручиваясь, жидкость принимала малиновый оттенок, становясь похожей на кровь.

- Как трогательно, - романтично сказала Такари. - Содеянное заставляет сердце Карсуса обливаться кровью.

- Как скажешь, хотя Карсус был слишком безумен для раскаяния, - заметил Мелегонт. - Плетение выжгло его, когда он пытался украсть божественность у Мистрил. То, что вытекает из Камня Карсы – остатки древней цельной магии.

- Цельной? – вопрос задал Малик. – С каких это пор волшебство не цельное?

- Со времён падения Нитерила, - предположил Галаэрон, вспоминая нудные тексты, которые он был вынужден читать в Академии. После этого Мистрил спасла Плетение, переродившись в Мистру, но выжившие архимаги быстро обнаружили, что больше не способны использовать свои сильнейшие заклинания без прямого вмешательства богини – дело неслыханной редкости. Большинство учёных предположило, что Мистра ограничила использование магии, таким образом защищая Плетение от новой катастрофы, но Галаэрон находил больше смысла в новом объяснении этого явления – к тому же, объяснявшему природу ледяной магии Мелегонта. – Она раскололась, - закончил он.

Мелегонт был слишком занят, придавливая полосы теневого шелка к Камню Карсы, но Малик не отставал.

- Кто раскололся? – спрашивал коротышка. – Ты про Плетение?

Галаэрон приготовился отвечать, но, вспомнив интерес, с которым Малик расспрашивал о магии теней, призадумался.

- Слишком много вопросов, человек, - он двинулся к Малику. – Ты не маг. Какое тебе дело до раскола плетения?

Глаза Малика широко распахнулись, и он попятился назад.

- Следи за своей тенью, мой друг. Всеми этими подозрениями ты подвергаешь себя серьёзной опасности!

- Зато я – нет, - заявила Вала, приближаясь к коротышке с другой стороны. – И я тоже задавалась этими вопросами. Ведь мы не случайно наткнулись на твой лагерь у Тысячи Ликов?

- Ты угрожаешь мне? – задыхался Малик. – После того, как я рисковал, чтобы спасти твою жизнь?

- Хотелось бы знать, почему, - Вала опустила руку на меч. – Как по мне, так последователи Цирика редко проявляют самоотверженность.

- Не убивай его... он мне понадобится, - сказал Мелегонт, все еще копошась у Камня Карсы. – В его присутствии нет никакой загадки. Он исследует мою магию для Цирика.

Челюсть Малика так и упала.

- Ты знал?

Мелегонт выглянул из-за Камня Карсы.

- Я показался тебе идиотом? – подбородком, Мелегонт указал на тюрбан Малика.
– Снимите это, и найдёте рога. Наш друг – не обычный воришка. Он – Серафим Лжи.

Галаэрон последовал совету Мелегонта, обнаруживая пару маленьких рожек, после чего спросил.

- Ты знал и позволил ему остаться?

- Лучше известный шпион, чем тот, о котором не зна... к тому же, он доказал свою полезность, не так ли? – Мелегонт начал указывать на позиции, распространявшиеся по кругу, в радиусе примерно шести футов от Камня Карсы. – Теперь разойдитесь. Будем взывать к силам, которые требуются нам для спасения Эверески.

Спутники сделали, как велел Мелегонт, оставляя шестое место для него. Подхватив из озера два пучка серебристой магии, архимаг взмыл над Камнем Карсы. В шести футах друг от друга он повесил две сферы, а затем коснулся каждой простым медным кольцом, которое он носил на левой руке. Сферы залил магический свет. Их ослепительное сияние напоминало солнце. Галаэрон вынужден был отвернуться, перед глазами стояли светящиеся пятна.

По мере того, как зрение возвращалось к нему, он начинал различать пару теней, протянувшихся по серебристой поверхности воды. Они были так черны и глубоки, что были одновременно похожи на нечто материальное и напоминали тьму в глубине колодца. Галаэрон подался вперёд, чтобы узнать, какая из теней принадлежит ему, но пальцы потонули во мраке, не оставляя даже ряби на поверхности воды. Отдернув руку, он обнаружил, что все они теперь оканчиваются средней фалангой. Не было ни боли, ни жара, ни холода. Ничего. Пальцы просто исчезли.

Задышавшись от волнения, Галаэрон развернулся, желая накинуться на Мелегонта за то, что маг не предупредил его... и увидел полупрозрачный силуэт своих пальцев, освещенный ярким светом огней. Он понял, что опять стал хуже. Возвышавшийся над Камнем Карсы Мелегонт закончил заклинание. Теперь маг заметил, что Галаэрон наблюдает за ним.

- Теперь, один момент, - сказал он. – Всё готово.

Отойдя от Камня Карсы, Мелегонт занял свое место в круге. Он попросил группу взяться за руки, а затем произнес несколько слов на незнакомом языке. Галаэрон решил, что это нетерезский. Вала, стоявшая рядом с ним, зашипела от удивления, когда энергия хлынула от неё, перетекая к Галаэрону. Следом тяжело вздохнул Малик, стоило потоку перейти в него. Галаэрон ощутил головокружение и, чувствуя всё большую подозрительность, разжал руку.

- Не разрывайте круг! – приказал Мелегонт. – Никто не должен разрывать круг, иначе всех нас утянет в Тень.

Вала с поразительной силой сжала руку эльфа.

- Доверься нам, а не своей тени.

Две тени Галаэрона стали расти, приобретая совершенно несхожие с ним очертания. Одна приняла форму человека, закованного в броню. Воина с широкими плечами и узкой талией. Из головы его торчала пара изогнутых рогов, а на тёмном лице вспыхнули два жёлтых глаза. Второй силуэт был ничуть не меньше первого, хотя тело его казалось квадратным, а облачён он был в одежды из клубящейся тьмы.

Рогов у второго гостя не было, но профиль обнаруживал огромный квадратный подбородок и напоминавший полумесяц рот, полный острых зубов.

Обе тени скользнули под серебристую поверхность и исчезли, только ради того, чтобы явиться через мгновение. Теперь они стали огромными туманными фигурами. Оглядев свой круг, Галаэрон заметил подобную пару перед каждым из своих дрожащих спутников. Эльф не мог понять, видит он людей или демонов.

Мелегонт развел руки и поклонился столь глубоко, что лоб его коснулся серебристой поверхности пруда.

- Принцы, добро пожаловать назад на Фаэрун.

- Поднимись, младший брат, - жестикулировал Мелегонту самый крупный из гостей, медноглазый и почти в три раза выше Валы. – Это тяжёлая магия?

- Да, - сказал маг.

Не обращая внимания на остальных, принцы направились к Мелегонту. Галаэрон и его друзья последовали их примеру, остановившись, однако, на почтительном расстоянии.

- Всё по плану? – спросила медноглазая фигура. – Мы готовы продолжить?

Лицо Мелегонта выдавало его колебания.

- Всё прошло отлично, милорд Эсканор. Но есть дело, которое может вызвать наше беспокойство.

Принц, носивший шлем с рогами, бросил предостерегающий взгляд на бедро Галаэрона. Эльф опустил глаза, не понимая, что именно привлекло внимание теневого воителя, покуда Такари не убрала его руку с меча.

- Мне кажется, это будет глупо, мой принц, - прошептала она.

Туманный воин снова перевел взгляд на Мелегонта, оставив происшествие без комментариев.

Названный Эсканором заговорил:

- Да, младший брат?

- Я о том, кого называют Эльминстером, - сказал Мелегонт.

- Седобородый Избранный, - бросил рогатый воин. – Мы знакомы с ним. Сильный союзник и неудобный противник. Так кто из них?

- Это ещё предстоит решить, милорд Ривален, но я опасаясь, что неожиданное стечение обстоятельств повернуло его... слегка не в нашу сторону. Как вы знаете, его родителей убил маг тени. Это вызвало у него подозрения. Всего два дня назад он попытался помешать нам войти в Жуткий лес. Теневой Часовой сообщил мне, что даже сейчас он идет следом за нами. Боюсь, он решит вмешаться в Возвращение – и у него хватит сил сделать это.

Ривален и Эсканор переглянулись.

- Нам нужно решить этот вопрос прежде, чем мы начнём, - заявил Эсканор. – И что за стечение обстоятельств?

Мелегонт указал на Галаэрона, стоящего в круге.

- Галаэрон Нихмеду борется с тенью. И проигрывает, - несколько принцев переглянулись, но Мелегонт продолжал. – Он многим помог нашему делу. Без малейшей доли его вины, мы с ним пробили дыру в Завесе Шарнов в Эвереске вместо Оленьей долины.

- Фаэриммы вырвались? – выдохнул Ривален.

Мелегонт повесил голову.

- Это полностью моя вина. Я выбрал плохое место, чтобы встретиться с тёмными мечами, и патруль Галаэрона принял нас за расхитителей гробниц. Они здесь ни при чём.

- Никто никого не винит, - сказал Эсканор. – Мы просто скорректируем свои планы. Вот и всё, - он посмотрел на Галаэрона. – Мы не можем унести горе, причинённое вашему народу, но ваш дом будет спасён. Не бойтесь.

- Война уйдёт дальше на юг, - добавил Ривален. – Неприятно, да. Но катастрофы никакой нет.

- У Эверески есть мифал, - предупредил Мелегонт.

Ривален пожал плечами.

- И займёт всё немного больше времени, - он коснулся плеча Галаэрона. – Война будет выиграна. У вас есть слово Двенадцати Принцев Тени.

Первая мысль Галаэрона была о том, что принц оставил невысказанным.

- И во что это обойдется Эвереске? Уничтожить фаэриммов – очень здорово. Но только если вы не собираетесь устроить войну на эльфийских землях.

Ривален обменялся озабоченным взглядом с остальными, после чего вперёд шагнул третий принц, тот, с квадратным подбородком, что возник перед Галаэроном во время заклинания.

- Я знаю, что в условиях твоей борьбы с тенью это будет тяжело, но ты должен доверять нам. Эвереска пострадает – она уже несёт потери, ты должен это знать – но мы сделаем всё возможное, чтобы оказать помощь. Однако именно фаэриммы, не мы, ведут войну на ваших землях. Мы, как и вы, не звали их туда.

- Но это сделал я, - сказал Галаэрон, почти сгибаясь под тяжестью своей ошибки. – Я сотворил неправильное заклинание.

- Ты выполнял свой долг, - сказал принц. – Ты не должен был отказываться от лучшего оружия. Вся ощущаемая тобой вина идет от тени. Игнорируй это, или будешь потерян навсегда.

Слова принца слегка облегчили бремя, лежавшее на сердце Галаэрона. Но нет так, как рука Такари, скользнувшая под его руку.

- Послушай туманного, мой принц. Он говорит то, что знает каждый из присутствовавших там.

Галаэрон кивнул.

- Я попробую.

- Хорошо, - сказал Мелегонт. – И мы будем помогать – до тех пор, пока ты не используешь заклинания.

- И я прослежу за этим, - сказала Вала, подходя к Галаэрону с другого бока.

Ривален улыбнулся, обнажая пару клыков, которые не показались бы неуместными даже на лице вампира.

- Хорошо. Теперь – нам пора.

- А как же Вульгрет? – ворвавшийся в круг Джингелшод уставился на Мелегонта. – Не думай...

- И не думал, - прервал его архимаг. Он повернулся к Эсканору. – Есть небольшое обещание, которое я дал этому духу. Могли бы вы развеять магию в комнате наверху?

Эсканор оглядел железного рыцаря, а затем указал другим принцам на выход наверху.

- Как пожелаешь, - сам он двинулся за остальными. – Мы сделаем это по пути.

- По пути? – Мелегонт махнул рукой на Камень Карсы.

- Нам нужно разобраться с этими небольшими проблемами, - сказал Ривален. – И, судя по всему, чем раньше, тем лучше.

- Но как же Возвращение?

Эсканор широко улыбнулся, показывая свои тонкие клыки.

- Эта честь будет предоставлена тебе, младший брат. Подними камень в небо, а затем используй магию, чтобы призвать наш народ домой.

- Я? – задохнулся Мелегонт. – Я самый слабый из вас!

- Но самый достойный, - сказал Эсканор. – Ты не мог забыть слова.

- Никогда, - теперь улыбался Мелегонт. – Услышь же меня, народ Шейда. Следуй за мной, ибо близится Возвращение!

ГЛАВА 21

30 Найтала, год Бесструнной Арфы

Пронзительный свист фазримма пронёсся среди каменных деревьев, заставляя Эльминстера всей своей массой навалиться на путаницу ядовитых лоз Жуткого леса. Он выкатился по другую сторону, двигаясь с удивительной для человека его преклонных лет грацией, а затем развернулся, чтобы увидеть безобидных серых пауков, посыпавшихся на землю у его ног. Архимаг следил за парой горящих глаз, осматривающих территорию около стены из лоз, а затем - за облаком метеоров, обратившихся роем пчёл. После этого фазриммы – их было двое - плывущие мимо верхушек деревьев, ответили собственным шквалом магии. Три серебряных луча разбились на сверкающие радуги, два луча чёрной смерти обратились в крылатых змеев и упорхнули прочь. Одно заклинание всё же сработало. Это была сияющая молния. Соприкоснувшись с защитой Эльминстера, она взорвалась серебряной вспышкой.

Вот на что была похожа битва в зоне дикой магии – девять частей бесполезности, одна часть опасности. Заметив, что Вульгрет начинает появляться, архимаг развернулся и скрылся за своими растительными союзниками. Лич во всём напоминал своих сородичей, а именно имел жёсткие волосы, безносое гниющее лицо

и белеющие кости на месте рта. За свою долгую жизнь Эльминстер отправил на тот свет сотни таких существ. Оказавшись на углу, маг повернул к центру города, надеясь таким образом снова возвратиться на главную дорогу и, пройдя по тропе изуродованных трупов, догнать Мелегонта и остальных.

То, что маг теней уничтожил так много нежити в центре самой крупной области дикой магии на Фаэруне, говорило Эльминстеру о многом. А ещё поднимало несколько тревожных – очень тревожных – вопросов. Он встречал достаточно магов теней, чтобы понять – они черпали свои силы из какого-то тёмного источника, который медленно извращал их, неумолимо превращая в монстров. Волшебник давно подозревал, что сила эта не была частью Плетения, а теперь это подозрение подтвердил тот факт, что магия Мелегонта отлично работала в районе, где затянувшийся эффект безумия Карсуса перекрутил Плетение в непредсказуемое нечто.

Чего Эльминстер не знал, но желал выяснить до конца этого дня, так это точной природы этого источника, как и того, какой бог его контролировал. Конечно, у него были свои подозрения. Враг Мистры, Цирик, пойдёт на всё, чтобы создать свою магию, отличную от Плетения. А Талос Разрушитель уже давно пытается вырвать часть Плетения из-под её контроля. Теперь же некоторое понимание того, что кто-то всё же добился успеха, заставляли согретую серебряным огнём кровь Эльминстера замерзать. В мире и без того было достаточно зла, чтобы пошатнуть Равновесие. Не хватало им ещё обзавестись собственным источником магии.

Эльминстер бросился вниз по скрытой за лозами дорожке, возвращаясь на главную улицу. Переступив через разрезанное тело, он продолжил своё преследование. После битвы с фаэриммами, случившейся за пределами Жуткого леса, и сражения на ходу, которое он с самого затонувшего моста вёл с Вульгретом, маг мечтал лишь о приятном заклинании полёта. Вот только он не желал превращаться в бабочку. Тяжёлым шагом он продолжал идти по дороге, держа руку рядом с палочкой и оглядываясь через плечо спустя каждые десять шагов.

Силуэт Холма Карсы лишь замаячил над верхушками деревьев, когда в голове Эльминстера прозвучал щебечущий голос. Эльминстер, не... Хелбен... дней... должен... попытаться Гнездо Рух... двадцать... магов.

Запутавшись не меньше, чем послание, доставленное дикой магией, Эльминстер, тем не менее, понял достаточно, чтобы забыть про свои ноги и споткнуться. Он приземлился на четвереньки, задыхаясь и вздрагивая от усталости. Всего двадцать, Лаэраль?

Если ответ был, он затерялся в какофонии скрипа и стука, разразившейся вокруг мага. Эльминстер перекатился, оказываясь похороненным под стальной лавиной. Тяжёлые куски металла просто отскакивали от его защиты, падая вокруг, однако Эльминстер беспокоился о том, как найти Вульгрета, спрятавшегося где-то вне пределов досягаемости этого стального душа и готового атаковать, как только маг почувствует себя в безопасности. Прикосновение лица могло парализовать даже одного из Избранных. Это мгновенно запустит магию уклонения и – в нормальных обстоятельствах – выбросит его в Убежище, чтобы он пришёл в себя. Однако учитывая дику магию этого места, волшебник сомневался, что даже сама Мистра была в состоянии ответить, где он мог найти себя в этом случае.

Лучше попробовать нечто более контролируемое. Эльминстер представил спутанные лозы, которые покинул несколько мгновений назад, а затем произнёс мистический слог.

Короткий миг падения в черноты вне времени, и он обнаружил себя смотрящим на улицу сквозь переплетение стеблей. Он был достаточно хорошо знаком с телепортацией, а потому сразу распознал побочные эффекты. Ему оставалось только надеяться, что он будет помнить где он и почему он здесь. Но что-то казалось особенно странным. Он чувствовал себя очень большим и неспособным двигаться. К тому же он, кажется, зачем-то широко раскинул руки.

Эльминстер увидел, как в дюжине футов ниже его носа проплыла пара фаэриммов. Теперь он вспомнил. Не то, кем он был, но, по крайней мере, где он – в зоне дикой магии Жуткого леса. Он вёл бой против Вульгрета и пытался сбежать от армии преследовавших его фаэриммов. Но что-то пошло не так.

Фаэримм был примерно в четверо меньше положенного ему размера, а заросшая улица казалась не шире тропинки. Окаменевшие деревья сейчас выглядели не больше обыкновенного человека. Мимо с жужжанием пронеслась одна из огромных стрекоз, ловя маленького черного зяблика, размерами не больше комара. Эльминстер ощутил ноющее чувство в... нет, это был не живот. Он попытался повернуть голову, но понял, что не может этого сделать.

Стрекоза вернулась и приземлилась на вытянутую ветку. Её мандибулы высунулись и насекомое поглотило чёрного зяблика. Эльминстер вздохнул. Слишком глубоко, чтобы быть услышанным кем-либо кроме деревьев. Он заметил, как группа фаэриммов двинулась в противоположном направлении, скрываясь в запутанном лесу.

Мгновение Эльминстер стоял совершенно неподвижно – в конце концов это было всё, что он мог делать. Он пытался представить магию, призванную личом, что так напугала двух фаэриммов. Затем он услышал голос, произносящий его имя. В этот момент маг понял, что существ напугал вовсе не Вульгрет. Новый голос присоединился к зову. Потом ещё один. В обоих голосах слышались отголоски акцента и интонаций Мелегонта, однако сами голоса были мощнее и увереннее. Куда более уверенные.

Слишком мудрый, чтобы открыть себя в текущем состоянии, Эльминстер даже не попытался заговорить. Он мог убежать, а потому дерево казалось достаточно безопасным местом для того, чтобы спрятаться. Глубокие голоса продолжали свой зов, каждый раз звуча всё ближе. Вскоре в поле зрения показалось двенадцать размытых фигур.

Они смутно напоминали людей, но очертания их были гротескными. Эльминстер давно научился ассоциировать подобные с магией теней. Все они были самими крупными и могущественными из когда-либо виденных им мужчин.

Большинство были облачены в одежды воинов, но несколько носили мантии магов, а двое закутались в робы жрецов. Существа обладали яркими глазами жителей нижних планов. Вокруг них, словно туман, вилась аура тьмы.

Самый крупный из них, с медными глазами, высокий, словно огр, остановился и развернулся к остальным.

- Если он здесь – то хорошо прячется. Я ничего не вижу в тенях.

Фигура в рогатом шлеме смиренно развела руки.

- Тогда мы должны заставить его найти нас.

- Как, Ривален? – спросил первый. – Он не из тех, кем легко манипулировать. К тому же, у нас есть другие проблемы.

- Пусть трое отправятся в Эвереску, а трое – к Тайному Озеру, - ответил Ривален.

– Тогда шестеро останутся в Долине Теней. Уверен, тогда Эльминстер нас найдёт.

Должно быть это был самый одинокий лагерь в Фаэруне – единственная палатка, торчащая посреди бесплодной соляной долины. Молодой отец, глядящий за горизонт, на белое зимнее солнце и измождённая мать, по капле выдавливающая воду в рот своему ребенку. Верблюд, такой костлявый, больной и уставший, что потерял всякое желание даже жаловаться на свою участь. Ранее в этот день верблюд повалился на бурдюк с водой, и дети прижались лицами к покрытой солью почве, пытаясь слизнуть последние капли. Мать кричала и колотила руками в грудь мужа. Тот только оттолкнул её и отвернулся, чтобы спрятать слёзы. Всё это принцы прочли в закатных тенях и им не составляло труда узнать, что же случится завтра. Даже зимой никто не мог пересечь Мелководье Жажды без воды.

Но принцы видели в этом некоторую иронию. Где-то на востоке мантия тёмных облаков сливалась в полотно глубокого сумрака. И он нёс с собой воду. Достаточно, чтобы засосать верблюда, достаточно, чтобы смести с лица земли палатку со всем её содержимым. Однако эта вода не спасёт семью. Совсем наоборот. И даже если эти пустынные кочевники умеют плавать – им не проплыть многих миль.

Принцы поплыли в стороны, выходя из тени палатки, а затем тихо поднимаясь на ноги. Глубокое волнение сопровождало процесс обретения телами формы, на смену ему пришла холодная тошнота, как то случалось всегда, когда приходилось лететь через тень.

Понадобилось мгновение, чтобы побочные эффекты ушли, но к тому времени верблюд уже поднял нос, чтобы понюхать воздух. Этого сигнала хватило, чтобы семья забила тревогу. Мать позвала детей, а затем скрылась в палатке. Мужчина вскочил на ноги, вытаскивая из ножен скимитар.

Бреннус вытянул руки, показывая, что в них ничего нет.

- Во имя Малых Богов, друг. Мы не желаем вам вреда.

Взгляд кочевника метнулся мимо принцев, на потемневшую соляную долину, а затем – в сторону палатки, дабы убедиться, что никто из гостей не прячется в тенях. Убедившись, что они одни, мужчина заговорил.

- Чего тебе от меня надо, джин? Как видишь, воровать у меня нечего – тронь мою дочь и я сам убью её прежде, чем она станет твоим рабом.

- Этого не понадобится, - Бреннус слегка согнулся в талии. – Мы просим твоего прощения, но небольшая группа не способна проявлять большую осторожность в месте вроде этого.

Кочевник осторожно посмотрел на троицу.

- Вы не похожи на тех, кому стоит волноваться.

Бреннус избежал соблазна расплыться в ухмылке. Он знал, что церемониальные клыки могут встревожить кочевника.

- Иногда судить человека по внешности – ошибка. Мы не джины.

- Я не желаю споров, - ответил кочевник. – Объясните, что вам нужно, или проваливайте.

- Тебе бы стоило попридержать язык, - сказал брат Бреннуса, Ламорак. Ночью смуглое лицо спутника приобрело почти спектральную расплывчатость. – Нам дела нет до того, жив ты или мертв.

Костяшки пальцев, сомкнувшихся на рукояти меча, побелели, и Бреннус понял, что угроза больше разгневала, чем напугала человека.

- Мы пришли не ради того, чтобы причинить вам вред. Только предупредить, - заговорил Бреннус. – Быстро собирайте вещи. Это место скоро превратиться в болото.

- Мелководье Жажды? В болото? – кочевник глянул туда, где на западе зажигались первые звёзды. – Мне так не кажется. На всех небесах не найдётся столько воды.

- У небес воды больше, чем тебе кажется, - Бреннус указал на восток. Там, со стороны темнеющей громады гор, уже поднималась стена пурпурных облаков. – Её достаточно, чтобы залить Мелководье Жажды и снести твою палатку. Достаточно, чтобы утопить твоего верблюда и твоих детей.

- Нет оснований полагать, что буря придет сюда, - упрямылся кочевник. – Только джин может утверждать обратное.

- Зови нас как хочешь, - прорычал Ламорак. – Мы просто знаем.

- Разумеется, ты заметил волшбу, - заговорил третий принц, Идер. – Едва ли ты мог её пропустить.

- Так это вы? – смуглое лицо кочевника обрело болезненную желтоватость. – Этот жуткий гром и чёрная молния, разорвавшая небо?

- Мы не знали, что ты устроил лагерь в Тайном Озере, - когда Бреннус заговорил, через лагерь пронёсся порыв солёного воздуха. Верблюд тревожно завыл, а из палатки послышался вздох. – Тебе стоит поспешить. Скоро начнётся дождь.

- Дождь? – посмотрев на восток, кочевник увидел тёмную пелену воды. – Свет Элы!

Его жена высунула голову из палатки. Лицо женщины было прикрыто фиолетовой вуалью, а глаза подведены сурьмой.

- Мне собирать вещи, муж?

- И какой смысл? – ахнул кочевник. – Нам не обогнать ветер! Лучше обождать в шатре.

- Будешь ждать в своём шатре – там и утонешь, - заметил Бреннус.

Кочевник прищурился.

- Неужели призвавший дождь не может отправить его обратно?

- Как думаешь, просто сотворить такую магию? – поинтересовался Ламорак. – Несколько слогов и горстка порошочка, да? – он повернулся к женщине, ткнув когтистым пальцем в её скрытое вуалью лицо. – Хочешь жить – укладывай вещи.

Глаза женщины округлились, и она посмотрела на мужа, ожидая инструкций. Тот глянул на Ламорака.

- И что, как вы считаете, мы должны сделать? Слетать к Сестре Дождей?

Бреннус встал между женщиной и братом.

- А если бы вы могли?

- У людей нет крыльев, беррани.

- Они им не нужны, - Бреннус вынул из кармана прядь теневого шёлка и скрутил её в небольшое колечко. Бросив его на землю, он произнес один волшебный слог. Кольцо увеличилось до размеров маленькой тележки, после чего потемнело и поднялось в воздух. – Есть другие способы.

- Не для бединов, - кочевник опустил свой скимитар на летающий диск, разрезая его по центру. – Нам не нужно дьявольской магии!

Две половинки диска упали на землю, растворяясь во тьме сумерек. Бреннус наблюдал, как тает магия, после чего снова перевёл взгляд на кочевника.

- Как хочешь.

Ветер превратился в свистящий ураган соли и тумана. Бреннус подал знак братьям, и они отступили от лагеря, молчаливым усилием воли скрываясь во тьме.

- Мы, Принцы Тени, едва ли похожи на дьяволов, - сказал он. – Мы даже близко не они.

Эльминстер вернулся лишь затем, чтобы найти Долину Теней одетой в туман войны. Измученный противостоянием с Вульгретом, архимаг кружил над деревней, разведывая обстановку прежде, чем присоединиться. Треск и звон битвы доносился из дюжины мест на протяжении всего круга, образованного Жабьим холмом, замком Круг и холмом Арфиста. Над хребтом Теней туда-сюда носились золотистые магические снаряды. Вот серебряная молния высветила стены замка Круг, а вот над Ашабой и Зеркальной Мельницей пролетел рой метеоров.

Как бы не желал Эльминстер броситься защищать каждого обороняющегося горожанина, он всё же выжидал своего часа. Битва с Вульгретом оставила его совершенно опустошенным. Как физически, так и в магическом плане. Он использовал половину своих заклинаний до того, как угодить в ловушку в дереве, а большую часть оставшихся – включая магию уклонения, последний телепорт и оба заклинания передвижения – чтобы снова сбежать от Вульгрета на территории дикой магии. Эльминстер покинул Жуткий лес с тремя рассеивающими заклинаниями, золотыми снарядами, тремя видами чар скорости и магией полёта.

Последние четыре заклинания волшебник потратил на трехэтапный переход через Анорах, который включал себя большой крюк мимо Мелководья Жажды. Там самый яростный на свете шторм заливал водой яму, оставленную древним озером. После этого Эльминстеру ещё предстояло спуститься в Долину... где творилось что-то невообразимое. Эльминстер ожидал, что Ривален и пятеро других принцев атакуют Долину Теней. Однако нашёл дюжину отдельных битв, бушующих в лесу.

Кроме того, он не видел никаких признаков магии теней, только обыкновенные волшебные стрелы и вспышки, с небольшим добавлением стрел обыкновенных, а также рукопашной драки. Если Ривален с братьями и были здесь, они хорошо прятались.

Наконец Эльминстер заметил ослепительный рой стрел. Этого он и ждал. Маг метнулся через деревья к горе Туманной Долины, где небольшой отряд воинов сквозь подлесок продирался к обугленному фаэримму. Среди них мелькала высокая, измазанная в саже и, как всегда ошеломительно прекрасная, фигурка Шторм Среброрукой.

Слишком уставший для бега, Эльминстер позвал:

- Шторм, милочка! Погоди!

Девушка обернулась, её глаза сверкнули, словно готовясь метать огонь.

- Эльминстер, вот ты где! – голос Шторм звучал совсем не радостно, и она медленно опускала руку с уже готовым сорваться заклинанием. – Не мог бы ты рассказать мне, что, во имя Девяти Кругов, ты творишь?

- Я? – ахнул Эльминстер. – Я был в Жутком лесу. Шёл по следу мага теней – или двенадцати магов теней... Слишком длинная история в сложившихся обстоятельствах, – он махнул рукой на фаэримма. – Это что? Неужели они решили, что Эверески им не достаточно?

- Сомневаюсь, что им не плевать на Эвереску, – Шторм выглядела озадаченной. – Они пришли из Миф Драннора, требуя, чтобы ты прекратил убийства.

- Чего? – Эльминстер сунул в рот трубку. – Эти убийства. Они продолжаются?

- Полагаю, так как фаэриммы продолжают атаковать, – теперь Шторм казалась скорее заинтригованной, чем сердитой. – Прежде их было семеро.

Эльминстер поднял брови.

- Не так плохо, да?

- Вроде того, – осторожно ответила девушка.

Щелкнув пальцами, Эльминстер закурил трубку.

- Как обстоят дела?

- Неплохо, – ответила Шторм. – Силун, Мурнгримом и я убили почти дюжину. Я не думаю, что фаэриммы хотят этого сражения больше, чем мы.

- Полагаю, так оно и есть, – Эльминстер испустил долгий вздох, а затем потушил трубку одним словом. – Ладно, давай-ка это остановим. Спрячься и следуй за мной.

- Куда? – спросила Шторм.

Но Эльминстер уже поднялся в воздух, пробираясь к своей башне, чтобы прихватить для предстоящего сражения несколько полезных предметов. Принцы явно пытались выманить его в Миф Драннор. Без сомнений, нападать на него здесь, на его родной земле, было не умно. Если повезёт, их засада поджидает где-то вдоль Ашабы, рядом с Долиной Теней, и они со Шторм будут там лишь короткое время.

Но с учётом везения, обрушившегося на Эльминстера в последние дни, магу следовало обдумать всё получше. Стоило ему приблизиться к своей башне, как из тени выступило полторы дюжины мрачных фигур, расположившихся перед входом. Здесь был рогатый, называвший себя Риваленом, тип с квадратным подбородком, закутанный в мантию мага, жрец с круглым, напоминавшим тёмную луну, лицом и

ещё трое завёрнутых в тёмные одеяния, которые могли скрывать под собой как броню, так и просто голое тело.

Как и все хорошие убийцы, они не стали терять время на переговоры. Принц с квадратным подбородком сделал первый ход, направившись к Эльминстеру. Его тёмные пальцы уже готовили заклинание, разрушающее магические щиты противника. Эльминстер ответил собственным рассеивающим заклинанием, а затем из-за плеча мага вылетел серебристый огонь, выпущенный Шторм.

На мгновение Эльминстер задумался, была ли эта идея так хороша, но вот сфера пылающей магии ударилась в щит мага теней. Вместо того, чтобы взорваться, как случилось бы, врежсья снаряд в любую нормальную защиту, серебряный огонь распространился по теневого щиту. Силуэт мага четко вырисовывался в белом сиянии. Принц взвыл и закрыл глаза. А серебряный огонь вспыхнул, хватая мага в свои железные объятия и сжимаясь до блестящего шара размером с глазное яблоко.

Остальные принцы ответили залпом тёмных снарядов и шквалом чёрного пламени. Впервые за столетие, а может и за два, Эльминстер действительно съёжился при мысли о том, что будет дальше. Противник с грохотом и свистом обрушивал на него одну атаку за другой... весьма внезапно магия скользнула в сторону серебряной сферы, исчезая с глаз долой.

Воздух наполнил оглушительный треск. Серебристый шар растянулся в зубчатую линию. Эльминстер отдернул палец от кольца, которое он потирал, и указал на землю.

Поздно. Голубой луч вылетел лишь на фут, а затем изогнулся вверх и исчез, оставляя после себя сверкающую кривую. Как и молния, которую метнула из-за его плеча Шторм. Новый треск. Такой сильный, что Эльминстер ощутил его даже в глубине живота. Зубчатая линия превратилась в трещину – глубокую, серебристую трещину с малиновым огнём, пылавшим в глубине, после чего продолжила расширяться.

- Во имя всех богов... оно рвётся!

Эльминстеру потребовалось лишь мгновение, чтобы понять – это его собственный крик. И он даже не уверен, что именно рвётся. Он только знал, что однажды уже видел эти дымящиеся вихри, когда, ища любовницу, столь же прекрасную, сколь испорченную, он осмелился заглянуть туда, куда не надо.

И теперь те же самые огни танцевали в Долине Теней, готовясь выбраться из Девяти Кругов, чтобы обрушиться на его любимый дом. Сырая магия его серебряного огня, слившись с теневой магией принца проделала дыру в самой ткани мира. Теперь он точно знал, что же случилось, когда магический снаряд Галаэрона ударился о магию теней Мелегонта. Однако то, что готовилось вырваться из этой трещины делало фазриммов не страшнее простых козлоногих гоблинов.

Трещина продолжала расти. Принцы создали своё оружие и начали медленно вращаться. Едва ли они слишком беспокоились о безопасности Долины Теней, но всё же удивлены были не меньше Эльминстера. Им не очень хотелось оказаться внутри разлома. Шторм воспользовалась их замешательством, чтобы создать собственное оружие и двинуться вперёд.

Эльминстер поднял руку, чтобы остановить её.

- Нет.

- Эти принцы тени...

- Пускай идут за мной, если осмелятся, - маг впился взглядом в окруживших их принцев. Не найдя у них особого желания принимать приглашение, он оттолкнул Шторм. – Следи за фазриммами. Я займусь новой проблемой изнутри.

- Изнутри? – остановившись за кругом принцев тени, Шторм с опаской посмотрела на расширявшийся разлом. – Эльминстер, скажи мне, что ты...

- Но я должен, милая Шторм, - маг пошёл вперед. – Я ведь не могу позволить Девяти Кругам вылезти в этот мир перед моей собственной башней?

Пламя всколыхнулось, словно жадные руки любовницы, что рада встретить старого друга. Эльминстер шагнул в Бездну.

ГЛАВА 22

30 Найтала, год Бесструнной Арфы

Галаэрон запустил через стол последнюю кучку драгоценных камней. Мелегонт провёл над ними в начале одной, а затем другой рукой. Не отыскав ничего подозрительного, маг двинулся вокруг стола, повторяя процесс, пока не убедился, что рука его коснулась каждого камня. Наконец, он покачал головой.

- Ни магии, ни зла. Если жизненная сила Вульгрета и спрятана где-то здесь, её не в состоянии обнаружить мои лучшие заклинания.

Не в силах скрыть разочарование, Галаэрон смел камни на пол, в уже валявшуюся там кучу сверкающих безделушек. Стоящий на коленях Малик, наполовину закопавшийся в груды сокровищ, вздрогнул от их удара, а затем с видом эксперта начал сортировать богатства, бросая самые ценные камни в большой сундук, уже второй, который он намеревался затем вернуть к своей любимой лошади. Вала, проявляющая большую подозрительность с тех пор, как она узнала истинную сущность коротышки, подозрительно глянула на маленького человечка.

- Ты взял что-нибудь непроверенное?

- Я и пальцем не трогал то, что свалилось не со стола, - ответил Малик. – Как думаешь, я очень хочу держать в сокровищнице моего нового дома склянку с личом?

- Если ты лжешь...

- Да сколько раз тебе повторить? – спросил Малик. – Ко мне прицепилось заклинание правды этой шлюхи Мистры и я не способен врать! Можешь лично посмотреть всё, что я взял!

Вала потянулась к сундуку, но Галаэрон остановил её взмахом руки.

- Он ещё ни разу не солгал нам, а это уже больше, чем сделал Мелегонт, - заметил он. – Филактерии здесь нет, или Вульгрет охотится на нас, словно паук на мошек.

Такари повернулась к Джингелшоду:

- Есть ли у него другое убежище? – Поняв, что рыцарь, похоже, не расслышал вопроса, она осторожно сжала его руку: – Ты ещё здесь?

Железный рыцарь разочаровал всех, встретив взгляд Валы:

- Другого убежища нет. Он остается рядом с холмом.

- Тогда он должен хранить филактерию где-нибудь поблизости, - Галаэрон бросил взгляд на дверь. – Развалины такие большие, что на поиски потребуется время.

Мелегонт сделал шаг к Джингелшоду.

- Я сделал всё, чтобы сдержать своё обещание, но здесь есть нечто большее, чем Вульгрет. Обещаю, мы найдём филактерий, но Арис должен был уже закончить свою прогулку. Не удастся ли нам поднять Камень Кары и призвать Шейд? В городе тысячи жителей, и они помогут нам в поисках.

Джингелшод посмотрел на Галаэрона.

- Так будет лучше, - сказал эльф. – В противном случае нам могут потребоваться месяцы.

- Месяцы? – было легко прочесть в глазах рыцаря разочарование. То же, что сжигало Галаэрона. Обещанный конец любого испытания мог заставить дни казаться десятидневками, что было верно как для рыцаря, так и для эльфа.

- Не уверен, что мы сможем прожить так долго, - добавил Галаэрон, взглянув на своих уставших товарищей.

Джингелшод махнул Мелегонту на уходящий вниз провал.

- Зови свой город.

- Мудрый выбор, - и хотя маг пытался выглядеть равнодушным, в голосе его звучала явственная радость. – Ты не пожалеешь.

Не давая Джингелшоду времени на то, чтобы передумать, Мелегонт шагнул через зелёный барьер. Вала, Такари и Малик последовали за ним, а рыцарь и Галаэрон замкнули шествие.

Когда эльф прошёл через дверь, стены пещеры сотряс громкий треск. Он посмотрел вниз, чтобы увидеть Мелегонта, на спине скользящего через серебряное озеро. Волшебник размахивал руками и ногами, и вспышки колдовства рассеивались, касаясь его защиты. Существо, спрыгнувшее с Камня Карсы вслед за ним, было похоже на скелет, с безносым гниющим лицом и лишенным губ ртом. Грязные когти и огонь, пылавший в пустых глазницах, не оставляли сомнений – они, наконец, нашли Вульгрета.

Сделав сальто, Галаэрон схватился за меч. Он даже почти успел вытащить его из ножен прежде, чем коснулся пола. Проплыв полдюжины шагов в дальний конец пещеры, он вынырнул прямо за Джингелшодом.

Расплескивая воду, железный рыцарь нёсся в битву вслед за Такари и Валой. Его большой топор взлетел вверх, чтобы нанести удар. Сначала Нихмеду решил, что их спутник решил атаковать Вульгрета, но нечто гораздо более мудрое и тёмное, жившее внутри него, предполагало иное. Джингелшод пытался уничтожить их с затонувшего моста. Разве не он заставил их переходить мост по одному, чтобы

атакующей нежити было проще добраться до путников? После того, как они выжили, он провёл их через жестокую битву с призраками и немертвыми. Когда и эта затея потерпела крах, он нашёл новое оправдание, чтобы подождать, пока Вульгрет не вернётся. Вероятно, именно Джингелшод предупредил лича об их присутствии – в конце концов, у них был лишь его рассказ о том, как он некогда убил Вульгрета.

Галаэрон метнулся к шее рыцаря. Даже острая эльфийская сталь не смогла нанести доспеху вреда, но это привлекло внимание Джингешода. Он обернулся, и его ужасная челюсть отвисла, почти достав до доспеха. Галаэрон устремился к открывшейся брешу, целя мечом в незащищенную глотку рыцаря.

Рука Джингелшода взметнулась в воздух, отклоняя атаку прежде, чем эльф даже осознал движение.

- Сдурел?

- Едва ли! – свободная рука Галаэрона скользнула в рукав. – Я знаю о твоих играх.

- Играх? – протяжный треск, раздавшийся из битвы за их спинами, заставил рыцаря оглянуться через плечо. – Я ни с кем не играю!

Из рукава Галаэрон достал маленький стеклянный стержень, но пухлая ручка Малика выбила его прежде, чем эльф успел произнести заклинание.

- Дела плохи и без твоей теневой глупости! – Малик ткнул рукой на лаз в форме трилистника, прокопанный в холме Арисом. – Гигант передал мне, что идут фаэриммы.

Галаэрон понимал, что должен быть разочарован в себе. Но он не был. Ложь Мелегонта размыла границу между эльфом и его тенью. Подозрения, раньше казавшиеся глупыми, теперь стали обоснованными. Глянув за Джингелшода, эльф понял, что дела действительно плохи. Мелегонт стоял на коленях. Его борода была обожжена, а в глазах застыла боль. Только непрекращающиеся атаки Валы и Такари, нападающих на лича с разных сторон, не давали Вульгрету нанести смертельный удар по магу.

Издав жуткий вопль, Джингелшод занес топор. Доверяя словам Малика больше, чем собственным инстинктам, Галаэрон прицелился в голову Вульгрета и произнёс заклинание. Вала бросилась вперёд, блокируя молнию Галаэрона, а Такари атаковала с противоположной стороны.

Лич щелкнул пальцами, и Такари отлетела прочь. Она плакала и трясла головой. Глаза эльфийки налились кровью и безжизненно застыли, глядя перед собой. Тёмный меч Валы совершил-таки небольшую месть, отрубив скелетную руку, а затем сделав круговой удар, разрезавший монстра от спины до пупа. Оставшейся рукой, шипя и плюясь от гнева, лич схватил воительницу за горло.

Вала мгновенно замерла, открыв рот и закатив глаза. Джингелшод погрузил свой топор глубоко в спину Вульгрета. Лич и женщина сгнули под серебристой поверхностью пруда. Железный рыцарь снова занёс своё оружие. Он так старался разглядеть хоть что-то под поверхностью воды, что, казалось, глаза его вот-вот выскочат из орбит. Джингелшод зашагал через озеро, пытаясь найти свою добычу с помощью серии диких пинков.

- Джингелшод, ты ей ребра ломаешь?

- Галаэрон? – донесся до него голос Такари, всё ещё стоявшей спиной к стене. Женщина слепо размахивала мечом. – Я ничего не вижу.

- Все хорошо, - сказал Нихмеду, понимая, что Вала сейчас в наибольшей опасности. Даже если лич отпустит её – прикосновение оставит женщину парализованной, а значит не способной выплыть на поверхность. – Стой там.

- Но Галаэрон...

Испуганный крик Мелегонта прервал стенания эльфийки. Указав рукой на озеро, архимаг начал заклинание, а затем скрылся под поверхностью. Галаэрон бросился вперёд, размахивая мечом туда-сюда и лихорадочно стараясь придумать хоть какое-нибудь заклинание, что поможет ему найти Валу прежде, чем она утонет. Джингелшод нашёл более радикальное решение, просто нырнув под воду.

Из-под воды слышался глухой треск, а затем на поверхность всплыло тело Мелегонта. Из дыры в спине мага доносился запах горелой плоти.

- Галаэрон? – спросила Такари.

- погоди, - приказал эльф, двигаясь к волшебнику. – Подержись за что-нибудь рядом.

Меч его коснулся тела, лежащего на дне озера. Не дождавшись нападения, Нихмеду нырнул и, схватив облаченную в броню руку, вытащил Валу на поверхность. Женщина закашлялась, извергая из ноздрей и рта поток жидкой магии. Притянув её к себе, Галаэрон подошел к Мелегонту и перевернул его.

Заклинание разворотило тому всю грудь. Невероятно, но сердце архимага всё ещё продолжало биться. Галаэрон видел это.

- Меле... гонт! – прокашлялась Вала, более менее оправляясь от своего купания. – Ему нужна помощь! – он оглядела помещение. – Малик!

Коротышка высунулся из устья туннеля Ариса.

- Тихо! – прошипел он. – Фаэриммы уже вышли из леса.

- Нам нужно отнести его Арису, - Вала указала на Мелегонта.

- Трата... времени... - слышался выдох Мелегонта. Он схватил Галаэрона, притягивая его к себе. – Обещай мне...

Архимага прервал шквал брызг, окативший Такари. Эльфийка вскрикнула и слепо заметалась по озеру.

- Где ты, Галаэрон? – кричала она. – Куда?

- Вашей...

- Эльф! – выдавил Мелегонт, подтягивая Галаэрона к себе силой, рожденной его умирающей магией.

- Не волнуйся, Мелегонт, - сказал Галаэрон, пытаясь встать. – Я помню «Услышь же меня, народ Шейда...».

- Нет! – Мелегонт задыхался, теряя силы. – Ты должен оставить это... принцам... или ты будешь... потерян...

Галаэрон хотел было пообещать, но тихий лязг меча, донесшийся от дальней стены, остановил его. Кричала Такари. Она больше не звала его, просто кричала. Он обернулся, чтобы увидеть, как она дубасит по воде сломанным мечом. Джингелшод и Вульгрет неслись прямо на неё.

Вала двинулась вперёд.

- Налево, Такари! – закричала она. – Не бойся! Я иду!

- Малик! – Галаэрон бросился в битву. – Держи Мелегонта.
- Галаэрон! – потребовал архимаг. – Больше никаких заклинаний!
- Да, обещаю.

Заметив приближение Малика, Галаэрон начал толкать Мелегонта прочь – до тех пор, пока пальцы архимага не впились глубоко в его руку, выдавливая кровь и опрокидывая на эльфа тёмную реку отчаяния. Колени Галаэрона подогнулись, и он скользнул под поверхность, глотая серебристую жидкость. Разум заполнили кружащиеся тени, а потом он почувствовал себя невесомым и слабым. Последней мыслью эльфа стало осознание того, что Мелегонт окончательно предал его, используя магию теней для обмена телами.

А затем прямо в ухе раздался крик Малика, колотившего его в грудь.

- Кашляй, глупый эльф!

Тяжелый удар пришелся прямо в спину Галаэрона, и тот открыл глаза, чтобы увидеть проплывавшего мимо Мелегонта. Глаза мага безжизненно уставились в потолок. Он не помнил ничего с тех самых пор, как разум его заполнился танцующими тенями, а потому он понятия не имел, сколько времени они с Мелегонтом провели под водой – как и о том, что же случилось. Мысли казались тяжёлыми и запятнанными тьмой, голова болела, словно была расколота, а лёгкие горели от недостатка воздуха. Должно быть, он провел поверхностью озера достаточно долгое время.

Новый удар пришелся по его спине, и эльф понял, что коротышка держит его за воротник, пытаясь прятаться за Камнем Карсы, пока Джингелшод продолжает бороться с Вульгретом. Вала прижималась к стене, одной рукой неловко пытаясь задеть лича мечом, а другой держа над водой изуродованное тело Такари.

- Что случилось? – выдохнул Галаэрон. Он не мог не задаться вопросом, что же сотворил с ним Мелегонт, но сейчас на это едва ли было время. Раны Такари, как и приближавшиеся фаэриммы казались более насущной проблемой. В последний раз, когда он видел эльфийку, та была ослеплена, но всё ещё здорова. – Что случилось с моим разведчиком?

- Ну а ты как думаешь? – отпустил его Малик. – Вульгрет ударил её, пока ты тут отплясывал с трупом Мелегонта.

- Отплясывал? – выпалил Галаэрон. – Ой, не важно! Следи за фаэриммами!

Толкнув Малика в туннель, Галаэрон оттолкнулся от Камня Карсы... именно в этот момент осознав, почему им не удалось отыскать филактерию Вульгрета. Личи всегда хранили свои жизненные силы в вещах великой ценности, тех, что трудно разбить и ещё труднее найти.

Захрамав, Джингелшод скрылся под поверхностью. Вульгрет развернулся к Галаэрону. На концах его здоровой руки танцевали крошечные зелёные молнии. На мгновение – длившееся не более чем мгновение – Галаэрон подумал, что лич наконец прикончил своего старого слугу. И решил, что настал его час.

А потом Джингелшод вынырнул прямо под Вульгретом, поднимая того над озером. Лич завел руку за спину, уносящая жизнь магия сорвалась с его пальцев, ударяя прямо в нагрудник Джингелшода. Стены пещеры отразили громкое водянистое эхо, и рыцарь взвыл от неземной боли. Если бы магия была достаточно сильна для того, чтобы уничтожить его, мёртвый рыцарь с радостью перенес бы

страдания. Галаэрон это знал. Но заклинание лишь прожгло дыру в доспехах воина, наполнив воздух мерзким зловонием. Бросившись вперёд, Галаэрон погрузил меч в горящий глаз лича.

Вульгрет издал яростный вой, и эльфийская сталь начала плавиться и изгибаться. Галаэрон начал было атаку своими магическими снарядами, но вспомнил обещание, данное Мелегонту. Достав кинжал, он быстро вонзил его в другой глаз существа.

Лезвие проникло глубоко в череп врага... и исчезло во вспышке синего пламени.

- Галаэрон!

Эльф обернулся на голос и увидел летящий в его сторону чёрный клинок Валы. Озеро закрутилось в водовороте, когда Вульгрет пнул его. Эльф отшатнулся в сторону, схватил чёрную рукоять и вздрогнул от боли – сталь была холодна, словно поцелуй ночной ведьмы. Галаэрон обрушил клинок на шею лича.

Голова Вульгрета упала в озеро, а затем поднялась на поверхность и развернулась к эльфу. Глаза существа всё ещё пылали от ненависти. Лич завопил:

- Ты не сможешь уничтожить...

И Галаэрон снова опустил меч, раскалывая голову пополам. После этого, заставляя себя не выпустить ледяную рукоять, он налетел на тело лича, кромсая его до тех пор, пока все его куски не скрылись под водой. Когда ответной атаки не последовало и, как эльф было поверил, не должно было последовать никогда, нечто врезалось ему в спину. Галаэрон развернулся, чтобы увидеть две приближающиеся половинки черепа. Закричав, он отступил и поднял чёрный меч, чтобы нанести удар.

- Что ты делаешь? – Джингелшод вытащил половинки из озера. – Они нам нужны!

Галаэрон уставился на железного рыцаря с непониманием, а затем медленно осознал, что всё кончено. Вульгрет побеждён и разрублен на столько частей, что сбор себя по кускам займёт у него большую часть десятидневки.

Эльф опустил меч.

- Всё хорошо, - сказал он. Джингелшод, видать, считал, что уничтожение Вульгрета требовало того же ритуала, что и уничтожение демилича. – Храни эти штуки, пока мы не найдём филактерий.

Даже будь у него сердце, Галаэрон не стал бы совершать ошибку, рассказывая Джингелшоду о Камне Карсы. Но его сердце было таким же холодным, как рука, державшая чёрный меч. Отойдя к стене, он вернул клинок Вале, а затем положил ледяную руку на изломанное тело Такари.

- Это замедлит кровотечение, - сказал он. – И не бойся. Мы вернёмся в Рэйтейллаэтор. Ты даже глазом моргнуть не успеешь.

Такари открыла глаза и оттолкнула его руку.

- Нет, Галаэрон. Ты сделал выбор.

Над бурой водой пронёсся новый крик смертной муки. Приглушаемый дымной паутиной, он всё ещё звучал обвиняюще. Лаэраль нырнула и поплыла на звук, используя магию для более быстрого передвижения под водой. Теперь она двигалась стремительно, словно шла сквозь ледяной предрассветный воздух.

После своего искаженного сообщения, отправленного Эльминстеру (впрочем, она до сих пор так и не знала, понял ли её архимаг), она прихватила двадцать воинов и десять боевых магов, чтобы пройти сквозь новые ворота Гнезда Рух и сразу попасть в засаду фаэриммов. И хотя они были готовы к подобному развитию событий – даже ожидали его – все их магические щиты были развеяны прежде, чем они успели произнести хоть одно заклинание.

В этот момент Лаэраль, вероятно, должна была приказать своему маленькому отряду телепортироваться назад в Глубоководье. Но вместо того она, отчаявшись узнать, что случилось с Хелбеном, и питая надежды вернуть ворота, переместила свою группу к краю котлована. Четверо фаэриммов бросились в атаку, загоняя всю компанию в болото Челимбера раньше, чем они успели перестроиться. В последовавшем за этим замешательстве отряд оказался разделён, и фаэриммы стали отстреливать их по одиночке. За долгую ночь женщине удалось уничтожить двух существ, но потери со стороны врага были более чем восполнены подкреплением, прибывшим из Эверески.

Шипастые использовали магию, чтобы вскипятить болотные воды. Подняв температуру, они, без сомнения, собирались заставить противников либо показать себя, либо свариться заживо. Ни одна из этих возможностей не пугала Лаэраль – она могла легко вернуться в Глубоководье прежде, чем в том возникла бы необходимость. Однако женщина не могла бросить тех, кто не обладал этим полезным навыком.

Лаэраль высунула голову из воды, чтобы подтвердить свои догадки. Голос, теперь ставший слабее, походил на хныканье. Однако он приблизился. Прямо здесь, за ивовой рощей. Боясь создать шум, способный сообщить врагам о её приближении, женщина снова нырнула, чтобы обойти препятствие под водой.

Во время поворота за угол, вода задрожала от трёх ударов. Это едва не разорвало барабанные перепонки Лаэраль, встряхивая её так сильно, что легкие покинул последний воздух. Оттолкнувшись от илистого дна, она выпрыгнула на поверхность, выкрикивая заклинание. На кончиках пальцев потрескивал серебряный шар самой могучей из доступной ей магии.

По другую сторону ивовых зарослей стояло трио окутанных тьмой мужчин. Один из них держал покалеченное тело воина Глубоководья, а две других использовали чёрные мечи, чтобы оттащить извивающиеся остатки поражённого заклинанием фаэримма. Люди были размером с багбира – с блестящими разноцветными глазами и кожей тёмной, словно сама тень. Оружие их было знакомо как по виду, так и по назначению, но чёрный материал лезвия больше напоминал стекло, нежели сталь, а рукоять могла быть сделана из дерева или металла. Или же не быть ни тем, ни другим.

Самая высокая фигура – медноглазая, в текущей, чёрной, словно ночь, рясе – обратила свой взгляд на серебристый шар Лаэраль.

- Если ты та, кто я думаю, кидать это в нас – не очень мудро. Мы не станем вредить тебе, - он использовал свой клинок, чтобы подцепить дергающийся хвост фаэримма. – Осталось двое, но мы нашли десятерых из вас, восстановили шесть тел и получили сообщения о четырех телепортациях. Они были слишком тяжело ранены, чтобы сражаться. Это все?

- Кажется, - Лаэраль позволила магии исчезнуть. – А вы?

- Эсканор Тантул, - тень распахнула плащ и поклонилась. – А это мои братья, Агларель и Кларибернус.

Остальные поклонились, в унисон произнося:

- К вашим услугам, миледи.

Лаэраль захлопнула открытый рот и ответила реверансом.

- Лаэраль, леди Башни Чёрного Посоха.

- Да, мы это знаем, - сказал Эсканор. – Возможно, нам стоит уйти отсюда. Простите меня за наглость, но вы взяли на себя много даже для одной из Избранных Мистры.

Лаэраль наморщила лоб.

- Кажется, вы очень хорошо осведомлены... для нетереза.

Эсканор расцвел в улыбке.

- Как и вы, леди Чёрный Посох. Вижу, сражаться на вашей стороне в предстоящей войне будет сплошным удовольствием.

- Войне? – Лаэраль похолодела при мысли о союзе с этими нетерезами. – Давайте не будем забегать вперёд.

- Мы едва ли спешим, - заметил Кларибернус. Взмахом меча он разрубил хвост фаэримма, а затем засунул шип за пояс, в качестве трофея. – Война уже началась. Вы, конечно, не ждёте, что фаэриммы сдадутся без боя.

- Я знаю, что они станут сражаться, - сказала Лаэраль. – Они уже доказали это, но...

- Уверен, наша армия уже в пути, - прервал Эсканор. Говоря это, он провёл рукой по лицу раненного воина, скрывая глаза мужчины в тени и погружая его в спокойный сон. – Мы постараемся остановить разрушение Шараэдима, но даже Избранная должна видеть – если мы надеемся победить фаэриммов, необходимо объединить силы.

ГЛАВА 23

1 Хаммера, год Дикой Магии (1372 Л.Д)

Они провели в пирамиде целую ночь. Галаэрон не догадывался об этом, пока, покинув пещеру через узкий туннель Ариса, они не увидели прямоугольные тени, протянувшиеся через заросший травой город. Эльфу хотелось, чтобы Мелегонт заглянул в них, читая будущее. А может, и не хотелось. Заметив пару фаэриммов, плывущих к ним через руины, он и сам смог сказать, что готовит грядущий день — по крайней мере, та краткая часть, что отмеряна им для жизни.

Поблизости не было видно ни пожирателей разума, ни глаз-тиранов, как и лошадей Ариса и Малика. Иллитиды и бехолдеры, вероятно, пали от руки Эльминстера или нежити на затонувшем мосту. Галаэрон мог лишь надеяться на то, что Арис понял, как плохо идут дела, и тихонько убрался прочь. Однако вероятность подобного была крайне мала.

— Рано или поздно они заметят туннель, — сказала Вала. Она опустилась на корточки рядом с Нихмеду, а Джингелшод выглядывал из-за их спин. — Мы могли бы вынести Камень Карсы через ту дыру, в которую вытекает река.

— И какой в этом смысл? — Галаэрон бросил взгляд вдоль склона холма, туда, где низвергался из песчаника водопад. Алая вода каскадом срывалась с пятидесятифутовой высоты. — Они поймают нас снаружи.

Вала внимательно следила за ним.

— Это может дать нам время, чтобы позвать помощь.

— А, ты о Шейде, — сказал Галаэрон. — Я обещал Мелегонту подождать принцев.

— Как думаешь, у нас есть такая возможность? — спросила Вала. Она повернулась к Джингелшоду: — Может Камень Карсы пройти в речной туннель?

— Было бы проще обойтись без него, — рыцарь окинул взглядом зев туннеля, где зола, оставшаяся от трупа Вульгрета, уже пыталась собраться в тело. Он поворошил её топором, а затем добавил: — А фаэриммам может и дела нет до твоего бегства.

— А вот и есть, — сказала Вала, закатывая глаза.

Галаэрон подозревал, что женщина также понимает истинность слов Джингелшода — без Камня Карсы они смогут прожить достаточно, чтобы уничтожить филактерию Вульгрета. Но чего он не знал, так это понимает ли Вала, что филактерию они уже нашли. Лич хранил свои жизненные силы в Камне Карсы.

Эльф отчаянно пытался придумать, что станет делать после того, как рыцарь наконец поймет — филактерия и Камень Карсы — одно и то же. Разумеется, он захочет уничтожить камень, но Галаэрон даже предположить не мог, как разнести такой артефакт. Ко всему прочему это было совершенно невозможно, если учитывать значимость подобного события для Эверески и народа Мелегонта. Может быть, есть способ достать сущность лица из артефакта. Но это потребует времени.

Когда Джингелшод не ответил, Вала снова заговорила:

— Фаэриммы охотятся на нас с самой Эверески, Джингелшод. Они не собираются выпускать нас. Даже без Камня Карсы. Так мы можем вытащить его через речной туннель или нет?

— Если сможешь задержать дыхание, — ответил рыцарь. — Но как это поможет вам сдержать обещание?

— Приведа помощь, — сказал Галаэрон. Он понимал, что нужно занять мысли Джингелшода чем-то, кроме Камня Карсы иначе последний шанс спасти Эвереску будет потерян, а потому он скользнул мимо рыцаря и направился назад по туннелю. — Ты слышал слова Мелегонта и видел Двенадцать Принцев Тени. Как думаешь, у кого шансов в поиске филактерии больше — у нас или у тысяч жителей Шейда?

— Возможно, всё было бы так, будь тут Мелегонт, который мог заставить их сдержать слово, — Джингелшод взял горсть пепла Вульгрета и двинулся к озеру вслед за Галаэроном. — А сейчас у меня есть только твоё слово.

— Тогда быть может я смогу немного подсобить, — сказал Малик. Он сидел на вершине Камня Карсы, следя за стонущей в полубессознательном состоянии Такари. — Я был бы рад убедиться, что спасение камня...

— Нет, — одновременно выпалили Галаэрон и Вала.

Малик беспечно продолжал.

— Я понимаю ваши сомнения, в конце концов, я отдам камень Цирику. Зато это даст вам шанс сбежать и сохранить жизнь вашей подруги, — он поднял голову Такари и снова отпустил, когда девушке удалось слабо покачать ей. — И шанс сдержать данное Джингелшоду слово, отыскав филактерию Вульгрета.

— От Цирика проблем полно и без этой безделицы, — Галаэрон начинал верить странному заявлению серафима о неспособности лгать. Спустив Такари с камня, он передал её Вале и жестом указал Малику слезать. — Тебе не захочется быть там.

Малик соскользнул в воду.

— У нас есть план?

— Возможно, — достав из кармана кусок теневого шёлка, Галаэрон прижал его к каменной стене пещеры, прямо напротив туннеля Ариса, а затем зашагал через озеро. — Кажется, не только Арис может прорубить туннель.

— Ты хочешь использовать магию камня? — выдохнул Малик. — Отличный ход! Галаэрон пожал плечами.

— Лучший из тех, что я смог придумать. И лучше, чем ждать, когда фаэриммы достанут нас здесь.

— А если не выйдет? — спросил Джингелшод. Его руку, державшую пепел Вульгрета, окутывало кружащее облако пыли. — Фаэриммы тебя убьют.

Мрачно кивнув, Галаэрон взглянул на туннель Ариса. Один из противников уже плыл прямо к ним. Эльф расположил круг теневого шёлка на стене пещеры.

— Любой способ замедлить их, несомненно, поможет.

— Тебе, — сказал Джингелшод. — Если верить вашим словам, фаэриммы достаточно сильны, они смогут отыскать филактерию Вульгрета.

Теневой шёлк выскользнул из пальцев Галаэрона, исчезая в серебристой озерной воде. Медленно развернувшись, он ответил:

— Мне кажется, именно из-за подобного эгоизма ты стал нежитью.

— Не думаю, что нарушитель клятв имеет право упрекать других.

Джингелшод повернулся к туннелю Ариса, но обнаружил стоящего на своём пути Малика.

— Эгоизм не всегда плох, — заметил коротышка. — Особенно, когда каждого можно заставить увидеть одну истину — их целей достигнуть проще, работая

вместе. Уверен, если мы все возьмём себя в руки, то найдём, что решение всегда было под носом.

Галаэрон яростно покачал головой, но обнаружил, что Малик всё равно ничего не видит. Его взгляд полностью заслонен фигурой железного рыцаря. Заставляя себя двигаться плавно, чтобы не потревожить Джингелшода, он сделал шаг в сторону.

Малик продолжал.

— Вульгрет, конечно, тот ещё прохвост, но я достаточно времени провёл в сокровищницах хитрецов. И вот что скажу — им нравится прятать свои драгоценности на самом видном месте.

Эльф снова отчаянно затряс головой. Когда Малик опять проигнорировал это движение, он заорал:

— Малик!

Джингелшод поднял руку, чтобы заставить Галаэрона замолчать.

— Это имеет смысл. Возможно, мы ещё сможем помочь друг другу.

— Был бы я Вульгретом, спрятал бы свою сущность в самом очевидном месте, — продолжал Малик. — Возможно, в самой пирамиде.

— Разве Мелегонт не обнаружил бы это? — прервал Джингелшод, выглядя всё более оживлённым.

Поймав взгляд Вала, Галаэрон указал головой в сторону туннеля. Она развернулась, чтобы проверить проход, и, увидев, что фаэриммы приближаются медленно, успокаивающе кивнула.

— Может быть, где-то в кургане, — говорил Малик.

— Возможно, — сказал Джингелшод.

Испустив тихий вздох облегчения, Нихмеду повернулся к стене, прижимая к камню новый кусок шёлка.

— Или в самом Джингелшоде? — спросила Вала. — Может из-за этого он не может умереть?

— Отличная мысль! Или может...

Желудок Галаэрона упал в пятки, когда серафим изрёк приговор. Он обернулся, чтобы увидеть, как взгляд Малика буравит Камень Карсы.

— Может что? — спросил рыцарь.

Малик захлопнул рот, и на мгновение Галаэрон подумал, что коротышка сможет замаять ошибку.

Но Джингелшод не унимался.

— Или что?

— Ничего, — сказал Малик, но, кажется, не мог просто на том и остановиться. Его губы скривились в странную гримасу, и слова полились потоком. — Мне просто пришло в голову, что это должна быть вещь, которую Вульгрет ценит больше всего.

Джингелшод замолчал, а затем повернулся к Галаэруну.

— Ты собирался её забрать. Ты знал всё это время, но всё ещё собираешься её забрать.

— Ничего я не знаю, — Галаэрон закончил свой круг и отошел от стены. — И я действительно не понимаю, какая разница...

— Лжец!

Топор Джингелшода взметнулся в воздух так быстро, что Галаэрон едва успел прыгнуть в озеро прежде, чем ржавый клинок распорол кольчугу. Волшебные звенья доспеха разлетелись во все стороны, и оружие лязгнуло о стену.

Рыцарь уже мчался вслед за своим топором, стремясь догнать Галаэрона. Внезапно возникший позади Джингелшода чёрный меч раскрыл его доспехи и рассёк жёлтую кожу плеча, разрубая кость до самой подмышки. Взревев от ярости, рыцарь развернулся и врезал железным локтем по голове Валы. Тело девушки ударилось о Камень Карсы. Её глаза закатились, и она повалилась бы в озеро, если бы рука рыцаря не сжала её горло. Пальцы Джингелшода начали смыкаться, и изо рта девушки донесся мокрый хрип.

— Нет!

Направив руку в железную спину рыцаря, Галаэрон произнес магический слог. Знакомая волна ледяной силы заполнила тело эльфа, а затем сквозь него хлынуло шелковистое жидкое пламя чистой магии Камня Карсы. От удивления, Галаэрон едва не задохнулся. Джингелшод двинулся к нему, таща за собой Валу. Рука эльфа заметно вздулась, мускулы напряглись. Ему стало казаться, что локоть его вот-вот сломается.

Заклинание слетело с его руки ослепительной вспышкой золотого света, срывая ногти и обжигая кончики пальцев. Оно рвануло через пещеру, ударяя прямо в живот рыцаря. Раздался оглушительный лязг, а затем мерзкий запах плавящегося железа. Ноги Джингелшода полетели в одну стороны, а туловище — в другую. Глаза вылезли из орбит и уставились на Галаэрона. Пролетев десяток шагов, верхняя половина тела рыцаря грохнулась на воду, а затем, перекатившись на живот, исчезла под поверхностью озера.

Галаэрон направился к Вале. Девушка согнулась, держась руками за горло и задыхаясь от судорожного кашля.

— Гала... эрон! — голос Такари был так слаб, что он едва расслышал её слова за хриплым дыханием Валы. — Фаэ-р-риммы!

Просунув руку под локоть Валы, эльф направился к туннелю Ариса. Такари лежала поперек входа, указывая внутрь прохода. Снаружи две конусообразные фигуры прорывались к кургану. Нихмеду толкнул Валу в малиновый водоворот, круживший в углу пещеры.

— Думаю, пришло время для твоего плана, — сказал он.

Развернувшись, чтобы разыскать Малика и приказать ему взять Такари, эльф обнаружил серафима уже крадущимся к девушке. Но, к удивлению Галаэрона, человек потянулся за своими сокровищами. Швырнув молнию, эльф раскидал награбленное Маликом, а затем снова шевельнул почерневшими пальцами, рассыпая камни по туннелю.

Малик обернулся на него, сверкая глазами.

Просто указав на Такари, эльф сказал:

— Умрёт — последуешь за ней.

— Как прикажешь, — коротышка подхватил эльфийку и пошёл к водовороту. — Но я передам свою судьбу тебе!

Галаэрон не обратил на угрозу коротышки никакого внимания. Фаэриммы были так близко, что он мог разглядеть похожие на ветки руки, торчащие у их рта. Он

раздумывал над тем, не атаковать ли ему их изнутри, но сильно подозревал, что даже с силой Камня Карсы окажется не больше чем комар перед парой ос. Вернувшись в пещеру, он едва не упал, споткнувшись о безжизненные ноги Джингелшода. Указав на теневой шёлк, висевшей на дальней стене, он произнёс заклинание.

И снова шелковое пламя Камня Карсы наполнило его своей мощью, сила магии сделала кожу на его руке чёрной и жесткой. Камень стены оторвался от чёрного круга, образуя длинный туннель. И пускай он был не столь изящен, как проход Ариса, но, тем не менее, оказался таким же прямым. Отвернувшись от сотворенного коридора прежде, чем в него ворвался свет, Галаэрон коснулся рукой Камня Карсы и произнёс заклинание левитации. Он начинал наслаждаться силой камня, мощью, текущей через руку и даже жгучей болью, что приносила с собой магия.

В ответ на призыв, Камень Карсы взмыл из озера. Галаэрон бросил взгляд на туннель Ариса. Фаэриммы всё приближались. Теперь он мог видеть колючки на их хвостах. Эльф направился в угол, где Вала уже исчезала в водовороте. Малик и Такари плелись следом. Вода подхватила их, и они закружили по краю воронки.

Галаэрон отставал на десяток шагов, таща за собой Камень Карсы, когда пальцы железной руки сомкнулись на его лодыжке. Закричав, он увидел, как Такари метнулась в его сторону прежде, чем исчезнуть в водовороте вместе с Маликом. Галаэрон попытался освободиться, а затем опустил вторую ногу на невидимое запястье.

И сразу был пойман второй рукой. Он отпрянул и бросился к водовороту, таща вслед за собой верхнюю часть туловища Джингелшода. Пленённая рыцарем нога изогнулась, а затем Галаэрон ощутил, почти услышал, как она треснула. Лодыжку пронзила боль, нога подогнулась.

Галаэрон едва успел перенести свой вес на здоровую ногу. Подняв перед собой парящий Камень Карсы, он крепко схватился за него руками. Поток воды потащил его вперед.

Джингелшод схватил его за вторую ногу. Галаэрон яростно брыкался, но так и не смог вырваться. Потолок начал вращаться, сила водоворота наконец захватила их, засасывая внутрь. Эльф глубоко вздохнул, глядя в сторону туннеля Ариса. Он ждал, что в залу вот-вот влетит фаэримм, но увидел только призрак Вульгрета, сливавшийся со своим нетронутым пеплом.

Хрустнула вторая лодыжка, и Галаэрон едва не потерял сознание от боли. Он подождал, пока потолок скроется из виду, а затем отпустил Камень Карсы и потянулся к ремню. Меч и кинжал были потеряны в бою против Вульгрета, а потому у эльфа не осталось клинков, которыми можно было сражаться. Вариант использовать заклинание тоже отпадал. Необходимо было произнести хоть слово, но единственная вещь, которая могла дать ему говорить, утонула.

Они понеслись во тьму, ударяясь и скользя по гладким стенам туннеля. Галаэрон снял ремень и растянул его между руками. Джингелшод полз по ногам эльфа, его пальцы прорывались сквозь магические звенья доспеха, словно это был шёлк.

Противники врезались в Камень Карсы, который застрял в узком месте, и обрезанное тело Джингелшода полетело вверх, ударяя Галаэрона в лицо. Эльф

решил, что водоворот мог бы унести нападающего прочь, но рыцарь быстро схватил его снова. Эльф попытался вырваться и едва не утонул, когда открыл рот в попытке закричать.

Камень продолжал кружить, и железное тело, наконец, отплыло от лица Галаэрона. Джингелшод потянулся, собираясь продолжить свой путь вверх по телу эльфа. Но Галаэрон увидел свой шанс. Он обернул толстый ремень вокруг запястий нападающего, туго стягивая их. Ловкими пальцами мага, он протащил конец ремня через пряжку и резко дернул, затем ещё раз обхватил железные запястья рыцаря и защёлкнул пояс.

Камень Карсы наконец проскочил узкий туннель, освобождая дорогу запертой реке. Руки Джингелшода задержались, и немёртвый рыцарь полетел в сторону, издавая крики ярости. Схватив камень, Галаэрон зацепился рукой за трещину, мотаясь, как хвост, позади валуна. Мир обрёл краски, а затем дно под ногами исчезло, и река устремилась прочь из кургана, прямо в алое озеро внизу.

Упав вслед за Камнем Карсы, Галаэрон врезался в него головой. Первой его мыслью было, что план не сработал и хитроумные фаэриммы, предвидев попытку к бегству, оставили кого-то снаружи, чтобы перехватить артефакт. Однако, когда мир его не взорвался, отправляя эльфа в магическое забытьё, он медленно заскользил вниз по камню. Галаэрон вспомнил заклинание парения, которое недавно использовал, чтобы перенести артефакт. Он засунул в трещину вторую руку, сражаясь с непрекращающимся напором серебряной жидкости, которая всё ещё лилась из камня, растекаясь под ним.

Наконец спустившись в реку, Галаэрон обыскал местность на предмет наличия фаэриммов. Вала и остальные подпрыгивали на волнах малинового озера, лежавшего внизу, изо всех сил стараясь оказаться подальше от кругов, бегущих по воде в том месте, куда плюхнулось тело Джингелшода. Мгновение спустя, из кургана вылетели ноги рыцаря, и, всё ещё раздавая пинки, погрузились в озеро. Когда зев туннеля Ариса осветили вспышки заклинаний — реакция фаэриммов на призрачную фигуру Вульгрета — Галаэрон наконец поверил, что план Валы сработает.

Всплыв на поверхность неподалеку от своих друзей, он начал дрейфовать в их сторону, крепко держась за Камень Карсы обеими руками.

— Следите за ногами! — крикнул он. — Джингелшод схватил меня и...

Совет Нихмеду прервал громкий бум, донёсшийся со стороны кургана. Он обернулся вовремя, чтобы заметить вспышку серебряной молнии, ударяющей с небес, а затем услышать глубокий голос Ариса. Курган затрясся от оглушительного звука падающего камня. Небо осветила золотая вспышка новых боевых заклинаний. Рев каменного гиганта обернулся мучительным криком.

Малик проплыл рядом с Камнем Карсы, и толкнул Такари к Галаэрону.

— Там моя Келда!

Галаэрон затащил Такари на валун. Она выглядела слабой, но осознающей происходящее. Рана на её плече больше не кровоточила. Крики Ариса не затихали, продолжая разноситься над курганом и набирая силу. Всплывшая рядом с ними Вала потянулась к Камню Карсы.

— Что они с ним делают? — спросил Галаэрон, не в силах отвести взгляд от кургана.

— Попробуют, — сказала женщина. — Вероятно, думают, что он скрыл наш побег.

— В таком случае, мне кажется, нужно использовать его жертву, — сказал Малик, пытаясь втолкнуть тело на и без того переполненный людьми камень. — Моя Келда отыщет дорогу к мосту, если ещё не сделала этого. Можем доплыть до болота по реке и забрать её там.

— Ты... бросишь его? — выдохнула Такари.

По другую сторону кургана раздался душераздирающий крик. Галаэрон посмотрел на Валу, надеясь увидеть в её глазах хоть какую-то мысль.

Она твердо встретила его взгляд:

— Мелегонт бы так и поступил.

Сердце Галаэрона сжалось.

— Но я не он.

— Тогда ты должен... попытаться, — сказала Такари. — Мне не захотелось бы жить... оставь я кого-то столь... благородного.

Галаэрон кивнул.

— Хорошо. Что делать?

— Ты знаешь, что, — Вала обхватила меч и взяла Такари на руки, а затем соскользнула с Камня Карсы. — У нас нет шансов против фаэриммов. Способ только один.

Глаза Малика чуть не вылезли из орбит.

— Ты о чём?

— Ты знаешь, — Галаэрон скользнул в реку рядом с Валой и Такари, а затем повернулся к Камню Карсы. — Вверх.

Валун вылетел из воды со всё ещё цеплявшимся за него Маликом.

— погоди! — взвыл серафим. — Должно быть другое...

— Вверх! — снова приказал Галаэрон. Валун полетел быстрее, и Малик отцепился, плюхаясь в реку рядом с ними. — Вверх!

Теперь Камень Карсы устремился в небо со всей возможной скоростью, лента серебристой магии змеилась за ним, словно сверкающий хвост кометы. Крики с обратной стороны кургана стали тише, и два фаэримма поднялись ввысь, летя вслед за камнем.

— Выше! — снова закричал Галаэрон.

Камень Карсы улетал всё дальше, теперь он казался лишь крошечным пятнышком в небе, заметным лишь из-за стелящегося за ним серебристого хвоста.

— Теперь, — сказала Такари. — Услышь меня...

Она запнулась, слишком слабая, чтобы кончить предложение.

Вала повернулась к Галаэрону.

— Скажи это. Камень поднял именно ты. Именно ты должен позвать их.

— Несомненно, — сказал Галаэрон. — Просто помни обещание, что дала Мелегонту и мне.

— Да, — ответила она. — Я помню и то, что дала твоему отцу. Заботиться о тебе.

Галаэрон кивнул, а затем посмотрел ввысь.

— Услышь же меня, народ Шейда. Следуй за мной, ибо близится Возвращение!

Серебристый хвост, тянувшийся за камнем, исчез, и всё замерло. Крики Ариса превратились в приглушенные стоны. Спутники приплыли к берегу и вылезли из воды. Вала и Малик перевязали сломанные лодыжки Галаэрона. Затем, когда Вала обняла его, а Малик поддержал Такари, они двинулись вокруг кургана, чтобы посмотреть, можно ли что-то сделать для Ариса.

Они как раз шли мимо водопада, когда Малик указал на озеро. Туда, где выползал на берег Джингелшод. Рыцарь, наконец, порвал пояс Нихмеду и починил свои ноги. На их глазах он соединил две половины своего тела, и начал медленную работу, затапливая плоть в зияющую дыру, образованную заклинанием эльфа. Рыцарь взглянул на озеро, а затем перевёл взгляд на Галаэрона. И на небо, где протянулась чёрная лента тьмы. Крошечные вспышки серебра и черноты замелькали между концом ленты и двумя пятнышками, летящими на юг.

Пока спутники следили за сражением, пятнышки обернулись крошечными, похожими на конус фигурами, а тёмная лента приняла вид длинной вереницы существ, чьи крылья напоминали крылья летучих мышей. Каждое существо несло на себе тёмного всадника, вооружённого длинным смертоносным копьём.

И фаэриммы, наконец, бросились наутек. Они развернулись к преследователям, заполняя небо огнём и магией. Десятки всадников исчезли в бешеном вихре и полетели на землю. Их звери превратились в обгоревшие крылья и когти. Тем не менее, преследователи не дрогнули. Один из всадников воздел руки, открывая дыру в огненном барьере. Остальные ринулись сквозь пролом, забрасывая противника чёрными снарядами, вылетающими из их копий.

Один фаэримм безумно задержался и начал падать, а затем исчез в потоке магического света. Последовав примеру спутника, второй фаэримм также телепортировался, оставив летучих мышей кружить по небу, закручивая воздух в водовороты тьмы.

На курган упала тень, и Малик закричал:

— Клянусь Единым! С небес падает гора!

Галаэрон поднял голову, чтобы увидеть вершину чёрной горы, повисшей над ними вверх ногами достаточно низко, чтобы пик её рассекал свет восходящего солнца. На вершине опрокинутой горы стоял мраморный город, полный мерцающих чёрных стен и эбеновых башен. Вслед за городом тянулся шлейф тьмы, а вокруг танцевали рваные чёрные облака. Вокруг роились сотни — если не тысячи — всадников на летучих мышах. Все они облетали город, образуя безумный кружащийся поток. Они несли чёрно-красные, синие и аметистовые королевские знамена, наклоня копья и выполняя дикие трюки под шквал аплодисментов. Горожане, чьи глаза были похожи на драгоценные камни, собрались на чёрных стенах.

— Это помощь, в которой нуждалась Эвереска, — сказала Вала. Когда Нихмеду не ответил, женщина посмотрела ему в глаза, нахмурив брови. — Галаэрон, ты должен радоваться. Что не так?

Эльф не знал, что ответить. Он ожидал, что, нарушив своё слово дважды за день, почувствует себя опозоренным, запачканным или даже ужасным. Вместо этого была лишь пустота.

Лицо Вала стало ещё мрачнее.

— Галаэрон?
Но он просто отвернулся.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен на некоммерческой основе и не предназначен для продажи.

Переводчики: **Alondra, Kyara, Marshal, Евфрат, Alishanda**
Редакторы: **Pantera, Faer**
Русская обложка: **Rogi**
Вёрстка: **nikola26**

Если во время чтения Вы обнаружили какие-то огрехи, замечания, стилистические неточности, то прошу отписать о них на shadowdale.ru.

Регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

Спасибо!

